

ЛЕГЕНДА О ДЗИРТЕ

ЗВЁЗДНЫЙ АНКЛАВ

КНИГА 1 ПУТЬ ДРОУ

Автор бестселлеров по версии *New York Times*

Р. Э. САЛЬВАТОРЕ

DUNGEONS & DRAGONS®

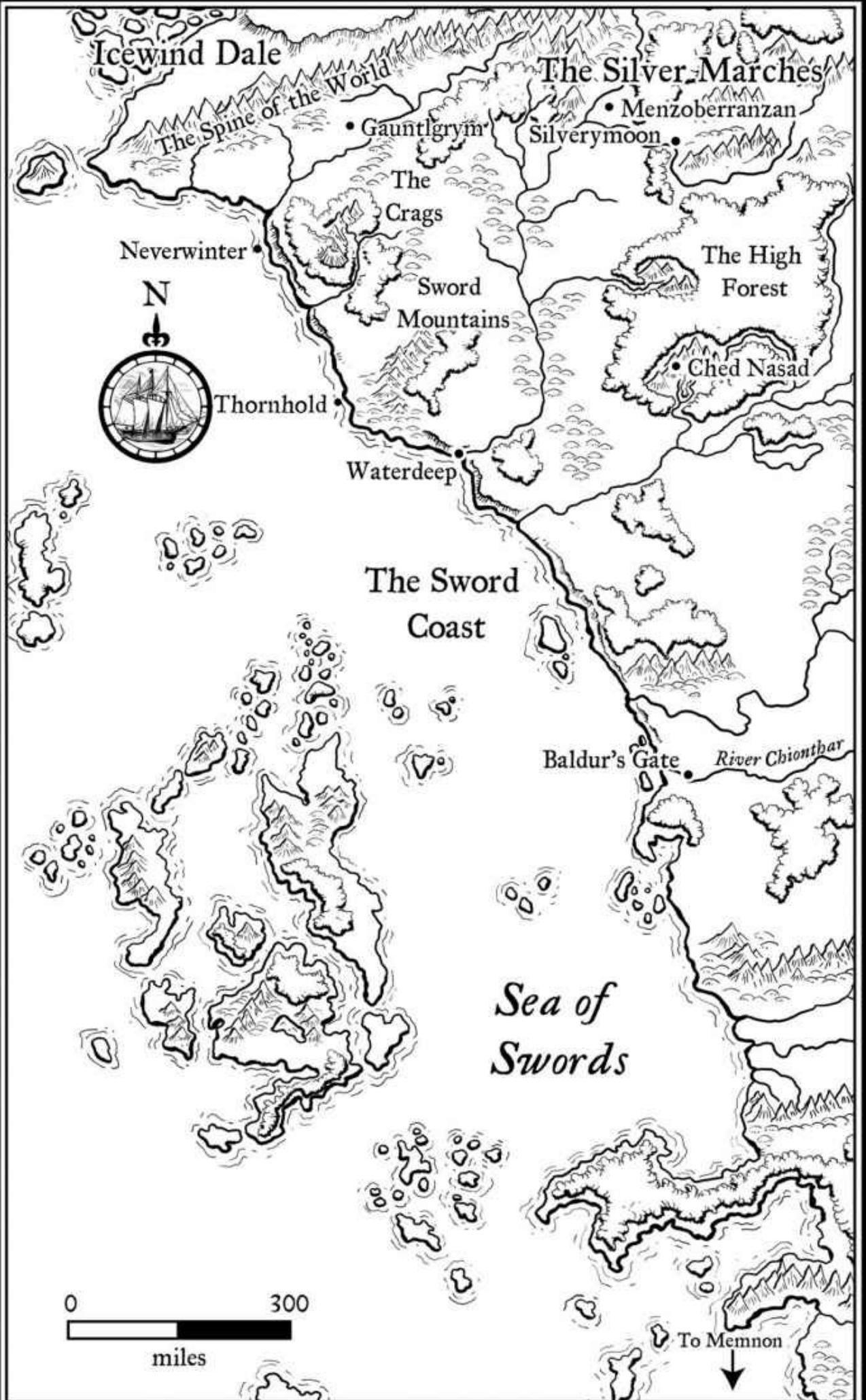

Минуло два мирных года с тех пор, как уселась пыль после восстания демонов. Джарлакса заставляют нервничать слухи, которые ходят среди мензоберранзанских дроу. Беспокоясь, что его союзники могут быть втянуты в гражданскую войну между великими домами, он хочет убедиться, что Закнафейн владеет оружием, которое соответствует его блестящим навыкам, включая конкретный клинок: Хазид'хи. Могучий артефакт, известный под именем "Резчик", становился причиной войн, извращал души своих владельцев и пролил очень, очень много крови. Невзирая на это — а может быть, как раз по этой причине — Джарлакс и небольшой отряд друзей отправляются в экспедицию, разыскивая последнюю владелицу меча, Доум'Вилль, на ледяном севере. Она может быть ключом к раскрытию истинного потенциала Хазид'хи... и, возможно, к предотвращению угрожающей всему Подземью бойни.

А пока они исследуют Вершину Мира, Дзирт отправляется в собственное путешествие — одновременно телесное и духовное. Он хочет представить свою дочь Бри верховному магистру Кейну и познакомить с практиками, которые стали ядром его убеждений. Но совсем недавно вернувшись из трансцендентного состояния, следопыт-дроу уже не так уверен в своих воззрениях. Он должен понять, каким будет будущее — не только для его семьи, но и, может быть, для всего севера Забытых Королевств.

Два разных пути. На одном Джарлакс и Закнафейн разыскивают то, что может стать спасением для Мензоберранзана. На другом Дзирт разыскивает ответы, которые могут стать спасением не только для его души, но и для всех душ.

И каким бы ни был исход любого из этих путешествий, Королевства уже никогда не станут прежними.

Icewind Dale

The Spine of the World

The Silver Marches

• Gauntlgrym

• Menzoberranzan

Silverymoon

The Craggs

Neverwinter

The High Forest

N

Sword Mountains

• Ched Nasad

Thornhold

Waterdeep

The Sword Coast

Baldur's Gate

River Chionthar

Sea of Swords

0 300
miles

To Memnon

РОБЕРТ САЛЬВАТОРЕ

«ЗВЁЗДНЫЙ АНКЛАВ»

Я должен поблагодарить своего агента Пола Лукаса, моих редакторов Давида Померико и Лауру Черкас, и остальную часть команды Harper Voyager. И, конечно же, ребят из Wizards of the Coast за то, что помогли мне и позволили продолжить это чудесное путешествие.

Особый привет Эвану Винтеру за то, что он ответил на мой звонок и потратил время на то, чтобы предложить перспективу, объяснить, научить, кое-чему, что мне нужно было узнать.

И моей особенной шестёрке: Джулиан, Майло, Нико, Чарли, Оуэн и Райли. Желаю вам когда-нибудь найти место, чтобы сравниться с Каллидами. И пусть вы найдете кого-нибудь, кто поделится с вами таким же замечательным, как ваша Ома.

*Год Свитков Нетерской горы
1486 ЛД*

Сон казался всё короче и короче. Почему не наступали сумерки? Где была ночь? Может быть, она пропустила её за время своих многочисленных погружений в дрёму?

Неужели она потеряла само чувство времени? Ей казалось, что прошла большая часть дня, прежде чем солнце достигло самой высокой точки в своём пути по небосводу — и почему эта самая высокая точка располагалась так далеко в стороне? Неужели солнце кружилось вокруг неё самой? Почему солнце кружилось вокруг неё?

Она знала, что ответ был ей когда-то известен, но сейчас испытывала только растерянность.

Во всём этом не было никакого смысла, потому что всё это было неважно. Долгое время бодрствования означало только долгий голод и долгий период готовности сбежать от любого заметившего её животного или чудовища.

После того, как она спустилась со склона на эту замороженную равнину — кажется, направляясь на юг, но сейчас она уже была не так уверена, — такое случалось постоянно.

Солнце не помогало, но она знала, что если сможет не спать в ночное время, то сумеет сориентироваться по звёздам. Но казалось, что она не может дотерпеть даже до сумерек. Как бы долго ни пыталась она не спать и идти, каким бы коротким ни казался сон — однажды она даже решила, что вообще не спала — свет зари становился дневным ещё до того, как она выбиралась из своей пещеры или снежного убежища.

А может быть, это был свет того же, не нового дня, но такого не могло быть, не считая того, что было, и она не знала, куда и как идти.

И она становилась всё голоднее.

Она десять дней существовала на питательном грибном хлебе дроу из своей котомки, с самого начала растянув его как можно дольше, чтобы получать необходимую энергию для пересечения пустынной местности. Она считала трапезы, пытаясь измерять проходящие дни и таким образом оценивать преодоленное расстояние, но эти расчеты, как и всё остальное, растаяли где-то в глубинах её мыслей, потерявшись в монотонном свисте холодного ветра. Не просто холодного — ледяного. Сначала она решила, что это из-за высоты, но даже когда горные склоны остались позади, было по-прежнему холодно.

Хлеб закончился уже давно. У неё было немного омелы, с помощью которой она создавала волшебные ягоды раз в пару дней — маленькие шарики, которые питали и восстанавливали её силы, и даже заживляли любые мелкие порезы и ушибы, полученные во время пути по жестокому, как будто безжизненному ландшафту. Но омела была не бесконечной, и она понимала, что надолго её не хватит.

Она устала. Она была растеряна. Она замёрзла. Она потерялась.

Она посмотрела на грубое копьё, которое смастерила, одно из многих, изготовленных за дни — или десятки дней... или месяцы, или сколько это продолжалось — пока скиталась по этой скалистой, забытой земле. Нет, солнце ещё не садилось, так что должны были пройти часы, но как такое могло быть? Как она могла спуститься с этой далёкой сейчас горы всего

за несколько часов?

Но где тогда сумерки? Где ночь?

Она вспомнила свой меч, своего друга, защитника, наставника.

Хазид'хи.

— Резчик, — прошептала она потрескавшимися губами кличку могучего оружия. — Мой Резчик.

Но сейчас меча на поясе не было. У неё было только это копьё, которое едва справлялось с ролью посоха.

Отказываясь умирать, продолжая жить с единственной мыслью о мести волшебнику, который бросил её через портал на склон этой покрытой снегом горы, Доум'вилль Армго упрямо ставила одну ногу перед другой. Ей нельзя останавливаться, и надо найти какую-то замену её основному источнику пищи.

Но что потом?

Почему здесь не было дичи? Куда подевались все животные? Куда подевались растения? На протяжении долгих дней она не видела никакой растительности — с тех пор, как покинула предгорья. Периодически она замечала птицу, но ни одна не оказалась достаточно близко, чтобы сбить её заклинанием или броском копья.

Всё это было неважно. Ей нужно было продолжать идти, продолжать двигаться в нужном направлении.

Если вообще существовало нужное направление.

Она была почти уверена, что не ходит кругами. Может быть, в единственном оставшемся у потрёпанной молодой наполовину дреу, наполовину лунной эльфийки проблеске озарения она вспомнила, что высокие горы были уже далеко, сменившись каменными наростами в море снега, усеянном скалистыми хребтами, как неподвижными вечными волнами, замороженной картиной.

«Может, так и есть?» — со всей серьёзностью задумалась она. Может быть, она застряла в картине? В застывшем безжизненном просторе? Или, скорее, через портал архимага Громфа её швырнули на неизвестный план бытия, место холода и снега, бесконечных дней, где трудно было спать, пока этот шар света в небе, описывающий странные дуги, неустанно следил за ней, насмехался?

Он постоянно над ней насмехался! Это был мир её отца-дреу, перевернувшийся вверх дом. Вечная белизна вместо благословенного мрака. Она ковыляла по пустому простору, и её грызла единственная мысль.

Увидит ли она ночное небо ещё хоть раз?

А потом это произошло. Голодная — живот урчал, ягоды становились всё менее эффективными, по мере того, как увядала омела, — Доум'вилль наконец увидела, как солнце опускается и начинает свой путь за горизонт. Нужно вырыть пещеру на ночь, подумала она, и принялась за эту задачу с энтузиазмом, рождённым знанием того, что целый день будет вознаграждён заслуженным сном.

Но небо почти совсем не потемнело, и она в тупом изумлении смотрела, как солнце продолжает путь, не опускаясь, не темнея, а двигаясь, скорее, *вдоль* горизонта.

И вскоре после этого встало снова, солнце снова было на небе! Но нет, не снова.

По-прежнему.

Она заползла в свою нору. Она попыталась поспать, но знала, что обречена. Это не мог быть её мир.

— Нет, — решила она. — Это вечные муки для Доум'вилль.

Оно насмехается над её наследием дровского отца, решила девушка. Это была насмешка, вечная издевка, карающая за грехи отца.

И Доум'вилль кричала и кричала на ветер, пока хватало сил, а потом замолчала и обмякла от усталости.

Она лежала там и дрожала. И через какое-то время съела ягоду и вылезла на свет дня.

Она захромала дальше, потому что иного выбора не было.

Но никакого чувства направления у неё тоже не было. Как и надежды.

Она проклинала солнце на каждом шагу и благословляла любые облака, пересекающие небо и приглушавшие свет, и громко радовалась грозовым тучам в тех редких случаях, когда они появлялись, как будто они были её чемпионами в битве с огненным шаром, который не поддавался ночи.

Однако она проигрывала войну. Её омела завяла. Она не могла больше делать ягоды. У неё не было хлеба. Она могла создавать огонь, с помощью которого поддерживала тепло и растапливала снег из этого бесконечного моря, чтобы напиться. Но огонь был временным. Скоро у неё пропадёт и эта магия.

А затем погибнет и она. Угаснет на этой ветреной равнине из снега и замёрших волн камня и льда.

Всё отличалось от знакомых ей мест. Всё было тем же самым.

Она пила талую воду. Она спала в вырытых в снегу норах.

В какой-то момент, в какое-то время, ничем не отличающееся от любого другого, Доум'вилль набрела на трещину во льду, достаточно широкий разлом, чтобы она могла спуститься. Слабая, с непослушным телом, она сняла свою котомку и спустилась вниз — и ещё немного ниже. Кусок льда отломился под её рукой, и полетел, переворачиваясь, далеко вниз.

Она схватилась за свою опору и задержала дыхание, но стала задумываться о смысле этого спуска. Может быть, стоит просто отпустить стену, упасть и погибнуть.

Но потом она услышала всплеск.

Скорее из любопытства, чем в приступе надежды, Доум'вилль продолжила свой спуск. Её растерянный разум смог немного сосредоточиться — достаточно, чтобы сотворить волшебный свет. Теперь с каждым движением она творила новые мелкие чары, вспышку электрической энергии, которая резала лёд, создавая удобную опору. Наконец, она опустилась к тёмной воде, текущей так далеко по этому узкому ущелью, насколько хватало глаз.

Вода хлестала и бурлила, и Доум'вилль почувствовала, что поток наверняка шире, чем ущелье. Она сложила руки чашечкой и сделала небольшой глоток, но тут же выплюнула — вода была солоноватой. Она и раньше бывала на побережье Меча и у моря — эта вода была не такой солёной, но и пить её было нельзя.

Но если это действительно море...

Доум'вилль опустила руку в холодную воду и прочитала малое заклинание света, чтобы создать под собой освещённый участок. Потом ещё один свет, на сей раз — на мелкую монетку, которую она просила в воду, наблюдая за освещённой областью, пока опускалась монетка.

Она ждала.

Она увидела движение — всего лишь промелькнувший в неестественном свете силуэт.

Доум'вилль устроилась понадёжнее, вырыв ямки своими молниями по обе стороны узкого разлома, в которые можно было поставить ноги. Она закатала рукава, наложила свет на свою руку, затем опустила её по локоть в воду, вздрогнув от холодного укола. Она ждала.

Искажение.

Полосы крохотных молний вырвались с её пальцев — шокирующая хватка, которая стала небольшим шаром жалящей энергии, и она вскрикнула и убрала руку. Она потёрла её, но тут же забыла о боли, когда на поверхность всплыла небольшая оглушённая рыбка. Она схватила её и целиком забросила в рот, отчаянно нуждаясь в еде и не беспокоясь о костях, чешуе или о том, что рыба была сырой.

Только о том, чтобы найти ещё!

Время не имело значения. Другая рыба, третья — она сожрала обеих. Потом ещё одну, и ещё одну — она била их о лёд, чтобы оглушить или убить, и набивала ими свои карманы.

И ждала новую рыбу, и думала, что может остаться здесь навсегда.

Но нет, как?

Ей потребовалось немало времени, чтобы решить эту задачку, потому что она не хотела покидать это место — как она могла покинуть место, в котором была еда?

Она засветила новую монетку и бросила её в воду, за ней — ещё одну. Затем опускающийся свет пересёк крупный силуэт. Рыба намного крупнее. Длиной с её руку.

Доум'вилль достала мелкую рыбёшку из кармана и откусила ей брюхо, вытянула зубами её внутренности, затем бросила извивающееся, гибнущее месиво в воду.

Большая рыба всплыла, чтобы покормиться, и рука Доум'вилль опустилась, схватив её, оглушив (и в очередной раз оглушив в воде саму себя!). Она приняла боль и прочитала заклинание ещё раз, затем подняла бьющегося стальноголова из воды и жестоко ударила им несколько раз по льду, пока тот не замер.

Она распустила тонкий узел на поясе и привязала добычу к груди, а потом Доум'вилль, несмотря на боль, несмотря на усталость, каким-то образом вскарабкалась по тому же склону, по которому спустилась. Она не знала, как долго, как далеко или сколько раз ей пришлось использовать мелкие чары, чтобы надёжно ухватиться за стену, но наконец она выползла обратно в море снега и льда рядом со своей котомкой.

Солнце по-прежнему было здесь и насмехалось над ней.

Она вырыла небольшую дыру в снегу и заползла внутрь, не столько ради укрытия от холодного ветра, сколько ради того, чтобы скрыться от беспощадного света, и впервые за долгие дни — месяцы? Годы? Вечность? — она заснула.

Она съела мелкую рыбу, когда проснулась, сунула большую в свой узел и пошла дальше, не покидая трещину.

Нужно было идти дальше.

Нужно было питаться.

Нужно было идти дальше.

Нужно было питаться.

Идти.

Есть.

Спать.

Пить.

Её мысли свелись лишь к этому. Она забыла, почему.

И почему не наступает ночь? Куда подевались звёзды, под которыми она танцевала в...

в месте, которое было раньше и для которого в её памяти не нашлось имени?

В этих как будто бесконечных скитаниях Доум'вилль не раз пыталась вспомнить свои заклинания посильнее — но всё было напрасно. В какой-то момент она доела последние куски большой рыбы, но слишком устала, чтобы возвращаться обратно к разлому — а может быть, просто забыла, так что она шла дальше, шаг за шагом в ослепительном, непрекращающемся солнечном свете, под не стихающим холодным ветром.

Она не знала, сколько времени прошло — она спала четыре раза, но это мало что значило — прежде чем её живот снова начал урчать от голода, а руки тяжело повисли по бокам. Долгое время она не обращала на это внимания, но потом к своему ужасу поняла, что уже не идёт вдоль большой трещины в необычайно толстом слое льда.

Она резко развернулась, пытаясь сориентироваться. Шок её положения, ставшего неожиданно куда более отчаянным, принёс моментальную ясность. Она попыталась вернуться по своим следам, но те уже исчезали за ней в постоянном вихре метелицы. Она торопливо обошла вокруг, насколько хватило сил, но не смогла найти тот разлом, проводник к морю глубоко под ногами, к питавшей её рыбе.

Она понятия не имела, что теперь делать. Она посмотрела на горизонт, на далёкие горы, хотя не могла определить, те ли эти горы, в которых она попала в самом начале. Это было неважно, любой путь ничем не уступал любому другому, так что она запечатлела в мыслях очертания далёкого пика.

— Прямая линия, — сказала она себе, хотя не знала точно, почему это хорошо.

Она шла дальше и дальше, потом спала и шла и спала снова.

Доум'вилль без всяких сомнений осознала, что прошло множество отрезков времени, которые раньше она звала днями, когда поняла, что у неё закончилось время и силы. Воды из подогретого снега уже не хватало.

Она упала на колени и закричала на солнце, проклиная его, требуя наступления ночи.

Она хотела умереть ночью.

Она даже не вырыла себе нору для сна. Она просто упала и темнота сна опустилась на неё.

Затем — более глубокая темнота.

Доум'вилль не знала, сколько времени прошло, когда она снова открыла глаза — лишь затем, чтобы обнаружить себя *во тьме*. Холодной, холодной тьме.

Она попыталась встать, или перекатиться, но щека примёрзла ко льду.

Впервые после того, как она спустилась с горы, на которую забросил её архимаг Громф, Доум'вилль Армго заплакала. Она заплакала из-за своего несчастья, из-за этого несчастного конца. Она заплакала из-за своей преданной матери, которую отец бросил оркам, когда решил отправиться с Доум'вилль во мрак.

Она заплакала из-за Тейрфлина, своего убитого брата. Что она натворила? Она поднесла руку к глазам, ожидая, что там по-прежнему будет кровь.

Она попыталась сказать себе, что это Хазид'хи заставил её сделать это, что меч выбрал носителя, и ей не оставили выбора. Но нет, она не могла заставить себя винить меч, или ненавидеть меч, нет. Никогда. В конце концов она заплакала и из-за Хазид'хи.

Меч должен быть в её руках, рядом с ней, когда она покинет этот мир.

Этот тёмный мир.

Последняя мысль застала её врасплох. Она снова попыталась поднять лицо, повернуть лицо, но когда это не получилось, упёрлась рукой в холодный лёд и резко оттолкнулась изо

всех сил, которые смогла найти, отрывая кожу. Боль была ужасной, но освобождение того стоило. Она завертелась и скорчилась, улеглась на спине и взглянула на небо — на облака и звёзды.

Звёзды! Миллионы, миллионы звёзд!

День наконец закончился.

С огромным усилием она заставила себя сесть и сильнее почувствовала укусы холодного ветра.

Когда её объял глубокий холод, она решила, что проснулась лишь затем, чтобы наблюдать за собственной смертью, что её собственный разум решил, что в эти последние мгновения она должна бодрствовать.

Она решила, что ляжет и позволит холоду забрать себя — ведь что ей ещё оставалось? Но когда она начала укладываться, Доум'вилль заметила необычный свет невысоко в небе, слева от неё — рассеянное жёлтое мерцание. Первой её мыслью было, что небо проглатывает солнце и ночь побеждает в какой-то небесной битве.

Но потом она поняла, что свет расположен ниже очертаний горного хребта.

Такого быть не могло.

В глубине разума раздался шёпот «костёр», а с ним — воспоминание о том, что костры значили для других.

Собрав последние силы в своём исхудалом, надломленном теле, Доум'вилль поползла к этому свету. Дальше и дальше, так долго, что она стала ждать восхода солнца и решила, что должна начаться заря. Но нет.

Затем свет костра моргнул впереди, и она удвоила шаг, борясь, опасаясь, что каждое движение станет последним, чувствуя такой холод, какого и представить себе не могла, от которого словно горели руки и ноги.

Опустив голову, истощённая, погибающая полуэльфийка чуть не заползла напрямик вглубь снежного холма. Вздвогнув, она подняла взгляд и начала огибать холм — только её разум не смог понять, что она видит. Это был не естественный холм, а почти что правильный купол, с низким навесом из снега, создающим подобие входного тоннеля.

Думая лишь о том, чтобы укрыться от ветра, Доум'вилль заползла внутрь. Она застыла, когда почувствовала мех, густой и мягкий, но после мгновенного ужаса поняла, что это не живое существо, а плотное одеяло.

Здесь было тепло, теплее, чем должно быть по её мнению, поскольку стены тоже были сделаны из снега.

Она не понимала.

Ещё ей было всё равно. Она рухнула лицом в мех и заплакала, и позволила себе забыть о мире.

Пока не услышала рык.

Её глаза распахнулись и увидели острые клыки скалящегося существа, похожего на собаку, всего в нескольких дюймах от лица.

Она закричала, и животное наполовину гавкнуло, наполовину взвизгнуло, пока другое укусило её с другого бока. Доум'вилль снова вскрикнула и перекатилась, отчаянно колотя рукой, поворачиваясь к выходу... чтобы обнаружить две фигуры, преградивших его. Люди, подумала она, один держит маленькую лампу.

— Помогите, — хотела сказать она, пока тот, что был крупнее, не откинул меховой капюшон своей плотной куртки.

Определённо не люди.

Орки.

Доум'вилль рефлекторно вытянула руки, чтобы схватить обоих и призвать свою магию молний, оглушив их. Она оттолкнула их в разные стороны, когда они согнулись от боли, и поползла к тоннелю, спасая свою жизнь.

Острые зубы впились в её ногу, и она пнула зверя свободной ногой, но когда попыталась её убрать, могучая ладонь сомкнулась на лодыжке, удерживая её. Доум'вилль изо всех сил ударила в ответ. Она схватилась пальцами за лёд и снег, плача и крича, отчаянно пытаюсь сбежать.

Но сил у неё не было, и орк с лёгкостью подтащил её к себе. Она попыталась развернуться, но на неё набросились оба, прижав к земле, и жестокие питомцы визжали и рычали, гавкали и щёлкали зубами у её ног.

Орки заговорили с ней или друг с другом — ей было всё равно, она продолжала биться в их хватке.

Но бесполезно; она не могла с ними бороться. Они надёжно удерживали её на полу. Они потянули её за одежду. Они *стащили* с неё одежду. Они прижали её к меховому одеялу, на которое она сперва рухнула.

Доум'вилль наполнило отвращение, когда она почувствовала их прикосновения по бокам, их грязную орочью кожу, прижавшуюся к её телу. Она попыталась сопротивляться, всхлипывая, но не смогла.

Это было хуже, чем пустая равнина. Хуже, чем холод и голод. Она хотела сбежать из своего тела, ожидая ужасного.

Но они просто держали её и прижимались, и натянули сверху ещё одно меховое одеяло, и орочья женщина — потому что одна из них точно была самкой — тихонько запела на ухо Доум'вилль, и звуки её потрясли.

Потому что они были нежными и мелодичными.

Когда Доум'вилль проснулась, снаружи было ещё темно, но рядом горела маленькая свечка. Под густой шерстью было тепло, и она была здесь одна.

Почти одна, поняла девушка, когда попыталась встать, поскольку выход из небольшого куполовидного здания преграждал один из питомцев, низкий, но крепкий волк — или не волк, поняла она, подавшись вперёд, а скорее крупный барсук, только лап у него было слишком много — четыре с каждого бока! В свете свечи его густая шерсть мерцала золотым, но всё, что видела Доум'вилль — его длинные и острые когти, которые зверь оскалил.

Доум'вилль опустила обратно, и похожее на барсука существо поступило так же, свернувшись в клубочек. Две его средних лапы с одного бока принялись чесать густую шерсть.

Она попыталась во всём разобраться. Где она? Что с ней произошло? Чувствуя себя странно, она посмотрела вниз и столкнула одеяло со своих обнажённых ног, затем задрожала, когда увидела, что ступни раздулись и почернели, но были покрыты какой-то белой мазью, которую девушка не узнала.

Мазь была и на руках, и она потёрла их друг о друга, потом понюхала. Пальцы тоже почернели, но как и ступни — не болели. Что это за лекарство? Что это за место?

Она огляделась в поисках одежды, но не нашла её. Зато увидела котелок рядом с постелью, наполненный чем-то похожим на кашу. Поглядывая вполглаза на свирепое и

странное барсучье создание, она подняла котелок и заметила рядом с ним деревянную ложку. Её ноздри заполнил запах, немного резкий и рыбный, но не отталкивающий.

Доум'вилль не знала, для неё это или для всех, но не стала ждать разрешения. Она схватила ложку и сунула пищу в рот — лишь затем, чтобы поморщиться от боли, когда большая ложка растянула её потрескавшиеся и разбитые губы. Она опустила ложку и подняла котелок, как большую чашку, облизывая её, погрузив пальцы до дна, а затем сунув их в рот. В этой попытке она почувствовала вкус мази с её руки, и на губах она была чудесна.

Целительное средство?

— *Вон або, а бик тикник ту галта бо,* — услышала она у входа и резко повернула голову. Крупный орк, самец, вполз под купол.

Доум'вилль немного говорила на орочьем, но она понятия не имела, что он только что сказал. Она уставилась на орка, а потом осознала, что одеяло свалилось, обнажив её голое туловище. Она защитным жестом закрылась одеялом и свирепо уставилась на орка, поклявшись про себя сражаться до смерти, если тот набросится на неё.

Но этого не произошло. Орк с улыбкой кивнул и отвёл взгляд, затем поднял узелок, снова кивнул и бросил узел ей на колени.

Её одежда.

Он вышел, и восьмипалый сторож — тоже. Доум'вилль схватила свою одежду, замерев от удивления — та была тёплой. Она быстро оделась, потом пошарила в штанах и поняла, что орки, похоже, нашли и забрали мелкий ножик у неё из кармана. Всё, что у неё было — эти штаны, нижнее бельё и рубаха.

Никакой куртки, плаща, носков или обуви.

Она услышала разговор снаружи, и внутрь забралась орк-самка. Она начала хрипло говорить, указывая на ноги Доум'вилль, и когда эльфийка остановилась, чтобы попытаться разобрать, о чём речь, орчиха схватила её за лодыжку и распрямила ногу.

Доум'вилль пнула её правой ногой, убрала её и хотела пнуть снова, но не стала разгибать ногу, когда орчиха подняла в левой руке очень толстое копьё с очень длинным белым лезвием, разукрашенным узорами, к лицу Доум'вилль.

— *Меенаго фото фо!* — рявкнула орчиха. Позади неё крупный самец забрался под купол.

Доум'вилль почувствовала, как её нога опускается обратно на пол. Она вздрогнула, когда самка стала изучать её ступни, грубо перекатывая ногу из стороны в сторону. Кивнув — похоже, в знак удовлетворения, — она опустила ногу на какой-то кусок меха помельче и стала её заматывать.

Самец сунул Доум'вилль пару больших варежек и дал ей знак надеть их.

Она надела левую, но правой указала на пустой горшок и похлопала по губам.

Оба орка покачали головами.

— *Ту гата бо,* — сказал самец.

Разочарованная, Доум'вилль натянула вторую варежку.

Женщина-орк закончила обматывать ноги, туго завязала меха, затем кивнула товарищу. Тот опустился и схватил Доум'вилль за обе лодыжки.

— Что? — крикнула она. — Нет! — она попыталась высвободиться, но у девушки и шанса не было против этой могучей хватки. Она попыталась перекатиться, но орк крепко удерживал её ноги на месте — и самка связала их вместе толстой верёвкой.

— Нет! — снова воскликнула Доум'вилль. Она схватила котелок и бросила его в них —

без особого результата. Она опустила и попыталась прочесть заклинание, попыталась стряхнуть с себя варежки, чтобы жестикулировать, как полагается.

Но потом она заскользила — её тащили через короткий тоннель наружу, в холодную, холодную тьму.

Прежде чем она смогла что-то понять, рядом оказалась женщина-орк, которая поставила её прямо и закутала в меховое одеяло, на котором девушка спала — на котором они все спали, только сейчас вспомнила Доум'вилль. Она задрожала и охнула, когда представила, что они могли с ней сделать...

Нет, поняла она. Они никак ей не навредили. Они просто спали, прижавшись к ней. Сохраняли тепло. Лечили её ноги и руки.

В этом не было смысла.

Слишком растерянной, чтобы во всём разобраться или хотя бы подумать о заклинаниях, слишком слабой, чтобы сопротивляться, эльфийке оставалось только одно — позволить случиться тому, что должно было случиться. Закутанная в одеяло, она всё равно не смогла бы помешать орку, который поднял её на руки и понёс, а потом опустил на небольшие сани. Она сидела, прислонившись спиной к вертикальной спинке саней, и орк привязал её большой верёвкой.

Женщина обошла сани и положила вокруг Доум'вилль горячие камни, затем высыпала другие предметы, включая котомку Доум'вилль, которая теперь была полной, на передний участок низких саней, закрепив их. Вернулся самец и привёл с собой четверых созданий, этих волчьих барсуков, связанных в одну упряжку, и запряг их в сани.

Он обошёл Доум'вилль, и она почувствовала его вес, когда он встал на спинку саней, сразу позади неё.

— *Хайк!* — крикнул орк, снова её напугав, и они помчались про снежной и льдистой равнине.

Шли часы.

Они остановились и отдохнули, побросав большие куски жирного мяса восьми странным волчьим барсукам — или кем те были на самом деле.

Доум'вилль быстро поняла, насколько свирепы эти животные, когда стая набросилась на мясо и с лёгкостью стала его рвать — практически без усилий.

Женщина-орк опустила перед Доум'вилль с котелком в руках и начала понемногу кормить её рыбным варевом, пока мужчина осматривал и затягивал верёвки.

Доум'вилль подумала, что они не столько спасают её жизнь, сколько откармливают. Однако от еды она отказываться не собиралась.

Они снова отправились в путь, скользя по плотному снегу, и добрались до другого снежного купола небольших размеров. Они не стали раздевать её этой ночью — она поняла, что одежда не промокла — но разделили одеяла, все трое, и оставили её ноги связанными, положив одного из питомцев у Доум'вилль в ногах.

Хотя она думала о побеге от двух орков, Доум'вилль не собиралась делать ничего, что могло бы разжечь гнев этого страшного и сильного зверя.

Было ещё темно, когда она уснула, и по-прежнему темно, когда она проснулась, когда они поели снова, когда посадили её обратно в сани и снова тронулись в путь.

Вечный солнечный свет — а теперь вечная темнота.

Доум'вилль знала, что она потерялась, что её разум помутился — по крайней мере по части хода времени. Это была ночь, которая всё не наступала на протяжении целых месяцев,

а теперь... она не собиралась проходить.

Они повторяли тот же цикл снова и снова, двигаясь от купола к куполу по прямой. Горы возвышались намного ближе — а может быть, перед ней была вовсе не гора? Силуэт на фоне ночного неба был ровным, хоть и высоким. После пятого отдыха — а может быть, шестого, Доум'вилль точно не знала — они снова отправились в путь, но вскоре резко остановились. Два орка обошли сани, о чём-то заговорили, и снова Доум'вилль не смогла понять ни слова.

Однако ей показалось, что они почувствовали кого-то или что-то впереди.

Женщина-орк зажгла свечу, что казалось очень глупым.

Мужчина взял у неё свечу и поднял высоко над головой, что казалось ещё глупее.

Но она поняла, в чём дело, когда к ним приблизилась группа гуманоидов. Наверняка союзники, поскольку женщина бросилась навстречу и заговорила с ними.

Доум'вилль не могла понять, кто они такие. Они не отличались плотными фигурами орков, а были стройными, похожими на эльфов. Но слишком худыми для таких холодных условий, подумала она. Была ли на них вообще одежда?

Орк-мужчина начал отвязывать её с саней, когда подошла пара новоприбывших. Да, Доум'вилль увидела, что они одеты, но в одежду из странного, тёмного и тонкого полотна, в цельный костюм, в сапогах, рукавицах и с койфом, какой можно увидеть на костюме добротных кольчужных доспехов, в полностью закрывающих лицо масках.

Из щелей в одной маске выглянули красные глаза, мерцающие янтарные сферы — из другой.

Они переглянулись и пожали плечами, потом кивнули и достали ручные арбалеты, поднимая их, пока орк разворачивал одеяло Доум'вилль.

— Нет, нет! — закричала она, поняв, что её ждёт. Она попыталась повернуться и сбежать, успев поставить одну ногу на снег и попытавшись соскочить с саней. Потом она услышала пару щелчков и ощутила ожог, когда два болта вонзились в неё.

— За что? — спросила она, повернувшись обратно к двум стройным существам.

Сила покинула её ноги, и она рухнула обратно на сани. Она ощутила холодный ветер, но потом всё куда-то растворилось.

Все её чувства отступили.

Доум'вилль упала внутрь себя.

— *Почему не встает солнце?* — задумалась она; последняя мысль на ледяной равнине.

Часть 1

Поиск цели

Моя маленькая Бри.

Большую часть жизни я был благословлён друзьями, а также ясным пониманием и чувством цели. Я видел мир вокруг, и всё, на что я надеялся — оставить его за собой немного более спокойным и ровным, чем те бурные воды, через которые мне пришлось пройти. Я стал сильнее в надежде на какое-то будущее товарищество, а затем — стал сильнее, когда наконец это товарищество нашёл. Нашёл и принял, и мой мир чудесным образом стал намного шире.

Это была хорошая жизнь. Не лишённая трагедий, не лишённая боли, но с чувством направления, пускай даже часто казалось, что тропа ведёт к призрачной цели, к манящему кольцу сверкающих алмазов, такому близкому, но каждый раз ускользающему из рук. Но да, хорошая жизнь, несмотря на то, что я много раз смотрел на мир вокруг и вынужден был усилием воли отгонять отчаяние, поскольку чёрные тучи часто закрывали небо надо мной, грязные поля подо мной, и страхи внутри меня.

Я пережил перемену — пережил плохо и едва не разрушил себя — когда утратил друзей, и в тот час небеса и поля моих мыслей были темны, как никогда прежде. В ту полночь моей жизни я утратил смысл, поскольку утратил надежду.

Но в конце я нашёл его снова — мне казалось, что то был конец, прежде чем изгибы судьбы и прихоти богини воплотили мою надежду на возвращение утраченных друзей. Той тёмной ночью на вершине Пирамиды Кельвина я мог погибнуть один с Гвенвивар.

И пускай. Я бы погиб довольным, поскольку снова стал тем, чего от себя требовал, и был удовлетворён, действительно успокоив многие воды в моём долгом и петляющем потоке.

Но затем — неожиданно — произошло столько всего. Возвращение товарищей, любви и дружбы, уз, выкованных за долгие годы путешествий бок о бок — во мрак и на солнечный свет.

И теперь — столько всего ещё предстоит.

Моя маленькая Бри.

Когда я влетел в ту дверь, чтобы впервые на неё взглянуть, когда я увидел её там, такую крохотную, среди моих самых дорогих друзей, среди тех, кто учил меня, утешал меня и странствовал со мной, в моё сердце хлынуло столько эмоций. Я подумал о жертве брата Афафренфера — никогда я не забуду, что он совершил для меня.

И никогда я не ожидал понять, почему он это совершил — но в то мгновение, когда я пересёк порог и увидел мою кроху Бри, мне всё стало ясно.

Я был ошеломлён — конечно, от радости, от обещания того, что может случиться. Но прежде всего я был ошеломлён тем чувством, которого не ожидал. Не в такой степени. Ведь впервые в жизни я знал, что меня можно по-настоящему уничтожить. В той комнате, глядя на моё дитя, итог истинной и долгой любви, я был, прежде всего, уязвим.

Но я не могу позволить этому чувству изменить мой курс.

Я не могу прятаться от ответственности перед тем, во что верю. Нет, совсем

напротив!

Ради моей маленькой Бри, ради других детей, которые могут у меня быть, ради их детей, ради любых детей, которые могут быть у Реджиса и Доннолы, ради наследников короля Бренора и Вульфгара, ради всех тех, кому нужны спокойные воды — я буду продолжать идти вперёд к цели.

Это хорошая жизнь.

Таков мой выбор.

Пускай быстрый ветер сдует облака мрака!

Расти, зелёная трава, и укрой тёмные поля!

Прочь из головы, сомнения и страхи!

Это хорошая жизнь, потому что это мой выбор, и это лучшая жизнь, потому что я буду шагать целеустремлённо, решительно и без страха, чтобы успокоить тревожные воды.

— Дзирт До'Урден

Глава 1

Растревожив боль

*Год Возвращения Звёздного Странника
1490 ЛД*

Он чувствовал холод, только холод, похожий на гробницу из льда, сковавшую всё его тело, леденящую и давящую. Он чувствовал её страх, её рыдания, как будто застывшие, как физический мир вокруг неё, как будто она застряла в мгновении своей смерти.

Киммуриэль крепче стиснул рукоять оружия, выполненную в форме кошки, пытаюсь физическим усилием укрепить телепатическую связь.

Напуганный вернувшимся образом, тем же самым образом, тем же самым чувством простого ослабления... всего, дроу отступил на три шага, затем быстро взглянул на клинок, прежде чем положить его на стол перед собой.

— Ты как будто чем-то потрясён, — раздался неожиданный голос с другой стороны небольшого и тускло освещённого помещения. Киммуриэль взглянул туда и увидел хозяина, Громфа Бэнра, архимага Главной башни колдовства Лускана. — Я немного не привык видеть тебя таким.

— Мой разум не в силах полностью охватить чары на этом оружии, — объяснил Киммуриэль.

— Наверняка это лишь мелкий двеомер в великом замысле Пряжи Мистры и Паутины Ллос, — ответил Громф. — Меч ищет кровопролития и будет манипулировать носителем ради него.

Киммуриэль качал головой, пока Громф говорил.

— Это нечто большее, — ответил он. — Это... гордость. Этот зачарованный меч, прежде всего, желает быть орудием величайшего из воителей.

— Ради большего кровопролития.

— Я думаю, что не только.

— И эта мелочь заставила Киммуриэля Облодра, который обедает с иллитадами — кстати, что они едят? И как? — Громф замолчал и вздрогнул, когда его сбил с мысли порождённый буйным воображением образ. — Ты обедаешь с иллитадами, но испугался простого разумного оружия? Я могу за месяц зачаровать дюжину таких клинков, стоит тебе только пожелать.

— Дело не в Хазид'хи, — объяснил Киммуриэль. — Дело в связи, которая образуется с теми носителями, которых меч по-настоящему подчинил себе.

В ответ на это объяснение пренебрежительное выражение исчезло с лица Громфа, и он подошёл к псионику.

— Он чувствует Кэtti-бри, — объяснил Киммуриэль. — Когда я держу его и заставляю себя погрузиться, я чувствую то, что чувствует она. Или, может быть то, что она когда-то чувствовала. Не знаю точно.

— А это уже может быть интересно, — сказал с коварной улыбкой Громф, и Киммуриэль наградил его суровым взглядом. — Она — человек, и так слаба, — съязвил на

этот уничижительный взгляд Громф.

— Не только Кэтти-бри, — сказал Киммуриэль, — Других тоже. Эльфийку и дроу.

Громф поднял бровь.

— Доум'вилль Армго, — пояснил Киммуриэль.

— Только не это злобное создание, — с тяжёлым вздохом ответил архимаг. — Она жива? — он фыркнул и вздохнул снова, покачав головой.

— Если ты хотел её убить, зачем просто изгнал? Почему ты не сделал это сам, в том месте в то время?

— Потому что это было недостаточно больно.

— Твой гнев, кажется, нацелен не туда, — Киммуриэль снова потянулся к Хазид'хи, подняв его к глазам. — Думаю, она была скорее жертвой, чем виновницей того, что вызывает у тебя подобную ярость.

— Она была наполовину эльфийкой и наполовину дроу, — сухо ответил Громф. — Это само по себе — достаточный грех.

Киммуриэль пожал плечами и оставил эту тему. В последние месяцы Громф добился определённого прогресса в Лускане. Он начал видеть более широкую картину — в Мензоберранзане бесшумно закипала гражданская война, в которой его сёстры и дом Бэнр сражались с большей частью города при поддержке силы, которую теперь назвали Богохульством; почти восемь сотнями воскрешённых дроу, вернувшихся в предыдущую форму после столетий службы в Бездне в виде жутких драуков. Душа и сердце Мензоберранзана были на краю войны, и казалось, что фанатики Ллос находятся в невыгодном положении, хотя конфликт, скорее всего, продлится ещё годы, если не десятилетия.

— Но она жива? — спросил Громф, вырвав Киммуриэля из задумчивости.

— Я не знаю, — ответил псионик после коротких размышлений. — Похоже на то — если внутри Хазид'хи не сохранились каким-то образом её предсмертные воспоминания. Но я так не думаю, поэтому — скорее всего да, она жива.

— Кого ещё чувствует этот меч?

— Есть другие, но связь с ними очень слабая. Может быть, они владели мечом слишком давно — или меч никогда не обладал над ними такой властью, какую имел над Кэтти-бри и Доум'вилль, а может быть...

— А может быть, другие уже мертвы.

Киммуриэль кивнул. Он знал, что Хазид'хи стар, создан ещё в древности, и догадывался, что за минувшие века его держало множество рук, и что меч наверняка подавлял большинство своих носителей. Нет, те, кто был поглощён Хазид'хи и уже погиб, не обитали в сознании меча.

Громф издал смешок.

— Что такое? — спросил Киммуриэль.

— Кэтти-бри, — ответил архимаг. — Меч полностью захватил Кэтти-бри.

— Это было давным-давно, когда она была почти маленькой девочкой.

— Знаю, — сказал Громф. — Я, конечно, нахожу это забавным, ведь если бы Хазид'хи попытался овладеть ею сейчас, она бы просто отмахнулась. Скорее всего, она бы заплела его разум в такую петлю, что он никогда бы не распутался.

— Ты только что сказал, что она — человек, а значит — слаба, — напомнил ему Киммуриэль и ухмыльнулся, когда янтарные глаза Громфа помрачнели. Правда о Кэтти-бри

явным образом уязвляла волшебника. Она не должна была быть такой сильной, какой очевидно являлась. Она была человеком, всего лишь человеком, но при этом — грозной воительницей, грозной жрицей и грозной волшебницей. Громф ненавидел это признавать, казалось, даже наедине с самим собой — но он по-настоящему уважал её.

— Где эта мерзавка-Армго? — спросил Громф, предсказуемо уводя разговор от источника своего недовольства.

Киммуриэль пожал плечами.

— Я не знаю. Только то, что там ярко — солнце сверкает на белом снегу. И холодно... очень холодно.

— Я забросил её на крайний север, — сказал Громф. — Удивительно то, что она вообще смогла выжить. О чём ты думал, когда я вошёл?

— Она была напугана, — сказал Киммуриэль. — Она была напугана, и, возможно, умирала.

— Мне говорили, что на севере полно крупных зверей, — голос Громфа умолк, когда Киммуриэль замотал головой.

— Она не бежала от животных.

Громф с любопытством взглянул на него.

— Это было воспоминание, — сказал тогда Киммуриэль, и обращался он не только к собеседнику, но и к самому себе. — Скорее всего, из того же временного отрезка, когда её отец был убит в поединке драконов над Мифрил-Халлом.

Громф хотел ответить, но прикусил язык, кивнул и ушёл.

Громф знал, что он не верит в последнее объяснение, понял Киммуриэль. Киммуриэль, по-прежнему потрясённый, сам не знал, во что верит.

Он положил Хазид'хи обратно на стол.

Может быть, настало время вернуть меч Джарлаксу.

— И твоя надежда питала твои подозрения? — спросила Даб'ней у Джарлакса. Они шли по оживлённым улицам Серебристой Луны, самого очаровательного города на поверхности из всех виденных Джарлаксом. Дроу здесь было немного, но в то же время два бродяги из Бреган Д'эрт не выделялись, и за ними не следили подозрительные взгляды, пока они шли к мосту, протянувшемуся на северный берег через реку Ровин, к более старой половине города, оседлавшего широкую реку. От моста они направятся к северным воротам, поскольку все дела здесь были закончены, и Джарлаксу не терпелось заняться второй половиной их миссии по сбору информации.

Однако он будет скучать по этому месту, и он решительно заявил себе, что однажды вернётся сюда не по делам, а для отдыха.

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? — спросил он жрицу. — Ты слышала старого эльфа.

— Очень старого эльфа, — поправила Даб'ней. Она похлопала по виску и скорчила рожицу, показывая, что не сильно верит в здравый рассудок того, о ком они говорили.

— Да, нам повезло услышать слухи о Фривиндле в подходящее время.

— А может быть, было уже слишком поздно.

Джарлакс остановился и повернулся к женщине.

— Почему ты играешь роль такого скептика?

— Он сказал, что это был только сон.

— Он сказал, что *может быть* это был только сон.

— И ты ухватился за это, потому что не хочешь верить, что это был сон.

— Похоже, я верю в его историю больше, чем он сам.

— Ты знаешь, о чём я, — ответила Даб'ней, — Фривиндль запутался. Он стар, очень стар, а в его истории шла речь о молодом эльфе. Несколько веков назад, Джарлакс. Как хорошо ты помнишь юность, Джарлакс — без помощи Киммуриэля или его кальмароголовых друзей?

— Я помню то, что важно. И многое из этого тоже кажется мне сном.

— А может быть, Фривиндлю действительно это приснилось. И даже если нет, разве сообщил он нам что-то ценное — кроме рассказа о существовании подобного места?

Джарлакс какое-то время размышлял об этом. На его лице росла улыбка от звучащего в голове слабого голоса старого эльфа, описывающего город дроу. Не Мензоберранзан, не Чед Насад, вообще не в Подземье.

И такой, где не поклонялись демонической Паучьей Королеве.

— Может быть, это ерунда, — согласился Джарлакс. — Просто сон.

— Не надо этого делать, — сказала Даб'ней.

Джарлакс покосился на неё, увидев, что она кивает и как будто готова заплакать. Она не меньше него хочет, чтобы это оказалось правдой, понял наёмник.

— Пойдём, — сказал он. — Если поторопимся, достигнем замка и южных окраин Лунолесья ещё до темноты. Если повезёт, закончим наши дела за пару дней и сможем вернуться в Мифрил-Халл, а оттуда через портал — в Лускан.

— А потом?

— Это я и пытаюсь решить. Но если будет второе путешествие, ты со мной не отправишься.

Даб'ней напряглась.

— Ты нужна мне в Лускане, — объяснил Джарлакс. — Мне нужно знать, что происходит в Мензоберранзане, и я предпочитаю жрицу, которая способна выносить суждения о силе Ллос. Что бы ни вышло из этого или из второго путешествия, от выбора верной стороны в начале войны зависит сама судьба Бреган Д'эрт.

— Думаю, мы уже выбрали, — сказала Даб'ней. — Разве мы не друзья двум еретикам? Госпожа Ллос не отличается милосердием.

— Но никому неизвестно, что на самом деле скрывается за её махинациями. Даже тебе, жрице, которая получает божественные заклинания от богини, которую презирает.

Вскоре они покинули Серебристую Луну, воспользовавшись обсидиановыми статуэтками, чтобы призвать волшебных коней ада, которые без усталости побежали по дороге на северо-запад, к замку лорда Хартоса Зиморвена, предложившего сведения о Фривиндле агенту Бреган Д'эрт в обмен на новый нагрудник, откованный в Гонтлгриме, который Джарлакс доставил двумя днями ранее.

— Вы просите меня рассказать о том, что разрушило мою жизнь, — тихо ответила эльфийка.

— Госпожа Синнафейн, я не хочу никому навредить, — заверил её Джарлакс. Он мысленно напомнил себе, что леди Лунолесья оказала ему огромную услугу, проведя в дороге долгие часы по просьбе лорда Хартоса, чтобы встретиться с Джарлаксом здесь в лесу, меньше чем в пяти милях от Зиморвен-Халла, видневшегося на холме вдалеке. — Как раз

напротив.

— Моя дочь тоже не хотела навредить, но тот меч, о котором вы расспрашиваете, заставил её причинить огромный вред. А теперь вы хотите, чтобы я указала вам, где находится этот жуткий предмет? Хотите сделать меня соучастницей ещё большего горя?

— Хазид'хи... — начал Джарлакс.

— Не произносите это имя! — резко оборвала его Синнафейн, и наёмник качнулся назад на стуле. Он услышал, как позади, перед входом в прекрасное жилище на дереве, возведенное прошлой ночью на этой южной окраине Лунолесья, переминаются эльфийские стражники. Он повернулся, чтобы взглянуть на них, даже подмигнул им, потом обернулся обратно и увидел, что Синнафейн взмахом дала им знак уйти.

— Меч существует, знаем ли мы о его местонахождении или нет, — сказал он. — Сейчас он может быть даже в руках того, кто не способен его контролировать.

— Его нельзя контролировать.

— Вы же знаете, что это не так, — сказал Джарлакс. — Вы боялись бы его, будь меч в руках Дзирта?

— Да.

— Это всего лишь волшебная игрушка, госпожа. Это не демон, хотя его голод поистине демонический...

— Он наделён демонической душой, — оборвала его госпожа Лунолесья.

— Нет, госпожа, — спокойно ответил Джарлакс. — Я понимаю, что с вашей точки зрения может так показаться, однако вы могли слышать о войне на северном побережье Меча, в Гонтлгриме и Лускане, в Утёсах и Порте Лласт, краем затронувшей даже Глубоководье. Эту войну устроили настоящие украшения с демонами, которые захватывали своих носителей. Хазид... прошу прощения, меч — не одержим демоном. Он просто голоден, и он будет всеми доступными способами использовать владельца, который не сумеет контролировать голод оружия, чтобы удовлетворить свою жажду крови.

Госпожа Синнафейн заставила своё тонкое и прекрасное эльфийское лицо улыбнуться, и от этой улыбки Джарлакс опять откинулся назад на стуле.

— Вы не знаете, да? — спросила она.

Джарлакс пожал плечами и наклонил голову, пытаясь понять причину её усмешки — довольно неожиданной, учитывая, что обсуждалась большая трагедия из её жизни. Усмешка дала ему понять, что она действительно знает что-то, о чём он не имеет ни малейшего понятия.

— Вы знаете о войне, которая шла в Серебряных Кордонах, где дварфы сражались против орчьего королевства Многих-Стрел, прежде чем ваш друг, король Бренор, отправился покорять Гонтлгрим на востоке?

— Разумеется.

— Вы знаете, как она началась? Как она началась на самом деле?

Мысли Джарлакса забурлили, пока он вспоминал события того конфликта, казавшиеся весьма прямолинейными — в конце концов, речь шла о войне орков и дварфов.

Синнафейн позвала эльфов, стоящих снаружи её палаты.

— Прошу, принесите нам еды, — сказала она им. — Кажется, мой друг Джарлакс и я задержимся здесь надолго.

Она расслабленно устроилась в кресле, и по её взгляду Джарлакс видел, что она пытается разложить по полочкам то, что стало огромной трагедией в её жизни. Он знал

лишь часть истории: её дочь, Доум'вилль, сбежала от эльфов Лунолесья и вернулась с отцом в Мензоберранзан.

— Вы знали Тос'уна Армго? — спросила она.

— Много лет. До того, как он покинул Мензоберранзан. Дом Баррисон Дель'Армго — один из самых влиятельных домов, второй в городе.

— Наши мудрецы изучили меч и вернули его Тос'уну, когда он ещё только пришёл к нам в Лунолесье, — сказала Синнафейн. — Он считал, что полностью контролирует оружие. И конечно, я в это поверила! Я верила многому про Тос'уна, а теперь не верю ничему. Может быть, это был меч — а может быть, я просто не хотела видеть мерзкую правду о нём.

— Потому что он был дроу? — прошептал Джарлакс и пожалел об этом, как только слова сорвались с губ — эльфийка, леди Синнафейн, наверняка этого не заслуживала.

— Я влюбилась в него не из-за его происхождения, а из-за того, кем его считала, — резко ответила Синнафейн. — И он предал меня из-за того, кем был на самом деле — а может, из-за этого злобного меча — а не потому, что он был дроу. Неужели вы такого низкого обо мне...

— Госпожа, я покорнейше извиняюсь, — сказал Джарлакс. — Это было неподобающе. Всю жизнь меня отказывались принимать из-за моего происхождения — или, что хуже, притворялись будто принимают, желая тем самым доказать что-то себе или миру.

Джарлакс покачал головой и улыбнулся собственной промашке. Он редко бывал так неосторожен, чтобы произнести свои тайные мысли вслух.

К его удивлению, Синнафейн рассмеялась, и взглянув на женщину, он понял, что она не насмехается над ним или над его чувствами. Вместо этого она кивала.

— Вы говорите, как Тос'ун, — сказала она. — Тот хороший мужчина, за которого я вышла замуж. Добрый отец моих детей. Не тот Тос'ун, который... — она замолчала и сделала глубокий вздох. Её голос, весь её вид, изменились.

— Если Тос'ун и держал меч под контролем, того же нельзя было сказать про наших детей, — объяснила она. — Когда Тос'ун сказал, что один из них унаследует клинок, дети начали соперничать между собой — и эта битва, которую всячески подталкивал мой сын Тейрфлин, быстро стала очень серьёзной. Тейрфлин был слишком жесток. Необходимость заполучить клинок стала его навязчивой идеей. Каким-то образом наследника выбрал сам меч, а не мой муж — и оружие испортило мою Маленькую Доу, быстро и бесповоротно. Доум'вилль убила брата этим мечом и сбежала. Тос'ун и я выследили её до королевства орков, и там, окружённый ордой, Тос'ун предал меня.

— Вы заметили, что я не встала, когда вы вошли, — сказала она. — Это не было знаком неуважения к вам, другу Дзирта. Нет, мне больно даже просто вставать, ведь в тот тёмный миг много лет назад Тос'ун покалечил меня и бросил на милость орков, а сам сбежал вниз по тоннелю — обратно в Подземье, как я позднее узнала, вместе с Доум'вилль. Я не могу рассказать, что чувствовала, когда узнала, что он погиб верхом на белом драконе в битве у Мифрил-Халла. Не могу рассказать, потому что до сих пор не знаю. Я не думаю, что он был злым, когда мы поженились — скорее, меч извратил его.

Она с болью посмотрела на Джарлакса.

— Но я больше не могу быть в этом уверена.

— Может быть, оба предположения отчасти верны, — предположил Джарлакс. — Но меч наверняка сыграл свою роль в падении Тос'уна.

— Как Тос'ун и хотел, орки нашли меня почти беспомощной, но не убили, — объяснила

Синнафейн. — Несмотря на стычки на протяжении всей погони, которая закончилась моим пленением, пытаться меня они тоже не стали. Они не причинили мне никакого вреда. Они вернули меня моему народу — по замыслу орка Лоргру, наследника Многих-Стрел, в попытке воплотить мечту короля Обольда о мирном союзе в этой области. Этот поступок один из фанатиков посчитал изменой их злобному богу, и Лоргру был изгнан, а Много-Стрел вступил в войну. Как видите, Джарлак, в немалой степени война в Серебряных Кордонах была вызвана тем самым мечом, который вы разыскиваете.

— Я не разыскиваю меч, госпожа Синнафейн, — признал Джарлак. Он немного приподнялся и медленно извлёк из ножен клинок, положив его на стол перед напуганной Синнафейн.

Тогда Синнафейн встала — и долгое время не могла перевести дух, ведь она сразу же узнала оружие, его острую кромку и едва заметную красную полосу, похожую на испарения желанной крови.

Когда эльфийка перевела взгляд на рукоять, выполненную в форме большой чёрной кошки, зверя-обманщика с двумя щупальцами, загибающимися назад к лезвию, чтобы образовать гарду, выражение её лица изменилось.

— Что это... — хотела спросить она, но покачала головой. — Братский клинок?

— Это Хазид'хи, — ответил Джарлак. — Я владею им уже много лет, хотя в основном он находился в руках моего друга, псионика, исследовавшего тайны оружия.

— Тогда почему вы сказали, что пришли поговорить о мече, который желаете отыскать? — резко спросила она.

— Я такого не говорил, — ответил Джарлак. Он взял меч со стола и вернул в ножны, пряча его от взоров, чтобы помочь Синнафейн взять себя в руки, и обрадовался, когда она уселась обратно. — Вам показалось, что я это сказал, потому что я сформулировал свои намерения весьма туманно. Сначала мне нужно было узнать, одобрите ли вы.

— Одобрю? Единственное, что я могу одобрить — уничтожение этого злобного клинка.

— Одобрите ли вы то, что я собираюсь разыскать вашу дочь, — сказал Джарлак, и если бы он ударил Синнафейн по лицу, она выглядела бы точно так же. — Благодаря изучению клинка мой друг убеждён, что Доум'вилль, ваша Маленькая Доу, может быть жива. Как только меч подчиняет себе носителя, он сохраняет связь с ним на любом расстоянии.

— Где она? — спросила Синнафейн.

— Это, боюсь, вопрос посложнее — я не знаю, — признался Джарлак. — Но думаю, что могу узнать — и намереваюсь это сделать. Потому что я не думаю, что ваша дочь заслужила свою судьбу.

Наёмник издал беспомощный смешок.

— Конечно, она совершила немало злодеяний, включая убийство её брата, вашего сына...

Он вздохнул.

— Тогда почему вы хотите её отыскать?

Джарлак пожал плечами.

— Я из Мензоберранзана. Я знаю, какую власть может получить над смертными демон — или волшебный предмет демонического характера. Даже над добрыми в других отношениях существами. В конце концов, именно такова история моего города, моего народа.

— Я по-прежнему не понимаю. Я ничего не знаю о её местонахождении, — чеканя

каждое слово, отрезала Синнафейн. — Зачем вы пришли ко мне?

— Затем, что когда я разыщу её — а я разыщу — я хочу, чтобы она знала, что мать простила её, — сказал Джарлакс, и Синнафейн снова резко втянула в себя воздух.

— Вы много раз говорили, что всему причиной меч — по крайней мере, ясно дали понять, что хотите, чтобы всему причиной был меч, — объяснил Джарлакс. — Так и есть. Я говорю вам, что это правда, и что ваша дочь не заслужила своего магического изгнания.

Долгое время Синнафейн молчала, её взгляд сновал вокруг, как будто она искала путь к побегу — или того, кто ворвётся и поможет ей.

— Это вас не касается, — наконец сказала она. — Почему вы решили этим заняться?

Теперь настала очередь Джарлакса устраиваться в кресле, чтобы обдумать этот простой вопрос.

— Я не знаю, — признал он. — Может быть, теперь, когда запад наконец успокоился, проснулась моя жажда странствий. Может быть, это испытание для того, кому я намереваюсь передать этот клинок.

Синнафейн села прямо. На её лице мелькнул гнев.

Он поднял руку.

— Заверяю вас, что такого, как он, никогда не сможет захватить Хазид'хи или другое волшебное оружие, — сказал Джарлакс с обезоруживающей улыбкой. — Он воин, с которым немногие могут сравниться по части умения и опыта, и ещё меньше тех, кто может сравниться с его решимостью и силой духа — разве что его собственный сын, которого вы хорошо знаете.

Похоже, эльфийку это не убедило.

— И, наверное, потому, что верю — Доум'вилль может искупить свою вину, — наконец-то признался Джарлакс. — Она из дома Баррисон Дель'Армго, второго дома Мензоберранзана, который может сыграть решающую роль в грядущей гражданской войне.

— Вы говорите о шпионе, — пронизательно заметила Синнафейн.

— Я ищу союзника, — сказал Джарлакс. — Если Доум'вилль может помочь предотвратить войну и отвратить дроу от почитания Ллос, разве это не будет хорошим поступком? Разве это не искупит те беды, которые она устроила — под влиянием Хазид'хи, конечно же?

Выражение Синнафейн несколько раз изменилось, наконец оставшись понимающим. Новости о войне на западе давно достигли Лунолесья — в том числе и весть о её неожиданном окончании и великой ереси могущественных дроу против Госпожи Ллос.

— Я не знаю, где сейчас Крошка Доу, — тихо повторила эльфийка. — Я считала, что она давно погибла — или остаётся с отцом в Мензоберранзане.

— Я тоже этого не знаю, — снова сказал Джарлакс и поднялся со стула. — Но узнаю. Теперь, когда я знаю, что могу сказать Доум'вилль про Лунолесье, когда снова её увижу, заверяю вас — я отыщу её, если она ещё жива. А если нет, я сообщу об этом вам.

Выражение лица Синнафейн в этот момент осталось для него непроницаемым. Джарлакс понимал, что внутри эльфийка находится в полном смятении. Трагедия, постигшая эту женщину, её семью, это сообщество, была очень серьёзной.

Но отсутствие реакции с её стороны немного успокоило Джарлакса. Он собирался отыскать Доум'вилль Армго ради власти и выгоды, как делал всегда. Может быть, молодая эльфийка сыграет ключевую роль в его больших надеждах.

Но сейчас, глядя на Синнафейн и думая, что возможно, лишь возможно, возвращение

Доум'вилль, освободившейся от влияния Хазид'хи, принесёт здесь утешение, наёмник ещё больше утвердился в своём решении. Он даже не представлял, что эта миссия станет для него так важна. Он подумал о Бриенне До'Урден. Сравнение с Доум'вилль напрашивалось само, и если Бриенна была надеждой Джарлакса на будущее, была ли Доум'вилль на самом деле его страхом?

Эти беспокойные мысли по-прежнему тревожили Джарлакса, когда он покинул древесный дом, спустился на землю и оставил Лунолесье, вернувшись в Зиморвен-Халл, где ожидала Даб'ней. Эти мысли тревожили его всю обратную дорогу до Мифрил-Халла и к магическим вратам, которые должны были перенести его в Гонтлгрим, к Закнафейну. Они не просто тревожили его. Они его преследовали. Всю свою жизнь Джарлакс совершал прагматичные поступки, просто стараясь выжить. Он всегда пытался не причинять зла тем, кто этого не заслуживал, и по большей части у него получалось — но редко он пытался поступить *правильно* по отношению к кому-то кроме себя и своих нужд.

Это была мелкая игла, но Джарлакс считал, что за века научился ловко с нею управляться.

Однако теперь, где-то глубоко внутри, он не мог отрицать, что начал ставить нужды других по меньшей мере на один уровень с собственными, а если можно было доверять его текущим чувствам — то даже *выше* собственных. Он пытался стряхнуть это тревожное ощущение, напомнив себе, что остаётся в живых именно из-за предыдущего равновесия.

Но нет, он не мог, и покинув портал в Гонтлгриме, Джарлакс лишь кивнул стражникам-дварфам, не обменявшись с ними ни словом. Он прошёл в собственные покои, и ему на пятки наступали призраки надежд на Бриенну и страхов касательно Доум'вилль.

Глава 2

Слово богини

— Это будет просто визит, — ответил Дзирт на гримасу Кэтти-бри. Его жена не обрадовалась предложению взять Бриенну на восток, в Дамару и монастырь Жёлтой Розы, на встречу с магистром Кейном. — Я должен рассказать им о брате Афафренфере.

— Она начала ходить только в прошлом сезоне, а ты уже хочешь научить её разбивать доски ногами? — парировала Кэтти-бри.

Дзирт хотел ответить, но вместо этого просто хмыкнул и покачал головой.

— Пойдём с нами, — опять предложил он.

— Это не просто визит, Дзирт. Я знаю, чего ты хочешь. — сказала она. — Ты хочешь, чтобы она отправилась в монастырь и стала тренироваться и обучаться там.

— Рано или поздно, — признал Дзирт. — Не могу передать, насколько те месяцы с магистром Кейном изменили моё восприятие окружающего мира. И моя... «трансценденция», как зовут её монахи, но мне этого слова кажется недостаточно.

— Мне всё равно, какие слова ты используешь для описания этого опыта.

— Понимаю. После того, как я покинул этот мир, эту жизнь и опыт, я стал видеть намного больше. Разумеется, я желаю разделить это с моим ребёнком — неужели можно иначе?

— Точно так же, как я хочу разделить с Бриенной мою любовь к Миликки? — довольно резко спросила Кэтти-бри, заставив Дзирта моргнуть.

Ему было знакомо упрямство Кэтти-бри, стоявшее за её отказом, поскольку они с Дзиртом разошлись во мнениях по поводу Миликки с тех пор, как товарищи Дзирта вернулись из зачарованного леса несколько лет назад. Спор начался во время дискуссии, казавшейся скорее теоретической, чем материальной или практической, во время диспута по поводу природы орков, гоблинов и других. Дзирт пришёл к выводу, что эти народы гоблиноидов были не злыми по своей природе, как и дроу, но их склоняли к соответствующим поступкам и поведению божественные силы — как и многие другие расы Фаэруна.

Но нет, Миликки отвергала эту теорию. Кэтти-бри, конечно, знала, что дроу не были злыми от природы. В конце концов, она вышла замуж за Дзирта, и он был абсолютно уверен, что она любит его до глубины души. Сохранить при этом подобные предрассудки? Нет, это было невозможно.

Но Кэтти-бри настаивала, что гоблиноиды отличаются, как по её мнению, так и согласно эдиктам её богини. Миликки сказала жрице, поистине *избранной* жрице, что гоблиноиды — воплощённое зло, рождённое лишь затем, чтобы причинять горе. Ничего более. Да, признавала Кэтти-бри, давным-давно Дзирт встретил исключение в небольшом городке под названием Пенгаллен, но хотя она и не сомневалась в его воспоминаниях или его искренности, она сообщила, что считает его суждения в отношении той конкретной ситуации с гоблином Нойхеймом искажёнными. Он не видел полной картины, осторожно предположила Кэтти-бри.

Дзирт и сам не был уверен в своей точке зрения по этому вопросу, зато был убеждён,

что никакая богиня не заставит его поступать вопреки собственной совести. Однажды он тоже следовал за Миликки, но всегда считал её, как и всех богов, воплощением того, что находилось в сердцах их последователей — просто имена, которыми смертные звали свою совесть — а если и чем-то больше, то это было неважно, поскольку поклонение им означало следование тому, что вы считали правдой, а не чьим-то словам. Или, в этом случае, даже не словам, сказанным напрямую.

В последние несколько лет этот спор вспоминался нечасто, но очевидно, оставались какие-то недоговорки, которые вернулись сейчас, когда им необходимо было воспитывать ребёнка и пришла пора отвечать на все связанные с этой непростой задачей вопросы. Им нужно было направлять жизнь другого разумного, независимого, растущего существа. Им предстояло сформировать самое раннее представление Бриенны о мире, и они оба — Дзирт и Кэтти-бри — понимали, что такое влияние может стать как путеводным маяком, так и тяжёлым якорем в путешествии Бриенны.

Дзирт несколько раз пытался что-то ответить, но каждый раз замолкал. Ему нужно было осторожно подбирать слова, поскольку он обращался к самой сути — своей и Кэтти-бри. Конечно, им не требовалось соглашаться по каждому поводу, но это были фундаментальные принципы, которые превосходили вопрос природы гоблиноидов и касались самой концепции божеств, создания и смысла самой жизни.

— Она *узнает* о богине, — сказала Кэтти-бри.

— Я знаю.

— Можешь сказать с абсолютной искренностью, что ты настолько же нерушимо уверен, что она узнает про магистра Кейна и орден Святых Солларов?

— Я — не из ордена Святых Солларов, — напомнил ей Дзирт.

— Разве? Ты совершил наиболее возвышенное и сложное деяние в их учении, покинув по собственной воле материальный план бытия.

— Философия магистра Кейна заключается в познании себя через медитацию и совершенствовании тела через повторение. Таковы учения человека, которого они зовут святым Солларом, да.

— Святым, — повторила Кэтти-бри с недвусмысленным намёком.

— Воином-философом, — поправился Дзирт. — Его учение показало мне путь, как Мили-Маггир ранее, а до него — наставления моего отца, Закнафейна. Но я не обожествляю его.

— Похоже, ты уже никого и ничего не обожествляешь.

Дзирт несколько долгих мгновений переваривал эту реплику.

— Разве я отличаюсь в этом отношении от того меня, который покинул Мензоберранзан?

— Разве не ты привёл меня к Миликки?

Это заставило Дзирта задуматься.

— Я рассказал тебе, что у меня в сердце, и назвал это именем Миликки.

— Потому что она была воплощением твоих этических воззрений, — ответила Кэтти-бри.

— Да.

— Но она живая богиня, и когда она говорит с тобой, разве не являются её слова заповедями, которым необходимо следовать?

— Нет.

Дзирт удивился, как быстро ответ сорвался с его губ, и удивился своей убеждённости.

— Я не знаю, могу ли называть её богиней — или высших существ Торила богами, — сказал он, пытаясь не только объясниться с Кэтти-бри, но и разобраться самому. — Может быть, они всего лишь заботятся о конечных точках пути, который лучше всего подходит их последователям. Может быть, они всего лишь иллюзии или самообман, рождённый, если ничем иным, нашими страхами перед будущим.

— Ты погиб и вернулся к жизни! — напомнила ему Кэтти-бри. — Неужели я обманываюсь в этом?

— Разве? Или я нашёл какую-то магию разума, которая превзошла мою физическую форму и оставила меня во временном состоянии, растворившемся в ничто?

— Или растворившемся во всём?

— Я надеюсь на это, любимая, — с улыбкой признал Дзирт.

— Ты сказал, что испытал радость истинной гармонии. И всё же ты сомневаешься.

— Может быть, это был мой собственный самообман, облегчивший мне переход.

Кэтти-бри хмыкнула — не пытаясь его уязвить, но всё равно уязвила.

— Мой сомневающийся муж. Это реально. Есть больше. Я видела. Я жила в Ируландуне, хотя это было лишь временное место. Но я была там, с Вульфгаром, Бренором и Реджисом, когда мы погибли. И Закнафейн — он был потерян десятки лет, а теперь вернулся.

— Я знаю, — сказал Дзирт. — Столько всего по-прежнему остаётся за границами моего понимания.

— Потому-то это и называется верой.

Пожав плечами, Дзирт признал её аргумент.

— И всё же ты сомневаешься в словах Миликки, — сказала Кэтти-бри. — Она рассказала мне о природе гоблиноидов, и эта природа — зло.

— Я верен тому, что у меня в сердце, — парировал Дзирт. — Я верю в то, что совесть направляет меня...

— Ты ставишь себя выше Миликки, — голос Кэтти-бри стал более резким, но Дзирт заметил, что он тут же смягчился — жена не меньше его устала от этого повторяющегося спора.

— Значит, ты не хочешь, чтобы я познакомила нашу дочь с Миликки? — наконец спросила она.

— Конечно, хочу. Если этого не сделаешь ты, значит сделаю я. Я позволю ей увидеть и впитать весь мир — чтобы она могла выбрать лакомые кусочки, которые есть у неё в сердце.

— И если она выберет Миликки, решит стать жрицей, вместо того, чтобы обучаться у магистра Кейна?

— Разве одно исключает другое?

После тяжёлого вздоха Кэтти-бри признала:

— Вероятно, нет, хотя последнее заставило тебя уйти от первого.

— Возможно, тебе стоит самой отвести Бриенну в монастырь Жёлтой Розы и послушать уроки магистра Кейна, — с усмешкой предложил Дзирт. — Когда-то ты была грозной воительницей и смертоносной лучницей.

— Теперь я стала ещё более смертоносной, — ответила его жена, сощуривая глаза и повернув их в сторону достаточно, чтобы подчеркнуть тихую, легкомысленную угрозу.

Дзирт подскочил к ней и сгрёб в объятия, поцеловав в щёку, а затем прошептал на ухо:

— Я нахожу это весьма привлекательным.

— В конце концов, это же танец, — прошептала в ответ Кэтти-бри, повернувшись в его хватке, чтобы поцеловать его по-настоящему.

— Хочу Генн! — раздался голосок у дверей.

— Может быть, стоит попросить Киммуриэля взять её к иллитидам, — сказал Дзирт, беспомощно улыбаясь. — Этот ребёнок точно умеет читать мысли.

— Не думаю, что твои мысли сейчас так сложно прочесть, — поддразнила его Кэтти-бри, немного покачиваясь в его объятиях. — Вызови пантеру. Пускай немного поиграет со своей *Генн*.

— Пока мы закончим нашу дискуссию?

Улыбка Кэтти-бри стала ещё шире, она хихикнула, но её выражение неожиданно сменилось притворно-суровым взглядом.

— Не испорти, — предупредила она.

— Сегодня ты кажешься... немного растрёпанной? — ехидно заметил Джарлакс, слишком очевидно пытаясь спрятать ухмылку, отчего Кэтти-бри поняла, что покраснела.

— С малышкой каждый день — испытание, — сказала она.

— Наверное, ты очень занята.

— Да, это постоянная гонка.

— Надеюсь, ты находишь время для себя, — подколот наёмник. — Это всегда важно.

— Да, Джарлакс, я обследовала твой огненный кнут, — наконец раздражённо воскликнула Кэтти-бри, пытаясь закончить бесконечную игру загадочных ремарок и подспудного смысла. Да, она знала, как заметно, что только что она покинула постель Дзирта, и не ожидала ничего другого от этого кавалера-дроу, так преданного удовольствиям жизни.

Она пересекла возвышение в небольшой часовне, которую устроила неподалёку от покоев, что делили они с Дзиртом и Бриенной в Гонтлгриме, и достала из-за скамьи чудесный хлыст, который дал ей Джарлакс.

— Узнала что-нибудь интересное? — спросил наёмник.

— Вряд ли. Он действительно делает разрез, ведущий на план огня. Магия настоящая, но это мы уже знали.

— Ты поняла двеомер? Может ли он быть формой заклинания экстрапланарных врат?

Кэтти-бри пожала плечами.

— Думаю, что-то в таком духе. Но здесь нет ничего, что я могла бы найти или понять. Это старое оружие, здесь никаких сомнений. В чём я сомневаюсь — в том, что оно было создано человеческими, эльфийскими или дварфийскими ремесленниками.

— Или даже на этом плане бытия?

— Вероятно. Скорее, его изготовили в Бездне или в Девяти Адах — причём изготовил существо, магические познания которого превосходят мои.

— Ты говоришь о нижних планах. Почувствовала в кнутах какую-то злую волю?

— Нет. Это просто кнут с чудесной магической кромкой, которая прорезает полосы на план огня.

Джарлакс испустил долгий вздох.

— Что?

— Сработает ли это? Или я просто уничтожу волшебное орудие?

— Я не знаю.

— Но ты уже использовала великую кузню таким образом, — сказал наёмник. — Со сломанной саблей Дзирта и Видринат. Ты объединила силы обеих. А потом повторила это со щитом Бренора и волшебным паутинным щитом Орбкресс.

— Объединила, может быть — но не сложила одно с другим. Некоторые силы остались в производстве волшебных предметов; некоторые пропали.

— Однако в обоих случаях конечный предмет был сильнее, чем любой из двух, помещенных тобой в огни великой кузни.

Кэтти-бри кивнула.

— Комбинация Видринат и Мерцающего — грозное оружие, а единственный недостаток щита Бренора заключается в том, что он больше времени тратит, производя кружки эля, лагера и медовухи для своих войск, чем планируя следующую битву.

Это вызвало у Джарлакса улыбку.

— Тогда почему ты колеблешься сейчас, получив моё предложение? — спросил он. — Это мои игрушки, и весь риск — на мне. Разве ты мне не доверяешь?

— Доверяю, конечно, — ответила женщина. — Просто... когда я создавала саблю Дзирта и щит короля Бренора, казалось, что это делает кто-то другой. Я была словно проводником для сил, которых не понимала.

— Для твоей богини?

— Может быть, хотя более вероятно, что здесь замешан Мегера — предтеча, который питает все кузни в Гонтлгриме. Это существо плана огня, практически бог этого плана, заточённый здесь. И ты просишь меня отдать его пламени...

— А, кнут! — сказал Джарлакс, разобравшись, в чём дело. — Ты боишься, что каким-то образом...

— Ты бы бросил бездонную сумку в твою переносную дыру? — оборвала его Кэтти-бри.

— Конечно нет. По крайней мере, сначала...

— Что?

— Неважно, — ответил Джарлакс. Он заплатил Громфу Бэнру небольшое состояние за то, что тот настроил магию переносной дыры, позволив ей принимать другие надразмерные карманы без чудовищных побочных эффектов, но Кэтти-бри незачем было об этом знать.

— А почему ты не стал бы? — надавила Кэтти-бри.

— Потому что это проделает дыру на астральный план, которая засосёт меня и выплюнет наружу. Но здесь всё иначе, — настаивал Джарлакс. — Ни предтеча, ни кнут не создают надразмерный карман.

— Но возможность какой-то непредвиденной катастрофы остаётся, — ответила Кэтти-бри. — И не только для меня и окружающих. Если я позволю предтече покинуть это место, он заберёт с собой магию Гонтлгрима.

Джарлакс замолчал и потёр подбородок, осторожно глядя на девушку. Он серьёзно относился к её предостережениям.

— Ты действительно считаешь, что кнут в великой кузне может привести к катастрофе? — спросил он с заметным разочарованием в голосе.

Кэтти-бри узнала тон и выражение на его лице. Джарлакс планировал это уже долгое время — и не ради своей выгоды. По крайней мере, не только ради своей выгоды — в конце концов, это был Джарлакс.

— Я не ожидаю катастрофы, но всё равно не знаю, что сделает пламя предтечи. Я знаю, чего хотела, когда соединяла Видринат и Мерцающий, но полученное оружие отличалось от

моих желаний. Так же было и со щитом Бренора. Я могу узнать различные двеомеры на предмете, но как они сочетаются — выше моего понимания.

— Но ты имеешь определённое представление.

— Имею.

— Попробуешь?

— У тебя есть второй предмет?

— Пока нет. Получить его будет сложно и недёшево. Но я добуду его, и когда это случится — если ты мне поможешь, если объединишь их с кнутом при помощи великой кузни, я обещаю тебе, что сокровище будет того стоить.

— Ты так говоришь. Но я дочь короля Бренора, жена Дзирта До'Урдена, друг Особняка Плюща, избранная Миликки. Разве Джарлак может предложить мне что-то, чего у меня нет?

— Приключения, — прошептал он, и Кэтти-бри была уверена, что её голубые глаза сверкнули, несмотря на желание оставаться сдержанной.

— Завершение которого ты наверняка найдёшь достойной тратой своего времени, — добавил Джарлак. — Я хорошо тебя знаю, добрая госпожа. Я знаю, что у тебя в сердце. Награда тебе понравится.

— Если это такое достойное приключение, зачем мне оказывать тебе услугу, чтобы заняться им?

Джарлак громко рассмеялся.

— Потому-то ты мне и нравишься так сильно, — сказал он, снял свою широкополую шляпу с лысой головы и низко поклонился.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Потому что здесь всё взаимосвязано, — ответил Джарлак. — Ковка, приключение, дары участникам. Мне потребуется этот кнут, или результат твоих стараний, для успеха предстоящего путешествия — предстоящего нам.

Кэтти-бри на мгновение задумалась над этим, а также над тем, почему и для кого Джарлак попросил её использовать великую кузню Гонтлгрима.

— Значит, кнут и этот другой предмет соединяются для Закнафейна, а приключение предназначено для меня. А что получит Джарлак? — спросила она.

— Передышку от скуки правления и пересчитывания золотых монет, и укрепление связей с дорогими мне друзьями.

— И?

— И больше ничего, — сказал он, но Кэтти-бри ему не поверила, что ясно отразилось на её лице.

— То, что я, что *мы* ищем, может совершить переворот в бурлящих водах Мензоберранзана, — объяснил наёмник. — И даже если нет — это приключение, миссия, достойные выполнения. Я более чем уверен, что ты со мной согласишься, когда наступит время начинать.

— Послековки, — повторила она. — Как скоро?

— Здесь задействованы другие аспекты, — ответил Джарлак.

— Как всегда. Если в дело замешан ты.

— Конечно, госпожа; потому-то я и побеждаю.

— Но на сей раз из-за этого одержим победу все мы?

— Надеюсь, — ответил Джарлак неожиданно серьёзным и даже мрачным голосом. —

Я заставил Громфа с головой погрузиться в исследования, чтобы найти подходящую точку для начала. Думаю, он закончит к тому времени, как я смогу вернуться с другим предметом для кузни, а ты завершишь работу здесь. Тогда мы сможем начать по-настоящему.

— Твои слова, как всегда, вместо ответов приводят к новым вопросам.

— Потому что, дорогая моя Кэтти-бри, мир полон чудесных загадок.

— Посмотрю, что смогу ещё узнать, — сказала она, со вздохом соглашаясь. — Если я решу, что риск невелик, я сделаю для тебя эту перековку. Но я не несу ответственности, если результат тебе не понравится.

— Я живу ради подобного азарта, — сказал он. — А ещё — делаю всё, что в моих силах, чтобы убедиться, что правильно сделал ставки.

В этом Кэтти-бри тоже ни капли не сомневалась.

Глава 3

Столкновение интересов

— Они уже ушли? — спросил изумлённый Джарлакс, когда вышел из телепорта в небольшое помещение в недрах Главной башни Колдовства в Лускане и обнаружил ожидающего Беньяго, нетерпеливо расхаживающего с небольшим предметом в руках, который потребуется Джарлаксу, чтобы догнать их, если его подозрения оправдаются.

Беньяго кивком подтвердил их отбытие.

— «Пеликана» видели плывущим на юг мимо Окни вчера на рассвете, — объяснил он.

— Значит, он будет здесь.

Беньяго покачал головой.

— Капитан Арронго знает, что его последние акты пиратства нарушили эдикты Пяти Капитанов, и что здесь назначена цена за его косматую голову. Он проплывёт мимо, пока не стихнет шум.

Джарлакс вздохнул.

— Не думал, что усмирить этих людей будет так сложно. Они обладают удивительной способностью игнорировать собственное отражение. Нас окружают капитаны Арронго, но большинство этих людей убеждены, что это мы, дроу, здесь злодеи.

— Конечно, но капитан Арронго — не чистокровный человек, — напомнил ему Беньяго. — «Пеликан» далеко и идёт под полными парусами. Он пройдёт мимо Лускана, скроется за горизонтом и, скорее всего, будет держаться подальше от берега на всём пути до Врат Балдура.

— Может быть, Арронго так и собирается поступить, но думаю, что ему это не удастся, — сказал Джарлакс, проходя мимо и взяв из рук Беньяго волшебную статуэтку.

— Море сегодня бурное, — предупредил Беньяго. — Ты промокнешь.

— Мог бы и не улыбаться при этих словах, — буркнул Джарлакс.

— Мог бы, но не стал, — со смехом отозвался главный капитан.

Джарлакс это уважал.

Вскоре они покинули Главную башню и направились к северо-западному побережью острова, оставив позади огни знаменитого Города Парусов. Здесь прибой был сильнее всего, а значит — эта часть острова была самой отдалённой, и, как напомнил ему Беньяго, здесь проще всего было встретить крупную акулу.

— Знаю, знаю, — сказал Беньяго, скидывая руки в ответ на гримасу Джарлакса. — Мог бы и не улыбаться при этих словах.

Джарлакс мог лишь рассмеяться и напомнить себе, что хорошее настроение Беньяго было вполне объяснимо. За те два года, что почти прошли после поражения демонических орд, северное побережье Меча снова стало мирным и приятным местом. Бреган Д'эрт полностью вернул себе власть над Лусканом, и хотя народ города теперь знал, что сила, стоящая за главным капитаном — на самом деле отряд дроу (хотя Беньяго продолжал носить свою человеческую личину), недовольных было мало. Беньяго играл роль щедрого предводителя, а с новыми отношениями с домом Маргастер из Глубоководья благодаря связям последнего товары текли рекой, и Лускан снова начал процветать.

Помогло и то, что Бреган Д'эрт изгнал из города гноллов и демонов. Что Бреган Д'эрт спас столько жизней лусканцев — людей, dwarфов, полуросликов, эльфов и всех остальных.

Народ Лускана жил хорошо, окружённый союзниками и обладающий флотом, не уступающим флоту любого города на побережье Меча, пускай и не особенно организованным.

Жизнь стала проще.

Может быть, даже слишком, подумал Джарлак, опуская в воду статуэтку — небольшое парусное судно — и прошептал командное слово: «Безделушка». Судно немедленно засияло и увеличилось в размерах, превратившись в небольшой баркас с квадратным парусом, способный вместить нескольких пассажиров. На борту сверкало имя, данное ему Джарлаксом, то самое командное слово, которое вызывало волшебный корабль.

Джарлак шагнул на «Безделушку» и уселся, указав на скамью рядом.

Беньяго мгновение помедлил, но покачал головой.

— Ты уже давно не обнажал клинок, — сказал Джарлак.

— И не менее давно мне этого не хочется.

Джарлак коснулся поля шляпы в ответ и обратил своё внимание на море. Он прошептал «Маяк», и стекло, установленное на носу, засияло, медленно поворачиваясь слева направо, потом в другую сторону. Повороты становились всё короче, справа от центра, потом стали совсем узкими.

Нашли свою цель.

Волшебный ветер подул с кормы, наполнил парус, и лодка скользнула прочь от берега. Джарлак поначалу отключил направляющую магию маяка, чтобы провести её прямо через буруны. Раскидывая брызги и подскакивая на волнах, не раз набирая воздух, «Безделушка» справилась с задачей, хотя управляющий ею наёмник промок до нитки к тому времени, как маленькое судёнышко наконец преодолело лусканский прибой. Здесь, в спокойных водах, Джарлак отдал управление магии и вместо этого взялся за единственный шест, поднимающийся из центра скамьи. Медленно он наклонил его вперёд, и с каждым дюймом наклона ветер за спиной усиливался.

Вскоре нос судна высоко разбрасывал пену.

— Следуя ветру и быстрым морям, — сказал Джарлак, поменяв местами прилагательное в обычной поговорке моряков.

Что за чудесный предмет! Прекрасный подарок от лорда Глубоководья в честь подписания торгового соглашения между его домом и королём Бренором из Гонтлгрима.

Огни Лускана удалялись за кормой быстро скользящей лодки, а чистое небо впереди являло Джарлаксу карту абсолютного мира и спокойствия. Долгое время он просто наслаждался этим ощущением, запахом океана и ритмом волн, брызгами с носа, которые стали почти что речитативом, медитативной мантрой.

Только огни корабля впереди нарушили этот приятный транс, напомнив бродяге, что мир долго не продлится.

Скорее всего, «Месть Дюдермонта» была самой быстрой шхуной на побережье Меча и шла сейчас полным ходом. От носа до кормы её паруса были наполнены сильным юго-западным ветром. Однако волшебная лодка Джарлакса, приводимая в движение магическим ветром, без проблем догнала её. Маяк на носу заставлял лодку плыть прямо к точке на левом борту «Мести», и приблизившись к судну, Джарлак поднял свисток и подул.

Он почти сразу же увидел, как засуетились матросы — они заметили его приближение

даже с единственным огнём — и несколько появились у перил на юте, указывая вниз и махая. Другие показались у борта, часть принялась крутить лебёдку, чтобы опустить доску, плотно прикрепленную к борту, диагональный трап, тянущийся от палубы к воде. Когда планка была перпендикулярна борту, освободилась выступающая платформа, перевернулась и со всплеском упала на воду.

Маяк Джарлакса направил его напрямик к платформе, где он грациозно вышел из лодки, взявшись за её высокий нос. Он произнёс тихий приказ, и лодка неожиданно уменьшилась, снова превратившись в миниатюрную реплику, и он сунул её себе в кошель, поднимаясь на палубу. Не успел он достигнуть уровня борта, как услышал звуки рвоты и широко ухмыльнулся, угадав их источник.

— Мы думали, ты всё веселье пропустишь, — сказала Милашка Чарли, капитан «Мести Дюдермонта», стоявшая у перил, чтобы поприветствовать его.

— Ни за что, — заверил её Джарлакс. Он шагнул мимо, направляясь дальше на корму, к звукам морской болезни, но Милашка Чарли схватила его за руку, разворачивая обратно. Сначала она ничего не сказала, но выражение лица говорило всё за неё.

— Ты по-прежнему боишься этого поручения, — заметил Джарлакс.

— Капитан Арронго умён, — ответила Милашка. — Он собрал лучшую команду из сорвавшихся с цепи после вторжения Маргастера головорезов.

— Из самых жестоких, ты хочешь сказать.

— Пираты, — ответила Милашка. — В Лускане их было — и по-прежнему остаётся — полно. А Арронго набрал самых худших. «Пеликан» плавал до самого моря Движущегося Льда. Команда Арронго ходит в Десять городов в Долине Ледяного Ветра за толстолобиком, и забирают больше, чем платят. В долине тысячи жителей — крепкий народ, каждый день живущий на краю катастрофы — но они преклоняют колена и отдают деньги Арронго.

— Легенды преувеличивают правду, — сказал ей Джарлакс. — С влиятельными людьми почти всегда так. Когда снимаешь с них доспехи, под ними оказывается больше жира, чем мышц.

После мгновенных раздумий Милашка Чарли ответила:

— И с Бреган Д'эрт тоже?

— Почти всегда, — парировал Джарлакс.

— Даже не думай, что «Пеликан» — лёгкая добыча, — предупредила Милашка. — Там дюжина жрецов и волшебников, привыкших к битвам на море. Там полная команда бойцов, убийц, гноллов, полуогров и любых других опасностей, которые только можно себе представить.

— Да, сильнейшее пиратское судно под началом самого знаменитого и устрашающего пирата на севере, — согласился наёмник. — Именно поэтому «Пеликан» необходимо остановить и отправить на дно. Прямо сейчас.

Серьёзный тон Джарлакса застал женщину врасплох. Её реакция сказала Джарлаксу как важен для него и его надежд на Лускан этот предстоящий бой — и дело не только в личной выгоде и поисках оружия для его друга-воителя.

— Лускан по-прежнему истекает кровью, — продолжал он. — Лускан десятки лет истекал кровью.

— Но ты правишь там годами, — сказала Милашка Чарли.

Джарлакс покачал головой.

— Не совсем. Мы дёргали за ниточки из тени, да, но этого недостаточно. Уже

недостаточно.

— Король Джарлакс? — ехидно сказала Милашка, задирая голову, чтобы подозрительно взглянуть на дроу.

Тот нахмурился.

— Я не хочу быть королём.

— Что тогда? Почему тебя заботит «Пеликан» и капитан Арронго?

— Потому что я хочу, чтобы жители Лускана *желали* видеть меня своим королём.

— Ты только что сказал, что не хочешь им быть.

— Не хочу. Но я подозреваю, что когда они поймут, сколько Бреган Д'эрт может им предложить на самом деле, то не согласятся на меньшее от любого, кто станет ними править.

Женщина сделала ещё одну долгую паузу.

— Ты странный парень, Джарлакс. Что, по-твоему, ты им предлагаешь?

— Свободу от типов вроде капитана Арронго.

Джарлакс заметил, что если ткнёт Милашку Чарли в лоб, она скорее всего завалится на спину.

— Да, я не стану спорить, что Арронго опасен, — сказал он. — Слишком опасен.

— Достаточно опасен, чтобы забрать Лускан у Джарлакса, — ответила женщина.

— И кого из нас по-твоему предпочтёт народ Лускана?

— Ты дроу, — сказала она, как будто этого ответа было достаточно.

— Да, они это знают, и знают, что старшего капитана Курта поддерживают дроу. Но они знали о нашей власти годами, даже если не знали, кто за ней скрывается. Так что спрашиваю опять — кого из нас, Джарлакса или Арронго, должен предпочесть народ Лускана — по твоему мнению?

— От старого взгляда на мир не так-то просто отказаться.

— Давай спрошу иначе, — сказал Джарлакс. — Кто из нас — Джарлакс или Арронго — будет лучше для Города Парусов по мнению Милашки Чарли?

Единственным ответом женщины стал кивок. Джарлакс видел, что она знает. Она уже несколько месяцев находилась за занавесом и хорошо понимала замыслы Бреган Д'эрт, и эти замыслы в первую очередь служили выгоде народа Лускана.

В следующий миг Милашка кивнула снова — уже более уверенно.

— Это твой корабль, капитан Чарли, — снова сказал Джарлакс. — Ты знаешь, с чем нам предстоит встретиться на этих тёмных волнах, и знаешь, каковы ставки. Если хочешь вернуться в Лускан, отдавай приказ. «Местью Дюдермонта» командуешь ты. Милашка Чарли сама прокладывает курс.

— Ты говоришь со мной или говоришь с Лусканом?

— Да.

— Тогда скажу, что для Лускана будет лучше, если мы вернёмся к его причалу с «Пеликаном» на буксире и головой капитана Арронго.

Джарлакс коснулся полей шляпы и поклонился капитану. Он одобрительно подмигнул ей, выпрямился и снова направился к корме.

— Значит, ты закончил свои дела? — спросила она, остановив его ещё до первого шага.

Джарлакс кивнул, растерявшись лишь на мгновение, прежде чем угадал её следующий вопрос ещё до того, как он был задан.

— Вульфгар был там? В Гонтлгриме?

— Я его не видел, — признал наёмник. — Слышал, что он был снаружи, в тоннелях и в Кровоточащих Лозах.

— Ну ладно, — отозвалась она с заметным разочарованием в голосе и на лице.

— Добудь мне «Пеликан», и когда мы вернёмся в Лускан, я устрою тебе путешествие через портал, чтобы ты сама могла навестить Вульфгара, — пообещал Джарлак.

Женщину выдала улыбка, но она быстро покачала головой, заметно нервничая.

— Почему ты его недооцениваешь? — спросил Джарлак. — Или ты считаешь не соответствующей себя?

— Я не хочу вмешиваться. У него есть своя жизнь, у меня своя.

— Благодаря ему, — напомнил ей Джарлак.

— Благодаря тебе.

— Нет, благодаря Вульфгару. Я доверяю ему — наверняка больше, чем он доверяет мне — и Вульфгар нравится мне больше, чем я ему. Он стал доверять Милашке Чарли, а значит, ей доверяю и я. Ты произвела на него немалое впечатление, и он будет рад тебя видеть.

Женщина пожалала плечами, и даже в лунном свете Джарлак заметил, как она краснеет.

Он вырвал её из этого мгновения рассчитанным вздохом.

— Хотелось бы мне отправиться назад во времени и найти в твоём сердце то, что привело тебя сюда, — сказал он. — Неужели ты действительно так мало себя ценишь, что боишься отправиться на встречу с ним?

— У него своя жизнь, а у меня своя, — повторила она.

— Ты боишься, что он тебя отвергнет.

— У него своя жизнь, а у меня своя.

Джарлак рассмеялся.

— Значит, ты отвергаешь возможность быть отвергнутой, прежде чем таковая представится. Что очень странно — и я говорю это со всем уважением, капитан. Я вижу это во многих вокруг, эльфах, дроу, дварфах, в любых народах, в мужчинах и женщинах. И наиболее странным мне представляется это в людях, жизнь которых так коротка. Зачем тратить то, что может быть счастливым временем, и вместо этого сидеть печальным, жуя губы от страха, что это счастливое время не будет счастливым?

— Ты говоришь чепуху.

— Вовсе нет! Отправишься на встречу с ним — и обретёшь прекрасные воспоминания в своей слишком короткой жизни, вместо того, чтобы сидеть здесь и отказываться от этой возможности.

— У него есть Пенелопа Гарпелл, — напомнила она.

— Пенелопа? — сказал Джарлак и хмыкнул. — Скорее всего, она сейчас в Особняке Плюща, и в любом случае не станет особо ревновать, уверяю тебя.

— А если нет, и она в Гонтлгриме?

— Тогда, скорее всего, она присоединится, если ты не будешь возражать, — с громким смехом сказал Джарлак. — И нам всем стоило бы проводить больше времени с Пенелопой Гарпелл, пускай и не таким образом. Да, мы могли бы многому у неё научиться, в особенности тому, как больше радоваться жизни.

Он замолчал, заметив её выражение, и добавил:

— Да, даже Джарлак!

Это заставило Милашку широко усмехнуться и кивнуть, и Джарлак надеялся, что она примет его совет.

— А теперь мне нужно отправляться к другу, — сказал он, когда раздались звуки нового приступа рвоты. — Сколько его уже тошнит?

— С тех пор, как мы прошли вторую волну из Лускана, — сказала Милашка Чарли с искренней благодарной усмешкой и кивком.

— Сколько до «Пеликана»?

— Нагоним к рассвету, если найдём его паруса. Так что да, иди к мастеру Закнафейну. Если хочешь, чтобы он был готов к бою, стоит привести его в чувство.

Джарлакс снова коснулся полей шляпы в знак уважения к капитану и снова порадовался тому, что Вульфгар заступился за неё, когда флот гноллов и демонов с Бревиндоном Маргастером во главе оккупировал Лускан. Теперь она стала ценным членом команды Джарлакса, способным капитаном, свирепым бойцом, обладающим важными познаниями и пониманием региона и самого города. Джарлакс ей не врал. Больше всего он хотел, чтобы народ Лускана желал лидерства Бреган Д'эрт, и Милашка Чарли была одной из тех людей, которые могли помочь ему добиться этой цели.

Он пересёк палубу, обогнул какие-то мешки и бочки, и заметил фигуру, застывшую у низких перил, закинув на них руку; казалось, она вот-вот готова соскользнуть на палубу и растянуться там.

— Мандраж перед битвой? — спросил он, подходя, чтобы встать над Заком.

— Что это за разновидность ада? — ответил Зак, пытаясь поднять глаза достаточно высоко, чтобы посмотреть на Джарлакса, но не совсем справляясь.

— Я предупреждал — тому, кто знал только твёрдость суши, нелегко привыкнуть к морским волнам.

— Заткнись.

— Кажется, ты ответил, что это ничем не отличается от раскачивающихся паутин Чед Насада. Мне сложно припомнить точную формулировку, поскольку ты говорил, дожёвывая полусырую яичницу, если я правильно помню.

Простого упоминания сырых яиц хватило, чтобы Зак перегнулся через перила, где его снова начало рвать.

— Судя по всему, капитан Арронго окажется грозным противником, — сказал Джарлакс. — Хочешь, чтобы я стал твоим защитником и одолел его? Я почтительно откажусь, ведь тогда ты не сможешь заявить свои права на его меч.

Закнафейн чуть выпрямился и повернул недовольное лицо к командиру наёмников, не в силах скрыть свою заинтересованность по поводу последнего.

— Давай, давай, — сказал Джарлакс, предлагая ему руку. — По крайней мере, заставим тебя встать и походить.

Зак не принял руку и отвёл взгляд.

— Мне нужно больше времени.

Джарлакс тяжело вздохнул и стянул волшебную повязку с лица, затем наклонился и надел её на голову Закнафейну, повернув так, чтобы она прикрывала левый глаз оружейника. Он схватил Зака за плечо и потянул, и на сей раз Зак сумел подняться, выпрямиться и не шататься перед Джарлаксом. Его выражение неуверенности быстро сменилось озадаченностью.

— Двеомер истинного зрения на повязке очень помогает, — сказал Джарлакс. — В первый раз на этих бурных волнах мне пришлось так же худо, как и тебе.

— Но теперь ты в нём не нуждаешься?

— Нет.

— Тогда почему ты не дал мне повя... — Зак резко замолчал и сильно нахмурился.

— Без мучений ты никогда не привыкнешь к морской качке.

— Я никогда больше не буду плавать.

Джарлакс фыркнул, но спорить не стал.

— Крепись, дружище; награда стоит рвоты.

Зак повернул голову вбок и сплюнул через перила.

— Тебе нужны агенты на суше. Лучше я буду служить там.

— Я здесь только ради тебя, — сказал Джарлакс.

— Зачем? — скептически поинтересовался Зак, наклонил голову набок и посмотрел на

Джарлакса через повязку, используя ещё одни из её замечательных чар, чтобы распознать искренность слов бродяги. — Спасибо?

— Считай это частью своего путешествия на пути личного роста, — объяснил Джарлакс. — У тебя больше нет сабель твоего сына. Неужели ты думаешь, что я позволю моему второму...

— Киммуриэль — твой второй.

— Он — другая половина первого. В моей части Бреган Д'эрт, в моих, скажем, личных путешествиях, ты — мой напарник.

— Ты назвал меня вторым. Теперь я — напарник? А Артемис Энтрери знает об этом новом порядке?

— Нам предстоит бой. Ты что, собираешься сейчас обо всём спорить?

— Звания важны.

— Какое ты бы предпочёл?

— Лучшего, чем ты, — сказал Зак, стянул повязку с головы и швырнул её назад Джарлаксу. Его заявление и поступок показались бы весомее, не выбери Зак следующий момент для того, чтобы исторгнуть остатки содержимого его желудка, снова перегнувшись через перила.

— Продолжай травить, и приведёшь к нашему борту акулье войско! — крикнула Милашка Чарли.

— Почему она ещё жива? — спросил Зак.

— Она поживее тебя, и когда мы догоним «Пеликан», добром это не закончится, — сказал ему Джарлакс.

— Для того, чтобы поймать «Пеликан», я тебе не нужен.

— Воин должен заслужить свой меч.

— У меня есть меч. Даже два!

— У тебя есть пара острых палок. Вот у капитана Арронго с «Пеликана» — у него есть меч.

— Думаешь, его меч побьёт мою пару острых палок?

— В том-то и сложность, неправда ли?

— Разве?

Джарлакс пожал плечами.

— Если тебе интересно, у Арронго полный трюм невинных пленников, включая детей, которым предстоит жуткая смерть или рабство.

Он протянул другу повязку.

Закнафейн мгновение смотрел на неё, потом заставил себя встать и отказался от

предложения. Он закрыл глаза, перестал дрожать, и Джарлакс видел, что он физически закаляет себя от морской болезни — ещё одно напоминание наёмнику о силе воли Закнафейна.

Он был так рад, что этот дроу снова рядом.

Зак открыл глаза.

— Ты должен мне яичницу.

— Это будет наша победная трапеза, — пообещал Джарлакс.

Несколько часов спустя Джарлакс вышел из каюты Милашки Чарли, где получил такой необходимый отдых, и обнаружил нарастающую суматоху у перил правого борта. Несколько матросов собрались вокруг пары мужчин с баграми, по очереди низко перегибающимися через перила, как будто пытаясь вытащить что-то из моря.

— С «Пеликана», — сказала Милашка Чарли Джарлаксу, когда тот приблизился. Она указала подбородком на груды выуженных вещей; по большей части, одежда, в том числе разорванное в клочья платье, которое как будто в чём-то запуталось. Подойдя поближе, Джарлакс вздрогнул и отвернулся, увидев, что это «что-то» — отрубленная рука, по-прежнему торчащая из рукава.

Один из людей с багром вскрикнул и упал на палубу, выпустив длинное древко багра. Женщина схватилась за древко и подняла его, показывая, что конец обломан.

— Белая акула, — сказала Милашка Джарлаксу. — Они следуют за «Пеликаном», и команда Арронго решила поразвлечься.

— Поразвлекься, — с отвращением повторил Джарлакс. Он покачал головой. — Далеко?

— Мы бы видели его паруса, будь в небе солнце.

— Каждый потраченный миг может стоить очередной жизни.

Милашка Чарли кивнула.

— Заполни ветром паруса, — сказала она первому помощнику. — Погасите все огни, чтоб ни одной свечи не горело, и пускай заткнутся, все до единого. Ни звука с «Мести». Арронго и его псы сначала увидят нас, и только потом услышат — а когда увидят, для них будет уже слишком поздно.

Женщина кивнула и бросилась прочь, раздавая приказы.

— Они воспользуются против нас пленниками, прежде чем начнётся бой, — сказала Джарлаксу Милашка.

Бродяга-дроу покачал головой.

— У меня есть план.

— Может быть, стоит рассказать о нём капитану.

— Меня не будет на вашем корабле, капитан, — с усмешкой ответил Джарлакс и похлопал по кошелю с его волшебной лодкой.

— Покидаешь корабль?

Джарлакс кивнул — план лишь сейчас сложился у него в голове.

— Оставлю тебе все мои силы — распоряжайся ими, как пожелаешь. Началом стычки будет командовать Милашка Чарли.

— А потом?

— А потом я помогу, — вот и всё, что мог сказать сейчас Джарлакс, и коснувшись шляпы, он раскланялся и пошёл под палубу, в дальний угол трюма, где оставил Закнафейна,

Энтрери и ещё нескольких участников Бреган Д'эрт.

Не успел он сойти с трапа, как почувствовал, что «Месть Дюдермонта» подняла нос немного выше; паруса поймали ветер и понесли корабль. Да, подумал Джарлакс, он рад, что прислушался к Вульфгару по поводу Милашки Чарли.

Капитана Милашки Чарли.

Они услышали шум далеко впереди во мраке, крик, всплески. Потом новые крики — громче и больше.

Джарлакс налёг на рычаг, пытаясь выжать из магии ветра всё, что можно. Рядом с ним на «Безделушке» шептала что-то себе под нос жрица Даб'ней, собирая магическую энергию для предстоящего испытания. Сразу перед ним, за мачтой, по обеим сторонам от высокого носа шлюпки подались вперёд Закнафейн и Артемис Энтрери, напрягая глаза и вглядываясь во мрак.

— Движущиеся огни, — прошептал Зак, указывая вперёд.

— Игра звёздного света на воде? — спросил Джарлакс.

— Нет, больше, — вмешался Энтрери. Тёмный плащ развевался позади него на сильном ветру, и он придерживал рукой свою новую шляпу, стильный чёрный предмет с тульей в пять пальцев толщиной спереди и низкими полями в три пальца, загнутыми вниз впереди, плоскими по бокам и чуть загибающимися кверху сзади. Он был одет скорее для ночи в городе, чем для битвы.

Но от того не менее смертоносен.

— Фонари, — тихо провозгласил Закнафейн. — Факел.

— Они хотят посмотреть, как акулы рвут тех, кого они бросили в море, — сказал Энтрери. Он наклонился в сторону, низко, оглядываясь на Джарлакса из-под скачущей нижней перекладки единственного квадратного паруса. — По-прежнему считаешь, что эти пираты достойны пощады?

— В прошлом кто-то мог бы спросить то же самое про Артемиса Энтрери, — напомнил ему Джарлакс.

— Ты сделал бы так, когда был моложе? — спросила Даб'ней.

— Нет, — с убеждённостью ответил Энтрери. — Только не с пленником, чьё единственное преступление — быть пойманным пиратами.

Он отвернулся, посмотрел вперёд, и добавил — мрачно и тихо:

— Но я бы сделал это с пиратами.

— Даб'ней, заглуши нас и спрячь «Безделушку», — приказал Джарлакс. Он сунул руку в кошель и достал цилиндрический предмет, затем продолжал вытягивать его, пока подзорная труба не вышла целиком из бездонной сумки. Он установил его в выемку на носу «Безделушки», вытянул далеко впереди судна, и хотя сфера мрака Даб'ней укрывала лодку от кормы но носа, Джарлакс по-прежнему видел их место назначения через дальний конец подзорной трубы, который выходил за сферу и был зачарован, чтобы работать именно в таких ситуациях.

Лодка мчалась по волнам, и Джарлакс стал лучше различать огни «Пеликана».

Он потянулся назад и похлопал Даб'ней, сигналивая ей убрать волшебную темноту; как только она пропала, он дал остальным знак соблюдать тишину, а Даб'ней — снять и это заклинание.

— Придержи нас, — прошептал Джарлакс, и Энтрери отогнул назад рычаг.

— Скоро они увидят «Мечь», — заметил Закнафейн.

— Хорошо. Они будут смотреть на неё, а не на наш низкий профиль, — добавил Энтрери.

Джарлакс кивнул. Он был доволен предыдущим обменом репликами между Энтрери и Даб'ней. Сейчас тот казался другим человеком — вплоть до его выбора шляп. Когда он выпустил души из своего вампирского кинжала, с его плеч как будто упал огромный груз, как будто сейчас — и только сейчас — он поверил в собственный шанс на искупление.

— Все знают свои места? — прошептал Джарлакс и добавил для Даб'ней: — У тебя готовы нужные заклинания?

— Мы будем бесшумны, словно тени, — пообещала она.

— Сбавь скорость! Сбавь скорость! — свирепо зашипел Джарлакс, отчаянно махая рукой.

Энтрери отреагировал немедленно, отогнув рычаг до конца. Магический ветер исчез, и «Бездевушка» замедлилась так сильно, что им пришлось хватиться за неё или наклониться к палубе или к морю, чтобы устоять на ногах. Энтрери потребовалось всего мгновение после того, как Даб'ней сняла волшебную тьму, чтобы понять, почему Джарлакс всполошился — прямо перед ними, чуть правее, плыло что-то в тёмной воде. Когда они приблизились, это оказалась женщина, болтающаяся в море.

Закнафейн развернул лодку, чтобы приблизиться к ней, и Энтрери нагнулся, чтобы подхватить неподвижное тело.

Но отдёргнулся в страхе, и женщина перевернулась.

Или, скорее, половина женщины перевернулась.

Энтрери дёрнул за рычаг, ударил ветер и «Бездевушка» ринулась прочь. И как раз вовремя — сразу за ними вырвалась на поверхность крупная акула, проглотив вторую половину своей трапезы.

Четыре потрясённых мореплавателя собрались с духом, пока мелкое судёнышко мчалось к большому кораблю, и больше не сказали ни слова о милосердии к пиратам.

Вообще не сказали ни слова.

Безмолвные, как смерть, они скользили рядом с целью. Джарлакс взял по кинжалу в каждую руку с его магическими наручами, и произнеся волшебное слово для «Бездевушки», он убрал мачту. Он вонзил кинжалы в борт «Пеликана», подтянув лодку назад под круто изгибающийся корпус у высокой кормы, скрыв их от взглядов с палубы рядом с рулём. Он передал торчащие из досок кинжалы Энтрери, шагнул назад и использовал свой любимый жезл, приклеив суда друг к другу пузырьём липкой слизи. Четверо стали ждать.

Совсем скоро они услышали суматоху наверху, бегающих пиратов, выкрикивающих приказы помощников.

«Мечь Дюдермонта» пока ещё была далеко, но тёмные силуэты её парусов скоро оказались в поле зрения четвёрки — и они быстро приближались.

— Терпение, терпение, — прошептал Джарлакс, когда Зак достал свои мечи. Джарлакс обращался не только к остальным, но и к себе самому — он понял это, когда снял свою огромную шляпу и сунул туда руку.

Неожиданно небо между двумя кораблями осветилось, и с «Пеликана» обрушился град небольших огней, а затем — более крупный снаряд из горячей смолы. Отдача от катапульты «Пеликана» едва не потопила «Бездевушку».

Горошины волшебного пламени взрывались большими огненными шарами, одна за

другой — хотя на самом деле их нельзя было назвать шарами или вообще чем-то сферическим, ведь зажигались они, растекаясь по волшебным щитам «Мести», которые сдерживали их пламя. Снаряд из катапульты ударил в стену ветра, искры и угли разлетелись по сторонам, не причинив вреда, и на него хлынула наколдованная вода, погасив большую часть пламени. Но значительная часть его нагрузки пробилась и рухнула на палубу. Несколько огненных шаров тоже нашли свои цели.

Один из парусов «Мести» загорелся. Джарлак и остальные слышали крики нескольких моряков, задетых пламенем или горящей смолой.

Но «Месть Дюдермонта» шла дальше, её команда отреагировала, как требовал Джарлак, как обучила их Милашка Чарли.

С носа «Мести» ударил в ответ залп огненных шаров, разбившись о похожую защиту.

Обмен ударами продолжался, и вскоре стало ясно, что у «Пеликана» нет шансов обогнать великолепную шхуну. «Месть Дюдермонта» была построена по тайным чертежам «Морской феи», легендарного охотника на пиратов с побережья Меча, которым командовал капитан Дюдермонт. В своё время ни один корабль на побережье Меча не мог обогнать «Морскую фею», и то же касалось и её наследника, особенно — с такой прекрасной командой.

И великолепным капитаном, к своему глубокому удовлетворению начал понимать Джарлак.

«Пеликан» опять зашатался — от огня катапульты и от ударов, нанесённых многочисленными волшебниками «Мести».

Огненные шары сменились молниями, когда «Месть» стремительно нагнала корму «Пеликана», и предсказуемо, «Пеликан» начал поворачивать на левый борт, желая дать лучникам и заклинателям возможность для залпа.

— Держитесь, — предупредил Джарлак, и стоило ему произнести эти слова, как «Пеликан» задрожал и сильно покачнулся.

— Ледяная буря, — тихо пояснил Заку и Даб'ней Энтрери. Главные волшебники «Мести» дождались поворота, а затем обрушили поток льда и конусов волшебной изморози в воду перед подавшимся налево носом вражеского корабля. Удар и лёд не остановили разворот, конечно же, но сотрясли все палубы «Пеликана». Четвёрка на «Безделушке» слышала, что немало пиратов вылетели в воду за левым бортом, и к тому времени, как «Пеликан» оправился от потрясения и неожиданности, «Месть» была уже слишком близка и сама разворачивалась слишком круто, чтобы залп имел серьёзные последствия.

— Считайте, — сказал Джарлак друзьям, и Даб'ней начала шептать своё заклинание, подняв руку, чтобы дать другим отсчёт.

— Пять, — тихо сказал Джарлак и достал круглый кусок ткани из-за тульи своей шляпы.

— Четыре, — сказал он, что-то шепнул и швырнул ткань, придав ей вращение.

— Три, два, — быстро сказал он, догоняя счёт Даб'ней, когда его волшебная ткань, переносная дыра, прилипла к корпусу «Пеликана», открывая широкий проход на нижнюю палубу судна.

Не успел он закончить отсчёт, как Артемис Энтрери уже нырнул в переносную дыру, а сразу за ним — Закнафейн. Их поприветствовал громкий крик, быстро оборвавшийся, когда Даб'ней набросила свою волшебную тишину на трюм.

Джарлак прыгнул в дыру, грациозно перекатился и вскочил, готовый к бою. Он

воспользовался наручем на правом запястье, призвав в руку новый кинжал, и занёс его для броска.

Однако вид внутри трюма заставил его замереть, поскольку в этом длинном узком помещении располагались пленники — побитые, истощённые, прикованные цепями к потолку. Мужчины и женщины, даже дети, подвешенные за окровавленные запястья, обмякшие. Несколько из этой несчастной группы каким-то образом до сих пор стояли на цыпочках, но дети и взрослые с низким ростом просто висели в воздухе, раскачиваясь при каждом рывке корабля.

Только когда Закнафейн бросился слева направо, Джарлакс заметил пирата, массивного гнолла, который встретил атаку Зака широким взмахом своей шипастой булавы.

Каким неуклюжим и медленным он казался по сравнению с разъярённым оружейником, клинки которого действовали в безупречном согласии, приняв и отведя булаву, один раз и снова. Левая рука Зака с ослепительной скоростью нанесла укол прямо под взмах, точно попав в руки гнолла.

Раздавшийся визг остался беззвучным в магической тишине, но Джарлакс прекрасно понял, какая стоит за ним боль, когда увидел, как на пол посыпались отрубленные пальцы.

Закнафейн быстро шагнул вперёд, уколол слева, справа, слева в быстрой последовательности, осыпав пирата глубокими ранами и отбросив его к переборке.

Зак сделал ещё шаг, преследуя жертву, но неожиданно ушёл направо, обратно к Джарлаксу и вскарабкавшейся внутрь Даб'ней. Он сделал кувырок, в последний момент подняв меч, чтобы отбить брошенный топор.

Джарлакс прыгнул вперёд и метнул свой кинжал, потом второй — сразу же, как только освободилась рука. Потом третий и четвёртый, и они были уже в воздухе, когда первый вонзился в другого пирата, на сей раз — человека, пронзив её поднятую руку. Потом — грудь, плечо и горло встретились с остальными тремя.

Оба бойца-дроу двигались бок о бок, и оба резко остановились, заметив третьего и четвёртого охранника, гноллов, с длинными ножами, прижатыми к горлу висящих пленников.

Джарлакс позволил кинжалу упасть и высоко поднял пустые руки.

Закнафейн замешкался, изумлённо взглянув на товарища. Усмешка Джарлакса заверила его, что всё под контролем.

Сверкнул красный клинок.

Стена пепла повисла в воздухе.

Отрубленная гноллья голова, вращаясь, взлетела в воздух.

А второго пирата-гнолла оттолкнули в сторону. Его рука с ножом лишилась силы, когда меч Артемиса Энтрери пронзил его плечо от шеи до подмышки.

— Впечатляет, — сказал Закнафейн, хотя никто его не услышал.

Джарлакс всё равно понял, поскольку разделял его мнение. Каким-то образом в узком помещении Энтрери сумел пробраться за спину этим двоим, оставшись незамеченным, и его горизонтальный взмах быстро превратился в удар вниз, пока его нырнувший и развернувшийся владелец перешёл в положение для второго апперкота. Такому безупречному исполнению мог позавидовать любой мастер Мили-Магтира, а большинство дроу никогда не смогли бы добиться того же результата.

Это был манёвр, достойный Закнафейна, достойный Дзирта.

Джарлакс посмотрел на Зака и был доволен тем выражением, которое увидел. Хорошо, что первое знакомство Закнафейна с Артемисом, как бойцом, произошло таким образом.

Уважение между этими двумя было важно...

Мысль оборвалась, когда два корабля столкнулись и все четверо не устояли на ногах. «Месть Дюдермонта» врезалась в бок «Пеликана» и заскрежетала по нему. Пленники закачались туда-сюда, пока команда Джарлакса быстро приходила в себя. Он заметил, как странно видеть открывающиеся в потрясённом крике рты, видеть падающие бочки и бьющиеся ящики, чувствовать чудовищный удар, треск потолочных балок, едва не рухнувших, когда с главной мачты упала перекладина.

И всё это — без единого звука.

Милашка Чарли знала о силе своего корабля. «Месть» была построена с запасом, рассчитана на то, чтобы получить взбучку и продолжать плыть. Её корпус был магически укреплен и не рассыпался от столкновения или залпа катапульта и баллист, её доски защищала от огня магия, и даже разряд молнии оставлял всего лишь чёрный шрам. Её паруса тоже защищала от огня магия. Они могли загореться от огненного шара, но горели не долго и плохо сгорали.

А грот-мачта «Мести Дюдермонта» была спроектирована так, чтобы высвободиться при столкновении, и не просто падать, а падать управляемым образом, чтобы стать мостиком на палубу вражеского корабля, когда они сходились борт к борту.

Когда ледяная буря и морозные конусы заполнили воду перед разворачивающимся «Пеликаном», капитан не стала мешкать. Она просигналила рулевому, и крепкая великанша с силой налегла на колесо «Мести», разворачивая корабль следом.

— Бросайте! — проревела Милашка, когда у них было достаточно инерции и подходящий угол для атаки, и её команда сбросила паруса. Они упали с громким хлопком, прекрасно погасив оставшиеся языки огня.

— Держись!

Ей не нужно было кричать, поскольку команда прекрасно знала, что сейчас произойдёт и за что хвататься.

Два корабля встали бок о бок. Затрещали балки, разбились доски, задрожали и заскрипели корпуса. Грот-мачта рухнула вниз, запутавшись в снастях «Пеликана» и потащив их за собой. Лёд, ударивший в корпус «Пеликана», серьёзно замедлил его разворот, передав «Мести» инициативу, и Милашка собиралась воспользоваться этим преимуществом.

Битва разгорелась, не успели корабли остановиться — лучники и арбалетчики дали залп, и большинство промахнулось из-за трясущейся и раскачивающейся палубы под ногами. Волшебники «Пеликана» замахали руками, готовясь разбрасывать огонь и молнии, но им пришлось начать сначала, поскольку удар льда оборвал все их заклинания. Волшебники «Мести» задержали их ещё сильнее, помешав их соматическим жестам, бросив совместный и сильный порыв ветра, сдувая всё незакрепленное с палубы «Пеликана», включая самих пиратов.

Затем они получили ещё большее преимущество, когда дюжина дроу из Бреган Д'эрт воспользовалась врождённой магией, чтобы укрыть палубу «Пеликана» волшебным мраком.

Корабли остановились борт к борту. Пираты «Пеликана» стреляли вслепую, пока жрецы и волшебники отчаянно пытались развеять неожиданный, непроницаемый сумрак. Всякий раз, когда из черноты вырывалась молния, дюжина арбалетных болтов летела к её источнику, и молнии прекращались.

Полные решимости вести бой только на палубе «Пеликана», нападавшие высоко

забросили крюки, зацепив их за оставшиеся снасти «Пеликана», и воины — во главе с дроу и Милашкой Чарли — схватились за эти верёвки и прыгнули вперёд, пока другие бросились по рухнувшей перекладине, а третьи устанавливали доски между бортами. Когда заклинатели «Пеликана» сумели развеять большую половину мрака, они обнаружили рядом с собой бойцов «Мести».

Лучники стали мечниками, жрецы по обеим сторонам начали исцелять своих товарищей, а волшебники «Пеликана» тратили больше времени на прятки и защитные заклинания, чем на атакующие эвокации. Маги были поистине смертоносны на ранней стадии корабельного боя, но теперь, когда на палубе всюду сверкали клинки, бездоспешные заклинатели оказались не в своей стихии.

Милашка Чарли обнаружила себя в гуще схватки ещё прежде, чем развеялась тьма. Из мрака выпрыгнул гнолл, чтобы встретить её атаку. Она была рада силе волшебного меча, подаренного Джарлаксом, поскольку подставив его под удар булавы она не просто отбила оружие в сторону, а рассекла его надвое. Поворот запястья и стремительный выпад отправили взвизгнувшего гнолла обратно во тьму.

Но теперь мрака уже не было, и вокруг Милашки разгорался настоящий бой.

Первые фазы нападения она исполнила превосходно. Они повредили снасти и мачты «Пеликана», предотвратили любые серьёзные залпы и подобрались вплотную, и нанесли тяжёлые потери в первые мгновения абордажа. Но опытная морячка не рассчитывала на лёгкую победу.

«Пеликан» прославился на всём побережье Меча благодаря своим умениям, своей опытной и жестокой команде, своей отточенной и эффективной боевой тактике.

Но по мере того, как продолжался бой и редели вражеские ряды, она поняла, что команда «Пеликана» никогда не встречалась с воителями из Бреган Д'эрт.

Джарлакс поймал несчастную женщину, раскачивающуюся на конце своих цепей. Он просигналил Даб'ней и та оборвала свою волшебную тишину. Немедленно раздались звуки ужаса, издаваемые пленниками, а также — шум сражения на палубе, крики и скрежет металла по металлу, иногда прерываемые оглушительным грохотом молнии.

Энтрери бросил Джарлаксу кольцо с ключами, но тот не поймал их, а перекинул Даб'ней.

— Позаботься о них, — сказал жрице Джарлакс. Он посмотрел в дикие глаза женщины, которую удержал, и сказал ей: — Мы пришли спасти вас и доставить в безопасное место.

Она завопила. От взгляда на дроу её лицо застыло в маске ужаса. Джарлакс вздохнул, пожал плечами и двинулся к трапу, ведущему к люку. Энтрери и Закнафейн шли по бокам от него. Они даже обогнали его, но он поднял руки, останавливая их.

— Капитан знает план битвы, — объяснил он. — Пускай выполнит свою часть.

— Им будет проще, если мы трое станем сражаться вместе с ними, — ответил Закнафейн, хотя ему пришлось кричать, когда прямо над ними простучали чьи-то сапоги.

Джарлакс кивнул, но сказал:

— Ещё чуть-чуть. Пускай всё уляжется, а капитан Арронго останется один.

— Чтобы добраться до него, я проложу себе путь через всю команду, — ответил Зак. — Если, конечно, ты не считаешь, что две мои палки не равны его великому мечу.

— Так и есть, но я верю, что ты компенсируешь этот недостаток, а если нет — у нас есть Артемис Энтрери.

Энтрери фыркнул, а потом — ещё раз, громче, когда Зак нахмурился.

— Мог бы по крайней мере дать мне тот кнут, — сказал Зак.

— Его изучает некто важный, — ответил Джарлак.

Он поднял руки и застыл, наклонив голову, чтобы лучше слышать. Сейчас бой казался менее ожесточённым, а может быть, стычка просто ушла в сторону.

— Идём, — решил Джарлак, но всё равно придержал спутников.

— Тогда после вас, — сказал Энтрери, но Джарлак покачал головой.

Он вытащил перо из шляпы и бросил его на палубу перед собой, где оно почти мгновенно превратилось в огромную нелетающую птицу с толстыми ногами и большими когтями, способными разорвать человека на четыре части одним удачным ударом.

— После неё, — поправил Джарлак, приказав диатримере идти вперёд. Она одним прыжком преодолела ступени и могучим ударом своего смертоносного клюва снесла переборку. Маленькие крылышки затрепетали, помогая ускориться, и птица бросилась на палубу снаружи.

— Как она отличит врагов от друзей? — спросил Зак.

— Хм, верно подмечено, — сказал Джарлак и бросился по ступеням, чтобы командовать своим чудовищем.

— Он всегда был таким несносным? — спросил Энтрери Зака, пока они бок о бок поднимались по трапу.

— Судя по всему, ты знаком с ним не меньше моего, — ответил Зак.

— Значит всегда, — сказал Энтрери, и воины Джарлакса выскочили на палубу и немедленно ринулись в драку.

Джарлак остановился на вершине трапа, направляя свою птицу, которая больше гонялась, чем сражалась, поскольку никто из пиратов, даже свирепые гноллы, не хотели иметь с ней дела. Конечно, дело могло быть в том факте, что вылетев на палубу, она врезалась прямо в пирата и по-прежнему тащила половину тела этой жертвы на одном из своих огромных когтей, с каждым тяжёлым шагом разбрызгивая вокруг кровь. Так или иначе, внимания наёмника требовала не только птица — он смотрел, как Закнафейн и Энтрери немедленно перешли к своему смертоносному танцу. Не к двум танцам, а к одному — ведь умелые воины нашли гармонию, не сделав даже третий шаг в битву.

Джарлаксу приходилось сражаться с обоими. Оба сражались вместе с Дзиртом. И казалось, это всё, что требуется, чтобы теперь они бились бок о бок.

Он никогда не сомневался, что вместе они будут представлять прекрасное зрелище, действуя вокруг друг друга, легко обмениваясь целями. Но это было нечто, что вызвало восхищение даже у него. Энтрери вращал блестящий красный клинок Когтя Харона перед каждым разворотом, в левой руке он сжимал кинжал, который Джарлак дал ему на замену печально известному оружию, которым Энтрери когда-то пользовался. Закнафейн орудовал парой мечей так же плавно, как собственными руками, всегда готовый заблокировать, парировать, нанести колющий или рубящий удар — в зависимости от ситуации.

В один момент Зак бежал от пары преследующих его гноллов. Он взбежал вверх по мачте, разворачиваясь, бросил себя назад обратным сальто — и парировал мечи гноллов-преследователей раз, два, дюжину раз, казалось, пока пролетал над ними вниз головой.

Гноллы сумели остаться в живых, и Зак был уязвим в последней фазе прыжка, о чём оружейник наверняка знал.

Но ему не грозила никакая опасность, как он и ожидал, потому что уже начал доверять

Артемису Энтрери в бою.

Между гноллами и падающим Заком сверкнул красный клинок, когда Энтрери промчался мимо, используя магию Когтя Харона, чтобы начертить полупрозрачный барьер из праха.

Когда человек промчался мимо, немедленно вступив в бой с новым пиратом, гноллы ударили мечами через стену парящего праха — слишком медленно, чтобы попасть по Энтрери, и слишком слепо, чтобы достать Закнафейна.

И через эту стену прошёл Зак, припав к палубе, перекатившись через волшебное облако под удары, затем вскочив слишком быстро для новой атаки, безупречно нацелив клинки, чтобы ударить под рёбра собакомордых демонических созданий и рассечь им лёгкие.

Они пытались бороться дальше, задыхаясь и выплёвывая кровь, но Закнафейн потерял интерес к дохнувшим тварям и присоединился к напарнику.

— Прекрасное зрелище, — прошептал Джарлакс.

Даже прежде чем Зак, Энтрери и диатрима вступили в бой, команда «Мести» захватила большую часть палубы «Пеликана», оттеснив большинство оставшихся пиратов на высоту обширной кормы. Магическая тьма окутала трапы и переднюю часть этого поднятого участка, фактически отделив этих пиратов от основного сражения. Периодически шальная стрела или даже молния били из непроницаемой стены мрака, но нацелены были вслепую и обычно не добивались результата.

Джарлакс кивнул в знак одобрения Милашки Чарли, когда сражение подутихло, и она умело выстроила батарею лучников и волшебников, готовых смести корму, если пираты сумеют развеять волшебную тьму. Милашка Чарли ответила на кивок, отбив саблю и парировав быстрым рубящим ударом на запястьё противника. Его меч отлетел в сторону и он упал на колени, умоляя о пощаде.

Капитан посмотрела на Джарлакса — тот пожал плечами, оставляя выбор за ней. С новым кивком Милашка Чарли обошла коленапреклонённого пирата и ударом ноги швырнула его на палубу, встав над ним, готовая добить при любом намёке на угрозу.

Другие пираты — человек, эльф и дварф — сдались похожим образом, и следуя примеру Милашки, бойцы «Мести» обезопасили их без применения смертельной силы.

Однако гноллам такой милости не оказали — каждый из них был убит, или, будучи пойманным в одиночку, быстро захлестнут толпой, пойман и выброшен в бурлящее от акул море.

Палуба быстро затихла, не считая молитв жрецов с «Мести», исцеляющих раны, и тяжёлых шагов диатримы Джарлакса, когда он нацелил её на дверь в капитанскую каюту, видневшуюся между сферами мрака, поглотившими ступени на корму. Чудовищная птица почти не замедлилась, вышибая дверь, и бросилась внутрь.

— Что ж, если в «Пеликане» нет кучи потайных кают, остались только те, кто на корме, — громко произнёс Джарлакс. — Что скажете, капитан Арронго? Готовы сдаться?

Закончив, он кивнул группе бойцов Бреган Д'эрт, и щёлкнули два десятка арбалетов, отправив град болтов с сонным зельем через стену темноты.

— В следующий раз это могут быть огненные шары, Арронго, — крикнул Джарлакс. — Тебе некуда бежать и негде прятаться.

Когда всех пленников подтащили к носу корабля, связанных и под охраной, Джарлакс подал сигнал Милашке Чарли, и по её приказу тьма исчезла, открывая оставшихся пиратов. Несколько волшебников, горстка пиратов-людей, и дюжина гноллов теснились на высокой

палубе.

— Ну так давай! — бросил вызов крупный, чернобородый мужчина в большой шляпе и с таким количеством украшений, что даже Джарлак счёл их крикливыми. — Готов драться?

— Драться-то почти не с кем, — ответил ему Джарлак, провозгласив очевидное.

Мужчина, который наверняка был капитаном Арронго, сплюнул и злобно уставился на него. Он посмотрел на ближайшего волшебника и кивнул.

— погоди! — добавил Джарлак, опасаясь какого-то магического способа сбежать. — Я предпочитаю вызов... и пари. Репутация опережает тебя, могучий капитан Арронго. Жаль будет так бесцеремонно отправить тебя и это прекрасное судно на дно. Твой корабль побеждён — это очевидно — и мы получили то, за чем пришли, пленников в твоём трюме. Предлагаю вот что: поединок один на один между тобой и бойцом по моему выбору. Если он победит, ты получишь тот конец, которого заслуживаешь — тот, которого ты всегда ждал, конечно. А если победишь ты... я позволю тебе забрать оставшуюся команду и уплыть на «Пеликане», с единственным условием — чтобы ты больше никогда не омрачал лусканский горизонт своим присутствием.

— Что? — воскликнул Энтрери и несколько других — кое-кто потише товарищей.

— Он уже знает исход, — заверил его Закнафейн.

— Итак, — продолжал Джарлак, — я нахожу это предложение очень щедрым, более щедрым, чем ты заслуживаешь. Что скажешь?

Крупный мужчина огляделся кругом, как будто растерявшись, как и остальные члены его команды. На лицах некоторых виднелась надежда, пускай даже мимолётная.

— Тогда выбери себя, — парировал Арронго.

— Я бы мог, но не люблю пачкаться в крови — твоей или моей, — ответил Джарлак. — Думаешь, твои волшебники успеют телепортировать тебя, прежде чем мои прикончат их? Думаешь, они перенесут тебя достаточно далеко, чтобы я не нашёл тебя снова, на сей раз — с большим количеством кораблей на моей стороне? Так сразись с моим чемпионом, и я обещаю, что Лускан никогда больше не будет за тобой охотиться, невзирая на любые преступления, до тех пор пока они не совершаются в водах Лускана или против кораблей под его флагом.

Арронго снова сплюнул.

— Неважно, кого я выберу — шансы всё равно будут лучше, чем сейчас, согласись, — сказал ему Джарлак. — Решай.

Арронго положил руку на рукоять меча, выполненную в виде оранжево-золотого крылатого создания. Он с улыбкой вышел вперёд, к перилам и вниз.

Милашка Чарли отвела свою команду. Джарлак убрал свою диатриму, когда та вышла из двери каюты, напугав Арронго.

— Заслужи его, — сказал Закнафейну Джарлак. Оружейник вышел вперёд, навстречу массивному пиратскому капитану.

— Я знал, что это будет проклятый дроу, — сказал Арронго. — Прикончил немало вашей родни. Ещё один на удачу, да?

— Тебе не хватит даже всей удачи мира, — заверил его Закнафейн, когда двое скрестили взгляды. Их разделяло едва три шага на залитой звёздным светом палубе.

— Все они так считали, — ответил Арронго, неожиданно выхватывая клинок, казавшийся совершенно простым по сравнению с красотой рукояти.

Клинки Зака оказались у него в руках, опередив удар Арронго. Правый ударил наискось,

отражая атаку, левый готов был нанести укол над опущенным мечом.

К удивлению Зака, лезвие Арронго просто отлетело в сторону. Зак слишком хорошо держал равновесие, чтобы споткнуться, не встретив сопротивления, но он помешкал, всего на долю секунды, и в это мимолётное мгновение другой клинок — поток света, яркого и ослепительного — ударил из освободившейся рукояти Арронго.

Глаза защипало, и Зак мог только отступить, подавшись вправо, махнув левым клинком, чтобы едва-едва парировать удар Арронго. Дроу почувствовал жар от клинка, когда тот прошёл на палец от его подбородка.

— Ха! — взревел Арронго, продолжая наступать с коварной серией выпадов и взмахов, некоторые — одной рукой, другие — двумя. Он усилил натиск, судя по всему, убеждённый, что дроу полуослеп и растерялся.

Закнафейн тоже это знал.

Раздались изумлённые возгласы, когда Закнафейн нырнул и перекатился, вскочил и бросился в сторону, затем набросился на преследовавшего его капитана с отчаянным взмахом, размахивая мечами, чтобы заблокировать и попытаться сравнять условия. У него не совсем получилось, но он сбил брошенный противником кинжал, прежде чем тот настиг его.

Капитан Арронго был полон неожиданностей.

Неподалёку Артемис Энтрери подошёл к Джарлаксу. Вокруг них люди и дроу отзывались на каждое движение поединка. Казалось, Арронго вот-вот добьёт оружейника.

— Спокойно, — сказал другу Джарлакс, поднимая руку, чтобы придержать Энтрери — поскольку тот подался вперёд, крепко стиснув свой меч и кинжал. — Вера, друг мой.

— Тьма, Зак! — крикнул один из дроу, и другие присоединились к нему, поскольку очевидным казалось создать сферу мрака вокруг себя и капитана, лишив его преимущества ослепляющего света меча.

— Почему он этого не делает? — спросил Энтрери после нескольких атак и контратак. Арронго продолжал наступать, не уступая своего преимущества.

— Потому что ты тоже не сделал бы, — сказал Джарлакс.

— Я не могу, — напомнил Энтрери.

Джарлакс посмотрел на него и усмехнулся.

— Если бы мог — то всё равно не стал бы, будь тому причиной глупая гордость или уверенность.

Энтрери хотел возразить, но не мог. Он снова посмотрел на бой, который как будто шёл не в пользу Закнафейна. Крупный капитан прижал оружейника к перилам, и позади него было только море.

Однако когда Энтрери взглянул на ноги Закнафейна, он обнаружил, что одобрительно кивает.

Злорадное выражение Арронго просто кричало «Сейчас ты вылетишь за борт!». Он преодолел последние два шага, заставив Закнафейна отступить перед своими могучими ударами.

Зак исчез, и Арронго издал крик, который сначала был злорадным. Однако он оборвал крик и резко обернулся направо, резанув мечом на уровне груди — поскольку этот хитрый дроу каким-то образом не вылетел за перила, а оттолкнулся от них и бросился вбок в мгновение ока.

Теперь Зак возвращался.

Теперь инициатива была за ним.

Теперь он привык к неожиданной яркости.

Он перепрыгнул через рубящий меч капитана и даже сумел сбить его ногой вниз и в сторону. А потом заработали его мечи.

К чести капитана, Арронго сумел быстро отойти, чтобы ослабить удар, и к чести его доспехов, рана оказалась не слишком серьёзной.

Но великолепный Закнафейн ещё не закончил. Он приземлился, наклонившись вперёд, и бросил себя в ту же сторону, и теперь уже Арронго бешено заорудовал мечом, пытаясь удержать жалящие клинки оружейника.

Джарлакс наблюдал за этим с растущей улыбкой.

— Закнафейн играет с ним, — прошептал рядом с наёмником Энтрери.

Джарлакс знал, что это способен увидеть лишь умелый мечник, а Энтрери, конечно же, был одним из самых умелых.

Мечи Закнафейна действовали так, как будто ими сражались два разных воина. Независимо и всё же в безупречном согласии. Клинки летели на Арронго со стольких разных углов, заставляя его с максимальными усилиями шевелить собственным мечом или разворачивать тело.

Арронго тоже был опытным воином, ветераном сотен стычек на земле и на море, но даже не столь искушённые наблюдатели заметили, как сильно и как быстро изменилось уравнение боя.

Движения Закнафейна были лёгкими и плавными, а Арронго приходилось совершать рывки и скачки. Ослепительный свет его клинка высвечивал пот, собирающийся на его лице, капли, сверкающие в его всклокоченной большой чёрной бороде. Он дышал тяжело и быстро.

Закнафейн загнал его в угол, где перила встречались со стеной капитанской каюты. Арронго было некуда бежать.

Арронго нужно было изменить ход поединка.

Он знал это.

Каждый зритель это знал.

И Закнафейн тоже.

Правая рука Зака подалась за перила и ударила сбоку. Арронго тяжело блокировал её двуручным хватом, затем отправил меч в другую сторону и вверх, чтобы отразить второй клинок Зака.

Противник Арронго открылся!

Когда его руки стали опускаться наискось, он опустил верхнюю — правую — на правое колено, оставляя себе достаточно контроля и силы, чтобы уверенно отвести опускающийся слева клинок дроу. Освободившаяся правая рука потянулась к кинжалу на поясе, собираясь быстро его метнуть, что должно было по крайней мере позволить ему вырваться из угла.

Вот только его меч не встретил никакого заметного веса, что означало, что противник вовсе не открывался. Хитрый воин-дроу заманил его в западню.

Поскольку Закнафейн поворачивался налево уже тогда, когда Арронго начал парирование, подняв и повернув свой правый локоть, чтобы снова сделать выпад этим клинком в место, где, как он знал, окажется правая рука Арронго.

Капитан завыл от агонии, когда меч Зака погрузился между большим и указательным

пальцами, а потом в его бедро через шов на кожаном жилете.

Закнафейн ещё немного перекатился налево, к середине палубы, бросив свой меч, приколов им Арронго.

Капитан, качаясь, выступил из угла, опустил левую руку с мечом, отчаянно пытаясь вырвать клинок Зака из бедра и руки.

Но Зак уже пришёл в движение, прыгнув вперёд сбоку от капитана, взбежав по стене каюты и отскочив прочь, разворачиваясь в воздухе прямо над капитаном, приземлившись во вращении и развернувшись быстро и сильно, сжимая двумя руками оставшийся меч.

Отрубленная рука Арронго упала на палубу, по-прежнему сжимая клинок из света.

Мужчина покачнулся.

Зак пронзил его живот, отвёл меч назад, направил его кончик вверх, разрезая бороду, раскалывая подбородок. Дроу вырвал свой второй меч, когда его правый клинок опустился и разрезал плечо отрубленной руки Арронго.

Левый клинок сделал выпад, дважды, и Закнафейн вихрем описал пируэт, низко прыгнувшись, затем рубанув по диагонали обоими мечами, заставляя Арронго развернуться и качнуться налево.

Зак перекатился следом за ударом и сделал ещё один круг, чтобы подскокить и ударить Арронго в спину ногой с разворота, швырнув капитана головой вперёд через перила в кишасщее акулами море.

Палуба погрузилась в абсолютную тишину — потрясённое, восхищённое и растерянное молчание.

— Серьёзно? — спросил Джарлакс, с отвращением указывая рукой в море. — У него были неплохие украшения.

Зак пожал плечами, вытер клинки о рукав отрубленной руки быстрым движением крест-накрест, и вернул их в ножны необычайно лёгким и невозможно быстрым жестом. Он выпрямился и указал на палубу.

— Я не потерял меч.

Джарлакс пожал плечами и фыркнул.

— И правда.

Глава 4

Неприемлемые последствия доверия

— Вы ж понимаете, о чём просите, да? — спросил король Бренор двух жриц-дроу, сидящих за столом напротив. — Вы должны были видеть лица моих парней, когда вошли в нижние врата.

Дроу, представившаяся как старшая жрица Минолин Фей-Бэнр, подалась вперёд и сказала:

— Уверю вас, добрый король Бренор, их взгляды были не менее подозрительными и злыми, чем те, которые встречала верховная мать Квентл Бэнр на нашем пути обратно в Мензоберранзан. Надеюсь, вы оцените храбрость верховной матери и жрицы Ивоннель. Их действия на поле боя были непростительной ересью против госпожи Ллос, а Паучья Королева — не самая милосердная богиня.

Бренор оглянулся на своих советников: Реджиса и Доннолу Тополино из Кровоточащих Лоз; его королев, Маллабричес и Таннабричес Боевой Молот; трёх его капитанов из недавно основанной гримгвардии, Айвена Валуноплечега, Атрогейта и Тибблдорфа Пвента; и его приёмную дочь, Кэтти-бри. Он позволил взгляду задержаться на Кэтти-бри, поскольку был удивлён и огорчён, когда она явилась на встречу с опозданием и без Дзирта.

Он собирался с ней об этом поговорить.

— Её собственная — их собственная — служба и преданность проклятой Паучьей Морде меня не кольшет, — сказал он довольно резко и намеренно грубо.

Дроу даже не моргнули и как будто не разозлились, что порадовало Бренора.

— Последствия их действий, конечно, дойдут и до Гонтлгрима, — сказала другая дроу, первая жрица Сарибель Ксорларрин До'Урден. — Разумеется, вы это видите. Будем ли мы торговыми партнёрами или врагами?

— Третьего не дано, да?

— Надемся на первое, если наша сторона одержит верх, — продолжала Сарибель. — Если матери Мез'Баррис Армго и Жиндия Меларн добьются своего, можете быть уверены во втором. Возможно, в отдалённом будущем — но в определённый момент они наверняка снова выступят на Гонтлгрим.

— В чём вы собираетесь одержать верх? — спросил Бренор. — Я уже два года слышу про грядущую гражданскую войну. Вот только ничего не слышу про кровь дроу на улицах Мензоберранзана.

— Стычек было много, король Бренор, — сказала Сарибель.

— Я слышал, что стычки — обычное дело для вашего городишка. Ничего нового вы мне не сказали.

— Хотите, чтобы запах пролитой дровской крови, текущей по коридорам, наполнил ваш длинный кривой нос, король дварфов? — сказала Минолин Бэнр, вызвав оханье на бренорской стороне стола.

Но не у Бренора. Бренор даже не нахмурился — лишь понимающе, хитро усмехнулся. Он посмотрел на Кэтти-бри, лицо которой представляло собой по меньшей мере маску изумления, может быть, даже гневного шока, но вместо того, чтобы разжечь его, Бренор

погасил напряжение неожиданным и громким смехом.

— А эта с характером! — сказал он дочке. Он повернулся обратно к Минолин Фей. — Из тебя выйдет хороший дварф, эльфийка!

— Нам нужны оружие и доспехи, — ответила Минолин Фей. — Вооружение выкованное в Гонтлгриме, упрочнит позицию дома Бэнр, и верховная мать Квентл приведёт нас к лучшему будущему — для нас и для вас.

— Прошло два года, — повторил Бренор.

— Дома не достигли согласия, — пояснила Сарибель. — Будет ли это дом Бэнр и дом До'Урден против дома Меларн, и, вероятно, дома Баррисон Дель'Армго? Присоединятся ли другие крупные дома к Бэнрам, слолив тем самым волю наших врагов? Или примкнут к врагам и оставят исход неопределённым?

— Всё сложно, король Бренор, — добавила Минолин Фей уже более спокойным голосом. — Мы просим наш народ отречься от того, чему они учились всю свою жизнь, отречься от церкви самой Ллос. Принять в качестве союзников другие народы Торила, которые на памяти даже старейших живых дреу мы знали лишь как врагов. Это непросто, и смелость верховной матери Квентл и Ивоннель невозможно недооценить. Они перешли черту, за которую больше нет возврата. Снаружи ваших чертогов, под солнечным светом лесов, они свершили величайшую ересь из возможных. Обращать вспять проклятие падшего паука, возвращая драука в тело дреу — запрет, из которого не может быть исключений.

— Знаю, и не собираюсь это недооценивать, — ответил Бренор. — Но вы просите меня разжечь горны и заставить кузни работать, чтобы сделать гору кольчуг и оружия, которые могут обратиться против нас.

— Не обратятся, — сказала Сарибель. — С вашей помощью мы начнём войну. И с вашей помощью мы её закончим. У нас есть восемь сотен бывших драуков, больших и сильных дреу из другой эпохи.

— Из эпохи, в которой они ненавидели дварфов, — напомнил ей Бренор.

— Они лучше всех знают правду о Ллос — и эта правда лжива, всегда лжива, — продолжала Сарибель. — Они скорее умрут, сопротивляясь ей, чем будут жить в роскоши, поклоняясь ей. Все до единого. В кольчугах из Великой Кузни Гонтлгрима, с оружием, закалённым в огне предтечи, с мечами и доспехами, зачарованными в подземелье великими жрицами Бэнр и великими магами Ксорларрин, они потрясут стены мензоберранзанской пещеры и приведут другие дома на сторону Бэнров и сторону правды: к вражде с Ллос.

Бренор вынужден был признать, что это была красивая речь, и ещё более красивое видение будущего. Он откинулся на стуле и упёрся ладонью в рыжебородый подбородок, изучая двух гостей-дреоу.

— Да, а когда вы закончите с врагами, не отправитесь ли возвращать то, что заплатили за оружие, и кое-что сверху, ага? — вмешался кислый Атрогейт, привлёкший к себе все взгляды. — Я давно уже был другом Джарлакса. Я знаю дреу.

— Вы же видели события на том поле, — запротестовала Минолин Фей. — Они видели зачарованную паутину. Они видели ересь. Ты! — сказала она, указывая на Тибблдорфа Пвента. — Мне сказали, что ты был там. Это правда?

— Да, — ответил Пвент.

— Конечно! — пророкотал Атрогейт. — И это ничего не доказывает.

— Как ты можешь так говорить? — отозвалась Минолин Фей. — До поступка верховной матери и Ивоннель Гонтлгрим был обречён, и вы это знаете.

— Тебе стоит поосторожнее выбирать слова, госпожа дроу, — вмешалась королева Маллабричес.

— Вы в этом сомневаетесь? — не отступала Минолин Фей. — Вы правда верите, что Гонтлгрим остался бы под властью короля Бренора и его клана, если бы мы соединили силы с матерью Жиндией и её армией демонов, с восемью сотнями крупных драуков в её рядах? Вас бы прижали сверху и внизу, бежать было бы некуда. Ваши великолепные порталы тогда не действовали — и не включились бы вовремя, не включились бы вообще, если бы дроу — Громф Бэнр — не осознал серьёзность происходящих здесь событий и не пошёл сам на огромный риск.

Она повернулась к Бренору.

— Вы должны это понимать. Король Бренор — опытный генерал.

— Который выкручивался из передраг посерьёзнее, — настаивал Атрогейт.

— Бахвалься сколько влезет, — сказала дроу. — Но за этим голосом ты знаешь, что я говорю правду. Выбери верховная мать Квентл другой путь — и Гонтлгрим был бы обречён.

— Даже если ты говоришь правду, я видел достаточно Мензоберранзана, чтобы знать — кое-что не задерживается надолго, — заметил Бренор.

— Да! — согласился Атрогейт, вскочив на ноги и громко опустив ладони на стол, чтобы податься вперёд, к жрицам дроу.

— И что, если вы сыграете по глупому, а? Вы провернёте там ваши фокусы, и мать Квентл...

— Верховная мать, — поправила Сарибель, и Атрогейт фыркнул.

— И она избавится от этой бешеной ведьмы Меларн — знаю я её, да. Слышал о визите моего друга, который должен был избавить нас от неё раз и навсегда, вот только Ллос не особенно любит проигрывать. Так вот, избавится она от Меларнов и поставит на их место второй дом, Армго, или ещё кого, а вы вернётесь с войском назад и обернёте против нас наши изделия?

— Лучшую возможность взять Гонтлгрим мы обнаружили, когда подошли сегодня к вашим нижним вратам, — возразила Минолин Фей.

— То не Ллос была, — неожиданно вмешался Тибблдорф Пвент.

Все с любопытством посмотрели на него — и в первую очередь Бренор. Слова Атрогейта, конечно, были оговорены заранее — Бренор дал ему задачу вымотать посланцев. У Пвента не было такой роли, тем более в этот ключевой момент. И хотя короля раздражало, что в его план вмешались, ему было интересно, что хочет сказать Пвент.

— Я видел это, — торжественно заявил Пвент. — Я видел, как эти восьминогие твари бросаются в паутину, как будто спасая свою жизнь — да, даже если это будет стоить им жизни. Им было всё равно. У них был шанс на свободу, и они схватились за него обеими... то есть, восемью лапами. И то была не Ллос, мой король, — сказал он Бренору, качая волосатой головой. — Я почувствовал, когда сам бросился в паутину. То было не зло, то была не Ллос.

Заметно растерявшийся Атрогейт посмотрел на Бренора в поисках руководства.

— Она — обманщица, — напомнил Тибблдорфу Пвенту дварфийский король.

Пвент обдумал это, но потряс головой, не убеждённый, и пробормотал себе под нос:

— То была не Ллос.

— Ваш генерал описывает затейливый и сложный план, — сказала Бренору Минолин Фей, — хотя прямолинейной атаки на Гонтлгрим хватило бы для победы.

— Но разве не таков путь дроу? — спросил Бренор.

Миолин Фей откинулась на спинку стула, как и Сарибель, и они обменялись мрачными взглядами.

— Значит, таков ваш ответ? — спросила Миолин Фей.

— Нет, — сказал Бренор. — Даю слово, что поговорю со своим народом и дам вам ответ. Вы о многом просите, жрица.

— Многое стоит на кону, — ответила жрица. — Для нас ставки выше, чем для вас.

— В том-то и дело, что я в этом не уверен, — Бренор кивнул на двойные двери, и часовые широко распахнули их.

Жрицы дроу встали, поклонились, и ушли в сопровождении своих дварфийских сопровождающих.

Как только двери закрылись, начались разговоры — громкий спор между Пвентом и Атрогейтом, в котором Айвен Валуноплечий пытался играть роль посредника. Кулак и Ярость сидели и шептались, качая головами при каждом слове, как будто они были слишком растеряны всем происходящим, чтобы соглашаться хоть с кем-нибудь.

Даже Реджис и Доннола заняли противоположные стороны — Реджис советовал присоединиться к дому Бэнр и сражаться за будущее северного побережья Меча, означавшее лучшую судьбу для всех его народов, а Доннола, которая провела большую часть жизни в гильдии воров и убийц в далёких землях, качала головой, совершенно несогласная с каждым его словом, то и дело прерывая Реджиса контраргументами, когда он делал паузу, чтобы набрать воздуха.

Во всём этом шуме Бренор посмотрел на Кэтти-бри.

— Он не потрудился даже прийти? — спросил король.

— Он с Бри.

— Даже не начинай, — буркнул Бренор. — Стоило бы выслушать его голос, раз мне приходится разбираться со всем этим.

— Чего мне ещё сказать, па? — спросила женщина, переходя на дварфийский говор — потому что её слова всегда обладали для него большим весом на этом диалекте, подозревал Бренор. — Может быть, дело в Бри, может быть, дело в его встрече с Паучьей Королевой в дамарском туннеле, может быть, дело в магистре Кейне. Может быть, в том времени, которое он провёл, развеянный над землёй — не мёртвый, но да, и не живой. Он уже не такой, как раньше, па. Он смотрит на вещи под таким углом, которого я раньше не замечала.

Бренор уже слышал всё это, и тоже заметил перемены в Дзирте. Это была не меланхолия, а скорее пассивность — и это сейчас, когда следопыт нужен был Бренору в боевом настроении! Он резко посмотрел на Кэтти-бри, но подавил свою усмешку, не готовый сейчас к этому бою.

— Когда возвращается Джарлак? — спросил Бренор.

— Всё, что я знаю — он был на востоке с Даб'ней, — ответила Кэтти-бри. — Может быть, уже вернулся.

Бренор хмыкнул, потому ударил руками по крепкому столу, требуя внимания.

— Я пойду перекушу и смочу бороду пеной взбитого кишкодёра. Оставайтесь здесь, спорьте, деритесь, и когда я вернусь, я хочу услышать единый голос.

— У нас есть возможность изменить мир, — сказал Реджис.

— А у меня есть задача сообщить моему народу, что мы собираемся похоронить их сестёр, братьев, детей и родителей, — парировала Доннола. — Когда это дроу

придерживались условий союза или мирного договора?

Реджис уселся обратно и ничего не ответил.

— Тьфу! — рявкнул Бренор. — *Единый голос*.

И гневно покинул комнату.

— Но подозреваю, что это будет голос последнего уцелевшего, — пробормотал Атрогейт.

— Тебе стоит привести Дзирта, — сказала Кэтти-бри королева Таннабричес.

— Да, — согласилась её сестра. — Ему стоит присутствовать.

Кэтти-бри не была в этом уверена. Сейчас — не была.

— Ты не сказала, что думаешь, — сказал Бренор, обращаясь к Кэтти-бри, когда она вошла в небольшое помещение, где он сидел с кружкой пива. Его шлем, корона Гонтлгрима, побитый и с отломанным рогом, лежал на столе рядом с выпивкой.

Кэтти-бри уселась напротив.

— Налей и мне, а? — попросила она, когда Бренор не пошевелился.

Бренор со смехом поднял свой щит, призвал его магию и достал прекрасный бокал золотистого пива — две трети жидкости, увенчанной безупречным слоем пены.

Кэтти-бри подхватила его, осушила половину и выдавила отрыжку, чтобы заставить дварфийского па гордиться.

— Это развяжет тебе язык? — спросил Бренор.

— Будь у меня что сказать, я сказала бы там.

— Ну так спроси своего бога или ещё что.

— Она — не дварфийская богиня. Наверное, даже не любит дварфийских богов — или тех, кто им поклоняется.

— Ба! Они ведь вернула меня, так?

— Чтобы ты присоединился к битве и спас Дзирта от Ллос, — сказала Кэтти-бри. — А сейчас, похоже, на войну с Ллос отправляются другие.

— И ты думаешь, что я должен им помочь?

— Похоже, что так, — повторила Кэтти-бри.

— Значит, ты им не доверяешь.

Кэтти-бри прикончила пиво и жестом попросила ещё.

— Как ни странно, па, доверяю. Я достаточно знакома с Джарлаксом и Закнафейном, Браэлином Джанкуэем и Беньяго — даже с Громфом Бэнром! — чтобы считать, что есть основания верить словам Ивоннель и Квентл, и что всё это — не коварный план того, как разделаться с нами нашим собственным оружием. В этом городе многие, так сказать, презирают Ллос.

— Никогда бы не подумал, учитывая, какие три войны первыми приходят мне на ум.

Кэтти-бри кивнула и схватила второе пиво.

— А куда им идти, па? У Ллос есть верховные матери, у верховных матерей есть знать, у знати есть все остальные. Скажешь хоть слово поперёк Ллос в Городе Пауков — и ты покойник. Или что похуже.

— Драуки, — буркнул Бренор.

— Дзирт не один такой, па, — сказала она. — Он просто единственный оказался достаточно смелым — или глупым, или злым, или ещё что — чтобы покинуть Подземье и каким-то чудом выжить и обрести другую жизнь и другой путь. Ты сам знаешь. Ты торгуешь

с Лусканом, а Лускан принадлежит Бреган Д'эрт.

— Это другое, — сказал Бренор.

— Да, — согласилась Кэтти-бри. — Поэтому я и не сказала, что думаю — я просто сама не знаю, что думать.

— Ну что ж, — решил Бренор, хлопнул ладонью по столу и быстро встал, оттолкнув кресло.

— А ты знаешь? — спросила Кэтти-бри.

— Не-а.

— Что тогда?

— Может быть, я разрублю ребёнка посередине, — сказал он, подмигивая. Он позвал стражников и сказал им привести жриц дреу, затем одним большим глотком допил своё пиво, подобрал корону и чудесный щит, и повёл дочь обратно в тронный зал.

Много позже растрёпанная и основательно разозлившаяся Кэтти-бри вошла в свои покои, где обнаружила мужа, танцующего с их маленькой девочкой. А может быть, они тренировались.

Дзирт сделал длинный прыжок.

Бри подскочила, оттолкнувшись обеими ногами от земли. Она легко приземлилась и прыгнула снова, а потом — в третий раз, оказавшись рядом с отцом.

— Ты, — сказал Дзирт.

Бри рассмеялась. Она подпрыгнула как можно выше и развернулась в воздухе. Она преодолела почти четверть круга, прежде чем воздух под ней закончился, она приземлилась и удержала равновесие.

Дзирт грациозно подпрыгнул и полностью развернулся, приземлившись на четвереньки, лицом к лицу со своей смеющейся дочерью.

— Ты! — сказала она.

Дзирт подскочил вверх, сделал обратное сальто, приземлившись на ноги — но только на мгновение, и хлопнулся на пятую точку перед Бри с удивлённым видом на лице.

Бри рассмеялась и вытянулась, как будто чтобы подпрыгнуть, но не оторвалась от пола и вместо этого просто резко уселась лицом к отцу.

Двое рассмеялись.

— Бум! — сказал Дзирт.

— Бу-бу! — сказала Бри.

Кэтти-бри подошла и скользнула на пол перед ними двумя, вызывая счастливый визг и объятия Бри, и тёплую улыбку от любимого мужчины.

— Уже поздно, а ты до сих пор не спишь, — сказала она Бри. — Не спишь и играешь с па.

Она усмехнулась Дзирту при этих словах.

— Она хорошо поужинала, — сказал Дзирт. — Хотела подождать маму, чтобы поцеловать и послушать сказку на ночь.

— Тогда пойдём, моя маленькая прелесть, — прошептала дочке Кэтти-бри. Она встала на ноги, обхватив рукой дочь, и отнесла ребёнка в круглую боковую комнату, которую они превратили в спальню Бри, с прекрасными барельефами свинок-стражников, опоясывающими стену у основания, некоторые — на четырёх ногах, некоторые на двух, некоторые пляшут, почти все смеются.

Дзирт кивнул, глядя им вслед, потом пересёк комнату, подошёл к остаткам собственного ужина, стынущим на столе. Несмотря на всю любовь Кэтти-бри в этом разговоре, он не пропустил указаний на то, что она измотана — физически и морально. Бренор полагался на неё — как же ещё? — а Мифрил-Халл был охвачен почти осязаемым напряжением.

Они предотвратили катастрофу, но похоже — только лишь на время.

Вероятно, ему тоже следовало пойти на встречу с представителями дома Бэнр, как просил его Бренор и умоляла Кэтти-бри. Однако ему всё это казалось продолжением цикла, который невозможно нарушить — к какому ошеломляющему мысленному парадоксу привела его трансцендентность! Хотя он осознавал и соглашался с важностью дипломатических переговоров, которые шли в зале для аудиенций Бренора, ему сложно было даже почувствовать эту срочность.

После трансценденции он стал воспринимать всё временным, и его приоритеты исказились до такой степени, что...

Что он проигнорировал встречу, которую друзья и жена умоляли его посетить.

Он знал, что потерял равновесие — как знал, что голоден, но не мог найти в себе силы, чтобы сознательно поднести вилку с едой ко рту.

Он не ожидал подобной подавленности.

Он по-прежнему клевал ужин вилкой с отсутствующим видом, потерявшись в этом конфликте перспективы, когда Кэтти-бри вышла из комнаты дочери и закрыла за собой деревянную дверь.

— Ты голодна? — спросил Дзирт.

— Бренор позаботился об этом, прежде чем я ушла, — ответила она.

— И каким было его решение?

Кэтти-бри остановилась, положила ладони на бёдра и вздохнула.

— Бренор отправил кузнецов работать. Сотня тяжёлых кольчуг на эльфов и две сотни тонких и лёгких мечей.

— Значит, они убедили его, что война неизбежна, — решил Дзирт, но его голос затих, когда Кэтти-бри покачала головой.

— Сейчас он ничего не отдаст Бэнрам, — сказала она. — Но если его убедят, он пообещал, что их просьба будет исполнена ко времени их возвращения в Мензоберранзан. Он решил разрубить ребёнка напополам.

Дзирт размышлял над этим какое-то время, потом кивнул.

— Тянет время, — сказал он. — Может быть, это лучший вариант. Надеюсь, у него нет иллюзий по поводу возможности измотать дроу. Они разыгрывают козыри на собственных условиях, тогда, когда сочтут нужным.

— Он знает, — заверила Дзирта Кэтти-бри. — Он надеется получить лучшие ответы от лучших шпионов, прежде чем вооружать тех, кто уже трижды выступал против него.

— Джарлакса? — со смехом спросил Дзирт.

— Или Киммуриэля. Или Громфа. Есть варианты.

Дзирт обдумал это и кивнул.

— Ты должен был присутствовать, — сказала Кэтти-бри немного резче.

Дзирт пожал плечами.

— Я уже рассказал всё, что знаю о Мензоберранзане, и мне мало что известно о жрицах,

которые исполняют роль посланниц дома Бэнр.

— Ты знаешь Ивоннель.

— Кое-что я про неё знаю, но этого недостаточно, чтобы доверить ей жизни друзей.

Она находится за пределами моего понимания.

— Ты знаешь про Мензоберранзан больше, чем кто-либо в Гонтлгриме, за исключением этих двух жриц. Один только взгляд на тебя через стол мог бы намекнуть на их искренность, на глубину их убеждённости. Эта война, которая по их словам вот-вот начнётся, на самом деле началась в тот день, когда ты покинул Мензоберранзан.

Она резко замолчала, и Дзирт понял, что она заметила, как он морщится.

— Что? — спросила Кэтти-бри, явно застигнутая врасплох подобной реакцией. — В этом всё дело? Ты думаешь, что это плохо?

— Я думаю, что будет такая бойня, какой мы даже представить себе не можем, — тихо ответил он. — Больше двадцати тысяч дроу в священной междоусобной войне? При поддержке демонических войск? Вся пещера будет окрашена кровью.

Сочувственное выражение Кэтти-бри долго не продержалось, и она фыркнула.

— Звучит как то, с чем мы столкнулись бы прямо здесь — и малышка Бри тоже, если бы Ивоннель и Квентл Бэнр избрали лёгкий путь и присоединились к Жиндии Меларн.

— Но не столкнулись же. Тебя не волнует, что половина города скорее всего погибнет, или того хуже?

— А должно? — спросила она, не слишком убедительно изображая безразличие.

— Может и нет, — саркастично отозвался он. — В конце концов, они всего лишь дроу, а значит — заслуживают подобной участи.

Как только слова сорвались с губ, Дзирт пожалел о них.

Кэтти-бри пронзила его взглядом.

— Никогда мне такого не говори, — тихо сказала она. — Я этого не заслуживаю.

— Нет, — согласился он и глубоко вздохнул. — Я не хотел. Но это обычное мнение среди тех, кто живёт на поверхности и знаком с дроу только по их репутации. И с этим предстоит бороться Бренору, когда он станет решать — помочь или нет.

— Дроу напали на него в его доме.

— *Его* доме? С каких пор это его дом?

— Что... — она утратила дар речи и покачала головой с явным потрясением.

— Любимая, я веками сталкивался с жестокими суждениями, авторы которых не принимали во внимание намерения тех, кого судили. И это касается не только дроу.

— Дзирт?

— Я тоже в этом виновен, — признал он. — Мы все так поступаем по глупости, и распространяем общие истины о наших врагах, которые доводят нас до того, что мы уже не в силах разобраться с нашими противоречиями.

— Ещё они атаквали Мифрил-Халл, — напомнила ему Кэтти-бри.

— А Бренор напал на Ку'Ксорларрин, — парировал Дзирт.

— Ку'Ксорларрин? — пробормотала женщина. — Гонтлгрим?

— Это он его так называет.

— Это древняя родина дельзунских дварфов.

— И, вероятно, это место служило домом сотням других групп за тысячи лет до того, как Бренор его отыскал.

— Ты не можешь говорить серьёзно.

— Я никогда не был серьёзнее, — твёрдо ответил Дзирт. — Среди людей я дроу, и многие считают меня злом. И да, народ Мензоберранзана совершал злые поступки, а войны между ними и культурами поверхности были настоящими и изобильными.

— А набеги, в которых убивали целые семьи эльфов, людей и dwarфов? — спросила Кэтти-бри.

— Думаешь, отряд дроу ждала лучшая судьба при встрече с превосходящими силами эльфов, людей или dwarфов в верхних пещерах Подземья? Думаешь, эти превосходящие силы эльфов стали бы спрашивать семью дроу про их намерения и цель?

Настала очередь Кэтти-бри не давать ответа.

— А что чувствовали дуэргары, когда много лет назад Бренор и его род выселили их из Мифрил-Халла?

Кэтти-бри тяжело вздохнула.

— Конечно, дроу злы, — сказал с широким жестом Дзирт. — Давайте просто считать, что это правда.

— Можешь считать, как хочешь, — парировала Кэтти-бри.

Дзирт потёр лицо и напомнил себе, что его поступки и тон были продиктованы его собственным раздражением и не имели никакого отношения к той замечательной женщине, что стоит перед ним.

— Тогда что насчёт Карнавала пленников в Лускане, где магистраты пытаются беспомощных жертв до смерти, которой те радуются, как спасению от боли, под одобрительные крики огромной толпы? — серьёзно и спокойно спросил он.

— Магистраты злы, — сказала Кэтти-бри.

— Они выполняют закон, — возразил Дзирт.

— Значит, закон неправильный.

— Да! А как насчёт пиратов, которые ловят беззащитное купеческое судно у Побережья Меча и заставляют жертв пройти по доске — прямо в пасти ожидающих акул?

— Мы охотились за ними вместе с Дюдермонтом. Разве многие получили пощаду?

— Именно! Мы охотились за ними и отправляли на дно, как и следовало. Потому что они совершали и продолжили бы совершать злые деяния.

— Да.

— И большинство из них были людьми, а значит люди злые.

— Что? Нет!

— Конечно нет. Я об этом и говорю. Это меня и раздражает.

Кэтти-бри какое-то время пристально смотрела на него, прежде чем растеряно покачать головой.

— Добро и зло, — сказал Дзирт. — Или лучше — сочувствие и безразличие, милосердие и жестокость. Мы были жестоки с пиратами, но каковы были наши намерения?

— Прекратить их путь грабежа и убийства.

— И это было важно. Разве ты не видишь?

— Конечно, вижу!

— Это важно, — снова сказал Дзирт, потому что должен был разъяснить это для себя. — Определение добра и зла может быть просто вопросом восприятия, основанного исключительно на личности вовлечённого лица — дроу? Лунный эльф? Полурослик? Dwarф? Человек? — или связей его народа. Оценка заключена в намерении. Так что да, дроу совершали зло. Набег, в который меня взяли юношей, был злом. Но что насчёт набегов,

которые совершали племена Вульфгара на Десять Городов, когда Бренор взял его в плен? Сколько было бы убито, если бы утгардцы Вульфгара одержали победу?

— Уверяю тебя, я размышляла об этом.

— Но мы — и Десять Городов — жили на древней земле этих племён и забирали себе скудные ресурсы.

Когда Кэтти-бри не ответила, он продолжил:

— Когда Бренор спас Вульфгара, мы считали это проявлением величайшего милосердия. Тогда он был мальчиком, но вырос в мужчину, которого ты полюбила, которого я полюбил. Но что насчёт сотен его людей, оставшихся мёртвыми на поле брани? Что насчёт дварфов, которое могли проявить такое же милосердие, но не стали? Никто из нас не осудил бы Бренора, поступи он в тот день иначе, но Вульфгар остался бы всего лишь ещё одной зарубкой на его старом топоре.

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, — признала Кэтти-бри. Она казалась не особенно счастливой.

— Мы никогда не обретём мир — все мы — пока не поймём, что дитя культуры, отличающейся от нашей, так же драгоценно, как наше собственное. И я не знаю, будет ли такое возможно. Никакого мира — не для людей, дварфов, полуросликов, дроу или эльфов.

Кэтти-бри немного наклонила голову, и Дзирт заметил намёк на хитрую усмешку.

— Или орков? — спросила она, когда он замолчал, чтобы взглянуть на жену.

— Я не знаю, — признался он.

— Дело опять в орках?

— Нет, дело... во всём. Дело в правосудии и мире, — ответил он мрачным голосом. — Я не могу не думать, какой смысл в пройденном мною пути и в пути, которым я иду сейчас — или пути, которого ты для меня хочешь — если любые шаги вперёд бесполезны, как будто в конце не может быть мира?

— Ты не можешь в это верить, — сказала Кэтти-бри, шагнула вперёд и посмотрела на него, подняв руки ему на плечи. Она продолжала смотреть, и он удерживал этот взгляд. Они изучали друг друга, отходя от края. Дзирт испытал большое облегчение, когда Кэтти-бри наконец-то его обняла.

— Из-за увиденного я не знаю, во что верю.

Он отстранил её на вытянутых руках и снова посмотрел в эти глубокие голубые глаза, которые похитили его сердце и больше не отпускали. — Кажется, частично об этом предупреждал меня магистр Кейн, когда мы говорили о трансценденции физического тела и физического мира. Столько вещей, мотивирующих нас, становятся...

— Бессмысленными? — прошептала она.

Он мог только пожать плечами.

Кэтти-бри отступила на шаг. Её лицо похолодело.

— Они завоевали бы Гонтлгрим, если бы не Ивоннель и Квентл Бэнр, — сказала она. — Здесь была Бри. Ты прекрасно представляешь, что бы произошло с ней, особенно если бы они поняли, что это дочь Дзирта-еретика. Это для тебя бессмысленно?

— Конечно нет.

— Они убили бы её, или хуже. Они бы убили всех нас — или хуже. Если бы Ивоннель и Квентл не обратились против Жиндии Меларн...

— Я знаю, — вмешался Дзирт, — может быть, это и есть ответ Бренора.

Кэтти-бри посмотрела на него с нескрываемым ожиданием.

— Может быть, благодаря этому факту риск стоит того, — объяснил Дзирт.

— А каков ответ Дзирта? Когда эта война начнётся — если начнётся — что сделает Дзирт?

— Я не знаю, — без колебаний сказал он. — И в этом моя боль.

— Я думала, что ты возглавишь революцию, — сказала ему Кэтти-бри, положив ладонь на плечо. — Ты и Джарлак, вместе с твоим отцом, сражающиеся, чтобы вырвать твой народ из-под власти Ллос. Или это пугает тебя больше всего?

Дзирт с любопытством взглянул на неё и долгое время они просто удерживали взгляды друг друга.

— Потому что дело не в домах. Дело в Ллос. И ты в это веришь, верил не один десяток лет, верно? — объяснила Кэтти-бри. — Что эти злые поступки — результат влияния и махинаций Ллос, а не истинная натура народа дроу. Теперь ты можешь узнать ответ — и этот ответ тебя пугает.

Он не ответил — только стиснул зубы.

— Ты так долго прожил среди тех, кто обвинял тебя, что боишься — источник их ненависти заключен не только в простом непонимании? — Кэтти-бри явно удивилась собственным словам.

— Нет, — ответил ей Дзирт, но осторожно.

— Хорошо, — сказала она. — Потому что ты не должен бояться.

— Причина моей подавленности не в сомнениях — по крайней мере, не в сомнениях относительно Мензоберранзана. Там всё дело в Ллос. История, которую рассказали нам Киммуриэль и Ивоннель про основание города и разрушительное влияние Паучьей Королевы, после всего что я видел за прожитые в городе годы, кажется мне правдивой. Она кажется правдивой, когда я смотрю на Джарлакса и то, чего он добился без разрушительного влияния жриц Ллос — под его началом Лускан стал лучшим местом. Более честным, лучшим для тех, кто живёт там. Она кажется мне правдивой, когда я думаю про Джарлакса и когда я вспоминаю свою сестру Вирну.

— Которую ты убил, — напомнила ему Кэтти-бри, и Дзирт поморщился.

Кэтти-бри поморщилась в ответ.

— Она отреклась от Ллос с последним вздохом, — мрачно сказал он, глубоко вдохнул и выдохнул, и продолжил. — Даже то, что я вижу в Громфе Бэнре — разве ты не говорила мне, что это Громф нажал рычаг в Главной башне, чтобы вернуть магическую энергию, необходимую для власти над предтечей?

— Значит, ты веришь в свой народ. Что тогда? — умоляюще спросила она, взяв его за руки. — В чём дело? Ты должен рассказать мне.

Дзирт сделал ещё один глубокий вздох, пытаясь найти слова, чтобы всё объяснить — хотя бы самому себе. Ему всё казалось таким незначительным, и в то же самое время — ошеломляющим. Столько бесконечных войн и смехотворных предрассудков казались ему бессмысленными — да, это слово подходило идеально! — и всё же это противоречило всему, чего он пытался добиться в своей жизни.

— Это дорога, — снова сказал он. — И суть всего этого — что дорога никуда не ведёт и замыкается в круг.

Он замолчал.

— Внутри я знаю, что должен был прийти на встречу и поддержать тех, кто не заслуживает меньшего. Но ещё я знаю, что не вижу в этом особого смысла. Я не готов

примиришь всё то, что недавно узнал, с тем, что вело меня через все шаги моего путешествия до самой трансценденции.

— Ты *должен* был присутствовать на встрече, — сухо ответила Кэтти-бри. — То, что ты считаешь, будто видел лучшее будущее за пределами этой жизни, не означает, что твои поступки в этой жизни лишены смысла. Если ты так считаешь, значит ты не тот мужчина, за которого я вышла замуж — и не тот отец, которого заслуживает Бри.

Её слова ударили его хуже кулака. Он даже отшатнулся.

— Ты знаешь, что я права, — беспощадно сказала она, не моргая, не отступая ни на дюйм.

Он знал её.

Он это видел.

В отличие от его прежнего легкомыслия и да, даже снисходительности, Кэтти-бри была смертельно серьёзна. Каждое её слово было сказано всерьёз, и последнее заявление было лишено всякой двусмысленности. И тогда оно показалось Дзирту абсолютно справедливым, таким ясным, что он едва сумел поверить, что не слышал его всё это время. Это был друг, который отправился в Подземье в одиночку, чтобы освободить его из темниц дома Бэнр. Вокруг него были одни друзья, компаньоны Халла, которые даже воскресли после смерти, чтобы поддерживать его в его испытаниях, которые спасли его, когда он стоял, сломленный физически и морально, на вершине Пирамиды Кельвина.

Он почувствовал жар стыда, окрасивший щёки. Конечно, ему следовало прийти на встречу.

Суровый взгляд Кэтти-бри ясно дал понять, что она не даст ему соскочить с крючка, когда она и те, кого они оба любили, нуждались в нём, чтобы обрести ясность.

И смысл.

Да, ему нужно было заново найти свою цель — и не только ради окружающих, не только ради дочери.

Ради себя самого.

— Вот почему ты так хочешь увидеть магистра Кейна, — сказала Кэтти-бри — не вопросительно, утверждающе. Она надолго замолчала, глядя в лавандовые глаза Дзирта.

Да, подумал он, ведь Кейн много раз выходил из смертной оболочки, и всё же посвятил свою жизнь земным целям.

— Поэтому ты должен отправиться в монастырь, — прошептала она и поцеловала его, затем развернулась и вышла из комнаты.

— И съесть свой проклятый ужин, растреклятый остроухий упрямец, — окликнула она его в дверях своим голосом дочери Бренора.

Дзирт ответил таким необходимым ему смехом.

Глава 5

Акуля радость

Команда «Пеликана» нервно выстроилась у перил спиной к бурлящему от акул морю — снова покрасневшему, когда всех гноллов с «Пеликана» выбросили за борт. У оставшихся пиратов не было оружия, пальцы их волшебников были связаны, и перед ними стояла команда дроу с мечами и арбалетами наготове.

А среди этих вооружённых охранников стоял воин-дроу, расправившийся с их могучим капитаном Арронго, предводителем, долгое время удерживавшим их в страхе и подчинении.

Они нервно переминались с ноги на ногу, когда предводитель дроу в чудовищной шляпе начал свой осмотр, сопровождаемый женщиной-дроу, одетой в церемониальную мантию жрицы.

— Это моя подруга, которой я безоговорочно доверяю, — сказал им Джарлакс. — Она немолода, по крайней мере по человеческим стандартам, и потратила больше времени на изучение божественных знаний, чем любой из вас живёт в этом мире. Часть этого... что ж, вы увидите сами.

Он посмотрел на Даб'ней, и та кивнула. Заявление Джарлакса было не пустым бахвальством. Поскольку, хотя её и растили жрицей на службе у Ллос, её изыскания всегда касались скорее различного знания. Она была глазами её старого дома. И пока другие жрицы вокруг неё фокусировались на магии двойственности или маскировки, на божественных областях обмана, бури или войны, самой важной обязанностью Даб'ней было раскрытие возможных интриг потенциальных соперников и врагов. Так что именно этим она собиралась заняться и сейчас. Она подняла священный символ и начала неслышимый речитатив, призывая свою магию, открывая разумы пленников, чтобы они не могли спрятаться за лживыми словами.

Джарлакс неторопливо зашагал вдоль линии пленников.

— Я прошу всех вас, — сказал он им, — подумать, кто из вас пытал пленников по приказу капитана Арронго.

Он остановился возле первого пирата, испуганного юноши, и покосился на Даб'ней.

Она взглянула на юношу всего лишь на миг, затем покачала головой.

Джарлакс схватил его за рубаху и оттащил от перил, швырнув его в центр палубы. Там его подхватила пара дроу и отвела к противоположному борту.

Так продолжалось и дальше — Джарлакс повторял свой вопрос, и пираты в шеренге не могли не слышать его и не думать о нём. Им не требовалось говорить или отвечать вслух — простой звук вопроса в голове вызывал мысли и воспоминания, невербальную реакцию и другие телесные признаки.

За ними и их сознанием наблюдала Даб'ней — не так, как это делал Киммуриэль, но достаточно, чтобы уверенно кивать или качать головой в ответ на вопросительный взгляд Джарлакса.

Те, кого она сочла менее виновным, получали покачивание головой и переходили под стражу дроу. Те, чьи мысли раскрывали Даб'ней участие в пытках, оставались на месте.

Все, кроме пяти из двух дюжин пленников с «Пеликана», остались у перил.

Когда с этим было покончено, Джарлакс коснулся поля шляпы в сторону Даб'ней, а та подошла к люку и откинула его, помогая пленникам пиратов выбраться на палубу. Она подвела их к Джарлаксу.

— Кто-то конкретный? — спросил он их.

Какое-то время никто из бедолаг не смел отвечать, но наконец один молодой человек, немногим старше мальчишки, поднял дрожащую руку и указал на грязного мужчину в центре линии.

Джарлакс подошёл к нему и замер, оглянулся на мальчика и указал на пирата.

Мальчик кивнул. Другие две жертвы кивнули тоже.

Джарлакс столкнул мужчину за борт.

Тот ещё кричал и бился, когда был опознан второй мучитель, затем третий, затем ещё двое.

Они полетели за борт, все пятеро, к радости кружившихся там акул.

— Становится не так весело, когда это кто-то знакомый, не правда ли? — сказал Джарлакс оставшимся пиратам. — И ещё хуже, когда знаешь, что сам можешь оказаться следующим. А это может произойти с любым из вас. Я не даю никаких обещаний, не считая того, что я готов оставить вас в живых. Вам придётся поработать, разделяя корабли и латая «Пеликана», чтобы мы могли вернуть его в Лускан. И с этого мига и до самого прибытия вас будут оценивать. Одна ошибка, одна угроза, одно нападение — и вы присоединитесь к капитану Арронго и остальным в брюхах у акул.

Он подошёл к перилам и заглянул за них.

— Хотя, подозреваю, капитан Арронго нашёл по меньшей мере несколько приютов, в которых он может... переварить то что сделал.

Отпустив этот оборот, он сделал разворот, глядя на Закнафейна и Энтрери, изумлённо вскинув руки, когда они не рассмеялись.

— Что? — с невинным видом спросил он.

Двое воителей просто ушли.

Сцепившиеся корабли быстро разделили — помогло то, что «Месья Дюдермонта» была спроектирована и построена для таранов, сцепки и быстрого разделения. И для быстрого ремонта. Так что к тому времени, как захваченные пираты, трудившиеся под бдительным присмотром и началом Бреган Д'эрт и инженера «Мести», распутали канаты на упавшей мачте «Пеликана», паруса «Мести» уже вернулись на место и были готовы ловить ветер.

Потребовалось ещё два дня, чтобы привести «Пеликан» в пригодное к путешествию состояние, и даже тогда, по словам Джарлакса, тот «заметно хромал». Но корабль поплыл, прямым на восток, обратно, рядом с «Месью Дюдермонта», которая служила защитой от других пиратов в окрестностях и напоминанием захваченной команде «Пеликана», что любое сопротивление встретится с подавляющим — и на сей раз беспощадным — ответом.

Джарлакс, Зак и Энтрери все оставались на «Пеликане», что не укрылось от внимания пленников. Им было не вернуть себе корабль, а тем более — не обогнать и не уйти от «Мести».

— Теперь вы команда, моя команда, — раз за разом повторял им Джарлакс, расхаживая по палубе. — Я буду вас кормить и следить за вашим благополучием — до тех пор, пока вы будете подчиняться приказам. Эти акулы, что следуют за нами? Это мои акулы, мои питомцы, и я пообещал хорошенько накормить их, если вы подчиняться не станете.

— Какой же он хвостун, — сказал Закнафейн, обращаясь к Энтрери, когда они сидели у перил, проверяя своё оружие и перекусывая.

— Завоеватель, постоянно пополняющий свою коллекцию активов, — ответил Энтрери.

— Активов? — спросил Зак, качая головой. — Я не знаю этого слова.

— Его сокровищ, понимаешь? — сказал Энтрери. — Они, мы с тобой, Бреган Д'эрт, сам Лускан — мы все сокровища Джарлакса. Он как дракон, только вместо золота и драгоценностей собирает людей и власть.

— И самих драконов, — хмыкнул Зак. — Двух самых странных вирмов, о которых я только слышал. Интересно, где сейчас Тазмикелла и Илнезара? Было бы куда легче охотиться на пиратов вместе с ними — по крайней мере, для моего брюха.

— Мне говорили, что они улетели в Ваасу, но наверняка мы с ними ещё увидимся. Джарлакс не из тех, кто позволяет подобной власти надолго ускользнуть у него из рук.

Энтрери заметил, что Зак глядит на него с некоторым подозрением, опустил Коготь Харона на колени и повернулся, чтобы прямо встретить взгляд оружейника.

— Ты говоришь о нём, как о злодее, но всё же остаёшься на его стороне.

— Едва ли злодее, — ответил Энтрери.

— Он собирает людей?

— Да, потому что они хотят быть с ним, — сказал Энтрери, последив за взглядом Зака на приближавшегося Джарлакса. — Всё дело в его обаянии, понимаешь? Он понимает идею создания ситуаций, которые нравятся обеим сторонам, понимает взаимную выгоду. Поэтому Лускан будет принадлежать ему до тех пор, пока сам Джарлакс того хочет. Потому что народ Лускана тоже будет этого хотеть. Если бы короли и королевы этого мира тратили столько времени и золота на тех, кем они правят, сколько тратят на армии и оружие, которые содержат на случай, если эти люди восстанут против них, они были бы намного богаче и целее.

Зак фыркнул.

— Боюсь, тебе будет сложно убедить в этом верховных матерей Мензоберранзана.

— Думаешь, дварфы когда-нибудь восстанут против короля Бренора? — Энтрери закончил разговор, когда подошёл Джарлакс, но Закнафейн всё равно знал, что его вопрос — риторический, или, по крайней мере, обладающий очевидным ответом.

— От стольких речей и заверений я начал терять голос, — сказал Джарлакс. — Кто-нибудь из вас может собраться с силами и пройти по палубе, чтобы понукать команду?

— Я могу, но не хочу, — ответил Зак.

— Ты блефуешь, Джарлакс, — добавил Энтрери. — Мы оба знаем тебя слишком хорошо, чтобы поверить, что ты можешь потерять голос.

Это заставило Джарлакса улыбнуться. Он поклонился, признавая поражение, и грациозно взмахнул рукой. Энтрери заметил, что Джарлакс носит несколько колец, которые он видел на руке капитана Арронго — причём не на той, которую Закнафейн отрубил и оставил на палубе.

Он перевёл взгляд с колец к ожидающей и понимающей улыбке Джарлакса.

— Я беру, что могу найти, — объяснил бродяга-дроу. — К счастью, огромная акула была уже не голодна, но к меньшему счастью — почти наверняка среди содержимого её желудка были сокровища и подороже.

— Ты меня разочаровываешь, — сказал ему Зак. — Я думал, что ты из тех, кто будет преследовать злобную акулу до тех пор, пока из неё не выйдет весь остальной Арронго.

— Я думал об этом, — ответил Джарлакс, покидая их.

Зак посмотрел на Энтрери, но тот только пожал плечами и сказал:

— Я даже не видел, чтобы он промок.

Вскоре после этого вперёдсмотрящий крикнул «Земля!», и когда за «Пеликаном» опустилось солнце, оно осветило вершины высоких, покрытых снегом гор далеко впереди и слева, а когда солнце спряталось за морем, над ними зажглись звёзды — вместе с огнями Лускана далеко впереди и прямо по курсу.

— Узнала что-нибудь новое? — через несколько дней в Гонтлгриме спросил Кэтти-бри Джарлакс.

— Думаю, что ничего нового про кнут я уже не узнаю, — ответила она. — Я говорила с великими волшебниками, даже с созданиями иных планов бытия — даже с Мегерой в какой-то степени, если наше общение можно считать диалогом.

Она пожала плечами и призналась:

— Хотя я не уверена, что эта история полна, и даже не знаю, где заканчиваются факты и начинается вымысел.

— Но ты не против попробовать?

Женщина снова пожала плечами.

— Я понятия не имею, как отреагирует оружие на огонь предтечи, хотя теперь больше верю, что Мегера не сможет воспользоваться силой кнута, чтобы сбежать из разлома. Единственная потеря, которая кажется мне возможной — это сам кнут и то, что мы скормим Великой Кузне вместе с ним.

— Роскошно! — воскликнул Джарлакс и хлопнул в ладоши, затем потянулся к поясу слева.

Кэтти-бри впервые обратила внимание на висящий там меч, и хотя наверху было другим, она сразу же узнала гарду и рукоять. Она охнула и схватила Джарлакса за запястье.

— Нет. Никогда.

Джарлакс встревожено посмотрел на неё.

— Я не добавлю магию к этому мечу, — объяснила она. — Никогда. Я не скормлю его Великой Кузне, но с радостью, совершенно бесплатно, выброшу его в разлом с предтечей, чтобы уничтожить — или хотя бы убрать из рук следующей жертвы.

— А, ты узнала Хазид'хи, — ответил Джарлакс.

— И наш разговор окончен, — сказала она и направилась прочь.

— Нет, госпожа, нет, — сказал Джарлакс, остановив женщину, пока та ещё не отвернулась от него. — Я не хочу, чтобы ты скормила Хазид'хи кузне вместе с кнутом. Этот меч прекрасен сам по себе, конечно же.

— Ты глупец, раз взял его себе.

— Я просто ношу его, — сказал Джарлакс. — В ножнах. Я им не владею.

— Тогда уничтожь его, и сделай этот мир немного лучше.

— Это могущественный инструмент, и в подходящих руках...

Взгляд её прищуренных глаз на миг заставил его замолчать, но только на миг.

— Хазид'хи позволил Дзирту на равных сражаться с Обольдом, — напомнил он. — Это просто меч.

— Я прекрасно знаю этот... меч.

— Действительно, и я извиняюсь, что сегодня взял его с собой, — поклонившись,

сказал дроу. — Но повторяю: я хочу сплавить с кнутом вовсе не Хазид'хи.

Он снова потянулся к поясу, но под Хазид'хи, достав прекрасную небольшую статуэтку яркой птицы жёлто-оранжевой расцветки, в которой Кэтти-бри узнала феникса. В следующий миг она осознала, что это не просто статуэтка; это рукоять длинного меча, однако лишённая клинка. Крылья птицы были раскинуты в стороны, образуя гарду, а внешние перья загибались к оголовью, защищая кисть. Длинная шея тянулась выше, и Кэтти-бри подумала, что она блокирует стык, к которому можно прикрепить лезвие.

Но нет, поняла женщина, это был не зубец для клинка и не разъём, в который можно было вставить и закрепить клинок.

Она посмотрела на крохотные рубины, служившие глазами птицы, и на третий красный камень, покрупнее, сидящий в оголовье, которое было образовано хвостовым оперением птицы, скрученным в шар.

— Что? — спросила она. — Почему с этим? У кнута есть рукоять.

— А у рукояти есть клинок, — пояснил Джарлак, поднял её и сжал покрепче. Три рубина вспыхнули от внутренней магии, и в сопровождении мгновенного низкого гула внезапно возник клинок из света.

— Солнечный клинок, — сказала Кэтти-бри. — Я о таком слышала. Говорят, это чудесное оружие.

— Так и есть — и оно достойно только величайших воителей. Мы — ну, Закнафейн забрал его у капитана Арронго и с нетерпением ожидает его возвращения. Но я пообещал, что верну ему нечто ещё более чудесное, чем просто меч Арронго.

— Хочешь рискнуть, сунув этот трофей в пламя предтечи? — спросила она, не скрывая сомнений.

— Я хочу сделать это оружие достойным величайшего из воинов, — напомнил ей Джарлак. Он крутанул оружие, убрав клинок света, и протянул рукоять-феникса Кэтти-бри.

Она приняла феникса и подняла его к глазам, слепо глядя на статуэтку, пытаясь всё осознать.

— Сделай это, прошу, — взмолился Джарлак. — Я думаю, она хорошо дополнит пламенный кнут.

— Просто отдай его Закнафейну вместе с кнутом, — предложила Кэтти-бри. — Он будет вооружён не хуже почти любого воина на побережье Меча.

— Я хочу больше. Я хочу оружие, которое будет действительно достойным Зака. Сделай это.

— А если результат тебя разочарует?

— Тогда у меня будет повод найти новое приключение, чтобы возместить утрату.

— Другой такой кнут тебе не найти, — предупредила она.

— Он чудесный, но применим лишь в определённых ситуациях, — отозвался Джарлак. — И почти бесполезен, когда враг рядом.

— Тогда Зак может использовать солнечный клинок.

— Я хочу, чтобы у него было больше вариантов.

— Ты серьёзно рискуешь.

— Я люблю азарт, — сказал он и указал рукой на дверь, ведущую в кузню Гонтлгрима. — Но есть разница между удачей и риском. Я редко полагаюсь на удачу.

Кэтти-бри взяла кнут в одну руку, рукоять-феникса в другую, и остановилась — но только на мгновение. Она пожала плечами и шагнула вперёд, радуясь, что Джарлак был

позади, поскольку не хотела, чтобы он увидел её интерес.

Они ничего не говорили, пока не достигли Великой Кузни. В этот поздний час помещение почти пустовало, хотя какой-то дварф работал у небольшой печи напротив, ударяя молотом какую-то заготовку.

Кэтти-бри быстро подошла и нечаянно напугала его, когда окликнула, так что он едва не выронил клещи и раскалённый кусок металла в них.

— Да, принцесса! — ответил он, укладывая инструменты и снимая защитную маску. — Чем я могу помочь?

— Фестус, да? — спросила Кэтти-бри, узнав одного из адбарских парней, который остался здесь после возвращения Гонтлгрима.

— Ага, Фестус Гримфорж к вашим услугам, — сказал он с поклоном.

Кэтти-бри окинула его любопытным взглядом, пытаясь вспомнить это имя.

— Я не слышала про клан Гримфорж, — призналась она.

— Были О’Молами, госпожа, — пояснил он. — Из адбарских О’Молов.

— Амбергрис, — сказал Джарлак.

— Четвёртый кузен, — сказал Фестус.

— Тогда почему Гримфорж? — спросила Кэтти-бри.

— Новый клан, вассал Боевых Молотов, — объявил Фестус. — Присоединяется всё больше и больше дварфов. Началось всё с Лохматого Дейна и сестры королев, Ханнабричес Феллхаммер. Да, она и Лохматый Дейн возьмут своим клановым именем Гримфорж, когда поженятся позднее в этом году. И вокруг них будет хороший клан. Парни из Фелбарра и Адбара, а ещё из Мирабара.

— Только парни? — ухмыльнулся Джарлак. — Недолго ваш клан проживёт.

— Так называют каждого дварфа, — ответила Кэтти-бри. — Они всегда «парни». Это про всех них. Это ласковое слово, признак товарищества и расположения, ничего больше.

— Гримфорж, — повторила она, поворачиваясь обратно к Фестусу. — Мне нравится. Как новая гримгвардия. Кажется подходящим.

— Да, мы тож так решили.

— Хороший выбор, — сказала Кэтти-бри. — Можно тебя попросить разжечь горн Великой Кузни, Фестус Гримфорж?

Дварф с любопытством взглянул на неё.

— Ты опять занялась этой штукой? — прошептал он, оглядевшись кругом, чтобы убедиться, что они одни.

Кэтти-бри знала, что он имеет в виду — слухи не прекращались с тех пор, как она соединила Мерцающий и Видринат, а потом — щит Бренора и Орббкресс, и её лук Тулмарил с чудесной пряжкой, которая прятала оружие.

— Разожги горн и увидишь, — пообещала Кэтти-бри.

Вскоре горн Великой Кузни уже пылал белым пламенем. Конечно, им не требовалось использовать дерево, уголь или другое топливо. Все, что они делали — открывали соответствующие вентили, позволяя предтече выкидывать яростные языки пламени. Горны были настоящим инженерным и магическим чудом, прочные и безопасные, с чарами, предотвращающими побег чудовища — и самой крупной и впечатляющей из всего этого была Великая Кузня. Волшебник или жрец, попытавшийся распознать магию поблизости с ней, наверняка ослеп, как от взгляда на белое пламя внутри.

— Ты уверен? — в последний раз спросила Кэтти-бри, стоя у горна рядом с

Джарлаксом.

Джарлакс кивнул, и женщина подняла прекрасную рукоять, изучая её магию своими заклинаниями, а потом кнут, который уже изучила как можно подробнее.

— Всё это отправляется в горн? — спросил Джарлакс.

Кэтти-бри покачала головой — она слишком глубоко задумалась, чтобы отвечать вслух. Она положила кнут на поднос. Она наложила на себя защитную магию, дала Джарлаксу и Фестусу знак отойти, потом открыла заслонку горна.

Она начала толкать туда кнут, но даже с её защитными чарами жар был слишком силён. Она повернулась к Фестусу, указала рукой, и дварф бросил ей свои рукавицы. Она натянула их и взяла длинные клещи.

Кнут отправился внутрь, пламя лизнуло, как голодное, затем радостно заплясало вокруг, как будто встретило давно потерянного родственника. Сам кнут начал дымиться от жара и выпускал вспышки собственного пламени, пляшущие с огненными языками предтечи.

— Выглядит нехорошо, — заметил Джарлакс, но Кэтти-бри, требуя терпения, подняла ладонь, чтобы дреу замолчал.

Она подняла клинок света, восхищаясь прекрасной фениксовой рукоятью и надеясь, что это произведение искусства не сплавится в уродливый кусок. Она положила его на поднос, но немедленно схватила снова и вызвала клинок.

— Вы только посмотрите, — сказал Фестус.

Меч лёг на поднос, Кэтти-бри взяла его клещами и положила в горн рядом с кнутом. Затем она закрыла заслонку и начала речитатив, потянувшись через своё волшебное кольцо к Мегере, прося предтечу ещё раз показать свою прекрасную силу создания.

— Открой вентили посильнее, — попросила она Фестуса.

— Госпожа, — сказал он медленно и с заметным беспокойством.

— Сделай это. Всё в порядке.

Так продолжалось ещё долго, прежде чем Кэтти-бри наконец дала знак Фестусу погасить горн.

Когда она открыла заслонку, то увидела лишь небольшой огонёк, который никогда не гас, и его танец был почти гипнотическим, как будто приказывал ей забрать предметы и снова узреть красоту и силу Мегеры.

Кэтти-бри тяжело сглотнула. Кнут исчез, световое лезвие закрылось, но фениксовая рукоять осталась, как будто не пострадав.

Она вытянула её и подняла. Не ощутив жара, она сняла рукавицу и осторожно поднесла голую ладонь, затем схватила рукоять и закрыла глаза.

Её лицо растянулось в улыбке, она одобрительно кивнула и повернулась к Джарлаксу.

— Думаю, ты будешь доволен, — сказала она и бросила ему рукоять.

Он тоже закрыл глаза, и Кэтти-бри поняла, что новое оружие раскрывает ему свои силы, как только что раскрыло их ей.

— Очень, — сказал Джарлакс через секунду, широко раскрыв глаза. — И владелец тоже.

— А мне расскажете? — спросил Фестус. — Что с кнутом-то случилось?

— Он внутри.

Фестус наклонился и с любопытством заглянул в открытый горн.

— Не здесь, в рукояти, — объяснила Кэтти-бри.

— А?

— Окажи себе услугу, дружище, — сказала Кэтти-бри. — Никогда не провоцируй

Закнафейна на драку.

— Никогда и не думал, — заверил её дварф.

— Не оставишь ли нас, добрый дварф?

— Конечно, но ненадолго. У меня полно работы.

— Много времени это не займёт, — пообещал Джарлакс.

Фестус закивал головой и поспешил прочь. Едва он покинул помещение, как Джарлакс снова достал Хазид'хи.

— Я уже сказала тебе, — хмуро заметила Кэтти-бри. — Я не отправлю этот адский клинок в Великую Кузню.

— Конечно. В любом случае, Фестус ушёл, а горн закрыт. Но мне интересно, не пожелает ли Кэтти-бри навсегда преодолеть угрозу Хазид'хи, чтобы меч больше ни с кем не смог сделать то, что он сделал с ней?

— Я с радостью брошу его в разлом Мегере на съедение.

— Нет, есть лучший способ, — заверил её Джарлакс. — И с его помощью, как я узнал, ты сможешь спасти ещё одну из жертв меча, и сможешь предотвратить невероятную бойню, которая скоро настигнет Мензоберранзан.

Кэтти-бри наклонила голову. Её синие глаза не моргали.

— Возьми его, — попросил Джарлакс. — Владей им, подави его, потребуй от Хазид'хи, чтобы он рассказал тебе о другой жертве и указал путь.

— Что это за безумство?

— Никакого безумства, добрая госпожа, ничего подобного. Ты знаешь, что это безопасно, ведь твоя сила воли намного превосходит Хазид'хи. Сделай, как я прошу, и я всё объясню. Или, скорее, сделай как я прошу, и ты сама всё поймёшь.

Кэтти-бри колебалась. Она вытерла руку о штаны, потом медленно протянула её к Джарлаксу, к Хазид'хи, и вздрогнула.

Глава 6

Разношёрстная компания весёлых друзей

В тренировочном зале Корабля Курта в Лускане Закнафейн крутанул фениксовую рукоять в левой руке, умело перехватывая её пальцами, чтобы продолжать вращение. Из рукояти ударил клинок, полоса яркого света, меняющегося от оранжевого к жёлтому и белому и плюющего пламенем по всей своей длине.

Затем Зак перешёл к более серьёзным упражнениям, став в стойку пошире, перекатив клинок по одной стороне, наискось перед собой, где позволил ему описать круг, схватил рукоять правой рукой и хлестнул ею широко наискосок и наружу, прочертив в воздухе полосу пламени — прореху на огненный план.

Зак снова закружил меч, легко и плавно, превратив движение волшебного клинка в равномерный и гипнотизирующий танец. Клинок оказался у него за спиной, потом в левой руке, снова описал круг и снова появился слева.

На этом втором круге клинок удлинился, вызывая изумлённый вздох наблюдателей (кроме казавшегося крайне довольным, скорее всего собой, Джарлакса) и когда он поднялся над плечом носителя, это был не меч, а кнут, которым Закнафейн ударил прямо, снова прорезав щель в воздухе, из которой потекло пламя.

Оба огненных разрыва с шипением и хлопком исчезли одновременно.

Кнут Закнафейна стал мечом, а потом — снова всего лишь прекрасной рукоятью.

— Ты доволен? — спросил Джарлакс.

Рядом с ним фыркнул от нелепости вопроса Артемис Энтрери. То, что он сейчас увидел, было оружием могущества и обмана — казалось, идеально-смертносная комбинация.

— Рядом с ним мой другой клинок кажется... слабоват, — ответил Зак.

— Потому что так и есть, — согласился Джарлакс. — Предпочитаешь в левой руке кнут?

— Может быть, я стану сражаться только этим оружием. Мне предстоит долго тренироваться с ним, чтобы научиться лучше прятать его фокусы от врагов.

— Но в левой руке? — настаивал Джарлакс.

— Обеими руками, — ответил Зак. — Но да, кнутом я предпочитаю пользоваться левой. Ищешь слабые стороны, Джарлакс?

— Тогда, может быть, в правую руку возьмёшь это? — сказал Джарлакс, доставая сверкающий серебряный меч с тёмной рукоятью в виде зверя-обманщика и с тонким злым свечением красного цвета на его острой кромке.

— Резчик, — заметил Энтрери.

— Значит, ты предназначал его для меня, — сказал Зак. — Я думал, ты собираешься оставить это сокровище себе.

— Я обещал тебе оружие, достойное твоих талантов. Одно у тебя есть, а этот меч дополнит его, поскольку во всём Фаэруне ты не сыщешь более острого клинка, чем Хазид'хи. Можешь его взять, но время от времени он будет мне нужен.

Это вызвало любопытные взгляды Зака и Энтрери.

— То есть, ты хочешь, чтобы Кэтти-бри и этот клинок пропустила через Великую

Кузню? — спросил Энтрери. — Предупреждаю...

— Нет-нет, — заверил их обоих Джарлак. — Она скорее уничтожит меч, чем усилит его чары — она ненавидит этот меч. Я надеюсь изменить Хазид'хи в том путешествии, которое нам предстоит, но Великая Кузня Гонтлгрима для этого не потребуется.

— О чём ты говоришь? — спросил Энтрери.

— Наш друг Киммуриэль провёл с этим мечом много времени, — ответил Джарлак. — Давайте скажем, что он узнал многие заключённые в оружии тайны, включая способ раз и навсегда сломить волю меча. При помощи этого способа я могу изгнать из него демоническую магию.

— Эта магия многих сделала великими мечниками, — напомнил ему Энтрери.

— Новичков. Но ничего такого, что могло бы потребоваться Закнафейну До'Урдону, — объяснил Джарлак. — Представьте: бритвенная острота Резчика и его бдительное сознание, но без склонности ко злу!

— Понятия не имею, о чём ты, — сдался Энтрери. — Приятного тебе путешествия.

— Приятного *нам* путешествия, — поправил Джарлак. — Хазид'хи разрушил жизнь предыдущей владелицы, причинил огромный вред её семье и стал причиной серьёзного конфликта. Я недавно узнал, что злобное сознание этого меча в немалой степени несёт ответственность за войну Серебряных Кордонов. Я собираюсь убедиться, что такого больше никогда не произойдёт, а вместе с этим — принести мир той, кто не заслуживает свой участи.

— Доум'вилль Армго? — спросил Зак.

— Она жива, потерялась, и я думаю, что воспользовавшись этим же оружием, чтобы ей помочь, мы сломаем волю меча и сможем избавиться от его демонической магии.

— Дай мне знать, о чём речь, когда закончишь говорить загадками, — ответил Зак.

— Никаких загадок, — пообещал Джарлак. — Меч может привести нас к Доум'вилль — я думаю, что она до сих пор жива. Её спасение будет настоящим героическим поступком, и более того — Доум'вилль будет весьма полезным союзником для нас, для дома Бэнр в их грядущей борьбе против Меларнов и других приверженцев Ллос. Она — Армго, из второго дома. Она станет нашими глазами и ушами.

— Громф ведь закинул её на дальний север? — спросил Энтрери.

— Да, и скорее всего она сейчас там и находится.

— Скорее всего?

— Мы можем убедиться. Киммуриэль нашёл способ. И можем найти её и забрать обратно. Возьми меч. Крепко сожми его, направь в него свои мысли, и потребуй ответа.

— Будь осторожен, — предупредил Энтрери, когда Зак потянулся к мечу. — Меч полон гордыни, обладает могучей волей и очень хитёр.

— Он не хитёр, — возразил Джарлак. — Он манипулирует носителем при помощи эмоций, а не тщательно продуманной и коварной лжи.

Закнафейн, по лицу которого было ясно, что он не понимает до конца, о чём говорят эти двое, схватил клинок и поднёс его к груди. Он проделал им несколько резких и неожиданных движений, и Джарлак с улыбкой кивнул, понимая, что Зак пытается захватить гордый меч врасплох, поскольку сейчас Хазид'хи оказался там, куда стремился всегда — в руках истинного мастера оружия.

Когда Зак улыбнулся, Джарлак знал, что меч тоже улыбается — по-своему.

Наконец, Зак опустил клинок.

— Значит, когда-то им владел ты, — сказал он Энтрери.

— Он научился меня ненавидеть, — сухо ответил бывший убийца, — потому что никогда не мог меня контролировать.

— Может быть, ты был слишком свиреп и без его помощи, — со смешком сказал Зак, и Энтрери откозырял ему в ответ.

— Я слышал, что он знаком и с моей дочерью, — сказал Зак. — Кэтти-бри владела клинком, и он взял над ней верх, едва не став причиной беды.

— Это было очень давно, — ответил Джарлакс. — Она была молода и неопытна в воинском ремесле, и не получила никакого жреческого или магического обучения.

— Так что насчёт Доум'вилль? — спросил Джарлакс.

— Маленькой Доу? — переспросил Зак, после того как сосредоточился на разумном оружии.

— Да, так звал её отец.

— Тос'ун Армго, — кивая, сказал Зак.

— Он тоже владел мечом.

— Я этого не чувствую, — отозвался Зак. Он закрыл глаза и поднёс меч поближе, но затем покачал головой. — Совсем.

— И всё же так было. Скажи мне, кого ещё знает Хазид'хи? — спросил Джарлакс.

— Тебя, — ответил Зак. — И моего сына.

— И?

Зак пожал плечами.

— Но не Тос'уна, потому что Тос'ун мёртв, и не других, потому что все остальные бывшие владельцы меча тоже мертвы, — объяснил Джарлакс. — Что означает, что Доум'вилль, Маленькая Доу, ещё жива. Несколько лет назад Громф швырнул её через портал в северные пустоши, но похоже, она ещё жива. И я намереваюсь отправиться за ней вместе с вами двумя.

Энтрери и Закнафейн обменялись любопытными взглядами, но не стали спорить.

— Северные пустоши — регион большой, да? — наконец сказал Энтрери.

— Мы её найдём, — сказал Джарлакс. — Меч сохраняет прочную связь с теми, кого подчинил. Киммуриэль считает, что любой, кто попал под такое влияние, будет всегда носить в себе частицу магии Хазид'хи. Так сказать, семья порабощённых мечом.

— Значит, меч найдёт Доум'вилль? — с сомнением спросил Энтрери.

— Хазид'хи никогда этого не захочет, пока может находиться в руках такого воина, как Закнафейн.

— Тогда о чём ты тут болтаешь?

— Как я и сказал, Киммуриэль настаивает, что связь может распространяться на тех, кто был похожим образом подчинён, даже одержим волей меча, — пояснил Джарлакс. — Хазид'хи не приведёт нас к Доум'вилль, но это сможет сделать тот, кто тоже находился под его влиянием.

— Меч не смог меня подчинить, — быстро возразил Энтрери.

— Речь не о тебе.

— Если ты думаешь, что я поддамся на волшебные трюки меча... — начал Закнафейн, но Джарлакс прервал его.

— И не о тебе.

— Нет, — неожиданно сказал Энтрери. — Она этого не сделает.

— Сделает.

— Кто? — спросил Зак.

— Кэтти-бри.

Артемис Энтрери покачал головой, но Зак спросил:

— Значит, Кэтти-бри и мы трое отправляемся в пустоши стылого севера?

— Почему нет? — спросил Джарлакс. — Что бы ни произошло в Мензоберранзане, похоже, это случится ещё не скоро. Лускан в безопасности, Гонтлгрим в безопасности, Кровоточащие Лозы почти полностью восстановлены. Беньяго и Бренор больше не нуждаются в том, чтобы я совал нос в их дела, а лорд Неверэмбер уже не представляет угрозы. Как и Маргастеры. Будем сидеть здесь и смотреть, как крутится мир, несмотря на ожидающее нас великое приключение?

— В последний раз, когда ты прочитал мне эту речь, я оказался в компании драконов и в темнице дамарского короля, — напомнил Энтрери.

— И стал после этого лучшей версией себя! Как и король Гарет, раз уж на то пошло. И магистр цветов Кейн. У тебя была возможность поговорить с ним в последний...

— Заткнись, Джарлакс, — буркнул Энтрери.

— Думаю, эта жадная до приключений женщина с радостью ухватится за возможность снова отправиться в путешествие, — сказал Джарлакс, возвращая разговор к теме.

— У неё маленький ребёнок, — сказал Зак.

— И муж, который вполне способен об этом ребёнке позаботиться, не говоря уже о Бреноре и его королевах, проводящих с Бри больше времени, чем за государственными делами, — сказал Джарлакс.

— Значит, Дзирт к нам не присоединится? — спросил Зак.

Джарлакс хмыкнул.

— Он не в настроении для подобных глупостей. Ты мог это заметить.

Зак кивнул — он действительно заметил.

— Кроме того, нам потребуется могущественная жрица или могучий волшебник, а я больше доверяю жрицам, — пояснил Джарлакс. — Не хочу проделывать весь обратный путь из той глуши, куда закинет нас Громф, пешком.

— Ты многое предполагаешь, — сказал Энтрери.

— Ну разумеется. В этом и заключается моё обаяние. И ты знаешь, что вы оба согласитесь! Так что позвольте мне приготовить этих авантюристов к путешествиям, — сказал Джарлакс и протянул руку.

Покачав головой, Зак протянул обратно разумный меч.

— Потренируйся с кнутом и солнечным клинком, — сказал ему Джарлакс. — Я изготовил их специально, поскольку ожидаю, что они окажутся незаменимы на стылом севере, в окружении чудовищ, прекрасно чувствующих себя на сильном холоде и недовольных встречей с его противоположностью.

Он улыбнулся, наклонил шляпу и отвернулся.

— Сомневаюсь, что Кэтти-бри к нам присоединится, — заметил Энтрери, — даже если ты убедишь её взять этот меч.

Когда Джарлакс обернулся к нему, он лишь добавил:

— Однажды, давным-давно, мы с ней уже путешествовали вместе.

Джарлакс только пожал плечами и снова отвернулся. Однако остановился, широко улыбнулся Энтрери и достал знакомый кинжал с самоцветами, бросив его на пол перед

бывшим убийцей.

Энтрери отпрянул.

— Души внутри него были очищены, — напомнил Джарлак. — И мои друзья в Главной башне Волшебства пристально изучили и это оружие. Оно по-прежнему великолепно, до сих пор обладает вампирическими...

— Тогда я не хочу иметь с ним ничего общего! Брось его к предтече!

— Но настоящего проклятия больше нет, — продолжал Джарлак. — Он пьёт физическое здоровье жертвы, но и только. Больше он не забирает души.

— Это неважно.

— Конечно, важно, — возразил Джарлак. — В этом был твой грех — ты сам так сказал. Шерон показала тебе это в том коконе с осами. Теперь проклятия нет, но то, что осталось — достойно того, кем стал Артемис Энтрери. Возьми его, ведь он намного превосходит кинжал, который ты сносишь сейчас на поясе, по красоте, смертоносности, и своей способности исцелять тебя, побеждая врагов. Нельзя отрицать его пользу.

Энтрери долго и пристально смотрел на кинжал, лежащий на полу прямо у него под ногами.

— Теперь это просто оружие, и совсем не такое зловещее, как меч, который ты так легко одолел.

Дроу ухмыльнулся, когда заметил выражение Энтрери. Тот хотел взять кинжал, это было ясно.

Он поднял взгляд на Джарлакса.

— Ты уверен?

— Уверен, как в том, что Тибблдорф Пвент больше не вампир, — ответил Джарлак. — Чудесной и великой была паутина Ивоннель и Квентл. Ты видел её действие на этот самый кинжал на том поле, и знаешь, что проклятье навеки сгнуло. Бери его.

Энтрери облизал губы.

Он взял кинжал.

Весьма довольный Джарлак кивнул и отправился к Кэтти-бри, уверенный, что сможет убедить могущественную жрицу присоединиться к ним, и что она сможет использовать связь с Хазид'хи, как прорицательный жезл, который укажет им дорогу к Доум'вилль Армго. Если только Громф сможет доставить их куда-то в окрестности того места, где он вышвырнул бедную жещину.

Но Джарлак был уверен, что об этом он тоже сумеет позаботиться.

— Да, бедняжка Доум'вилль, — прошептал себе под нос Джарлак, и он был искренним. Он хотел спасти её, просто ради неё самой и её семьи. Более того, он действительно верил, что поможет Доум'вилль искупить свою вину, и может быть, таким образом предотвратить полную катастрофу в Мензоберранзане и положить конец власти Ллос над его народом и родичами.

Даже если нет, Джарлак всё равно бы этим занялся, и эта истина сладкой песней отзывалась в сердце. Потому что это было не просто служение своим интересам. Он был искренним в своём желании спасти Доум'вилль от несправедливости, бесчестия и ужасного зла, которое с ней случилось. Ради неё и ради милой Синнафейн, с которой злобный меч сыграл такой жестокий трюк.

Даже это, как он теперь понимал, было по вполне эгоистичным причинам, наконец-то признался себе Джарлак, как и освобождение пленников из трюма капитана Арронго.

Это было приятно.

Это было очень приятно.

Награда, превосходящая любые драгоценности и магические игрушки.

— Ты проклял меня, Дзирт До'Урден, — сказал Джарлакс, покинув Корабль Курт и оказавшись на улицах Охранного острова, направляясь к Главной башне на встречу с Киммуриэлем и Громфом. — И за это я люблю тебя ещё больше.

— Нам нужно поговорить о Бревиндоне Маргастере, — сказал Зак Джарлаксу, когда предводитель наёмников вернулся в Корабль Курт.

— А что с ним?

— Нас не будет несколько десятидневок?

— Скорее, месяцев, — ответил Джарлакс. — Отыскать Доум'вилль, даже с помощью Кэтти-бри — непростая задача.

— Тем хуже, — сказал Зак. — Я ему не доверяю.

— Только глупец станет ему доверять, — согласился Джарлакс.

— Он — зло до самых костей, — продолжал Зак. — Да, демон из филактерии управлял им, как и остальными Маргастерами и их агентами, но он принял этого демона.

— Он желал того, что предлагал изверг — и в любом случае, он был не главой семьи, — объяснил Джарлакс. — Если бы он воспротивился Инкери и лорду Неверэмберу, даже если бы выжил, что бы ему оставалось? Неужели в этом отношении он чем-то отличается от большинства наших сородичей в Мензоберранзане? Мы тоже принимаем демона, потому что не принять её — по крайней мере, до этого часа откровения — даже представлять было страшно. Я не думаю, что наши собственные жизни так уж отличаются от выбора большинства тех, кто присоединились к демонической орде в лусканской войне, и кто мы такие, чтобы их судить?

— Сейчас Бревиндон сотрудничает с нами только из-за власти, которую предлагает ему эта возможность.

Джарлакс пожал плечами.

— Этого достаточно? — спросил Зак.

— А разве нет? — вопросом на вопрос ответил Джарлакс. — Разве этого недостаточно для народа Лускана? Бревиндон Маргастер, восседающий рядом с Беньяго в роли второго капитана и служащий Бреган Д'эрт, упрочняет наше положение здесь. Это его дом, дом Маргастер из Глубоководья и Лускана, а не Корабль Курт, заказал постройку «Мести», не так ли?

— Он любит власть. Когда мы уйдём, он сможет забрать себе больше власти — особенно если сможет заключить новые торговые соглашения с Глубоководьем, — предупредил Зак.

— Ты прав.

— Заберём его с собой?

— Нет, он останется здесь. Но Киммуриэль тоже будет здесь, — сказал Джарлакс. — Я посоветую ему почаще навещать Бревиндона, прямо у того в голове. Я согласен с тобой, что Лускану предстоят испытания в ближайшие месяцы, но пойми то, что понял я за эти долгие годы: чтобы построить что-то стоящее — любую организацию, город, корабль и команду — нужно довести это до точки, где оно сможет функционировать без строителя. Я пока что не доверяю капитану Милашке Чарли на «Мести» достаточно, чтобы оставить её без

доверенного соглядатая среди команды. Этот корабль даёт ей огромную власть и огромные возможности воспользоваться этой властью во зло вдали от огней Лускана. Но я верю, что вскоре смогу доверять ей полностью, понимаешь? И в этом случае, когда «Месть» сможет лететь по волнам и делать то, что хорошо для Лускана, а значит хорошо и для меня, без моего присмотра — тогда, и только тогда я создам нечто хорошее.

— Я не сомневаюсь в твоей оценке Бревиндона Маргастера, — продолжал Джарлак. — Я не знаю его достаточно хорошо, чтобы доверять, и не испытываю достаточной симпатии, чтобы узнать его до такой степени! И я думаю, что если мы возьмём его с собой, где-то по пути я всё равно его брошу. Сейчас, однако, его ход, и когда он походит своей фигурой, будь то конь, пешка или сам ферзь, мы парируем в случае необходимости — самым подходящим способом. Но только если это будет необходимо.

— Но мы скорее всего будем уже далеко, где-то на пути к северу.

— Как ты и заметил. И как я и сказал, здесь будет Киммуриэль. Ты слишком плохо знаешь Киммуриэля, друг мой, хотя вы и работали вместе в Подземье. Поверь мне: если Бревиндон Маргастер что-то предпримет против Беньяго и Бреган Д'эрт, пока мы будем в отъезде, и Киммуриэль удержит Лускан, тогда Бревиндон пожалеет, что не дождался моего возвращения. Да, убивать своих врагов — не выше моего достоинства. А вот Киммуриэль поступает куда хуже. Он отдаст этого глупца на ужин улью иллитидов.

Зак улыбнулся и задрожал — не сумел сдержаться. Он знал, что Джарлак не лжёт. Ещё его не особенно огорчала нарисованная наёмником перспектива, ведь он по-настоящему презирал этого конкретного человека.

— А теперь пойдём, — сказал Джарлак. — Давай разыщем Артемиса и соберём снаряжение. Утром, наверное, отправляемся к Громфу. Лето не бесконечное, а нам стоит закончить наши дела на севере и вернуться до начала осени.

— Кэтти-бри действительно идёт с нами?

Джарлак пожал плечами.

— Я так думаю. Она понимает, что на кону, и хотя наше собственное беспокойство о Мензоберранзане висит на нас тяжёлым грузом, мысль спасти Доум'вилль и при этом навсегда изгнать зло из твоего меча, который она ненавидит, станет для неё ещё тяжелее. Если нет, если она решит не в пользу этого приключения, мы возьмём Даб'ней, поскольку нам потребуется жрица. Но тогда наше путешествие может стать намного длиннее, поскольку связь с Доум'вилль через Хазид'хи окажется недоступна.

— Я снова держала меч, — сказала Дзирту Кэтти-бри. — Я спросила Хазид'хи про неё. Я думаю, что Джарлак прав. Доум'вилль жива.

— Пожалуй, нужна немалая хитрость, чтобы обмануть вас с Джарлаком, — сказал Дзирт, кивнув. Он опустил глаза, вспомнив Доум'вилль и её печальную историю. Он хорошо знал Синнафейн и знал Тос'уна Армго в те дни, когда Тос'ун жил в Лунолесье с эльфами. Издалека он следил, как растёт их семья, считая это хорошим знаком, обнадёживающим союзом и, может быть, образом лучшего будущего.

А потом, так внезапно, всё завершилось трагедией — сын был убит беглой дочерью, а Синнафейн предана.

— Так что, может быть, она и жива, — сказал Дзирт. — Но какое дело до этого Джарлаксу?

— Она из дома Баррисон Дель'Армго и ухватится за возможность искупить свою вину.

Джарлак считает, что она может стать важным союзником в его планах на Мензоберранзан.

— Хмм, — ответил Дзирт, размышляя о возможностях. Он знал, что Джарлак выживает и процветает благодаря информации и осведомителям.

— Было бы хорошо, разве нет? — спросила его Кэтти-бри. — Если Доум'вилль так ужасно согрешила из-за Хазид'хи, разве она не достойна спасения?

— Конечно, достойна. Но разве ты не могла вместо этого провести время, блуждая по улицам Лускана и исцеляя больных и немощных?

— Это может предотвратить войну.

— Если Джарлак так считает, кто я такой, чтобы спорить? В конце концов, это его область.

— Есть кое-что ещё, кое-что личное, — призналась Кэтти-бри. — Джарлак старательно изучал загадки меча. Он считает, что спасение Доум'вилль поможет победить злобу внутри Хазид'хи.

— Значит, для тебя это личное?

— Я не могу отрицать...

— Но бросить его в разлом с предтечей кажется более простым способом.

— Джарлак хочет оставить меч твоему отцу.

— У Джарлакса на всё есть ответ, — предупредил Дзирт. — Он нашёл выгоду для тебя, выгоду для Закнафейна, выгоду для Доум'вилль, видимо, и...

— И огромную выгоду для Мензоберранзана — в надежде на то, что от Ллос наконец-то отрекутся.

Дзирт кивнул.

— Опять же, не мне спорить с Джарлаксом по таким вопросам.

— Но кажется, что тебя он не убедил.

Дзирт пожал плечами и беспомощно поднял руки.

— Несмотря на всё это, путешествие кажется долгим и трудным. Ты действительно веришь, что это единственный мотив, из-за которого Джарлак идёт на такие трудности?

Кэтти-бри рассмеялась.

— Не верю — по крайней мере, не удивлюсь, если есть что-то ещё. Я искала какие-то тайные причины. В конце концов, мы о Джарлаксе говорим. Бывает ли у него хоть когда-нибудь только одна причина? Или только три причины, указанные тобой, тем более, когда они так очевидны и наш загадочный бродяга сам говорит про них в открытую? Есть какие-то мысли по этому поводу?

— Кто знает? Как ты и сказала, это же Джарлакс.

— Он собирается отыскать её, — объяснила Кэтти-бри. — Завтра — подготовка в Лускане, а затем — на крайний север через несколько дней. Он считает меня живым прорицательным жезлом, способным найти её, и умолял его сопровождать.

— Путешествие может затянуться. Что мы будем делать с Бри?

— Не «мы», — ответила Кэтти-бри. — Он просил *меня* сопровождать его.

— А-а, — сказал Дзирт. — Только вы двое в северных пустошах — или, может быть, Закнафейн тоже?

— Твой отец, да, и ещё один.

Она замолчала, потом добавила:

— Артемис Энтрери.

— Ещё один воин, владевший Хазид'хи, как и я, — заметил Дзирт. — Грозная четвёрка.

А что насчёт Вульфгара, который прекрасно знаком с северными землями?

— Если мы найдём Доум'вилль, которая может быть не одна, я смогу вернуть на юг только небольшой отряд. Джарлакс предпочитает держаться в этих пределах.

Дзирт кивнул. Это было разумно.

— Так ты пойдёшь?

— Очевидно, я здесь, чтобы это обсудить.

— Выбирать тебе.

— Но что думаешь по этому поводу ты?

Дзирт пожал плечами.

— Мне будет ужасно одиноко, но мы с Бри будем окружены друзьями.

Он издал смешок.

— Ты пропустила большую часть веселья в Демонической войне, оберегая нерождённую Бри. Неужели моя дорогая жена скучает по приключениям? Тебе скучно, любимая?

Улыбка Кэтти-бри была такой искренней, что её глаза как будто смеялись.

— Ты мне не наскучил, — сказала она.

— Но...

Она рассмеялась вслух.

— Да! — призналась она. — Я скучаю по странствиям. Скучаю по приключениям. Скучаю по опасности. Думаешь, в этом есть смысл? Я ужасная мать?

— Разве мы это не обсуждали? — спросил Дзирт, тоже рассмеявшись. Он раскрыл объятия и позволил Кэтти-бри упасть в них. — Кроме того, кажется, что помочь Синнафейн и её дочери, и может быть, Мензоберранзану — благородное дело. С этим я спорить не могу. Кроме того, — добавил он, чуть отстранив её и хитро усмехнувшись, — Хазид'хи сполна заслужил твою месть.

Он снова крепко прижал её к себе и поцеловал в висок.

— Твоё настроение значительно улучшилось, — сказала она, возвращая объятия.

— Кто-то напомнил мне.

— О чём? — спросила Кэтти-бри.

— О том, почему, — ответил Дзирт. Он ухмыльнулся и сдвинул её в объятиях ещё крепче.

— Будут какие-то советы по поводу моих спутников? — прошептала она, обнимаясь.

— Доверяй им, как Компаньонам Халла.

— Даже Артемису Энтрери?

Дзирт отстранил её на вытянутых руках.

— Скажи мне сама.

Кэтти-бри кивнула.

— Так странно знать, что я могу доверять этому человеку. Странно, но... обнадёживает. В более широком смысле.

— Вера в искупление — самая важная приправа в попытке приготовить блюдо лучшего будущего, — сказал ей Дзирт. — Может быть, это и есть истинная причина, по которой Джарлакс хочет отправиться на север. Даже не считая надежд на Мензоберранзан, может быть Джарлакс хочет предложить такую возможность Доум'вилль Армго.

— Но не только ей, — сказала Кэтти-бри, ухватившись за его мысль, и Дзирт кивнул. — Джарлаксу тоже, потому что он хочет это увидеть. Хочет сам почувствовать эту надежду.

— Значит, завтра?

Она кивнула.

— Я отправлюсь в Лускан завтра, но Джарлакс считает, что мы проведём там несколько дней в подготовке к путешествию.

Дзирт несколько мгновений собирался с мыслями, потом сказал:

— Скажи Бри и попрощайся с ней как следует. А потом, любимая, мы проведём ночь, прощаясь друг с другом.

Она взяла лицо Дзирта в ладони и посмотрела в его лавандовые глаза.

— Я вернусь, — пообещала она.

— Я знаю.

— Ты будешь здесь — или в монастыре Жёлтой Розы?

— Думаю, что в монастыре. Я собираюсь отбыть сразу после тебя, через ворота, в Мифрил-Халл, а потом в Адбар, а затем — по дороге на восток. С Бри. Не уверен, должен ли я поговорить с Кейном, но обнаружил, что хочу этого.

— И ты хочешь познакомить его и других с Бри.

— И это тоже, — признался он. — Мы согласны?

Кэтти-бри кивнула и поцеловала его, потом прошептала на ухо:

— А когда я вернусь, я возьму её в магические сады, посвящённые Миликки.

— Это было четыре года назад, — напомнил Громф Джарлаксу и остальным.

— Но это был твой портал, — ответил Джарлакс.

— Да, и я создал его только чтобы отделаться от этой назойливой *дарттиир*!

— Она наполовину эльфийка, наполовину дроу, — напомнил ему Джарлакс, поскольку Доум'вилль не была только *дарттиир*, уничижительным наименованием, которое тёмные эльфы использовали для сородичей с поверхности.

— Мне всё равно. И было всё равно тогда, потому-то я её и вышвырнул.

— На север?

— Да.

— На милю? Десять миль? Сотню? Вспомнил что-нибудь после того, как я тебя спрашивал?

— Она приземлилась на склонах самых северных гор Хребта Мира, — ответил бывший архимаг Мензоберранзана. — Это — моё лучшее воспоминание о сцене по ту сторону портала.

Джарлакс посмотрел на товарищей по путешествию.

— Тогда будем работать с этим, — сказал он, получив кивки в ответ.

— Четыре года, — повторил Громф. — Скорее всего, она мертва, но если нет, то может быть где угодно. В Подземье? В Глубоководье? Даже далеко на юге, в Калимпорте.

— Я так не думаю, — сказал Джарлакс. — Моё расследование с Хазид'хи заставляет считать, что она по-прежнему где-то на севере.

— И какой в этом смысл? Какое тебе дело?

— Я хочу очистить меч.

— Хватит лгать, — сказал Громф. — Выброси его в разлом предтечи в Гонтлгриме и забудь, просто найми хороших волшебников и кузнецов, чтобы сделать ещё один такой же, только без демонического сознания. Этот путь намного проще.

— Но я избрал другой. Воспроизведёшь для нас портал, как мы договаривались?

— Какое тебе до этого дело? — снова спросил волшебник.

Джарлакс стоял, уперев руки в боки, просто глядя на него.

— Потому что она Армго, — наконец понял Громф. — Ты хочешь сделать её нашим шпионом в Мензоберранзане.

— Скорее всего, не просто шпионом. К Доум'вилль прислушается знать Баррисон Дель'Армго. Они даже не догадаются, что она не та, кем они её считают — потому что её направлял меч, а не сердце. С её посредничестве́м мы сможем манипулировать сведениями, просачивающимися к верховной матери Мез'Баррис.

— Если ты так думаешь, значит ты ещё больший глупец, чем я подозревал — а эта планка была поистине высока.

— Ты не веришь, что она будет полезна?

— Я не верю, что она стоит всех этих хлопот.

— Хлопот для нас, не для Громфа. На самом деле — нет.

Громф нахмурился ему в ответ и покачал головой, но после презрительного фырканья в адрес Джарлакса начал читать заклинание. Через несколько минут в комнате возникло клубящееся облако, обрамлявшее далёкий пейзаж, словно картину. Горный склон, покрытый толстым слоем снега.

Джарлакс бросил Громфу последнюю часть платы, мешочек с дорогими магическими компонентами, которые было трудно добыть. Коснувшись полей шляпы в знак прощания, Джарлакс возглавил свой отряд, шагнув в эту «картину», пройдя через образ на горный склон, и обнаружил, что стоит в глубоком снегу под пронзительно-голубым небом, резким и прекрасным контрастом которому служила стремительно надвигающаяся полоса чёрных туч.

Он не видел животных, даже птиц в небе, не видел деревьев или кустов.

Не слышал ни звука, не считая угрожающего шёпота очень холодного ветра.

Наёмник задумался, не обманул ли его Хазид'хи, и задумался, не попросить ли Кэттибри сразу же вернуть их на юг.

Часть 2

Путешествия

Осознание величайшего дара, приобретённого в результате моего обучения у монахов ордена Жёлтой Розы, одновременно потрясло и озарило меня.

Можно считать величайшим даром упрочнение связи между моим телом и разумом, более глубокое понимание того, что я хочу совершить, и глубоких взаимодействий моей физической оболочки, необходимых для более простого и полного исполнения движения. К примеру, я всегда могу подпрыгнуть в воздух, развернуться и ударить ногой в развороте. На это способен почти любой воин, по крайней мере воин-дрои. Но теперь мой разум обращается к самым тонким частям моего тела, лучше управляя движением бёдер, углом стопы, узлом мускулов на тыльной стороне ног и выбором времени для удара. Если раньше я мог отбросить противника подобным манёвром, теперь я могу сразу же закончить бой единственным сильным ударом, если мой оппонент не сохранял необходимое равновесие и поставил блок для защиты.

Я не хочу преуменьшать красоту этого дара. Я способен даже манипулировать мускулами, чтобы выдавить яд из раны! Но это — не главное из полученных мною сокровищ.

Можно считать, что величайший дар — это понимание ки, жизненной силы. Способность заглянуть внутрь и зачерпнуть силу, превосходящую силу костей и мускулов. Использование этой внутренней энергии позволяет мне ударом открытой ладони отбросить противника на несколько шагов. Оно позволяет мне находить мои ранения и погружать мою кровь, мышцы и всё, что физически находится внутри меня, в медитацию над этими ранами. С помощью ки и понимания моей физической оболочки я способен бежать быстрее и прыгать выше. Удары моих сабель стали более стремительными и сбалансированными.

Я стал лучшим воином, но нет, это всё ещё не самое большое из дарованных мне сокровищ магистра Кейна.

А ещё есть трансцендентность. С её помощью я сбежал от захватчика, растворив своё физическое тело во вселенной, став частью всего окружающего, первичным материалом звёзд, единственным вечным веществом в мультивселенной. Тем, из чего сделаны мы и всё то, что мы видим вокруг. Голая, невыразимая красота такого полного преодоления границ физической оболочки могла оставить меня там навсегда, в месте лучшем — в более истинном и полном существовании и понимании — чем всё, что я когда-либо испытывал или смогу испытать в этой смертной жизни.

Но даже эта трансцендентность — не то, что сейчас, в этот момент моей жизни, я считаю величайшим даром из всех.

Эта вершина занята самым незаметным из уроков верховного магистра, поскольку медитация, настоящая медитация, освободила меня от самого распространённого проклятия разумных существ, будь они дрои, людьми, полуросликами, дварфами, эльфами или даже гоблиноидами и великанами, возможно даже другими народами, о которых я ничего не знаю:

Сознательного стремления к некому predetermined уровню напряжения.

Это дар, который я старательно пытаюсь передать моей дорогой крошке Бри, поскольку это лекарство от проклятия, которое, как я считаю, мы получаем в самые ранние годы жизни.

Невозможно недооценить его серьёзность, и я подозреваю, что это абсолютная проблема, определяемая степенью, а не её присутствием или отсутствием.

Внутри нас всегда есть некая степень беспокойства, вибрация в наших сердцах, в нашем сознании, в самих наших душах, которая наиболее удобна для нас как «нормальная». Как камешек, брошенный в неподвижную воду, это беспокойство — результат драмы, конфликта в сознании, в теле, или в обоих. Это чувство нормальности мы получаем в очень юном возрасте, и оно только растёт по мере того, как мы становимся полностью самостоятельными существами.

Проклятие заключено в том, что мы этого не осознаём.

В самых напряжённых обстоятельствах я видел это в себе, или в короле Бреноре, когда мы оба становились беспокойными, даже тревожными, создав вокруг себя обстановку мира и спокойствия.

— В путь! — был нашим общим призывом к действию, даже если в действиях не было нужды.

Из-за того, что нам были необходимы вибрации, внутренний конфликт, чтобы чувствовать себя нормально.

Бренор ненавидит быть королём, когда мир вокруг него пребывает в покое. Ему становится необычайно скучно (хотя сейчас, с его жёнами, он мог найти подходящую замену для конфликта и напряжения!). Ему необходимо это чувство нормальности, так что он достигает требуемого беспокойства независимо от обстоятельств. Он будет ворчать и жаловаться по тому или иному поводу, часто несущественному, но никогда не скажет ни слова и не станет беспокоиться о мелких подробностях более повседневных забот вокруг него, находясь в кольце демонических орд. В таком случае, когда напряжение настоящее и серьёзное, все эти мелкие проблемы уже не имеют значения.

Я теперь понимаю, что проклятие в том, что эти мелкие проблемы имеют значение без этой демонической орды, и поэтому их подсознательно преувеличивают ради того, чтобы отвлечься.

Я часто думал, а не является ли ложью, которую я рассказываю себе, эти поиски мира и спокойствия, учитывая мою собственную страсть к приключениям и да, даже опасности.

Но это крайние примеры внутренних вибраций. Крайние, редкие, и касающиеся побуждений, которые куда легче одолеть, поскольку они так очевидны, и возможно — так разрушительны или саморазрушительны. Менее серьёзные примеры, меньшие камешки, всегда присутствуют внутри и вокруг всех нас. Они проявляются в сплетнях, в бесполезных обсуждениях бессмысленных действий или спорах, в неразумных страхах по поводу событий, над которыми мы не властны, в напрасных волнениях по поводу собственных изъянов или мыслях, которые не отличаются никакой важностью... но внутри каждого из нас они превращаются в вибрации и беспокойство.

Вибрации разума, сердца, самой души.

И поэтому величайший дар, полученный мной во время обучения в монастыре Жёлтой Розы — способность по-настоящему остановить всю эту троицу, сделав пруд Дзирта До'Урдена таким спокойным и гладким, что отражение мира вокруг меня становится

точным воспроизведением того, что есть, а не того, что воспринимается сквозь рябь внутренних тревог и внутренней вибрации.

Я свободен от беспокойства. Я доволен существованием в текущем моменте, в каждом моменте, в любом моменте.

Это не значит, что я отказался от любви к приключениям — как раз напротив!

Нет, дар состоит в том, что теперь я могу выбирать приключение, теперь я могу растворять драму, теперь я могу отбросить сомнения и страхи, чтобы увидеть отчётливую картину и избрать лучший способ действий, чтобы перерисовать её или наслаждаться ею без произвольных порывов.

И наоборот — теперь я знаю, как вызвать эти порывы в случае необходимости.

Этот дар ясности — и есть истинная свобода.

У всех бывают долгие периоды настоящих испытаний, но периоды настоящего спокойствия кажутся куда более скудными. Эти мгновения мира часто нарушает, как я стал считать, наше собственное стремление беспокоиться о вещах, которые совсем не стоят беспокойства.

Создавать рябь в неподвижной воде, чтобы чувствовать себя нормально.

Для того, кто научился пути Кейна, эта рябь приходит только извне, и когда она приходит, её видно с безупречной ясностью.

— Дзирт До'Урден

Глава 7

Взаимная выгода

— Папа Дзирри, — радостно сказала Бри, подпрыгивая на широкой спине Андахара перед Дзиртом. Они находились на тропе к юго-западу от цитадели Адбар. За несколько часов, пройдя через волшебные ворота в Гонтлгриме, где они попрощались с Кэтти-бри, затем в общий портал, разделённый между тремя дварфийскими королевствами Серебряных Кордонов, и затем в цитадель Адбар, отец и дочь преодолели почти восемьсот миль. Но им предстояло пройти ещё тысячу — причём без помощи магии.

Не считая, конечно, магии Андахара, чудесного спутника-единорога, которого вызывал свисток Дзирта и который мог без усталости бежать сутки напролёт.

Но Дзирт прикинул, что даже со скоростью единорога потребуется месяц, чтобы попасть к Галеновым горам и в монастырь Жёлтой Розы. В одиночку он мог добраться туда за десять дней, но вместе с Бри придётся часто останавливаться — может быть, даже слишком часто — и дневные переходы будут намного короче.

Конечно, он мог бы прибегнуть к магическим способам путешествовать. Он мог бы пройти через портал в Длинное Седло и попросить Пенелопу перенести их к парадной двери магистра Кейна. Но он хотел проделать это путешествие вдвоём с Бри, увидеть большой мир, наслаждаясь видами, народами и культурами, которые им предстояло встретить по пути. Однако этим вечером Дзирт выезжал из ворот цитадели Адбар не без некоторого трепета. Мир не всегда был дружелюбным местом; в землях, которые им предстояло пересечь, обитали чудовища всех сортов и размеров. Он знал, что о себе позаботится.

Но сможет ли он позаботиться о Бри?

Он пустил Андахара лёгким, но решительным кентером по лесу. Земля вокруг них то поднималась, то опускалась — один лесистый гребень за другим. Тени защищали их от летнего солнца, а залитая пятнами света земля постоянно развлекала Бри.

Ранним вечером на четвёртый день с тех пор, как они покинули Адбар, им встретился широкий ручей, у которого они остановились. Как всегда, Дзирт не стал отпускать Андахара — он хотел, чтобы жеребец оставался рядом на тот случай, если потребуется спасаться бегством.

Он смотрел, как Бри плещется в небольшой лужице, пока наполнял бурдюки. Он удивлялся простой радости в её глазах. Он хотел навсегда сохранить в них эту радость. Больше всего он хотел, чтобы его дочь выросла сильной, умной, полной уверенности в себе и ещё более полной счастья. Он не хотел, чтобы она когда-нибудь перестала радоваться простым вещам; залитой солнцем земле, плеску воды на камнях, звукам леса вокруг, формам облаков.

— Как меня зовут? — окликнул он её.

— Папа Дзирри! — радостно отозвалась дочь.

— Как меня зовут? — повторил он страшным голосом, подходя к ней с поднятыми руками, будто вставший на дыбы медведь.

— Папа Дзирри! — воскликнула Бри и рассмеялась, и с визгом понеслась прочь, расплёскивая воду.

— Папа Дзирри! — повторяла она снова и снова всю погоню, наконец завершившуюся со смешливым визгом, когда Дзирт поймал её и подхватил на руки, перехватил горизонтально и поднял над собой. Он прижался губами к её голому животику и подул, и Бри рассмеялась от щекотки и звука.

— Папа Дзирри пукнул, — объявила она, когда Дзирт снова опустил её.

— Я съел твой животик, — поправил он.

— Нет, — возразила она, высунула язык и сама испустила такой же звук.

Дзирт хмыкнул, но ощутил укол в этом искреннем смехе. Такого детства у него никогда не было — наполненного беззаботным смехом, которым наслаждались столь немногие. Хотелось бы ему поиграть в такую игру с Знакнафейном, хотя он и представить себе не мог подобной забавы с матерью, Мэлис.

Какая напрасная трата самой жизни, подумал он, зная то, что знал теперь, то, что Киммуриэль помог раскрыть жрице Ивоннель и верховной матери Квентл Бэнр о полном надежд основании Мензоберранзана, прежде чем тот погрузился в свою текущую безрадостную реальность.

Прежде чем встал на путь Ллос, где напряжённость и возбуждение Хаоса смыли прочь радости любви и простоты.

Они перекусили рядом с ручьём, глядя на танец солнечных лучей на проточной воде, придумывая глупые песенки про Бренора, Знакнафейна, и больше всего — про Кэтти-бри. Дзирт доверял своей жене и её навыкам, но не мог сдерживать потаённый страх, что она не вернётся, что Бри придётся расти без этой прекрасной женщины в её жизни. Впервые за много лет Кэтти-бри отправилась на такую опасную миссию без него, несмотря на то, что опасность всегда была частью их жизни. Однако теперь, с появлением Бри, разве не должно было это измениться? Может быть, ему следовало отговорить Кэтти-бри? Стала бы она отговаривать его, поменяйся они местами?

Потому что Дзирт знал, что хотел бы пойти, и это осознание заставило его отбросить сомнения и страхи, как проявление личного эгоизма. Он вспомнил про тот раз, когда его чудесная спутница жизни в одиночку отправилась в Подземье, до самого Мензоберранзана и в дом Бэнр, чтобы спасти его.

— Мумума? — спросила Бри, как будто прочитав его мысли — этим странным словом она называла мать. Он с удивлением посмотрел на дочь и понял, что нет, дело не в этом. Она смотрела на другой берег ручья, где до сих пор шевелились ветви дерева, через которые кто-то — или что-то — прошло.

Дзирт спокойно и медленно взялся за лук. Он слегка вздрогнул, подумав, что, может быть, не стоило возвращать Тулмарил Кэтти-бри, что может быть, было бы лучше, будь у него наготове лук, стреляющий молниями. И ещё он пожалел, что не может вызвать Гвенвивар, чтобы та перепрыгнула через ручей и узнала, кто там бродит в кустах.

Звук прекратился.

Скорее всего, это была белка, сказал он себе. Он вспомнил, как впервые увидел Бри, вспомнил чувство уязвимости, заполнившее его как никогда прежде.

Потерять её...

Дзирт стряхнул эту мрачную мысль, но стряхнул так же и их радостные мгновения у ручья. Он собрал свои вещи и дочь, посадил её на Андахара, затем провёл единорога через ручей. Он уселся в седло, и они тронулись, сначала медленно, но набирая скорость.

Затем помчались быстрее, когда Дзирт заметил опалённую траву неподалёку, с которой

до сих пор поднимался дым, и слабое зловоние — демоническое зловоние — в воздухе.

Здесь тропа была не так хорошо протоптана, деревья стояли теснее, и Дзирту приходилось пристально следить за дорогой впереди, в то же время оглядываясь по сторонам, ожидая погони.

За деревьями слева он увидел фигуру мчащегося всадника в чёрном на чёрном скакуне, который испускал демоническое пламя.

Затем фигура пропала за холмом, но он услышал слева новые удары копыт — а затем и справа.

В нём поднялись сомнения.

Он крепче прижал к себе Бри и ударил пятками Андахара, думая про Тулмарил, думая про Гвенвивар, думая о... немислимом.

— Прости меня, — прошептал он ветру, как будто надеясь, что тот донесёт его послание до Кэтти-бри, где бы она ни была.

— Не может быть, что нам туда, — настаивал Артемис Энтрери, у которого начали стучать зубы.

— Северный склон, — ответила Кэтти-бри, задрожав от порыва ветра, ударившего сверху, принёсшего снег и укусы холода, свирепые, как зимняя ночь в Долине Ледяного Ветра. Но сейчас была не ночь и не зима. Солнце перед ними было бледным и жалким, левее и значительно ближе к горизонту, чем когда они покидали Лускан — но всё ещё оставалось солнцем.

— Слишком холодно, — добавила она к наклонившемуся Джарлаксу. В следующий миг он небрежно шагнул в глубокий снег, едва оставив там отпечаток, как будто совсем не обращая внимания на ветер. Только тогда Кэтти-бри заметила, что наёмник переобулся и сейчас носил не свои обычные высокие чёрные сапоги, а пару сапог до середины голени, толстых и с мехом, казавшихся не подходящими к его остальному костюму — одежде, которую он стал бы носить на калимпортских улицах жарким пустынным летом. Кэтти-бри не требовались заклинания, чтобы понять, что сапоги магические, и было легко догадаться о том, какие на них наложены чары.

— Не ожидал, что будет так холодно. У тебя не найдётся заклинаний, чтоб с этим справиться? — спросил её Джарлакс.

Кэтти-бри кивнула.

— Это серьёзный двомер, и я не знаю, продлится ли он достаточно долго, чтобы мы успели спуститься с горы. Тёплые плащи — в твоей волшебной сумке.

Она дала ему знак достать зимнюю одежду.

— Всё равно используй своё заклинание, — попросил её Энтрери.

— Обойдёмся, — заверил их Джарлакс и перевёл взгляд на Закнафейна, который присел, как и сам Джарлакс, наполовину утонув в снегу. Заметив, видимо, их взгляды, Зак поднял взгляд, затем отвёл плечи назад, и прежде чем он выбрался на снег, подтвердив её подозрения, Кэтти-бри поняла, что он натягивал такую же пару сапог.

— Всё равно, что сидеть в пасти белого дракона, — заметил Зак. Он снял со спины ранец и принялся возиться с ремнями.

— Может быть, мы там и окажемся, — ответил Энтрери, зубы которого уже громко стучали.

Закнафейн вытащил толстое одеяло и бросил ему, потом ещё одно — Кэтти-бри. Они

завернулись, а Зак продолжил шарить внутри.

Кэтти-бри наложила защитные чары сначала на себя, потом на Энтрери, который немедленно сделал глубокий вдох и вздрогнул ещё один последний раз, прежде чем успокоиться.

— У нас есть час, чтобы добраться до укрытия, прежде чем закончится двомер, — предупредила она остальных.

Джарлак протянул руку и посмотрел на Зака, который наконец вынырнул из своего большого ранца и достал оттуда небольшую шкатулку. Он стащил зубами рукавицу с руки, прежде чем нетерпеливо открыть шкатулку, затем легко прошёл по снегу и сунул кольцо сначала своей невестке, затем другое — Энтрери.

— Надевайте их и позвольте магии найти к вам путь, — объяснил Джарлак. — Они должны обеспечить нужную вам защиту.

— Готов ко всему, — сухо заметила Кэтти-бри.

— Я видел снег по ту сторону врат Громфа, — пожал плечами Джарлак.

— Тогда почему ты не раздал нам проклятые кольца до того, как мы перенеслись? — буркнул Энтрери.

— Я знал, что будет холодно, но не думал, что *настолько*, — признался Джарлак. — Но да, я всегда готов. В качестве предосторожности я приобрёл некоторую магическую поддержку у более предприимчивых волшебников Главной башни. Подозреваю, те самые безделушки, что они используют для путешествий в Долину Ледяного Ветра.

— Похоже, твои сапоги будут получше, — заметила Кэтти-бри, указывая пальцем, чтобы заметить, что Джарлак и Закнафейн стоят на вершине глубокого и рыхлого слоя снега, а они с Энтрери — нет.

— Почему ты просто не раздал нам проклятые кольца ещё в Лускане? — снова спросил Энтрери.

— На них необходимо настроиться...

— Это можно было сделать в Лускане!

— Да, но они мне не принадлежат, понимаешь? — ответил Джарлак. — Я взял их на время у Сесилии.

— Облачной великанши? — спросила Кэтти-бри.

— Да, и она очень внимательно относится к своим волшебным игрушкам. Когда я верну их, она узнает о каждой настройке.

— И тебе придётся заплатить больше, — сказал Энтрери, качая головой.

— Как насчёт ещё одного заклинания? — спросил Джарлак, меняя тему. — Парящего диска, чтобы вы двое смогли спуститься по склону. Может быть, по одному на каждого? Заклинание левитации и пара веревок, чтобы мы с Заком смогли спустить вас, как воздушных змеев?

— А может быть, я просто заставлю тебя нести меня на спине, — буркнул Энтрери. — Или избыть до беспамьятства и поменяю это кольцо на твои сапоги — а может быть, оставлю себе и то, и другое.

Джарлак хлопнул в ладоши.

— Теперь ты видишь, дружище Закнафейн, почему я так скучал по путешествиям. Ах, это чувство дружеского плеча!

Артемис Энтрери хмыкнул — а может быть, зарычал.

— Вы пока настраивайтесь на защитную магию колец, а мы с Заком разведаем

окрестности, — сказал Джарлакс.

— Не может быть, что нам туда, — сказал Энтрери, возвращая их к первоначальной теме.

— Громф сказал, что мы приземлимся на склоне самых северных гор, — ответила ему Кэтти-бри, махнув рукой на землю, простирающуюся внизу под склоном и за мелкими, скалистыми предгорьями переходящую в широкую белую равнину.

— Но мы отправились сюда поздним утром, а солнце — снизу и слева. Если север впереди, значит, слева запад.

Кэтти-бри признала его правоту с любопытным «Хмм» и заметила обеспокоенный вид Джарлакса, хотя Закнафейн, кажется, не до конца разобрался, в чём дело.

— В любом случае, оно слишком низко, — продолжал Энтрери. — Неужели в магическом портале прошло столько времени? Я никогда не видел такого...

— Нет, мы только что прошли, — заверил его Джарлакс.

— Но в небе Лускана солнце стояло выше, — настаивал Энтрери, и никто ему не возразил. — Но ниже, чем было бы в Калимпорте, — продолжал он, обдумывая этот вопрос, подняв палец и раскачивая им в воздухе, пока говорил. — Солнце всегда было выше в Калимпорте, чем в Лускане, и ещё выше, чем в Долине Ледяного Ветра.

— А дни в Долине Ледяного Ветра короче, чем в Калимпорте? — скорее спросил, чем заявил Джарлакс.

— Зимой, а не летом, — ответил Энтрери. — Но не намного.

— Но вокруг по-прежнему лето, как ты сказал, — вмешался Зак.

Другие переглянулись.

— Как далеко на север мы попали? — спросил Энтрери.

— Громф не сказал, — ответил Джарлакс.

— Есть ли предел расстояния, на которое он мог нас забросить?

Джарлакс пожал плечами.

— Если речь о Громфе, то, наверное, до самых границ Астрального плана.

— Мы вообще на Ториле? — обеспокоенно спросил Энтрери.

— Громф сказал, что да, — ответил Джарлакс.

— Но даже если дни здесь короче — а летом такого быть не должно, — вмешалась Кэтти-бри, пытаясь найти ответ по мере того, как у неё появлялось всё больше вопросов, — ещё нет и полудня, по крайней мере в Лускане. Так почему же солнце так низко на западе?

— Мы что, на вершине мира? — спросил Энтрери.

— Или перевалили за неё и попали на другую сторону? — спросил Джарлакс.

— Но даже в таком случае, разве слева не будет запад, если встать лицом к северу? — спросил Энтрери.

— Но тогда была бы ночь, — с сомнением заметила Кэтти-бри.

— В Подземье всё куда проще, — сухо вмешался Зак.

— Да, потому что если бы мы так долго стояли и болтали в Подземье, то нас уже прикончили бы, — ответил Джарлакс.

— Я не понимаю, — сказала Кэтти-бри, глядя налево. Она раскрыла глаза пошире, заметив, что солнце сдвинулось, но не к горизонту, а вправо. — Но разве это не к востоку? — прошептала она, скорее самой себе, чем остальным.

— Закнафейн, — решительно сказал Джарлакс. — Молочно-белый шар, пожалуйста.

Зак снова порылся в своём ранце и достал небольшой мешочек, затем выкатил оттуда к

себе в ладонь безупречную сферу, похожую на огромную тусклую жемчужину, протянул руку перед собой, и шар принялся медленно вращаться у него на ладони.

— Интересно, — сказал в следующую секунду Джарлакс, глядя на шар. — Да, мы на Ториле. Мы не прошли на другой план бытия, поскольку Сесилия заверила меня, что шар будет работать только на нашем плане бытия и в нашем собственном мире.

Он указал вниз по заснеженному склону и немного направо.

— Шар, кажется, работает, и север — в той стороне.

— Тебе великанша об этом сказала? — спросила Кэтти-бри.

— И дала мне шар в аренду.

— В аренду?

— Она что, берёт с тебя золото за каждое использование? — хмыкнул Энтрери.

— И весьма немалую сумму, — отозвался Джарлакс. — Наверное, когда летаешь в воздушном замке над миром, лучше не путаться в сторонах света.

— Доум'вилль не могла знать дороги, если это место хоть сколько-то близко к тому, где её выкинул Громф, — сказал Энтрери.

— Это была простая догадка Громфа, когда он пересоздавал портал, — признал Джарлакс.

— Прекрасно.

— Она этого не знала, но какая разница? — спросила Кэтти-бри. — Она знала, что нуждается в тепле и укрытии. — Она оглянулась через плечо, на гору, нависшую над ними, всего лишь одну гору среди большого хребта зубчатых, высоких вершин. — И выбора, куда идти, у неё было не больше, чем у нас — потому что через эти горы не перебраться, если не знать подходящего перевала.

— У нас есть выбор, — напомнил им Энтрери и посмотрел на Кэтти-бри.

— Где твоя жажда приключений, старик? — усмехнулся Джарлакс. — Мы знаем, что она жива.

— И скорее всего, в полумире отсюда, — возразил Энтрери, но Джарлакс просто нахмурился и продолжил:

— Давайте найдём подходящее убежище и тогда сможем начать наши поиски, используя меч. Если Доум'вилль поблизости, думаю, Хазид'хи её почувствует.

— И Кэтти-бри тоже, — сделал вывод Энтрери.

— Я чувствую себя одной из игрушек Джарлакса, — заметила женщина.

— Сначала нам придётся избавиться от Дзирта, — подколот её Джарлакс.

Закнафейн ударил его в плечо, по крайней мере попытался, но промахнулся и потерял равновесие, когда под его ведущей ногой провалился снег, заставив оружейника упасть на одно колено.

— Плащ-обманщик, — объяснил Джарлакс. — Но попытка неплохая, дружище.

— Всегда готов, — заметил Энтрери, повторяя мысли Кэтти-бри и Закнафейна и вызвав ещё более широкую ухмылку у азартного Джарлакса.

Он привязал Бри к себе верёвкой и держал в руках лук с наложенной стрелой. Дзирт тихо заставил Андахара бежать ещё быстрее, доверяя единорогу выбор пути в этом лесу, а сам оглядывался по сторонам, высматривая врагов.

Он уже слышал их, стук копыт справа и слева, и иногда замечал через густую летнюю листву — но видел только чёрных всадников на чёрных скакунах. Он решил, что это адские

кони, кошмары, демонические лошади, которыми пользовалась кавалерия нижних планов. Дзирт хорошо знал их благодаря волшебным статуэткам, которыми пользовались Джарлакс и Энтрери.

И как и Андахар, эти кони никогда не уставали. И были такими же быстрыми.

Он мог лишь надеяться, что на них скачут младшие изверги, и что он сможет встречать их по нескольку за раз, расправляясь до того, как они подберутся к Бри.

И, и, и...

Он поднял лук, увидев движение за каким-то кустом неподалёку слева, но затем дёрнулся и едва не выронил стрелу, когда Андахар неожиданно перемахнул через гребень и сбавил ход, как будто спускаясь по крутому склону. Единорог ловко перепрыгнул группу больших камней в нижней точке небольшой низины — только затем, чтобы едва не застрять в мягкой песчаной почве при подъёме на другую сторону.

— *Легче, дружище, позаботься о твоём ребёнке,* — услышал в своём разуме Дзирт, и решил, что узнаёт вторгшегося — ещё до того, как поднял взгляд и увидел троицу дроу, двоих верхом на кошмарах, наверху склона.

Дзирт опустил лук и потянул Андахара за гриву, чтобы остановить единорога.

Центральный дроу откинул капюшон, оказавшись Браэлином Джанкуэем, и жестом дал Дзирту знак подниматься.

Дзирт так и сделал, будучи хорошо знаком с Браэлином — легко повёл Андахара вверх по склону и развязал бедную Бри, которая плакала после тряски галопа. Когда он достиг Браэлина, он уже держал Бри на плече и шептал ей на ухо.

— Могли бы и раньше заявить о себе, — упрекнул Дзирт разведчика Бреган Д'эрт. — Мне не нравится, когда меня несколько миль преследуют через лес.

— Мы всего лишь передовые разведчики, и нам приказали не подходить к тебе, — извинился Браэлин.

— А это что? — спросил Дзирт, свободной рукой взмахнув в сторону адских скакунов, на которых сидел Браэлин и ещё один дроу. — Лускан начал торговать с Девятью Адами?

— Некоторые из самых смекалистых волшебников Главной башни приложили большие усилия для создания обсидиановых статуэток, — объяснил Браэлин. — А Джарлакс потратил целое состояние, покупая их у благородных семей Глубоководья. Наверное, хочет сделать Бреган Д'эрт отрядом кавалеристов.

Почему-то Дзирт не удивился.

— Где он?

— Джарлакс?

— Нет, тот, кто привёл вас сюда.

Тот, кто только что был в моём разуме, подумал он, но не сказал вслух.

Браэлин оглянулся через плечо на густое скопление деревьев, и через несколько мгновений из тени выехал Киммуриэль верхом на ещё одном волшебном скакуне, на сей раз — полупрозрачном, не считая вспышек и искр света, очерчивающих его лошадиную форму, больше напоминающую созвездие в ночном небе, чем что-то плотное. Псионик взмахом дал знак дроу по бокам от Браэлина уйти — и наверное, отправил им телепатические приказы — прежде чем подвести своего звёздного скакуна к Дзирту.

Оправившись от общего изумления, Дзирт почувствовал, что его облегчение сменяется дурным предчувствием — ведь что-то здесь наверняка было не так.

— Нет, ничего такого, — ответил на его мысли Киммуриэль.

— Прекрати, — предупредил его Дзирт, и псионик с уважением поклонился. — Что ты здесь делаешь?

— Архимаг Громф рассказал нам о путешествии, которое ты собирался предпринять. Я хотел нагнать тебя в Гонтлгриме, но ты уже ушёл.

— И ты последовал за мной через портал в Адбар?

— Оно того стоило — хотя бы из-за лиц адбарских дварфов, — вмешался Браэлин. — И в Мифрил-Халле, хотя там с большей готовностью приняли наше присутствие, поскольку на этом отрезке путешествия с нами был король Бренор.

— Это не отвечает на мой вопрос.

— Мне нужно многое с тобой обсудить, — объяснил Киммуриэль. — И с магистром Кейном, если ты нас представишь.

— А ты не мог просто попросить Громфа телепортировать тебя в монастырь и встретить меня там?

Киммуриэль пожал плечами.

— Джарлакс, — решил Дзирт. — Он сказал тебе, что я буду здесь с Бри, и попросил меня сопровождать.

— Здесь опасные земли.

— Я уже пересекал их.

— С ребёнком?

Дзирт не ответил.

— Если мы поймали тебя, разве не смогут другие?

— Честно говоря, вы меня не поймали. Вы нашли меня, но поймать меня не так просто. Кроме того, я знаю не так много других разбойных банд, скачущих на волшебных адских конях.

Киммуриэль широко усмехнулся — и это показалось Дзирту самым тревожным.

— Теперь — тем более. Со мной два десятка друу, включая волшебников и жрецов.

— Нуждайся я в эскорте, я бы попросил короля Бренора. Или, может, Реджиса с его отрядом полуросликов, Ухмыляющихся Пони.

— Нам стоит обижаться? — легкомысленно поинтересовался Браэлин Джанкуэй.

— В таком случае ты нас даже не увидишь, — пообещал Киммуриэль. — Как и врагов, которые могли бы на тебя напасть. Мы разделаемся с ними так, чтобы не видела и не слышала твоя девочка. За исключением меня, надеюсь. Я хотел бы проехаться с вами, хотя бы недолго, чтобы мы могли побеседовать и я, может быть, смог бы убедить тебя, что достоин аудиенции великого магистра Кейна.

— Я и так вас представлю.

— Почтён твоим доверием.

— Каким доверием? — спросил Дзирт. — Если ты станешь угрозой для Кейна, он расправится с тобой ещё до того, как ты поймёшь, что он почувствовал угрозу.

— Как пожелаешь, — ответил Киммуриэль. — Мои условия приемлемы?

— Как пожелаешь, — повторил его слова Дзирт.

Киммуриэль отпустил Браэлина, и Дзирт возглавил путь. Бри снова успокоилась, а Андахар не уставал, так что остановки не требовалось.

Долгое время Киммуриэль молчал, просто вёл своего небесного скакуна рядом с единорогом, и как и обещал псионик, Дзирт не видел никаких следов сопровождающего их отряда друу.

Ни намёка на шум или шорох листьев.

Его это не удивило.

С уверенностью, что Кэтти-бри и Энтрери настроились на кольца, их группа пришла в движение, хотя сразу же стало очевидно, что это непростая задача. Снег был глубоким и рыхлым, и хотя Джарлак с Знафейном легко могли идти по нему, поскольку оба были эльфами и благодаря своим сапогам, для двух людей это было не так просто.

— Может быть, нам стоит поменять кольца на сапоги, — пробурчал Энтрери всего через несколько глубоких шагов. — Даже без них вы, тощие эльфы, не будете проваливаться так глубоко.

— Это приведёт к ещё одной долгой задержке, — сказал Джарлак. — Такие предметы должны привыкнуть к новому носителю.

— Ну конечно, — заворчал Энтрери. — И тебе придётся заплатить Сесилии за вторую настройку колец.

— Видишь? — парировал Джарлак. — Я ещё сделаю из тебя настоящего торговца.

— У меня нет заклинаний, чтобы защитить нас, пока мы будем ждать, — вмешалась Кэтти-бри. Она перевела взгляд с Энтрери на Джарлакса, который со скорбным видом кивал — и по её мнению, немного переигрывал. Она знала, что у Джарлакса почти наверняка есть свитки, которые могли защитить их всех от холода, или другие чудесные предметы, которые могли легко спустить их со склона.

Но Джарлак никогда не выдавал свои козыри. И никогда не использовал свои волшебные вещи без особой нужды.

По одному тяжёлому шагу за раз Кэтти-бри брела дальше. Перед ними на тысячи футов простиралась укрытая снегом гора. Неожиданно мимо прошёл Энтрери, рыча ругательства. Он резко остановился, наконец, исчерпав свою инерцию — по крайней мере, его нижняя часть. Он согнулся в талии, повалившись лицом в снег.

Джарлак пытался спросить, всё ли с ним хорошо, но сквозь завывания ветра Кэтти-бри услышала только смешок.

Но затем что-то ещё. Что-то низкое. Что-то под ней.

Энтрери выпрямился и даже не потрудился стереть с головы и плеч снег, просто забурчал и двинулся вперёд.

— Подожди, — сказала ему Кэтти-бри, тихо, но настойчиво.

Энтрери продолжал идти, как будто не слышал её.

— Подожди! — сказала она громче и требовательнее. — Стойте все.

— В чём дело? — спросил Джарлак.

Кэтти-бри покачала головой и подняла руку, чтобы заставить их замолчать. Она была знакома с такого рода местностью, поскольку выросла в морозных пустошах Долины Ледяного Ветра. Этот едва слышный рокот под ногами предвещал большую опасность, и она могла только надеяться, что это предупреждение, а не начало неизбежной катастрофы.

— Ну? — довольно громко поинтересовался Энтрери.

— Шшш! — приказала она. — Тихо. Снежный покров неустойчив. По крайней мере, на верхних слоях.

— На верхних слоях? — спросил Знафейн, у которого вовсе не было опыта с похожей средой.

— Снег становится глубже с каждой метелью, а то, что было здесь раньше, тает под

солнцем, превращается в лёд и становится скользким, — пояснила она. — Такой глубокий покров снега неустойчив, слой за слоем, и если мы слишком сильно его потревожим, весь снег, покрывающий гору с этой стороны, обрушится и полетит вниз.

— Лавина, — сказал Энтрери. — Ты уверена?

— Я её чувствую, — ответила Кэтти-бри.

— Чудесно.

— Что ты предлагаешь? — спросил Джарлак.

— Отправиться домой, — сказал Энтрери.

— Не думаю, что мы можем здесь спуститься, — ответила Кэтти-бри. — Особенно вон там, где склон становится круче.

— Тогда, может быть, двинемся вбок? И найдём другую дорогу.

— Каждый шаг может обрушить на нас половину горы.

— Отдадим им сапоги, а сами можем пролевитировать большую часть пути, — предложил Зак, но судя по всему, его предложение Джарлаксу не понравилось.

— Подождите, — сказала Кэтти-бри.

— Пожалуйста, не возвращай нас в Лускан, — взмолился Джарлак. — Я потратил столько усилий — это слишком важно.

Кэтти-бри с любопытством взглянула на него, поскольку его неожиданная настойчивость казалась слишком велика для объявленной миссии. Она снова услышала в голове слова Дзирта: *«Ты действительно веришь, что это единственный мотив, из-за которого Джарлак идёт на такие трудности?»* — и не смогла с ними не согласиться.

Но нет, она не собиралась возвращать их домой. Пока нет. Ей пришла в голову другая мысль. Она не знала, сработает ли это, но решила, что идея довольно остроумная, и начала читать заклинание. Через несколько мгновений на снегу прямо перед ней возник огромный шар пламени. Он как будто утонул, и ручейки воды потекли от его основания, прокладывая тропинки вниз, но почти немедленно замерзая снова, когда покидали жар от движущейся пылающей сферы.

Кэтти-бри заставила своё творение поплыть вперёд, вниз по склону. За шаром оставалась полукруглая траншея, шириной почти с рост Кэтти-бри, которая блестела ярче сверкающего снега.

Кэтти-бри подошла к верхнему краю ледяной траншеи и перегнулась через него, подтягивая себя. Она достала стрелу из колчана и вонзила её в лёд, садясь, затем воспользовалась ею, чтобы управлять скоростью своего скольжения вниз. По пути она заставляла огненный шар двигаться далеко перед собой.

— Ждите здесь, — сказала она остальным.

Через минуту пламя угасло, но Кэтти-бри создала ещё одно прямо на том же месте и его тоже отправила вниз по склону. Теперь она была в сотне футов ниже своих друзей, и подняла руку, умоляя их проявить ещё немного терпения.

Второй шар пламени сменился третьим, потом четвёртым, и когда магия иссякла, ледяная горка тянулась больше чем на тысячу футов от своего начала. Кэтти-бри остановилась и осмотрела гору в поисках тропинок. Одна, слева и возле гребня из чёрных камней, торчащих из-под снега, показалась ей многообещающей. Кроме того, она была рискованной, поскольку Кэтти-бри не видела, что находится за камнями, а сил у неё осталось только на ещё один, последний шар огня на сегодня.

Она услышала, как Закнафейн окликает её сверху. Она просто подняла руку в ответ и

продолжила осматривать каменистый гребень.

Она по-прежнему обдумывала варианты, когда ощутила новый, более настойчивый рокот под собой.

Рокот не прекращался, похожий на глубокую вибрацию, на зевки и рычание пробуждающегося горного зверя.

Кэтти-бри прочитала последнее заклинание и отправила шар катиться к каменному гребню. Она оглянулась и яростно замахала рукой друзьям, но увидела, что их можно не понукать.

Поскольку над ними началась лавина. Огромная волна снега понеслась вниз по пустому склону.

Энтрери прыгнул на горку, за ним Джарлакс, а за ним — Закнафейн.

Кэтти-бри отшвырнула свою тормозную стрелу и заскользила по последнему отрезку, целясь прямо на торчащие камни. Если бы не охвативший её ужас, это было бы потрясающе. Вскоре она развеяла свой шар пламени, и хорошо — она сильно ударилась головой, но в оставшийся снег, а не в камень. Она вынырнула и выбралась к гребню, затем взобралась на его вершину.

Она услышала, как приближается Энтрери, и повернулась к нему навстречу. Другие два стремительно мчались за ним. Лавина набирала скорость и уже почти настигла их.

Кэтти-бри глянула вниз. Там зиял большой провал, но по крайней мере внизу был снег, а не камни, хоть она и не знала, насколько глубокий. Земля начала отчаянно дрожать.

У неё не было выбора, поэтому она перекатилась через край и упала.

Она тяжело приземлилась, скорчилась, и всё вокруг потемнело, а земля вокруг неё затряслась с силой раненого дракона.

Глава 8

Прощупывание, прощупывание

- *Можно к тебе присоединиться?*

— *Подходи,* — ответил мысленно Дзирт, зная, что его услышат. — *Тихо, пожалуйста.*

Не разбуди дочь.

Дзирт хмыкнул, обдумав эту последнюю мысль. Разве мог он когда-либо представить, что главной заботой в телепатическом разговоре с Киммуриэлем Облодрой будет возможность того, что дреу разбудит его ребёнка?

Через несколько мгновений Киммуриэль вышел из-за густой полосы деревьев слева от холмистой поляны, на которой Дзирт разбил лагерь. За четыре дня после первой встречи в лесу у цитадели Адбар он видел псионика или любых других сопровождающих его дреу только один-два раза. Выполнив своё обещание, Киммуриэль и Браэлин держали эскорт Бреган Д'эрт вдаль от Дзирта и его дочери, позволяя им побыть вдвоём в тишине.

В большей тишине, чем обычно, подумал Дзирт, и он был благодарен — поскольку чувствовал себя с Бри в большей безопасности в здешних диких местах, зная, что за ним, и, главное, за Бри приглядывают эти солдаты-дреоу.

Следом за Киммуриэлем из-за деревьев вышла вторая фигура. Сначала Дзирт подумал, что это Браэлин, но нет, это оказалась женщина.

Киммуриэль прошёл мимо Бри, бросив на неё только быстрый, ничего не выражающий взгляд, но женщина у него за спиной остановилась, чтобы полюбоваться на девочку с широкой улыбкой. Её лицо сияло, когда она повернулась обратно к Дзирту и достаточно подошла к огню, чтобы он её узнал.

— Она прекрасна, — сказала жрица Даб'ней. — Такая невинная.

— Как часто ты думала так про детей в Мензоберранзане? — спросил Дзирт, несмотря на желание оставаться вежливым.

— Всегда, — ответила Даб'ней, как будто не оскорбившись. — Хотя многие уже теряли эту ауру к тому времени, как им исполнялось столько же, сколько твоей малышке.

Она шагнула в сторону и уселась на землю. Киммуриэль тоже сел прямо перед Дзиртом.

— Ты знаком со жрицей Даб'ней? — спросил псионик, и Дзирт кивнул. — Думаю, мы не испортили тебе время с дочкой. Нам бы не хотелось лишить тебя этих мгновений.

— Я признателен вам за это, и, пожалуй — за эскорт.

— Хорошо. Я могу сказать, что твоя жена и наши знакомые прошли через портал Громфа, куда бы тот их ни выкинул.

— Ты держишь с ними связь при помощи своей магии разума?

— Нет, мне сообщил Громф.

Дзирт кивнул и сделал глубокий вдох. Осознание, что Кэтти-бри сейчас находится в дикой глуши, потрясло его сильнее, чем он ожидал — и это удивило его, поскольку он всё же предвидел такую реакцию.

— Я бы многое хотел с тобой обсудить, если позволишь, — попросил Киммуриэль.

Дзирт пожал плечами.

— Почему?

— Почему?

— Почему ты пришёл?

— Я как раз собирался тебе об этом рассказать, — ответил Киммуриэль.

— Нет, вопрос не в том, что ты хочешь со мной обсудить, а в том, зачем ты вообще сюда пришёл? — пояснил Дзирт. Он не пытался скрыть подозрительность в своих мыслях, или, по меньшей мере, растерянность от этого необычного поворота для этого и многих других дроу. — И почему ты принял сторону Ивоннель и дома Бэнр — ты ведь ненавидишь дом Бэнр сильнее всех прочих! — на поле близ Гонтлгрима?

— Я признаю, что испытываю обиду из-за постигшей мой дом судьбы, — сказал Киммуриэль. — Я не питаю тёплых чувств к Квентл Бэнр, конечно, как и ко всем остальным.

— Тогда почему?

— Потому что я видел другую сторону. За их завесами я видел другую сторону этой войны, и только тогда понял, что это — то самое сражение, на которое многие из нас надеялись в течение нескольких веков. В первую очередь, притворившись пленником, я видел мать Жиндию, в своём доме планирующую гибель... ну, тебя и твоего отца — и Бреган Д'эрт.

— Значит, ты просто служил себе.

— Нет, вовсе нет, — сказал Киммуриэль. — Жиндия Меларн хотела избавиться от Бреган Д'эрт не только для того, чтобы преумножить собственное благополучие. Она поступала так, потому что мы бросали вызов парадигме, которую требовала Жиндия, и может быть, Ллос. Парадигме надменности и изоляции, чистого, глупого расизма и бесконечной жестокости. Я видел её, Дзирт До'Урден, и её чувства были неприкрыты, слова легко срывались с губ, ведь тогда она считала, что я в плену, стал её рабом, скованным силой иллиитидских шупалец.

— Иллитиды. Когда дело касается тебя, почему-то всегда всплывают иллитиды, — заметил Дзирт.

— Для меня они как огромная библиотека, — сказал Киммуриэль. — Хранилище почти безграничного знания.

Дзирт осторожно рассматривал его. Он слышал от Джарлакса, что давным-давно Киммуриэль исчез на какое-то время, но на самом деле Дзирт не знал ничего, кроме сказанного ему только что Киммуриэлем. Была ли это правда? Или какой-то сложный обман?

— Скажи мне, Дзирт До'Урден, что ты думаешь о богах? — спросил Киммуриэль.

Дзирт отшатнулся, застигнутый врасплох этим прямым, личным и неожиданным вопросом.

— Я не жрец, — ответил он, взяв себя в руки. — Может быть, тебе стоит спросить об этом Даб'ней?

— О, мы часами беседовали об этом на протяжении долгих лет, — ответил Киммуриэль. — Уверяю, твой ответ ей так же интересен, как и мне.

— Твой вопрос настолько общий, что я не могу не задуматься — какой ответ тебе нужен на самом деле.

— О богах, — пояснил Киммуриэль. — Очевидно, Ллос ты отверг.

— Отверг её? Я никогда её не принимал — даже отчасти. В свои ранние годы в Мензоберранзане я не столько отвергал, сколько игнорировал её уроки. Я всегда считал её скорее демоном, чем богиней. И да, когда она явилась мне в том коридоре и потребовала

моей преданности, я отверг её предложение — какой бы ни была цена.

— Но было бы проще согласиться, — сказала Даб'ней.

— Проще? Просто вручить ей мою преданность? Мою душу? Как я мог? Как вообще кто-то мог бы так поступить? Личные убеждения могут меняться, но нельзя по чужой просьбе изменить саму основу твоего сердца и души. Я мог бы изображать служение Ллос, но она никогда не смогла бы приобрести мою искреннюю веру и преданность, и знала об этом, если на самом деле являлась богиней.

— Но ты нашёл одного бога. Миликки, так? — спросил Киммуриэль, и Дзирт снова пожал плечами. — Я слышал от твоего отца, что она стала предметом спора между тобой и твоей женой, которая ей поклоняется.

— Наверное, Закнафейну стоит меньше болтать, — отозвался Дзирт.

— О, заверяю тебя, что это имело прямое отношение к нашим последним дискуссиям в Лускане — думаю, потому он об этом и вспомнил. И хотя я не могу припомнить разговор в точности, я не уверен, что эти слова действительно срывались с его губ.

— Должно быть, сложно помнить такие вещи, когда столько времени проводишь в разуме других. Где тебе не место.

— Да, это настоящее проклятие, — раздался сухой ответ.

— Для нас всех, — согласился Дзирт, и Даб'ней хмыкнула.

— Но Миликки, — продолжал настаивать Киммуриэль. — Скажи мне. Ты нашёл её и выбрал своим божеством.

— Не совсем, — ответил Дзирт, обдумав вопрос. — Скорее, я нашёл имя, которое связал с тем, что ощущал у себя в сердце. Я не поклонялся ей. Я не просил её указать мне путь или помочь, даже не просил у неё заклинаний. Мне не требовалась Миликки, чтобы отличить добро от зла, Киммуриэль. В юности в Мензоберранзане я видел достаточно этих игр власти.

К удивлению Дзирта, этот ответ как будто порадовал обоих дроу перед ним. Киммуриэль даже повернулся к Даб'ней, улыбнулся и кивнул, и она ответила на его жест, прошептав слова Дзирта «игр власти», как будто они пришлись ей по душе.

Повернувшись обратно, Киммуриэль нетерпеливо подался вперёд. — Ты покидал этот мир, — сказал он. — Расскажи. Что было там? О чём ты узнал?

Дзирт пристально посмотрел на него, опять застигнутый врасплох.

— Пожалуйста, — попросил Киммуриэль.

— Узнал? Чувства спокойствия, красоты и гармонии — по крайней мере, тогда. Что же до последнего места назначения этого путешествия, я не узнал ничего, — ответил Дзирт, и этот вопрос он задавал сам себе тысячу раз с тех пор, как покинул это существование. — В мгновения трансцендентности — или сколько она продлилась — я испытывал... братство. Единство со всем, и покой, которого не знал ни прежде, ни потом.

— Ты куда-то попал? — продолжала расспросы Даб'ней. — В Рошу Единорогов?

— Я оказался везде и нигде одновременно. Не могу объяснить подробнее — даже сам себе, и можете мне поверить, я пытался.

— Почему вы об этом спрашиваете? — продолжал Дзирт изменившимся тоном. — И почему ты обсуждал такие вопросы с Закнафейном?

— Закнафейн долгие годы был мёртв, — ответил Киммуриэль. — Я хотел... я хочу узнать, куда он попал и что это был за опыт.

— Киммуриэль одержим смертью?

Дзирт был изумлён, но псионик не стал отвечать или возражать.

— Ты не производишь впечатление того, кого могла заинтересовать Ллос — или любой другой бог, раз уж на то пошло, — сказал Дзирт.

— Виновен по всем статьям.

— Я всегда полагал, будто ты считаешь, что просто растворишься в разуме иллитидов и останешься там вечно.

— Эта мысль приходила мне на ум. И возможно, всё это интересует меня не применительно ко мне самому. Но ты знаешь о происходящем в Мензоберранзане.

— Только о том, что там ничего не происходит.

— Пока, — сказала Даб'ней, не успел Киммуриэль отозваться.

— Разумные народы Фаэруна не монолитны в своих мыслях и поведении, даже внутри собственных культур и традиций, даже внутри собственных религий, — пояснил Киммуриэль. — Выбирают ли они богов из-за семейных традиций? Или основываются на том, что испытают, когда их призовет смерть, выбирая свой рай, как можно выбрать чудесный участок земли для постройки дома?

— Всё кажется слишком примитивным, когда ты так говоришь, — сказал Дзирт.

— И я думаю, что Дзирту До'Урдуну это казалось примитивным всегда.

— Хорошая догадка.

— Что тогда? — напрямик спросила Даб'ней. — Кто твой бог? Или ты настолько возгордился, что считаешь богом себя?

— Едва ли.

— Тогда кто?

— Я не знаю.

— Опасное признание, не так ли? Если у тебя нет бога, тогда что тебя ждёт после смерти?

— Я не знаю.

— Но ты не боишься? — спросила она.

— Нет. Потому что какого бы бога я вам ни назвал, какое бы посмертие ни выбрал в качестве участка земли для постройки моего вечного дома, всё это кажется не имеющим значения.

— Потому что место и опыт должны определяться тем, что в твоём сердце, а не внешними проявлениями веры и преданности, — сделал вывод Киммуриэль. Он снова посмотрел на Даб'ней, они улыбнулись и кивнули.

— Почему у меня такое чувство, что вы просто подтверждаете то, что и так обо мне знали?

— Может быть, мы просто рады встретить родственную душу, — сказала Даб'ней.

— Мне казалось, что ты — жрица Ллос.

— Мне тоже так казалось — очень долго, — ответила она. — И может быть, это по-прежнему так. Я знаю, что когда прошу о заклинаниях, я получаю их — хотя специально не взываю к ней или к кому-то ещё. Я понимаю затруднения в попытках описать твой опыт, Дзирт. Для меня это не проще. Возвысилась ли я духовно, как ты возвысился сразу духовно и физически? Неужели теперь я превзошла необходимость взывать к отдельному богу и вместо этого получаю божественную магию от некой даже неизвестной мне сущности, но той, которую я понимаю всё лучше и лучше?

— Сверх-бог? Бог богов? — вмешался Киммуриэль.

— Не знаю, — снова признался Дзирт. — Я могу отличить добро от зла — чаще всего,

по крайней мере — и плохое от хорошего, и иду путём одного, отвергая другое. Может быть, таково назначение божественности. Оно приносит достаточно смысла в мою жизнь, чтобы я не волновался о том, как его зовут, будь то бог, демон или небесный повелитель.

— И это и есть правда о нём, о тебе, — решил Киммуриэль. — Ты не задумывался, а что если эти боги, которые обещают власть, умиротворение, любовь или свободу, чтобы вечно чинить свою жестокость, всего лишь эгоистичные властодержцы, превосходящие нас существа, которые используют нас для достижения собственных целей вместо того, чтобы помогать нам достигать наших?

— Да, — Дзирт не стал пояснять. Он знал, что в этом нет нужды. Он легко открылся этим двоим — что было вдвойне странно, учитывая, что это были агенты Бреган Д'эрт, непроницаемый Киммуриэль и даже жрица Паучьей Королевы! И хотя его это удивило, он не сомневался в своём спокойствии.

— Ты знаешь, что за такие признания жрецы и жрицы многих религий, не только последователи Ллос, проклянут тебя и может быть даже станут жестоко пытаться, пока ты не отречёшься или не станешь умолять о смерти?

— Я уже видел такое, в Мензоберранзане и в Лускане, где самые жестокие казни на Карнавале Заключённых проводятся за преступления вроде сомнений в избранном боге. Что ещё больше укрепляет мою уверенность в правоте.

— Потому что хороший бог никогда не пошёл бы на такую жестокость, — сказал Киммуриэль.

Дзирт кивнул.

— Ты удивил меня, Киммуриэль.

— Поверь, больше всего я удивил самого себя — после того, как погрузился в воспоминания Ивоннель Вечной через сосуд её дочери и тётки-внучки до самых первых дней Мензоберранзана.

— До порчи Ллос, — добавила Даб'ней.

Дзирт переплёл пальцы и широко улыбнулся. Он решил, что настала его очередь направлять разговор.

— Да, эти истории — Знакфейн с Джарлаксом рассказали мне об этом откровении во всех подробностях. Но давай поговорим о нём ещё.

Как только он это сказал, Бри начала ворочаться.

— Мне нужна минутка, — сказал Дзирт, поднимаясь на ноги.

— Пожалуй, так даже лучше, — ответил Киммуриэль. — У нас будет время обдумать то, что должно стать важной дискуссией, и начать её с чётким пониманием цели.

— Звучит скорее как спор.

Киммуриэль покачал головой.

— Мы не можем знать того, что мы не знаем, поэтому о таких вещах бесполезно спорить.

Дзирт пересёк лагерь, чтобы уложить Бри, глядя на звёзды, загорающиеся в ясном небе, позволив душе и сердцу вознести его в мирные небеса.

Глава 9

Земли недобрые и негостеприимные

Кэтти-бри ничего не видела и была болезненно согнута в районе груди. Она в достаточной степени сохранила сознание, чтобы понимать, что приземлилась по большей части в мягкий снег, но сильно ударилась левым бедром о камень, который находился не особенно глубоко.

Потом она ощутила удар по пояснице. Тупые волны дискомфорта прокатились по телу, и она услышала кряхтение Артемиса Энтрери, который, судя по всему, перемахнул через каменистый гребень следом за ней.

Она пыталась прочесть заклинание исцеления, но с каждым слогом земля тряслась всё сильнее и так отчётливо достигла оглушительного крещендо, что Кэтти-бри ни капли не удивилась, когда на неё начал сыпаться снег. Больше и больше, плотно засыпая её, погребая под собой. Она инстинктивно закрыла рукой лицо, прежде чем это движение стало невозможным, и отчаянно заработала пальцами, чтобы вырыть хоть какой-то воздушный карман, пытаясь продолжать дышать.

Всё это не будет иметь значения, если снег её раздавит.

Она испытала ужас, подумав о Дзирте и маленькой Бри. Она не сумела прочесть заклинание, но всё равно взмолилась Миликки, чтобы её нашли и спасли. Она не могла покинуть эту жизнь, не сейчас! Не сейчас, когда её дочь ещё так мала...

Когда Дзирт вернулся к костру, он обнаружил, что к двум гостям присоединился Браэлин Джанкуэй и принёс с собой горячее жаркое из собранных по пути компонентов, наколдованные Даб'ней лепёшки хлеба и бутылку фейского вина.

Конечно, они пригласили Дзирта разделить трапезу и придержали разговор до тех пор, пока Бри наконец не улеглась обратно. Киммуриэль сразу же возвратил их к предыдущей дискуссии, снова напомнив Дзирту про грядущую бурю в Мензберранзане и её более широкие последствия, и про смысл и цель всего этого.

— Я не сомневаюсь в силе сплетённой Ивоннель и Квентл паутины, — ответил Дзирт Даб'ней, упомянувшей великую ересь.

— Большого проявления непокорности Ллос и представить себе нельзя, — сказала Даб'ней.

— Но есть и те, кто считает превращение драуков, отменившее проклятье Ллос, не больше чем коварной уловкой, — поспешил добавить Киммуриэль. — Уловкой, целью которой было поколебать веру рьяных последователей матери Жиндии. До сего дня споры по поводу паутины — было ли это святотатством или вдохновенной и временной иллюзией, или даже временным превращением — остаются напряжённой и острой темой во многих домах и на улицах Мензоберранзана.

— Не могу сказать, было ли превращение драуков уловкой, — заключил Дзирт. — Но знаю, что та паутина обладала силой. Великой силой обращать проклятия. Ведь Тибблдорф Пвент жив-живёхонек, а вампира, которым был Пвент, не стало. Я никогда прежде не слышал о лекарстве от вампиризма — как и любой из клириков Бренора, как и волшебники

из Длинного Седла. Но Пвент исцелён.

— Божественное вмешательство? — предположила Даб'ней.

Дзирт пожал плечами, поскольку ответа у него не было.

— Но ты же не веришь в богов, — сказала на это Даб'ней.

— Я верю в сущности, которых называют богами, — поправил Дзирт. — Разумеется. Я встречался с Ллос лицом к лицу. Я ни на мгновение не сомневаюсь, что при той встрече она могла превратить меня в горстку праха или сделать драуком — или, будь я драуком, вернуть меня к жизни дроу.

— Может быть, это Ллос наделила Ивоннель и верховную мать Квентл силами снова сделать из драуков дроу при помощи той паутины, — заметил Браэлин Джанкуэй, и все взгляды обратились на него, полные сомнения — но лишь на миг.

— Давно ходили слухи, что в глазах Паучьей Королевы Дзирт не является еретиком, — напомнил им Киммуриэль. — Разве здесь не то же самое, по большей части?

— Каким образом? — спросила Даб'ней, и Дзирт согласно кивнул.

— Её цель — это хаос, — объяснил Киммуриэль. — Дзирт был хаосом в Мензоберранзане, даже долгое время после своего ухода. И эта нынешняя смена порядков в городе, с приближающейся войной, наверняка станет причиной огромного хаоса и неразберихи, а значит — огромной радости и власти для госпожи Ллос.

— Однако власти мимолётной, если дом Бэнр одержит верх, — сказал Дзирт.

— Возможно, — признал псионик.

— Но если Ллос была той, кто сделал из драуков дроу, разве не может она просто отменить это и заново проклясть несчастных созданий? — спросила Даб'ней.

— Не думаю, что это так просто, но кто знает? — сказал Киммуриэль.

— Иногда я задумываюсь — что мы знаем на самом деле, а о чём только думаем, будто знаем, — заметил Браэлин Джанкуэй.

— Как, например, настоящую историю Мензоберранзана? — с небольшой ехидцей спросил Дзирт, возвращая разговор туда, где его оставили ранее. Он обратил взгляд на Киммуриэля, но псионик просто пожал плечами.

— История, рассказанная Ивоннель и Квентл, которые узнали её из воспоминаний Ивоннель Вечной, не та история, которой учили меня в молодости, — напомнил Дзирт. — Нас учили, что даже Ивоннель Вечная была недостаточно старой, и чтобы стать свидетельницей истинного основания города, ей не хватало целого тысячелетия.

Псионик снова безразлично пожал плечами.

— Свидетелей нет, только легенды и предания, — сказал Дзирт.

— Те, кто рассказывают более новую версию, обладают воспоминаниями свидетельницы, — напомнил ему Киммуриэль. — Настоящей памятью Ивоннель Вечной, а не просто историями, которые рассказал им кто-то другой.

— Может быть — а может быть это тоже истории, рассказанные кем-то другим, в обличье воспоминаний. Как долго ты знаком с иллитадами, Киммуриэль? Ты действительно считаешь их надёжным и достойным доверия источником? Без собственных интересов в этом деле? Или просто предпочитаешь рассказанную ими версию?

— Ивоннель и верховная мать Квентл рассказали историю истинного основания Мензоберранзана, — настаивал Киммуриэль. — Они узнали её, поскольку сами были всё равно что прямыми свидетельницами — ведь прямой свидетельницей была верховная мать Квентл.

— Потому что эти воспоминания передали им илликиды, посредники, если хочешь, между материальными останками мозга верховной матери Бэнр и тем, чем он поделился с дочерью и внучкой Бэнр.

— Ах вот оно что, — ответил Киммуриэль. — Вижу, ты говорил с Джарлаксом.

— Много.

За спиной ревела лавина. Джарлакс подошёл к концу горки и торопливо выбрался на вершину гребня. Там, как и два человека перед ним, он прыгнул, но в отличие от Кэтти-бри и Энтрери, не рухнул в снег, расположенный в двадцати-тридцати футах внизу, а вместо этого стал подниматься вверх под воздействием инерции от прыжка в сочетании с левитацией дроу.

Закнафейн воспарил рядом с ним, и в тот же миг лавина захлестнула каменистый утёс под ними. Тонны и тонны снега взметнулись великой белой волной и потекли через край, падая и продолжая сыпаться вниз по склону.

Облака снега взметнулись в воздух, закрыв на какое-то время склон от взоров, пока наконец не осели.

Джарлакс посмотрел вниз, и у него перехватило дыхание. Большая часть лавины уже перекатилась через утёс и была значительно ниже, продолжая двигаться, но не оставила за собой ничего, кроме сплошного белого полотна. Он не знал, насколько глубоким был снег, но передний край каменистого гребня полностью исчез, а провал за ним сократился по меньшей мере наполовину. Пытаясь переварить эту драматичную и страшную перемену, командир наёмников увидел падающего рядом с ним в снег Зака. Оружейник достал с пояса рукоять и призвал магию, вызвав пылающий клинок яркого света.

Зак нырнул в снег, тот зашипел, и он отчаянно начал его рыть, поднимая вокруг себя облака пара.

Джарлакс тоже упал и начал рыть снег руками, отбрасывая его в сторону. Когда стало казаться, что он выдохся, но едва добился какого-то прогресса, он сменил подход и вызвал своего адского коня. Он отошёл в сторону, стараясь не попасть на место, где упали Кэтти-бри и Энтрери — по крайней мере, там, где они упали по его мнению — и заставил скакуна яростно бить огненными копытами, растапливая и разбрасывая снег и пар с каждым движением.

— Не проткни их! — крикнул он Заку.

— Не затопчи их! — был ответ.

Оба яростно пытались отрыть погребённых под снегом друзей, но каждая пригоршня давалась всё тяжелее, поскольку растопленный снег замерзал на оставшейся насыпи, и их продвижение оказалось болезненно медленным.

— Ты действительно не веришь, что илликиды могли это подстроить? — спросил Дзирт. — Что воспоминания, переданные Ивоннель и Квентл, могут быть подделкой ради замыслов тех, кто их подделал?

— Верховной матери Квентл, — поправила Даб'ней.

Дзирт рассмеялся в ответ.

— Квентл, — снова повторил он. — Ты не веришь, Киммуриэль, что эти воспоминания могут быть ложными, даже намеренно обманчивыми, или что-то утаивать, или быть лишь частью истории основания Мензоберранзана?

— Даже Джарлак в это не верит, — ответил Киммуриэль. — Поначалу он опасался, но потом...

— Джарлак не хочет в это верить, — напомнил ему Дзирт.

Киммуриэль наградил Дзирта совершенно безрадостным взглядом и полностью лишил следопыта дара речи, когда просто ответил:

— А разве есть разница?

— Конечно! — рефлекторно начал Дзирт, но слова застряли у него в горле.

— Дзирт До'Урден, — спокойно сказал Киммуриэль. — Историю рассказывают победители, она передаётся от одного рассказчика к другому, и с каждым пересказом те меняют историю, чтобы преувеличить собственную роль или воплотить собственные эгоистичные мечтания.

— Значит, объективной истины не существует? — с сомнением сказал Дзирт.

— Существует, конечно. Где-то.

— У нас есть записи...

— Нет, у нас есть копии записей на утраченных языках, которые переводились с других, утраченных в ещё большей степени языков. История основания Мензоберранзана, которой нас учили в Академии, уходит в прошлое больше чем на пять тысяч лет. Ты понимаешь, какой это долгий срок?

— Дроу живут долго, — напомнил ему Дзирт.

— Дольше, чем сохраняется их память, — парировал Киммуриэль, вызвав любопытный взгляд Дзирта. — Подумай о себе, — предложил псионик. — Ты уже не молод, но скорее всего не прожил даже половины отведённого срока. Сколько дней своего детства ты помнишь? Сколько ты помнишь про ранние эдикты правящего совета или про свою учёбу в Академии, ели это не связано с боевой подготовкой, которой ты занимался всю жизнь?

— Но *ты* же полагаешься на воспоминания Ивоннель Вечной?

— Нет, здесь совсем по-другому. С моей помощью ты можешь получить доступ к тем воспоминаниям, которые не можешь вспомнить самостоятельно. Память — вещь ненадёжная, но иллитиды извлекли из мозга Ивоннель Вечной воспоминания о событиях *в точности, как они происходили.*

— Или они изменили эти события ради собственных замыслов?

— И опять — а есть ли разница?

— Конечно же, есть разница, правда это или нет!

— Мы не можем знать правду, — заявил Киммуриэль. — И неужели это всё, что заботит тебя сейчас, когда наш род может наконец стряхнуть с себя яд, которым является Ллос? Истории, о которых поют барды, не обязательно правдивы — разве ты не слышал песни про твою собственную легенду, в которых часто рассказывается о событиях, никогда не происходивших, или просто приукрашается истина?

Дзирту нечего было возразить.

— Как смерть? — спросил он. — Для живых, то есть. Истина, которую нельзя узнать.

— Или боги, — вмешалась Даб'ней.

— А история, которой учат обладатели власти, чаще всего служит их собственному привилегированному статусу, — объяснил Киммуриэль. — Ты думаешь, что если Ивоннель и верховная мать Квентл узнали настоящую истину о Мензоберранзане из воспоминаний Ивоннель Вечной, то правители города, даже сама Ивоннель Вечная, разрешили бы учить этому в Академии, месте, призванном подавлять собственную волю в пользу воли Ллос,

которую выражают верховная мать и правящий совет? Разумеется нет. Они используют историю, как змееголовую плеть, размахивая ею ради собственной выгоды.

— Но тебя они не обманули?

— Не обманули мою семью, — заявил Киммуриэль. — Мы давно общались с разумом улья, а улей не обманешь. Вполне вероятно, что это величайшая библиотека во всей мультивселенной, Дзирт До'Урден.

— Значит, илликиды хотят, чтобы ты в это верил.

Киммуриэль поднял руки в знак того, что сдаётся.

— Боюсь, у нас всех — собственная истина, — сказал он. — Быть может однажды я отведу тебя туда.

— Я там был, — мрачно напомнил ему Дзирт.

— Давай предположим, что эти воспоминания настоящие, и Мензоберранзан был основан на идеях общего добра и желания быть свободными от прихотей и войн королей и королев, — предложил Киммуриэль. — Какой тогда будет роль Дзирта До'Урдена?

— Моя роль?

— Ты правда не чувствуешь никакой ответственности? Ты не понимаешь, как твой пример, пример дроу, который сбежал и нашёл лучшую жизнь, многих заставил пересмотреть свои взгляды? Ты думаешь, Джарлакс управлял бы Лусканом без примера Дзирта? Или подумал бы он вообще отправиться на приключения вместе с Артемисом Энтрери по всему Торилу? Думаешь, Громф Бэнр был бы удовлетворён своим положением в Главной башне Волшебства, если бы не узнал, что другой беглец-дроу нашёл на поверхности настоящее принятие?

Дзирт задумался над словами псионика. Он не знал, была ли это его величайшая победа или величайшая катастрофа, учитывая разговоры о гражданской войне в Мензоберранзане, которые в последнее время звучали всё громче и громче.

— Теперь ты заявляешь, что я ускорил отречение дроу от Ллос, — наконец произнёс он. — Разве ты не говорил ранее, что в её глазах я не еретик? Значит, я — её голем, который просто вышел из-под контроля?

— Может быть — а может быть, в отличие от нас её не особенно волнует, кто одержит победу в Мензоберранзане. Подумай — вне зависимости от итога культ Ллос не исчезнет из семей Мензоберранзана. В войне, которая скорее всего продлится десятки лет, воцарится величественный хаос, и даже когда она закончится — не закончится ничего. Она никогда не закончится.

— Тогда зачем вообще в ней сражаться?

— Ты мне скажи, Дзирт. Ты сражался в ней — сражался с Ллос — всю жизнь. Ещё не устал?

— Нет.

Скорость, с которой он ответил, удивила Дзирта, но ответ был для него очевиден. Он ни разу не сожалел о том, что отвернулся от Паучьей Королевы. Ни разу не думал, что она заслуживает его преданности, любви или подчинения.

— И мы тоже никогда об этом не пожалеем, — пообещал Киммуриэль, и Даб'ней с Браэлином согласно кивнули. — Никогда.

— Снег становится плотнее и гуще, — крикнул Зак. — Не нужно было её брать!

Джарлакс и его адский конь добились большего прогресса, чем Зак и его меч, но

казалось, что они ещё не скоро смогут добраться до своих заваленных товарищей, которые скорее всего задохнулись — если вообще были до сих пор живы. Возразить Заку он не мог, ведь снег под их весом действительно стал плотнее.

Но они должны были попытаться. Джарлак спрыгнул со своего скакуна и приказал ему продолжать рыть. Он сорвал перо со своей шляпы, призывая большую нелетающую птицу, и приказал ей клевать и рыть когтями насыпь. Он призвал кинжалы из своих волшебных наручей, по одному в каждую руку, и яростно набросился на снег, разбрасывая его в стороны.

Но он знал, что они не справятся — и только утвердился в этом, когда посмотрел на каменный гребень и осознал, что даже не уверен, что они роют в правильном месте.

— Воспользуйся волшебной дырой, — сказал ему Зак.

— Она так не работает. Это надразмерное пространство.

— Я видел, как ты используешь её, чтобы пройти через стену или сквозь камень. Наверняка со снегом тоже получится.

Джарлак задумался об этом на мгновение. Могло сработать. Если он просто создаст дыру, вроде прорехи в стене, они окажутся намного ближе.

Но в нём всё ещё бурлили сомнения, когда он потянулся к шляпе. Что, если он расположит дыру в неверном месте? Они пророятся мимо друзей и никогда об этом не узнают. Что, если он расположит дыру на одном из них? Исчезнет ли под её действием плоть, может быть, вытянутая рука или нога, как исчезает камень? Даже если так, Джарлак не мог представить себе хороший исход после возвращения на место исчезнувшей конечности, когда дыру уберут!

Но он всё-таки решил попытаться и снял шляпу. Однако окрик Закнафейна заставил его замереть, Джарлак подпрыгнул и взвизгнул от шока и ужаса.

Пока не узнал стоящее перед ним чудовище — огромную чёрную пантеру, яростно зарывшуюся в снег.

— Найди её, Гвенвивар, — прошептал он. — Ради всего добра в мире, найди их обоих.

Утром дроу ушли, но Дзирт не остался наедине с Бри, когда ехал верхом на Андахаре по открытой дороге. Вопросы преследовали его и говорили с ним, беспокоя его, как девочка в седле перед ним, спорили по поводу срочности их путешествия. Дзирт не знал, что ему делать. Возможность присоединиться к войне в Мензоберранзане не вызывала энтузиазма, но сможет ли он потом жить со своим выбором, если решит не обращать внимания на призыв своего народа в этом великом столкновении, которое, казалось, достигло пика и может определить безопасность не только Мензоберранзана, но и Гонтлгрима, и всех северных земель?

Он не раз пытался напомнить себе, что это решение не нужно принимать прямо сейчас, что он едет по дороге в диком регионе опасной и свирепой земли, и что цель этого путешествия — будущее его дочери. Но то же самое будущее казалось главным предметом его мыслей...

Леса сменились широкими полями и рощицами, или одинокими деревьями у дороги, служившими вехами для путешественников. Иногда вдалеке Дзирт замечал тонкие струйки дыма. Скорее всего, костры для приготовления пищи. Периодически он видел небольшие скопления домов вдалеке. Они пересекали Нетерил, край великих империй и великого краха. Сейчас это место было совсем не тем, которое знал Дзирт всего несколько лет назад,

поскольку великая Нетерезская империя с её огромными летучими городами снова пала — фигурально и буквально.

Дзирт знал местность вполне неплохо, поскольку уже пересекал её раньше и много разговаривал с нетерезским лордом Пэрайсом Ульфбиндером и чародейкой леди Авельер. Он запомнил их карты, и знал горы и другие черты ландшафта, способные указать ему путь.

Он замедлил Андахара, когда поднялся на холм, чтобы осмотреть расстилающуюся перед ним землю, изгибающуюся и расходящуюся вокруг большого древнего дуба дорогу. Он прикрыл глаза, изучая это дерево. Что-то казалось не так.

Он медленно спустился, пустив единорога шагом, и крепко привязал Бри перед собой. Он наложил стрелу, поднял и нацелил её, когда заметил крупный гуманоидный силуэт, свисающий вверх тормашками с низкой ветки.

Его растерянность длилась всего несколько мгновений — он заметил опалённые участки травы, следы копыт адских коней. Он прижал Бри лицом к своей груди и накрыл её плащом, закрывая от того, что, он опасался, будет жутким зрелищем.

Действительно, там была кровь и полоса горелой травы, ведущая на юг — он знал, что дроу оправились в погоню.

Гнались за лихими людьми, понял он, когда приблизился к дереву — или за лихими багбирами, решил Дзирт, поскольку висячая фигура, совершенно мёртвая, носила ожерелье из воткнутых арбалетных болтов. Скорее всего, он заснул и упал с дерева, повис на ветке, и здесь один из грозных воинов Бреган Д'эрт нанёс быстрый и кровавый удар, разрезав неудачливого вора от пояса до плеча.

Все вопросы исчезли, и Дзирт ускорил шаг, сосредоточившись на дороге впереди. Ему вдруг захотелось как можно быстрее отвезти свою любимую девочку в убежище монастыря Жёлтой Розы.

Скорее всего, им не грозила никакая опасность с этим отрядом дроу, но некоторые шрамы остаются не на теле. Бри в них не нуждалась. Не сейчас, пока нет.

И если всё будет так, как хотелось бы Дзирту — то никогда.

Гвенвивар зарылась в снежный холм, исчезла из виду, только летел наружу снег. Джарлак попытался помочь, нырнув глубоко в туннель пантеры, вытаскивая снег наружу, пытаясь оценить прогресс кошки.

Гвен углубилась на несколько ярдов, затем выровнялась и стала рыть прямо, практически скрывшись из глаз, и только её извивающийся хвост мелькал в первом тоннеле. Дроу услышал стон Кэтти-бри — она была жива! — а затем увидел, как Гвен извивается, вылезая из тоннеля задом наперёд, затем поднимаясь наверх.

Джарлак выбрался наружу и стал ждать, позвав Зака к другой стороне тоннеля.

Появился задний конец пантеры, потом остальное тело, и Джарлак с Заком опустились и схватили Кэтти-бри, помогая вытянуть её наружу.

— Найди Энтрери, Гвенвивар, — взмолился Джарлак, и пантера исчезла в дыре.

Скорченная, побитая, конечности скованы льдом, Кэтти-бри была в скверном состоянии.

— Нам нужно отыскать какое-то укрытие, — сказал Зак.

— Устрой её на кошмара, — приказал Джарлак.

Они почти успели её закрепить на плечах адского коня, когда снова появилась Гвен, тащившая Артемиса Энтрери.

Джарлакс осторожно подошёл к мужчине, опасаясь, что тот мёртв. Тот выглядел мёртвым — был неподвижен, лицо синее. Но приблизившись, Джарлакс заметил дрожание губ. Джарлакс порывлся в кошеле Энтрери, достал второго адского коня и бросил его Заку, который быстро призвал скакуна.

— Найди нам убежище, чудесная Гвенвивар, — приказал Джарлакс. С тихим рычанием пантера развернулась и осмотрела местность под ними.

— Пещеру, — пояснил Зак.

— Хотя бы каменный навес, — сказал Джарлакс. — Что угодно, лишь бы можно было развести костёр.

— Из чего? — спросил Зак, но ответный взгляд Джарлакса напомнил оружейнику не задавать глупых вопросов. Конечно же, Джарлакс позаботился о том, чтобы взять с собой запас топлива.

К тому времени, как они устроили на коне Энтрери, Гвен уже давно не было видно. Зак уселся на коня позади Энтрери, но к его удивлению, вместо этого Джарлакс снова нырнул в вырытую пантерой дыру.

— Что теперь? — спросил Зак, но прежде чем он получил ответ, Джарлакс выбрался наружу. Он распрямился и стряхнул с одежды снег, сунув что-то в сумку на поясе. Он забрался на коня позади Кэтти-бри и возглавил путь, направив кошмара вниз по склону в ту сторону, где пропала кошка.

— Учитывая, сколько времени мы здесь провели, дневной свет должен угасать, — сказал Джарлакс, взглянув на север, потом на восток. Но как ни странно, солнце поднялось немного повыше, подумал он, и вышло над белой равниной на севере. Он не знал, что это значит, и подумал, что мог воспользоваться сферой неправильно и сейчас на самом деле глядит на юг.

Но всё равно — почему солнце поднялось, вместо того, чтобы опуститься?

Они сдержали порыв двинуться по склону, предпочитая маршрут, на котором верхний слой снега уже сошёл. Они по-прежнему находились в горах, но намного ниже, когда услышали рёв Гвенвивар далеко слева. Зак заметил её на высоком каменном утёсе. Солнце, казалось, так и не опустилось, но опасаясь темноты и сильного холода, который наверняка будет её сопровождать, Джарлакс ускорил шаг, следуя за Гвен, которая продолжала подниматься на высокие утёсы, чтобы они её видели. Оставив позади несколько миль, они наконец догнали кошку, стоящую на высокой скале, а под ней зияло тёмное отверстие, похожее на глубокую пещеру.

Теперь солнце стояло куда ниже, почти касаясь горизонта, и дальше справа. Два дроу вошли в пещеру и опустили Кэтти-бри на пол, затем сняли Энтрери, который был жив, но по-прежнему оставался без сознания, с коня, которого затем отпустили.

Джарлакс вернулся ко входу в пещеру, Зак пошёл за ним, и снова посмотрел на солнце. Зак последовал его примеру, и когда этот огненный шар продолжил движение — не садясь, а как будто покотившись вдоль горизонта — они обменялись пустыми взглядами. Где в мультивселенной они всё-таки оказались?

Глава 10

Из последних сил

Кэтти-бри попыталась встать, упершись рукой в раненое бедро. Движение заставило её мысленно вернуться назад на несколько веков, когда её серьёзно ранили в ту же ногу. Нынешняя рана была совсем не такой серьёзной, как та, но её целебное заклинание не принесло ожидаемой силы и облегчения.

Нога по-прежнему болела и едва выдерживала её вес.

— Что такое? — спросил Зак, показав, что её затруднения очевидны.

Кэтти-бри покачала головой.

— Может быть, холод. Я не знаю. Я использовала могучее заклинание, но исцеление подействовало не полностью.

— Рана хуже, чем ты ожидала? — спросил Джарлакс в глубине пещеры, где сидел возле так и не пришедшего в сознание Артемиса Энтрери. Когда она повернулась к наёмнику, тот вытащил руку из своего волшебного поясного кошелья, посмотрел на кусок льда в ней и со вздохом его отшвырнул.

— Кажется, он открылся, когда я зарылся в снег, — объяснил он и сунул руку обратно, на этот раз достав засыпанное снегом полено. — Я практически уверен, что у меня в сумке осталось достаточно снега, чтобы сделать из него горного великана, — пожаловался он.

Он стряхнул с бревна снег и бросил его на пол перед собой.

— Может быть, это здешние места, — сказал ей Джарлакс, продолжая доставать топливо из кошелья. — Я слышал, что так далеко на севере магия может работать иначе — точно так же, как она иначе работает в Подземье. Может быть, есть какие-то границы.

— Я не знаю, — повторила Кэтти-бри. — Есть что-то...

Она покачала головой и выглянула из пещеры на широкую белую равнину ниже по каменистому склону.

— Странное? — спросил Джарлакс.

— Иное, — поправила Кэтти-бри, и продолжала качать головой, как будто не могла ухватить до конца мысль. — Как здешний путь солнца по небосводу.

— Я тоже это почувствовал, — признался Зак.

На этом тему оставили, поскольку никто, казалось, не мог выразить своё ощущение более ясно. Кэтти-бри последовала за Заком к груде древесины — прекрасно отмеренным и расколотым дровам.

По пути Зак достал и воспламенил свой меч света, но когда подошёл, не стал сразу же погружать его в поленья. Поскольку Кэтти-бри положила руку ему на плечо и отодвинула в сторону, затем немного неуверенно опустилась на колени перед топливом и стала укладывать его так, чтобы огонь лучше занялся и горел. С огромным усилием и помощью Зака она снова встала на ноги и отошла в сторону.

Зак ткнул огненным клинком. Поленья, сырые от снега и льда, затрещали и захлопали, и пламя едва занялось.

— Отойди, — сказал оружейник Кэтти-бри и отступил вместе с ней, превратив свой яркий клинок в кнут.

Замахнувшись кнутом, Зак со щелчком обрушил его вниз на топливо, прочертив с края груды полосу огня.

Кэтти-бри немедленно потянулась кольцом через планарный разрыв, ощутив жар и силу огненного плана, ощутив сверхъестественное создание за разрывом.

Она вытянула частицу этого сознания, крохотные шарики пламени посыпались из разлома на поленья, и она усмехнулась, подчинив себе этот живой огонь, приказав ему атаковать сырое топливо.

Когда огонь занялся посильнее, Кэтти-бри отозвала один из живых шаров пламени из костра и послала его свет глубже в пещеру, оставляя лужи, которые быстро твердели на полу из камня и льда. Она немного похромала следом, направляя его ещё глубже — пещера казалась бесконечной, петляющим, немного опускающимся тоннелем, идущим глубже в недра гор — пока крошечный элементаль не угас.

— Лёд повсюду, даже здесь. Как может быть так холодно? — спросил Зак. — Сейчас же лето.

— В Долине Ледяного Ветра бывает очень холодно и летом, — сказала Кэтти-бри. — Но не настолько.

— Но море Движущегося Льда всегда преимущественно застывшее, причём тем больше, чем дальше к северу, — добавил Джарлакс. — Я думаю, что мы находимся даже севернее.

— И снаружи до сих пор светло, — заметил Зак, указав на выход из пещеры. — Мы здесь много часов, и нет даже сумерек.

Неожиданная мысль заставила Кэтти-бри шагнуть к дневному свету. Она остановилась и прочитала ещё одно целебное заклинание на свою повреждённую ногу, вздохнув от облегчения, когда по телу разлилось тепло. Джарлакс кивнул, и она тоже ответила ему кивком, затем снова двинулась дальше, два дроу — за ней.

Глядя на мерцающую белизну снаружи, ошеломлённая женщина попыталась сориентироваться. Земля перед ней опускалась, устремляясь к той же белой равнине, которую она помнила с горы, но солнце, кажется, двигалось с запада на восток, как будто она действительно смотрела на север. Как такое могло быть?

— Я уверен, что это север, но это невозможно, — сказал Джарлакс, очевидно, разделяя её растерянность.

— Нет, возможно, — сказала ему Кэтти-бри.

— Но солнце...

— Я думаю, мы смотрим с самой вершины мира, — пояснила Кэтти-бри.

— Но...

Кашель Артемиса Энтрери заставил Джарлакса замолчать, и все трое бросились к мужчине. Энтрери потёр лицо и с огромным усилием приподнялся на локте.

— Не стоило мне прыгать, — слабым голосом сказал он.

— Падение спасло тебе жизнь, — ответил Джарлакс. — Весь склон посыпался вниз и похоронил бы тебя, протащив весь путь до самого низа, где мы не смогли бы тебя отыскать.

Он посмотрел на Кэтти-бри.

— Я боялся, что мы не найдём вас даже под гребнем. Призвать на помощь Гвенвивар было прекрасным решением, добрая госпожа.

— Но где был ты? — спросила Кэтти-бри. — Почему тебя не засыпало вместе с нами?

— Потому что он Джарлакс, — сказал Энтрери.

— Потому что мы дроу, — поправил Закнафейн.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Кэтти-бри, осторожно опустившись на колени, когда Энтрери сумел сесть.

— Как будто лошадь лягнула меня в голову, а на спину упала Главная башня.

Он резко замолчал и огляделся.

— Где моя шляпа?

— Наверное, под снегом, — сказал Зак.

— Мы должны её отыскать.

Зак фыркнул.

— Та гора в нескольких милях отсюда. Выше по склону.

Прежде чем Энтрери сумел что-то возразить, Джарлакс достал шляпу и протянул ему.

— Я догадывался, что ты захочешь её вернуть.

Он посмотрел на Кэтти-бри, улыбнулся и достал её один предмет, который был оставлен в снегу: фигурку Гвенвивар.

— Потрать сегодняшние целебные силы, — сказал он ей. — На себя и Артемиса. Отдохнём, пока горит огонь.

— Здесь? — спросила она. — Пещера уходит очень глубоко. Сомневаюсь, что в этих краях есть много необитаемых пещер.

— Боюсь, ни ты, ни Артемис не в силах путешествовать. Не волнуйся, мы с Знакнафейном будем дежурить по очереди, — сказал Джарлакс. — Вам нужен отдых больше, чем нам. И я приготовлю хорошую трапезу, когда вы проснётесь. Знакнафейн — настоящий маэстро в обращении с мечом, но со скалкой он всего лишь новичок.

— Я видел, как он сражается, — сказал Энтрери. — Он мог бы победить тебя и скалкой.

Он втянул в себя воздух и облегчённо выдохнул, когда Кэтти-бри послала через него волну исцеляющей энергии.

Она использовала большую часть своих заклинаний, и это усилие истощило её больше, чем следовало, напомнив, что она тоже получила серьёзные раны. Так что она достала свой спальный мешок, уложила его рядом с пылающим костром и залезла внутрь.

Вскоре она уже спала.

Закнафейн крался по петляющему, сейчас — опускающемуся тоннелю. Когда он оставил товарищей — Кэтти-бри и Энтрери спали — он пообещал Джарлаксу, что не уйдёт далеко, но оружейник не мог считать их пещерный лагерь безопасным, не зная наверняка, есть ли здесь ещё что-нибудь — или *кто-нибудь*, что важнее.

Он оглянулся туда, откуда пришёл. Он зашёл намного дальше, чем собирался. Однако он не мог проигнорировать запах. Здесь было что-то кроме камня и льда на полу и стенах. Он огляделся, жалея, что мерцающих червей здесь так мало. Прямо напротив он заметил зелёные глаза своего товарища по разведке, Гвенвивар. Несмотря на слабый свет, он видел путь своим зрением дроу, но небольшое освещение могло бы серьёзно помочь.

Перед ними простирались ведущие вниз ступени, грубые, но наверняка искусственного происхождения, хотя, судя по виду, им могло быть несколько веков. Каждая ступенька была почти в половину роста Зака, так что он надеялся, что всё так и есть.

После долгого спуска широкий проход выравнивался, затем раздваивался, хотя казалось, что вскоре оба коридора выходили в одно и то же помещение, освещённое красным мерцанием.

Зак дал Гвенвивар знак идти налево, а сам двинулся направо.

Низко пригнувшись, он проскользнул в помещение вдоль левой стены, догадавшись, что зал шире слева, чем справа. Он всмотрелся и застыл, пытаясь охватить любопытное зрелище перед собой.

В комнате было заметно теплее, и Зак решил, что тепло исходит от большого шара, висящего под потолком, тоже издающим красное мерцание. Он наградил его лишь мимолётным взглядом, зачарованный остальным помещением. Стены были естественными и неровными, но в них были вырезаны большие ниши на разной высоте, и в каждой нише виднелись свёртки, похожие на спальные мешки или большие груды одежды.

Прямо напротив Зака стояла одинокая фигура, человекоподобная, но поистине огромная и массивная, по прикидке оружейника — в четыре раза выше него. Обнажённый по пояс, исполин казался нагромождением мускулов — как будто король Бренор или один из его могучих щитовых dwarфов выросли в несколько раз.

Рядом с великаном у стены стояла гигантская обоюдоострая секира, заострённый кончик которой покоился на тяжёлом жилете исполина, рядом со шлемом, украшенным лосиными рогами, и огромными наплечниками, изготовленными из медвежьих черепов.

Зак сделал ещё шаг, чтобы осмотреть остальную комнату и проверить, вышла ли Гвенвивар из тоннеля. Он заметил её в проёме, терпеливо припавшую к земле, и дал ей знак ждать.

Великан, казалось, с чем-то играет. Наконец он развернулся достаточно, чтобы Зак различил в чём дело.

Сначала он принял это за большой шар снега или льда, но когда увидел, с какой заботой грубый гигант держит его, Зак понял, что это яйцо.

Яйцо было величиной с шар пламени, который Кэтти-бри создала на горном склоне. И здесь было больше, намного больше, на других полках в помещении.

Великан покатал яйцо в руках, потом поднял его к мерцающему шару и пристально взгляделся в него.

Тогда-то Зак и заметил лицо великана: косматое, с бородой почти по грудь. Он не мог различить цвет кожи исполина, ведь та была окутана красным сиянием, но из глубин памяти, с самих времён учёбы в академии дреу, в мыслях всплыли слова «инеистый великан».

Он обдумывал это, когда великан воскликнул «Эй!», поставил яйцо обратно на полку и поднял массивный топор.

Зак хотел броситься бежать, даже развернулся, но передумал и вошёл в помещение, расслабленно выпрямился, подняв открытую левую ладонь.

— *Брор*, — сказал он, слово, которое вроде бы значило «друг» на древнем языке великанов.

Не сработало.

Великан взвыл и бросился на него. Правая рука Зака тут же поднялась, сжимая ручной арбалет. Он сделал выстрел и перекатился налево, умело вскочив на ноги с Хазид'хи в одной руке и волшебной рукоятью — в другой. Несмотря на своё хитрое уклонение, он невольно поморщился от оглушительного грохота, когда огромный топор ударил в угол, где он стоял, отбив от стены камень.

Он заметил торчащий из груди великана небольшой болт, когда тот повернулся лицом к нему — исполин даже не охнул от попадания — и стал сомневаться, проник ли яд через эту толстую шкуру.

Однако второй снаряд, угодивший в великана, оказался более эффективным; большая чёрная фигура перелетела через плечо Закнафейна, высоко поднявшись в воздух, яростно размахивая когтями. Грудь великана пошла кровавыми полосами, а кроме того когти Гвен вырвали клочки волос из внушительной бороды.

Зак призвал кнут из своей волшебной рукояти и бросился в атаку.

Его противник взревел от гнева и боли и обрушил правую руку на спину пантеры, затем оторвал от себя Гвенвивар — вместе с немалым количеством собственной кожи — и швырнул её через всю комнату с пугающей лёгкостью.

Кнут хлестнул его по голениям, прочертив полосы огня и полосы крови, и здоровяк завыл ещё громче, теперь очевидно от боли. Огонь ему явно не понравился. Он захромал к Заку, но тот перекатился у него под ногами, рубанув следом тонким лезвием Резчика по ноге размером с дерево.

Он увидел Гвенвивар, которая шаталась в тенях, но упрямо оторвалась от стены.

Но самое главное — он увидел, как великан разворачивается, ревёт, приближается отмеренными, решительными шагами, сокращая расстояние между ними и загоняя его в угол.

Зак медленно попятился, пытаясь оценить комнату и понять, какой маршрут будет лучшим для бегства.

Неожиданно великан бросился вперёд, его большой топор описывал широкие круги, шаги были широкими и ровными, готовыми свернуть налево или направо, в зависимости от действий крохотного противника.

Зак понял всё это ментально и усомнился, что успеет отскочить достаточно далеко в сторону, чтобы избежать удара.

Поэтому он повернулся и побежал — но не в сторону, а прямо на стену, пол трясся под ним от тяжести преследователя.

Приблизившись к стене, он перехватил Резчик, затем прыгнул и ударил мечом со всех своих сил и инерции прямо в камень. Великолепный Хазид'хи вошёл глубоко — достаточно глубоко, чтобы обеспечить надёжную опору, когда Зак подтянулся, поставил ногу на качающуюся рукоять, и прыгнул оттуда вверх, разворачиваясь в воздухе. Вместе с ним разворачивался и его кнут.

Хотя он был высоко над землёй, великан всё равно возвышался над ним. Но Зак верно рассчитал угол, и кнут хлестнул его противника точно по глазам.

Зак упал, рассчитывая приземлиться и откатиться в сторону, но великан просто врезался в стену, его нога вбила Зака в камень, вышибив дух и, он был уверен, сломав несколько рёбер.

Его кнут стал клинком света, и он отчаянно ударил, достаточно, чтобы ослабить нажим оглушённого и ослепшего великана и позволить себе наполовину убежать, наполовину упасть вбок.

— Ох, спасайся, милая Гвенвивар, — сказал он, когда увидел, как раненая пантера снова подбирается к великану. Он споткнулся, опёрся о стену, пытаясь перевести дух, и подскользнулся, рухнув в небольшую нишу — или начал падать, пока большая когтистая лапа не ударила его в плечо, отбросив его от стены. Полетев в сторону, он отчаянно хлестнул мечом наискосок, и во вспышке света заметил нового врага.

Он был велик, но совсем не так велик, как инеистый великан, и определённо не принадлежал к великанам или любому другому виду гуманоидов, которых знал Зак.

Подавшись на всех четырёх вперёд и вверх, лишённый шеи, он обладал массивной широкой головой, состоящей целиком из пасти, рыла вместо носа, и крохотных, широко посаженных глаз. Зак едва мог понять, что это.

Он смотрел на существо из кошмарных снов.

И хотел, чтобы это действительно был просто кошмар.

Над ним пролетела Гвенвивар, которую снова отшвырнул раненый великан, ударила в стену и рухнула на пол бесформенной грудой с последним визгом боли. Зак сделал к ней только один шаг, прежде чем понял, что это тщетно.

Он повернулся к коридору и бросился бежать, спасая свою жизнь.

Он слышал, как бьётся и вопит ослепший великан, потом услышал второй голос, который сказал здоровяку успокоиться на знакомом Заку наречии.

Дроу.

Кэтти-бри резко села и выпрямилась, выдохнув:

— Гвенвивар.

Она позволила глазам приспособиться к тусклому освещению потрескивающего рядом костра. Она заметила Джарлакса чуть дальше в пещере, припавшего к земле и вглядывающегося во мрак. Она посмотрела на спальный мешок Энтрери, но его там не было, и она осмотрелась вокруг, высматривая его и Зака. Она увидела Энтрери, движущегося к Джарлаксу, но затем, по сигналу командира наёмников, пересёкшего пещеру и исчезнувшего в тених, как будто он стал невидимым.

Она достала ониксовую статуэтку, прижала её к себе и немедленно поняла, что Гвенвивар пропала, ушла обратно к себе в астрал. Это был болезненный уход, почувствовала Кэтти-бри, и полный страха.

Кэтти-бри потратила мгновение, оценивая свою магию, сортируя заклинания, затем поднялась на ноги и щёлкнула пряжкой на поясе, призвав в руки Тулмарил, когда бросилась к Джарлаксу.

— Что такое? — прошептала она. — Где Знакфейн?

Он поднял руку, призывая к молчанию, и прошептал:

— Кажется, на подходе.

В глубинах тоннеля раздался какой-то звук. Кэтти-бри скользнула на несколько шагов в сторону, к защитному выступу к стене. Она наложила стрелу на тетиву и опустилась на одно колено, наблюдая.

В поле зрения появился бегущий Зак. Или, скорее, спотыкающийся. Его правая рука, в которой он держал солнечный клинок, была прижата к левому плечу, а каждый шаг заставлял левую руку бессильно болтаться. Он направился к Джарлаксу, но повернул к Кэтти-бри, как только её заметил, и упал на стену рядом с ней.

Она немедленно оказалась рядом, бросила лук на пол, её руки направляли её взгляд в попытке изучить его раны. Глубокий и опасный разрез зиял в его кожаных доспехах и мифриловой рубаше под ними, мерзкая рана, оставленная могучим когтем — Кэтти-бри задумалась, не сражался ли он с Гвенвивар!

Женщина пока что отбросила эту мысль и закрыла глаза, призывая к божественной силе богини, чтобы прочитать заклинание исцеления. Затем она снова осмотрела рану и растерялась, поскольку та, как будто, осталась всё такой же глубокой.

Ей нужно было решить, сколько волшебной энергии потратить, пока приближались

потенциальные враги, но было ясно, что если снова поставить Закнафейна на ноги, это будет лучшим преимуществом в бою из возможных. Поэтому она снова прочла заклинание, самое могущественное исцеляющее заклятие, на какое только была способна.

Рана сомкнулась, хотя и не настолько, насколько ей хотелось бы.

Она раздражённо покачала головой. Было ли здесь что-то не так, что-то в отношении магии? Какое-то возвращение Волшебной Чумы? Она взмолилась, чтобы дело было в другом, посмотрела на татуировки у себя на запястьях и покачала головой. Она успокоилась, напомнив себе, что магия казалась немного бессвязной с тех пор, как они прибыли сюда — как и всё остальное. Может быть, волшебство слабело?

Она подхватила Закнафейна, когда тот стал оседать на пол, и мягко усадила его у стены. Затем она бросилась назад к своему спальному мешку и схватила бинты и целебные мази, немедленно вернувшись к оружейнику.

Его дыхание казалось неровным. Весь его бок был пропитан кровью.

— Добро пожаловать! — услышала она и не сразу осознала, что слова были сказаны на языке дроу. Не на всеобщем, не на подземном всеобщем, а определённо на языке дроу. Она резко выпрямилась и снова повернулась к Джарлаксу, увидев ещё одну приближающуюся к нему фигуру: женщину, дроу.

Она посмотрела на Зака и снова потянулась за луком.

Глаз под волшебной повязкой Джарлакса замерцал, и он сразу же узнал правду об этой гостье и тот факт, что она пыталась прочесть его мысли с помощью магии.

— Вот, — сказала ему дроу, протягивая Хазид'хи. — Прошу прощения за недоразумение. Великан не знал, что вы не враги. Надеюсь, ваш друг не слишком пострадал. И большая кошка — я не знаю, куда она убежала.

Джарлаксу потребовалось какое-то время, чтобы разобраться в этих заявлениях, поскольку хотя женщина и говорила на языке дроу, её вряд ли бы поняли в Мензоберранзане. Она использовала старую версию языка, архаичную в формулировках и произношении. И совсем иную по тональности.

— Чед Насад, — Джарлакс заполнил свой разум образами города Мерцающих Паутин и всего лишь на миг отозвал защитную магию своей повязки, позволяя гостье услышать эти мысли. Однако он немедленно поднял мысленный щит обратно, поскольку другая способность повязки, истинное зрение, уже показала ему больше, чем необходимо.

— Чед Насад, — сказал он вслух. — Твой акцент заставляет меня думать, что ты из этого города — или, по крайней мере, твоя семья была из этого города.

Он вежливо поклонился, сняв шляпу всего на мгновение — больше ему было и не нужно.

— Так и есть — весьма проникательно, — раздался ответ. — А откуда вы?

— Из области неподалёку, — сказал Джарлакс, используя более современный язык, надеясь заставить задуматься одну из тех, кто находился перед ним, а другому — передать сообщение. — Неподалёку и сзади, если смотреть на юг.

Джарлакс смотрел на юг. Он знал, что Артемис Энтрери, скрывшийся в тенях пещеры, поймёт.

Женщина-дроу с любопытством взглянула на него.

— И где же это?

— Ты задаёшь много вопросов, — резко ответил Джарлакс и начал активно захватывать

инициативу в диалоге. Он говорил про город Мерцающих Паутин, пересказывал своё путешествие с Знакфейном, или, по крайней мере, использовал это давнее путешествие как основу для своей невероятной и бессмысленной болтовни. Он увидел, как женщина сощурилась, чтобы сосредоточиться.

Да, она действительно пыталась проникнуть в его мысли.

Да, он удерживал её внимание.

Наконец она подняла руки и попросила его прекратить — и он прекратил.

Говорить, по крайней мере.

Ведь он начал сгибать руки, забирая кинжалы из своих наручей, которые с каждым взмахом летели вперёд полосой снарядов, нацеленных на создание, которое было вовсе не дроу.

Чудовище отбросило свою иллюзию, выросло в размерах, нависнув над Джарлаксом, и неожиданно напомнив скорее двуногую жабу, чем дроу, с пятнистой шкурой, когтистыми лапами, большой головой и пастью. Оно отбило в сторону многие кинжалы и приняло в тушу ещё больше. Шар пламени появился у него в руке и швырнул пламя в Джарлакса, заставив дроу встать и закрыться, а затем рухнуть в сторону с криком боли.

Вверх взметнулись эти крупные когтистые лапы, и существо устремилось к дроу, но блестящая от молний стрела ударила его в грудь и заставила отшатнуться на шаг. Ударила ещё одна стрела, и ещё одна, и чудовище выкинуло руку в сторону Кэтти-бри и создало волшебную мерцающую копию этой руки прямо перед ней. Волшебная рука схватила Тулмарил и крепко его стиснула. Почти сразу же последовала вторая атака на женщину — луч страха, окутавший её и приказавший ей спасаться бегством.

Она сопротивлялась ему и боролась с волшебной рукой. Её нежелание подчиняться стало таким сильным, что позволило отбросить двумер страха и оценить оставшиеся заклинания.

Джарлакс восстановил равновесие и достал ещё два кинжала, несколько раз хлестнув руками, чтобы превратить их в мечи, прежде чем снова повернуться к врагу.

Затем он увидел, как к нему снова устремляется пламя — на этот раз меньше, всего лишь горошина.

В следующий миг, когда огромный огненный шар взорвался, существо забулькало в знак победы, затем зарычало на Кэтти-бри.

— Мы вернёмся за тобой, — пообещало оно на том же самом древнем диалекте, только теперь квакало и булькало, как лягушка.

Затем оно исчезло во вспышке, и Кэтти-бри увидела Артемиса Энтрери, стоящего сразу за тем местом, где находилось чудовище, сжимающего двумя руками свой могучий меч, которым он пронзил то место, где только что была тварь.

Где тварь всё ещё стояла, невидимая, поняла она, когда чудовище снова возникло перед глазами, теперь — с мерцающим красным клинком Когтя Харона, торчащим из груди.

Энтрери мощным рывком, от которого меч вылетел к нему за плечо, вырвал оружие и сразу же ударил снова широким взмахом, который рассёк спину монстра с такой силой, что отбросил того на землю и вбок, где чудовище зашипело и заплевалось — и погибло.

Кэтти-бри упала, когда сопротивляющаяся ей волшебная рука исчезла. Она посмотрела на Джарлакса, опасаясь, что огненный шар убил его, поскольку жар от взрыва обжёг ей лицо, хотя она находилась далеко за пределами радиуса действия.

— Джарлакс! — позвала она, и Энтрери бросился вперёд, остановившись лишь затем,

чтобы в одно мгновение вонзить свой кинжал глубоко в жабий глаз чудовища.

Глава 11

Вечный свет

— Всегда смотри на них, Бри, — сказал Дзирт. Его дочь сидела у него на сгибе локтя, прижавшись к груди и плечу, и её глаза, как и его, были устремлены вверх.

— Вёзды, — сказала она, указывая наверх. — Вёзды.

Дзирт улыбнулся от простой радости слышать, как дочка произносит новые для неё слова, часто смазывая первый звук или вовсе о нём забывая.

— Звёзды, моя милая, — сказал он. — Миллионы, миллионы звёзд. Всегда находи время, чтобы полюбоваться на них. Они покажут тебе истину.

Он замолчал и усмехнулся.

— Ты согласен, Киммуриэль?

Из-за крупного куста и пары близ растущих деревьев возник псионик-дроу.

— Я не прятался, — сказал он. — Просто не хотел беспокоить в такой момент тебя и ребёнка.

— Я не возражаю против компании, — заверил его Дзирт.

— Вёзды, — сказала гостю Бри.

Киммуриэль покосился на неё, потом на Дзирта.

— Звёзды, — объяснил тот.

— Ах да, крохотные искры света.

— Не такие уж крохотные, — ответил Дзирт. — Просто очень далёкие.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри наверх. Почему *ты* этого не знаешь?

Улыбка Киммуриэля его выдала.

— Ты никогда не думал о том, чтобы отправиться туда? — спросил Дзирт. — Я бывал на астральном плане с Гвенвивар. У меня была мысль, что там я пройду среди этих огней.

— Но всё было не так, — сказал Киммуриэль, скорее утверждающе, чем вопросительно.

— Нет, всё было очень странно, но совсем не так. И это меня разочаровало. Но всего лишь на миг — пока я не осознал огромные размеры всего этого и голую красоту и силу подобного создания.

Долгое время двое стояли в молчании, прерываемом лишь напоминаниями Бри о «вёздах» и волчим воем, на который девочка ответила: «вочик».

— А ты — находишь ли ты время взглянуть на них, Дзирт, как посоветовал твоему ребёнку?

— Я стараюсь. Я провёл много ночей на вершине Пирамиды Кельвина в Долине Ледяного Ветра, глядя на ночное небо, и даже чувствовал иногда, что парю среди звёзд, и думал — разве это было бы не величественно?

Он заметил, что Киммуриэль почти улыбнулся и едва не кивнул.

— Но да, — продолжил Дзирт. — Мне не нравятся тёмные ночи, когда тучи лишают меня радости звёздного неба.

— Или рассвета и заката, если верить Джарлаксу.

Дзирт кивнул, продолжая смотреть наверх.

— Почему?

— Перспектива, — ответил следопыт. — Напоминание об огромности мультивселенной вокруг, о том, что я всего лишь один маленький дреу. Нет, я не считаю это уничижительным, — ответил он на предсказуемый следующий вопрос Киммуриэля. — Я нахожу это смиряющим, внушающим надежду, ведь я хотел бы увидеть их всех, пройти повсюду между и по всему существу, и знать, что путешествие будет вечным.

— Но ты же смертный.

— Надеюсь, что нет.

— Но если всё так?

Дзирт пожал плечами.

— Я так не думаю.

— Но в богов ты тоже не веришь.

— Я никогда такого не говорил. Я говорил, что это не имеет значения.

Он опустил взгляд, чтобы посмотреть псионику в глаза.

— Потому что и в самом деле не имеет. Я верю, что существует что-то помимо этого бытия.

— И это?

— Понимание.

— Чего?

— Всего, — ответил Дзирт. Он посмотрел на Бри, которая опустила голову ему на плечо. Её глаза уже закрывались.

— Но нет, — сказал он. — Я не спешу навстречу этому путешествию, потому что здесь осталось ещё много дорог, по которым я хочу пройти.

Когда он повернулся назад к Киммуриэлю, он немного вздрогнул, поскольку дреу опять смотрел вверх. Его застало врасплох не направление взгляда Киммуриэля, а выражение абсолютного спокойствия на лице псионика.

— Оно прекрасно, — тихо сказал Киммуриэль.

Через несколько мгновений Киммуриэль наконец отвёл взгляд от неба.

— Я хотел поговорить с тобой, но это подождёт. Оставлю тебя этой ночи с твоим ребёнком... с твоей дочерью, — сказал он, поклонился и тихо ушёл.

Дзирт медленно раскачивался, чувствуя, как Бри вжимается в его плечо и глядя, как удивляющий Киммуриэль возвращается туда, откуда пришёл. Он ещё долго смотрел вслед после того, как псионик исчез в ночи.

Для Дзирта было тайной, как небо над головой, как такой простой, но неожиданный разговор может принести ему такое чувство покоя.

Он знал, что надолго запомнит эту ночь.

Знал, что и Киммуриэль тоже.

На месте Джарлакса возникла волшебная дыра.

— Она довольно глубокая, — сказал наёмник. — Мне пригодится чья-то рука, или верёвка, если найдётся. Или лестница... а, подождите.

Кэтти-бри и Энтрери замерли, услышав из дыры какой-то шорох, а затем — ну конечно же — над её краем возникла вершина деревянной лестницы, и Джарлакс легко выбрался наружу, хлопая по рукавам, которые всё ещё дымились.

— Мощный взрыв, — сказал он. — Вы в порядке?

— Все, кроме Закнафейна, — ответила Кэтти-бри. — Моё лечение помогло, но раны у него глубокие и тяжёлые.

— Что это была за тварь? — спросил Энтрери.

— Хороший вопрос. И, боюсь, я знаю ответ.

Джарлак подошёл к мёртвому жабоподобному гуманоиду и наклонился, рассматривая его.

— Слаад, — сказал он, выпрямившись и повернувшись к остальным. — А конкретнее — зелёный слаад.

Энтрери и Кэтти-бри обменялись растерянными взглядами.

— Думаю, с иного плана бытия — хотя кто может знать наверняка, учитывая, что боги как будто перемешивают мультивселенную просто из прихоти? — сказал Джарлак. — Но да, тело принадлежит слааду, и они очень умны, очень опасны и редко встречаются поодиночке.

— Тогда нам нужно уходить, — сказал Энтрери.

Джарлак замолчал и поначалу засомневался, но затем кивнул.

— Где пантера?

Кэтти-бри помрачнела.

— Если всё так, как я думаю, её не будет с нами в течение ближайших нескольких дней.

— Эти слаады путешествуют стаями? Или их целые колонии? — спросил Энтрери.

— Во множественном числе — «слаади», кажется. Я мало про них знаю, — сказал Джарлак и это необычное признание от опытного наёмника застало Энтрери и Кэтти-бри врасплох. — Только то, что существует несколько разновидностей, все из которых — очень опасны, некоторые обладают очень сильной магией, и все наделены грубой силой.

С этими словами он поглядел на зелёного слаада, они все на него смотрели, и размер его пасти, когтей и мускул лишь подчеркнул слова Джарлакса.

— Давайте собираться и уходить, — предложила Кэтти-бри.

— Судя по всему, он не в силах отправляться в путь, — сказал Джарлак, глядя на Зака.

— Тогда призови своих адских коней.

— Эта магия ограничена, — ответил Энтрери. — Намного больше, чем единорог Дзирта. Сколько потребуется, чтобы унести отсюда ноги? Ты говоришь — часы.

— Несколько, — подтвердил Джарлак. — Горный склон неудобен для коней, которые создают лёд с каждым своим огненным шагом. Нам придётся отправлять их в полёт, чтобы убраться с этой горы, а многократное использование их левитационных сил расходует магию ещё быстрее.

— Тогда давайте пока что пойдём пешком, — предложил Энтрери. — Призовём кошмаров, если потребуется спастись от погони.

— Ты уже готов к путешествию, дружище? Мы решили, что ты мёртв, когда достали тебя из-под снега.

— Она помогла, — он указал подбородком на Кэтти-бри.

— Но я не знаю, насколько смогу помочь в дальнейшем, — призналась Кэтти-бри. — Это место всё ещё остается для меня и моих заклинаний слишком странным. Кажется, что здесь они слабее — или я дальше от своей богини.

Она повернулась к Заку.

— В этой земле есть энергия. А может, нехватка энергии. Здесь она тусклее, как солнечный свет. Но в любом случае нам нужно уходить. Давайте собирать вещи. Не убирай

свою лестницу, Джарлакс. Используем её, как носилки.

— Они мне не нужны, — сказал Зак, удивляя их. Оружейник, кряхтевший и рычащий от каждого движения, рука — по прежнему висит неподвижно, упрямо попытался встать.

— Великан, — сказал он, поднявшись на ноги и тяжело опираясь о стену. — Может быть, инеистый — я не очень хорошо с ними знаком.

— Где? С этой тварью? — спросила Кэтти-бри.

— Я не знаю, что это и откуда оно взялось, — ответил Зак.

— Судя по виду твоих ран, оно тебя знает. Следы когтей хорошо различимы.

— Я сражался с великаном, — сказал Зак. Он замолчал и вспомнил, что отбросило его от стены. — Может быть, — признал он. — Подождите, там был другой. Да, — он кивнул на мёртвого слаада.

— Великан. Зелёный слаад. Хмм, — пробормотал Джарлакс. Он вытащил лестницу из дыры, потом поднял саму дыру за край и превратил её обратно в небольшой круглый клочок ткани, который сунул под ленту на шляпе, приподняв шляпу в сторону Кэтти-бри, которая сейчас стояла у мёртвого слаада.

— Как ты это сделал? — спросила его Кэтти-бри. — Как ты достал эту дыру достаточно быстро, чтобы спастись от огненного шара?

— На самом деле я от него не спасся, — сказал Джарлакс, глядя на своё по-прежнему дымящееся плечо.

— Спасся достаточно, — возразила Кэтти-бри. Она опустилась на колени и наклонилась, изучая жуткие когти чудовища и его жабящую пасть.

— Ты же не думаешь, что я бы поддался слааду? — ответил Джарлакс.

— Но откуда ты знал, что это был слаад?

— Я знаю всё. Я Джарлакс.

Кэтти-бри фыркнула и тихо прочла заклинание обнаружения, которое должно было показать ей любой яд или заразную болезнь на теле слаада или вокруг него.

— Ты сам сказал, что мало знаешь про слаадов, — вмешался Энтрери, обратив собственные слова Джарлакса против него.

— Яйца, — произнёс Зак, прежде чем Джарлакс смог что-то ответить.

— Яйца? — в один голос спросили Джарлакс и Энтрери.

Кэтти-бри покачала головой, ничего не обнаружив. Она снова посмотрела на когти и решила, что это чудовищное создание в них не нуждается!

— У них есть яйца, — объяснил Зак. — Дюжины яиц. Больших яиц.

— Мило, — заметил Энтрери. — Мы в гнезде.

— Гнезде кого? Слаади? — спросил Энтрери.

— Большие яйца, — ответил Зак. — Как у дракона.

— Нам точно надо уходить, — заявила Кэтти-бри. — Немедленно.

Никто не стал спорить.

Они собрались и покинули пещеру. Зак долгое время шёл пешком, затем согласился устроиться на волшебной лестнице, которую вытащил и разложил из простого на первый взгляд куска дерева, помещающегося в ладонь, Джарлакс — только на сей раз лестница была лишь в половину двенадцатифутовой длины, благодаря которой Джарлакс смог вылезти из своей переносной дыры.

— Сколько у нас времени до заката? — спросил Энтрери, когда взялся за переднюю часть носилок, после чего Джарлакс и Кэтти-бри поделили между собой заднюю. День стал

немного темнее — солнце зашло за гору за спиной у товарищей.

Джарлак посмотрел туда, где по его мнению находился восток, затем повернулся на юг, затем — к Кэтти-бри.

— Будь мы в Лускане, уже давно наступила бы ночь, — ответила она. — Или даже завтрашний день.

— Мне тоже так кажется, — ответил Джарлак. Он направил взгляд Энтрери на самую яркую точку за горами, которая как будто располагалась на юго-юго-востоке. — Я не уверен, что он наступит, если скоро не начнётся ночь, поскольку думаю, что солнце снова поднимется над горизонтом, когда выступит из-за горного хребта.

— Не будет ночи? — скептически спросил Джарлак.

— Вечный свет, — задумчиво произнёс Зак. — Анти-Подземье.

— Я просто не знаю, — признался Джарлак. — Но если всё так и будет, стоит считать это удачей. Вы сами чувствуете, как здесь холодно даже с солнцем над головой. А что принесёт с собой ночь?

— Нам всё равно придётся отдыхать, — напомнил ему Энтрери. — И нужно найти убежище.

И снова никто не стал возражать, и отряд двинулся дальше, все трое — пешком, по очереди сменяясь у носилок. Каждый раз, когда они сменялись, Зак обещал, что скоро пойдёт рядом, но каждый раз голос оружейника становился не крепче, а слабее.

На третий раз, когда Энтрери снова взялся за носилки, Джарлак отвёл Кэтти-бри в сторону.

— Я знаю, — сказала она, прежде чем он успел объяснить причину своего беспокойства. — Сегодня я истратила на него большую часть своих исцеляющих заклинаний, но судя по всему они подействовали минимально.

— Может быть, рана заражена, или на когтях был яд или зараза.

Кэтти-бри покачала головой.

— Я проверяла. У слаада не было ничего подобного. И если дело в этом, значит я никогда не видела и не слышала ни о чём подобном, — объяснила жрица Миликки. — Скорее всего, эти когти вошли слишком глубоко, и рана была — или была бы, не используй я магию — смертельной. Думаю, наш друг едва избежал смерти, Джарлак.

— Ты видела слаада, — сказал Джарлак, согнув руки, как будто подражая его огромным когтям.

Кэтти-бри кивнула. Единственный ответ, который она могла дать — это заверить друга:

— Завтра я приготовлю могущественные заклинания исцеления.

— Если мы не сможем полностью его вылечить, может быть, стоит воспользоваться твоей магией возвращения и вернуть его в Лускан.

— Длинное Седло, — поправила она, поскольку её заклинание было нацелено туда. — Я связана с ним. Там мой дом, а ещё дом Дзирта и Бри... и Гвен. Якорь моего заклинания расположен в Особняке Плюща. И если я вернусь, я заберу всех нас.

— У меня есть причина находиться здесь.

— И тебе нужна я, чтобы заставить меч указать тебе путь к этой причине; ты так сказал, когда попросил меня отправиться с тобой.

Выражение Джарлакса показалось ей немного странным, но лишь на мгновение. Она подумала об этом мимолётном откровении и решила, что это просто проявление беспокойства Джарлакса о Закнафейне. По крайней мере, она попыталась себя в этом

убедить.

— Когда ты хочешь, чтобы я взяла Хазид'хи? — спросила она. — И вообще, в ту ли сторону мы направляемся?

— Прямо сейчас мы просто пытаемся найти убежище. И мы следуем единственным курсом, который могла избрать Доум'вилль после того, как приземлилась, пролетев через портал.

Поначалу, подумала Кэтти-бри, но ничего не сказала.

— Доум'вилль прошла через эти врата четыре года тому назад, — напомнила она.

— И я уверен, что она выжила — а значит, пошла в верную сторону.

Кэтти-бри не видела в этом особого смысла, но промолчала.

Вскоре они нашли ещё одну пещеру, на сей раз — неглубокую и без другого выхода. Они это тщательно проверили: один раз, второй — а потом и третий.

Они развели большой костёр и съели сытную трапезу — дрова и провизию достал Джарлакс из своего бездонного волшебного кошель, который, в отличие от всего остального, к счастью работал. Утолив голод, Кэтти-бри в последний раз проверила Закнафейна, которому как будто стало получше, и истратила на него остатки своей целебной магии. Затем она подошла к спальному мешку и залезла туда для столь необходимого ей отдыха. Однако она долго не могла заснуть — разговор с Джарлаксом про Доум'вилль никак не шёл из головы, вызывая упрямое подозрение, что Джарлакс явился сюда не только ради блудной полуэльфийки-полудроу и того, что могло предложить ему её возвращение по поводу надвигающейся войны в Мензоберранзане, и уж точно не ради каких-то смехотворных планов по очищению Хазид'хи, чтобы меч стал более подходящим оружием для Закнафейна — который всё равно никогда бы не подчинился мечу.

Нет, она думала, что должно быть что-то ещё — хотя в случае Джарлакса дело могло заключаться в простой жажде приключений. В конце концов, он взял Артемиса Энтрери через пол-Фаэруна просто ради развлечения. Так что, может быть, это и была его настоящая цель, истинная причина, по которой Джарлакс решил привести их на вершину мира.

Она обнаружила, что надеется на это.

Она обнаружила, что сомневается в своей надежде.

Простая тщетность попыток распутать загадку Джарлакса позволила ей забыть о своём беспокойстве в достаточной степени, чтобы наконец задремать, ведь разве мог кто-нибудь надеяться раскрыть замыслы таинственного бродяги?

Когда она проснулась — зная, что проспала достаточно долго — сначала она заметила Закнафейна, сидящего у костерка и медленно едящего из котелка с кашей. Она выбралась из спального мешка, чтобы усесться рядом, пытаясь оценить его состояние. Он улыбнулся, но с усилием, и Кэтти-бри поняла, что ему не стало лучше.

— Ты храпишь, как дварф, — заметил сбоку Энтрери. — Бренор бы гордился.

— Как долго я спала?

— Долго. Я заснул после тебя, а когда проснулся, ты всё ещё храпела.

Она посмотрела в сторону выхода.

— Джарлакс вышел, чтобы разведать местность, — ответил на невысказанный вопрос Энтрери, затем перешёл ко второму. — И нет, снаружи так и не стемнело, и становится как будто даже светлее. Мы оказались в земле, где нет ночи. Солнце ходит вокруг нас по кругу, как бдительное око какого-то огромного пылающего бога.

Кэтти-брене была в этом так уверена — особенно по поводу отсутствия ночи — но

ответов у неё не было, так что возражать она не стала.

— Вероятно, поэтому Джарлакс и догадался, что наша гостья — не настоящий дреу. Какой настоящий дреу станет жить в месте, где нет ночи?

В ответ Энтрери похлопал по лицу прямо под глазом, намекая на повязку.

— Его не обманешь полиморфами или иллюзией.

Она повернулась обратно к Заку.

— Дай мне приготовить заклинания и посмотрим, сумею ли я сегодня справиться лучше.

— Сначала тебе нужно поесть, — слабым голосом ответил Зак. Он посмотрел на свой котелок и протянул его ей. — Вот, если хочешь. Вкус мне кажется мерзким.

Кэтти-бри была не особенно голодна, но ей стало любопытно. Она взяла котелок и съела ложку каши. Та была вовсе не мерзкой — наоборот, довольно вкусной.

Она кивнула Заку и поднялась, затем вернулась к своему спальнику и небольшому реликварию, который носила в ранце и в котором хранилась часть единорожьего рога. Она убедилась, что внутренние повреждения были намного серьёзнее тех, на которые указывали внешние раны, и собиралась подготовить свои самые сильные лечащие заклятия.

Вскоре вернулся Джарлакс, объявив, что нашёл проход, который доставит их дальше к северу, достаточно укрытый, чтобы снег в нём был не слишком глубокий.

— Мы должны быстро его пересечь, — пообещал он, затем подошёл к Заку и начал личный разговор. Вскоре он посмотрел на Кэтти-бри, и женщина кивнула. Она поднялась на ноги и подошла к ним с небольшим кошелём в руке.

Она опустилась на колени рядом с Заком.

— Это поможет тебе почувствовать себя лучше, — сказала она. — А если нет, то у меня есть и посильнее, хотя если я им воспользуюсь, у меня уже не хватит сил, чтобы вернуть нас домой в случае необходимости.

Она закрыла глаза и начала напев, взывая к Миликки, ощущая растущую внутри силу. Руки теплели, становились горячими.

Однако не настолько, насколько она ожидала. Она чувствовала зуд, чувствовала силу, чувствовала тепло, но они были как полярное солнце; намного бледнее.

Всё-таки она прикоснулась к разорванному плечу Зака, затем выбросила из себя энергию, направляя её глубоко внутрь мужчины.

Закнафейн шумно выдохнул и обмяк.

Кэтти-бри закончила заклинание с закрытыми глазами, нос к носу с Заком, который тоже погрузился в себя. Они открыли глаза вместе, и оружейник почти незаметным кивком поблагодарил жрицу. Кэтти-бри поднялась, протянув ему руку, чтобы помочь встать. К тому времени, как он оказался на ногах, было очевидно, что он принял эту помощь только из вежливости, поскольку в ней не нуждался.

— Наконец-то, — сказал он Джарлаксу и Энтрери. Он поднял руку над головой и помахал ей на пробу, кивая. — Теперь боль — всего лишь мелкое неудобство.

Кэтти-бри приняла его объятия и ответила на них, и облегчённо вздохнула двум другим друзьям, которые одобрительно кивнули. Она не сказала им, насколько глубоким было её облегчение на самом деле, и попыталась отбросить чувство, что её заклинание оказалось не таким сильным, как прежде.

— Хорошо, что ты решил взять её в путешествие, — тихо сказал Артемис Энтрери Джарлаксу.

— Её магия — настоящее чудо, — согласился Джарлакс.

— Её компания — ещё лучше, — сказал Энтрери.

Кэтти-бри всё это слышала. Она закрыла глаза и прижалась головой к плечу Зака, и несмотря на дурное предчувствие, сказала себе, что это будет прекрасное приключение, и что она правильно сделала, когда согласилась.

— Пойдём, не будем задерживаться, — сказал Джарлакс. — Я нашёл тропу, которая, как я считаю, приведёт нас ближе к цели.

— Откуда тебе знать, где эта цель находится? — спросила Кэтти-бри. Потому что Джарлакс не давал ей Хазид'хи, чтобы проверить, сможет ли она почувствовать, в какой стороне находится Доум'вилль, хотя по его словам именно ради этого он пригласил женщину принять участие в их экспедиции. Сначала она решила, что он просто забыл об этом, будучи захвачен делами поважнее — сначала покидая горный склон, а затем уходя от их незваного гостя и его возможных союзников. Однако они удалились почти на двадцать миль от того места, где оказались, на север — северо-запад, как они считали, и Джарлакса как будто совсем не волновало, что они могут двигаться в неверном направлении.

— Пойдём, — просто ответил Джарлакс и покинул пещеру.

Спустя какое-то время они подошли к тропе, о которой говорил Джарлакс, каменистому пути, петляющему обратно в горы. Кэтти-бри огляделась кругом, пытаясь определить место, где они появились на этой стыллой земле, но это было невозможно. Движение солнца никак не помогало, а высокие горы почти не давали ей перспективы. Продуваемая ветром огромная белая равнина по-прежнему находилась в поле видимости, но была справа и в другой стороне. Если это был север, то тропа тянулась скорее на юго-запад.

Однако она не стала спорить. В конце концов, это была экспедиция Джарлакса. Однако эта перемена совсем не облегчила её подозрений, что это путешествие — нечто большее, чем просто охота на Доум'вилль. С тех пор, как они двинулись в путь, женщина не раз косилась на пояс Закнафейна и рукоять Резчика в форме кошки, на меч, который должен был их направлять, направлять Кэтти-бри.

Меч, которого она ни разу не коснулась с момента прибытия.

Когда они уставали, они останавливались на привал, день за днём — или, как будто, один долгий день. От солнца было ещё меньше толку в попытках определить направление, когда их единственный ориентир, белая равнина, осталась позади. Среди горных троп их путь продолжал изгибаться в разных направлениях. Не раз Кэтти-бри видела, как Джарлакс возится с этим мутным белым шаром, но как только он замечал её взгляд, он просто качал головой и пожимал плечами.

Они отдыхали в пещерах или под каменными козырьками. Они ели провизию из запасов Джарлакса, а иногда — пресные хлебцы и воду, созданные заклинаниями Кэтти-бри. Она продолжала лечить Зака своими заклинаниями, просто чтобы убедиться, что он полностью выздоровел.

Путешествие оказалось скучным. Единственными звуками вокруг был ветер и периодический рокот чего-то далёкого — скорее всего, другой лавины. Странно, но они не видели никаких признаков жизни. Ни животных, ни даже птиц в небе. Здесь было немного теплее, чем рядом с торосами льда и этим постоянным ледяным ветром, и под своей волшебной защитой они больше не чувствовали укусов холода. Но облегчения, которое приносило ночное небо, им тоже не доставалось — сводящее с ума солнце кружило вокруг них на протяжении всего путешествия, как стервятник, выжидающий, пока они лягут и

умрут. Они не знали, сколько дней прошло, но примерно двадцать привалов спустя, так незаметно, что они не сразу это заметили, они вышли на участок на высоком хребте, двигаясь вокруг склона горы, где земля внизу не была покрыта снегом и на склоне даже росло несколько растений, мелких и чахлых.

Они прошли сквозь узкое ущелье, затем вышли на склон под углом, который давал им широкий обзор. Слева от них бесконечно простирались горные вершины, но справа земля опускалась вниз к большому каньону, и там, далеко внизу, текла вода и стояли мелкие деревья, а на тёплых восходящих потоках кружили большие птицы.

За долиной продолжались горы, но казалось — недалеко.

Взгляд Кэтти-бри привлекло озеро. Серебряное и сверкающее, оно тянулась под ними налево, сужаясь в речку, уходящую глубже в горы. Было нетрудно найти взглядом источник, поскольку справа от озера каньон был запечатан горой изо льда — нет, не просто горой, огромной ледяной змеей, застывшей рекой в сотни футов высотой, змеящейся прочь между горными вершинами справа, заполняя скрытые от глаз долины.

— Мы в Дамаре? — спросил Артемис Энтрери.

— Это не Великий Ледник, — заверил его Джарлакс. — Хотя я уверен, что это просто ледник.

Наёмник сошёл с тропы, осторожно спустившись по крутому склону к расположенному далеко внизу озеру.

— Пойдёмте, — позвал он их. — И смотрите под ноги на каждом шагу.

С этими словами он задел несколько мелких камешков, которые покатались и поскакали вниз, как пара бегунов. Один остановился в углублении, а другой ударился о наполовину погружённый в землю камень и подскочил в воздух, затем исчез за каким-то далёким козырьком.

— На каждом шагу, — повторил Джарлакс.

Они спустились на несколько сотен футов, затем подошли к крутому утёсу. Не смутившись, Зак и Джарлакс воспользовались верёвками и левитацией дроу, чтобы спускаться с опоры на опору, вбивая гвозди, чтобы сделать лестницу для Кэтти-бри и Энтрери.

Их прогресс был болезненно медленным — напрямик вниз по склону, вместо спуска по любой петляющей тропе, которую можно было отыскать.

Кэтти-бри держала на поверхности сознания несколько мистических заклинаний — в особенности то, которое позволяло заставить падающего парить, как пёрышко, на случай катастрофы. Она могла лишь надеяться, что в этом странном месте магия подействует, как надо.

Вокруг росло всё больше и больше кустов. Они слышали клёкот больших птиц, оседлавших восходящие потоки, и воздух стал приятно тёплым. Они вышли на плато, заросшее кустами черники, в сотнях футов под высокой тропой. В воздухе жужжали мошкара, мухи и пчёлы — огромное количество мелких пчёл. Белки и другие мелкие животные сновали в кустарнике. Одна белая белка взбежала по тощему мелкому деревцу и устала на незваных гостей с нескрываемым любопытством.

С этого дальнего конца плато не было видно озера, но верхние слои ледника, которые запечатывали его справа, были видимы, поднимаясь над их уровнем, давая понять, что до самой долины внизу ещё больше половины пути.

Быстрое заклинание Кэтти-бри убедило их, что ягоды можно есть — это действительно

была черника, причём очень вкусная — и они набивали рты целыми пригоршнями, пока пересекали широкое плато из конца в конец.

Оттуда они увидели вершины мелких деревьев, и дальше — озеро, и к их удивлению (и радости Джарлакса) — здания, дома из камня и соломы.

— Ну ладно, хватит с меня скалолазания, — сказал Джарлакс. — Давай, Энтрери, вызови своего скакуна?

— Почему мы не сделали этого на вершине проклятого утёса? — раздражённо спросил Закнафейн.

— Приключение, — ответил с улыбкой Джарлакс и бросил свою обсидиановую фигурку, призывая кошмара. Он вскочил коню на спину и протянул Закнафейну руку. — А кроме того, ты что, хочешь, чтобы нас схватил один из этих стервятников-переростков?

— Думаешь, нам стоит обрушиться на здешних жителей верхом на этих тварях? — спросила Кэтти-бри.

— Я устал ползать по утёсам, как паук, — ответил Джарлакс, — и я всегда предпочитал эффектные появления.

Он с Заком перемахнули через край плато, и адский конь поплыл в воздухе, скользя вниз к озеру.

Покачав головой и вздохнув, Кэтти-бри приняла руку Энтрери и уселась на коня позади него. Он подвёл коня к краю и просто продолжал двигаться вперёд, по воздуху и вниз, к серебристому озеру. Кошмар переставлял копыта, как будто бежал по твёрдой земле.

— Местные могут сбить нас, пока мы в воздухе, — сказал Энтрери, но Кэтти-бри толком не слушала. Её внимание было приковано ко птице, сидящей на выступе справа — иссиня-чёрной птице с чёрным клювом, как у ворона, вот только размером она была почти с коня-кошмара вместе с его наездниками.

— Это рухи? — спросила она у Энтрери.

— Птенцы, если так, — ответил он, и Кэтти-бри знала, что он почувствовал её дрожь.

Она испытала немалое облегчение, когда спустились мимо, а птица даже не обратила на них внимания, а когда посмотрела на небольшое поселение внизу, её захватило любопытство иного характера.

Деревня казалась пустынной. Она располагалась на дальнем берегу озера — каменные дома тянулись до самого ледника — нет, уходили прямо *в сам* ледник, поняла Кэтти-бри.

Адский конь Джарлакса коснулся земли, они с Заком спрыгнули. Конь Энтрери скорее упал, чем пролетел последние несколько футов, тяжело приземлился, фыркая и стуча копытами. Кэтти-бри спрыгнула с коня, Энтрери — сразу же следом за ней.

— Развейте его! — предупредил Джарлакс, хотя в его инструкциях не было необходимости — Энтрери уже занялся этим.

Конь снова превратился в небольшую статуэтку, следом за ним — скакун Джарлакса.

— Он пытался стряхнуть вас, когда приземлился? — спросил Зак. — Сбросить?

Энтрери покачал головой, и Кэтти-бри согласилась.

— Скольжение вниз с высоты его вымотало, — сказала она.

— Мы потеряли всякое чувство времени, — согласился Энтрери. — Предмет был не готов к такому напряжению и длительному использованию.

Джарлакс, казалось, был не согласен, однако он просто пожал плечами, и друзья отправились осматривать поселение. Джарлакс несколько раз окликал местных, Энтрери и Джарлакс исчезли в тени, а Кэтти-бри последовала за Джарлаксом, сжимая поясную

пряжку, чтобы в случае необходимости сразу же достать Тулмарил.

Чем больше она смотрела вокруг, тем сильнее казалось, что лук ей не потребуется. Разные мелочи говорили ей, что здесь никого нет — и никого не было уже долгое время. Она заметила, что несколько деревянных оград свалились и лежат на земле. Ведро рядом с колодцем не пустовало, но небольшой слой воды в нём был зелёным от ряски. Двери в некоторых домах были открыты, в других закрыты, пятнами пробивалась трава, сады заросли — казалось, за несколько лет. На озере была пристань, но лодка рядом с ней затонула в неглубокой воде.

— Что здесь произошло? — спросила она Джарлакса.

Он покачал головой, возглавляя путь через эту безлюдную деревеньку и направляясь к леднику. Большой дом в конце улицы был наполовину поглощён ледником, наполовину свободен. Его дверь была открыта, и двое любопытных исследователей заглянули внутрь. Они нашли деревянные тарелки, сгнившее постельное бельё, железные столовые приборы и инструменты — все вещи, которые можно было ожидать от приграничного городка.

Но её и Джарлакса удивила противоположная дверь дома, поскольку она тоже была открыта и вела в полость внутри ледника.

Кэтти-бри наложила чары света на наконечник стрелы, и этот свет отразился от всего льда вокруг, и тогда они поняли, что городок был намного крупнее, чем казалось — целую полосу зданий поглотил ледник.

— Что это за место? — спросил её Джарлакс. — Что за народ живёт к северу от Долины Ледяного Ветра?

— Было одно племя, по слухам, обитающее к северу от моря Движущегося Льда — семья из Лонливуда, одного из Десяти Городов, происходила от них — но я никогда не встречала никого из этого племени, как и все мои знакомые. Все считали это скорее легендой, чем истиной.

— Варварские племена? Как Вульфгара?

— Нет, нет, совсем другие. Не такие крупные мужчины и женщины.

Она указала ладонью на высоте своего подбородка.

— С круглыми плоскими лицами. По крайней мере, такая была внешность у тех людей из Лонливуда. Могу сказать, что уже видела такие дома.

— Дома я тоже видел, — скептически отозвался он.

— Да, но эти — особенные. Видишь, где у них очаг? Он расположен так, чтобы жар отсюда согревал все углы, а дым легко выходил наружу.

— Значит, те люди из Лонливуда могли быть родом отсюда?

— Может быть.

Однако она по-прежнему сомневалась.

Громкий треск и рокот напомнили им, что они находятся под целыми тоннами льда, и они вернулись обратно через первый дом за пределы ледника.

У открытой двери дома рядом с озером их ожидали Энтрери и Закнафейн. Оружейник махнул Джарлаксу, чтобы тот подошёл, потом указал вглубь дверного проёма, когда наёмник послушался.

Кэтти-бри зашла первой со сверкающей стрелой впереди. Едва переступив через порог, она поняла, почему Зак привёл их сюда, поскольку они нашли первых жителей.

По крайней мере, их останки.

Скелеты были мелкими и принадлежали гуманоидам, скорее всего — невысоким

людям, как заметила Кэтти-бри раньше. Три отдельных и почти целых скелета валялись на полу, на спинах, спереди их грудные клетки были разбиты.

Кэтти-бри опустилась на колени перед самым крупным, изучая его сломанные рёбра.

— Их сломали изнутри, — сказала она.

— Или со спины? — спросил Зак.

Женщина закрыла ладонь рукавом и перекатила скелет набок, покачав головой ещё прежде, чем успела присмотреться.

— Я не вижу на спине ран, никаких отметин на рёбрах или позвоночнике сзади.

— Тогда, может быть, их ударил какой-то зверь и вырвал сердце, сломав кости на обратном пути, — предположил Джарлак. — Например, одна из этих огромных птиц.

Кэтти-бри не стала спорить, но ей в это не верилось. Рана, казалось, служила ясной причиной смерти, и нанесли её как будто изнутри. Она подошла ко которому телу, затем к третьему, и обнаружила тот же самый любопытный факт.

Она повернулась к Джарлаксу с ясно читаемым на лице сомнением, — она поняла, что это очевидно, когда наёмник заверил её:

— Это случилось очень давно.

На это Кэтти-бри было нечего возразить.

Они нашли в деревне ещё несколько расположенных похожим образом и точно так же травмированных скелетов, и кладбище на холмах напротив озера — которое казалось достаточно неприметным, не считая двух разрытых могил.

Или прорытых изнутри. Это было первое, что пришло в голову Кэтти-бри, но она отбросила эту мысль, изучив могилы поближе, даже покопавшись в оставшейся земле, и обнаружив, что в могилах остались кости, сломанные и вывернутые.

Они устроились в одном из домов — самом дальнем от озера. Кэтти-бри починила дверные петли с помощью малых заклятий соединения, а Энтрери и Зак расставили снаружи ловушки и коварные преграды и капканы для всего, что могло заглянуть к ним в гости. Тем временем Джарлак развёл огонь и приготовил прекрасный ужин.

Вскоре они уже сидели за столом, разделяя трапезу.

— Наслаждайтесь, пока можете, — предупредил Джарлак. — Меня начинает беспокоить странное воздействие этого места на нашу магию, как было с адскими конями, так что я собираюсь поберечь запасы, пока они не понадобятся нам по-настоящему. После этого ужина будем обходиться наколдованной Кэтти-бри едой.

— В озере есть рыба, — заметил Энтрери.

— Давайте не будем здесь задерживаться, — сказала Кэтти-бри.

— Местные давно мертвы, — сказал Зак — пытаясь подбодрить её, поняла Кэтти-бри, и это напоминание немного успокоило их всех. — Очень старое место. Здесь много лет никого не бывало.

— Всё равно это беспокоит, — ответил Энтрери, опередив Кэтти-бри. Он повернулся к Джарлаксу. — Ты хотя бы знаешь, где мы? Или куда направляемся?

— У меня есть представление об этом.

— Я думал, Кэтти-бри сможет повести нас, поговорив с мечом, — продолжал давить Энтрери. — Она хоть раз брала его в руки?

— Хороший вопрос, — сказала Кэтти-бри, пристально взглянув на скрытного наёмника. Джарлак просто опёрся о стену спиной.

— Ты не давал его мне, потому что боишься, что Доум'вилль давно здесь нет, — в

открытую обвинила его Кэтти-бри. — Может быть, ты и правда хочешь её найти, но сюда ты нас привёл совсем по другой причине.

— По какой же? — спросил Знафейн.

— Думаю, чтобы мы не вмешивались в драку в Мензоберранзане, — сказал Энтрери, и похоже, Зака это не обрадовало — судя по тому, как нахмурил оружейник свои густые белые брови.

— Я хочу найти Доум'вилль, — ответил Джарлак. — До сих пор нам и так было ясно, куда идти. Однако я опасаясь, что Хазид'хи не покажет нам того, что нам нужно. Не хочу я и отдавать его прекрасной жене Дзирта, учитывая её печальный опыт с этим клинком. В конце концов, это просто догадка, и может быть, я просто стал сомневаться в своей идее.

— Ты привёл нас сюда из-за догадки? — спросил Энтрери. — И заставил нас целыми днями, может быть, целый месяц, блуждать по этой земле вслепую?

— Приключение, причём не бесцельное! — парировал Джарлак. — Нам всем нужно было провести время в дороге. Ты же не станешь это отрицать.

— Какой дороге? Дорога предполагает наличие настоящего пути. Мы ковыляли по горным склонам и пустынной снежной равнине!

—оборот речи.

— Хочешь услышать парочку других оборотов?

— Не надо, — сказала убийце Кэтти-бри. — Мы уже здесь. Что сделано, то сделано.

— Мы определённо здесь — где бы это «здесь» ни находилось. Он мог бы выбрать местечко поприятнее, — проворчал Энтрери.

— Я не думал, что здесь будет так холодно и так... пусто, — признался Джарлак.

— По крайней мере, мы встретили здесь живых существ, которые не пытались нас убить, — напомнил им Зак.

— И будем надеяться, неживых существ с таким желанием нам тоже не встретится, — заметил Энтрери.

— Сегодня же ночью, — объявила Кэтти-бри не терпящим возражений тоном. — После этого ужина я возьму меч, и тогда посмотрим, что он нам расскажет.

Она не просила. На этом она оставила тему, но с неё довольно было уклончивости Джарлакса, и она не верила в его поддельные опасения по поводу их безопасности с Резчиком. Да, меч однажды подавил её, когда она была очень молода, но теперь? Кэтти-бри встречалась с предтечами и сражалась с аватаром Ллос, став чемпионом Миликки. Она легко справилась с мечом Энтрери, злоба которого во много раз превосходила телепатическое внушение Резчика.

И всё это было Джарлаксу прекрасно известно.

— После трапезы, — повторила она, посмотрев на сей раз на Зака, и дроу с мечом кивнул, выражая полное согласие.

Она посмотрела в другую сторону и увидела, что Джарлак не так доволен.

Она чувствовала отказ, злой и упрямый.

Но голос был слабым.

— Ты знаешь меня, — прошептала она Резчику, теснее сжимая пальцы на рукояти.

— *Знафейн!* — закричал в её мыслях меч. Кэтти-бри это позабавило, но не удивило. Хазид'хи хотел только одного; чтобы им обладал величайший воин, которого только сможет найти меч. Клинок предпочёл бы проиграть эпическую битву с великим чемпионом, чем

одержат победу в руках не обученного крестьянина.

Кэтти-бри охватили воспоминания о том времени, когда она бесстыдно бросилась на Дзирта, задолго до того, как они начали романтические отношения.

Это сделал с ней Хазид'хи.

Воспоминания продолжались всего один миг, прежде чем женщина поняла, что это не её память, а мечта. Клинок по кличке Резчик пытался напомнить ей, что однажды подчинил её и сможет сделать это снова.

— Хмм, — произнесла она вслух и услышала, как остальные любопытно переминаются рядом, но не стала открывать глаза, обратив свои мысли вовнутрь.

— *Ты не сможешь подчинить меня,* — сказала она клинку. — *Я тебе недоступна.*

— *Закнафейн!* — умолял меч. Она не обращала внимания.

— *Тобой владел ещё кое-кто.*

В мыслях возник образ Артемиса Энтрери, и Кэтти-бри показалось, что этот выбор тоже не расстроит меч.

— *Кто ещё?* — телепатически спросила она. — *Кого ещё ты знал? Кого подчинил своей воле?*

Меч предложил ей Джарлакса.

Она спросила снова и ответом стал образ старика, сидящего, сложив ноги, на верхней террасе огромного здания, устроившегося на плато среди высоких горных хребтов. Ей потребовалось какое-то время, чтобы расшифровать это неожиданное видение, пока она не вспомнила, что Джарлакс посещал монастырь Жёлтой Розы — и скорее всего, позволил магистру Кейну взять меч.

— *Кто ещё?*

Кэтти-бри увидела образ молодой эльфийки — или полудроу, учитывая серый оттенок её кожи. Она почувствовала отдалённую связь. Инстинктивно женщина подняла перед собой меч и ослабила хватку достаточно, чтобы меч мог ёрзать из стороны в сторону.

Может быть, дело было в форме её руки, может быть, она держала ладонь неровно, но меч качнулся налево, указывая скорее на начало ледника, чем на озеро, лицом к которому стояла Кэтти-бри.

— *Покажи мне Доум'вилль,* — приказала она. — *Покажи мне ту, кого ты подчинил своей воле.*

— *Закнафейн,* — непокорно отозвался Резчик вместо того, чтобы ответить на её просьбу. Она почувствовала порыв отдать меч оружейнику.

Но этого хотел Резчик, а она больше ему не подчинялась. Кэтти-бри открыла глаза, махнула своим спутникам отойти, затем подошла и обрушила плоскость клинка на крупный камень. Она была снова и снова, не причиняя великолепному оружию урона, но недвусмысленно давая ему знать, что власть здесь у неё, а не у меча.

И это было так просто! Ещё одно напоминание о том, как далеко она продвинулась в жизни. В юности Кэтти-бри стала жертвой Резчика. Теперь она даже представить себе не могла, что меч заставит её что-то сделать, даже будь она смертельно больна или ранена и покойся на смертном одре.

Когда она закончила с демонстрацией власти, она улыбнулась и подмигнула товарищам и вернулась к мечу, требуя, чтобы он показал ей путь к Доум'вилль.

Меч снова шевельнулся в её хватке и снова указал на ледник — нет, поняла она, не на ледяную стену, но далеко за неё. За ледник, или по крайней мере в его дальний конец.

Джарлакс сказал ей, что она сможет связаться с Доум'вилль через меч, но в этом отношении она не чувствовала ничего — или, по крайней мере, очень мало. В магическом разуме Хазид'хи определённо оставалась частица сознания Доум'вилль. Кэтти-бри увидела ещё одного полуэльфа-полудроу с потрясённым выражением на лице. Она в ужасе смотрела, как разворачиваются перед ней воспоминания, и смертоносный клинок выбирает не этого юношу, а того, кто сжимал его и вонзил лезвие юноше в грудь.

Она вспомнила историю Доум'вилль и поняла, что жертва — Тейрфлин, её брат. Она искала и искала, но не нашла никаких воспоминаний с его точки зрения, хотя он тоже владел мечом.

Не нашла, ведь он был мёртв.

Кэтти-бри вернулась к мыслям про Доум'вилль и снова попросила меч показать ей путь, уже настойчивее. На ей раз её охватило тревожное и неясное чувство.

Солдаты... служба... холод... мы не мы... мы в его славе... солдаты... служба... холод.

Она не знала, что об этом думать. Она чувствовала нечто большее, чем своё «я» — или это чувствовала Доум'вилль, но было похоже, что она утратила личность и была поглощена чужим сознанием.

Кэтти-бри попыталась пробиться дальше, однако ощутила глубокий холод внутри. Она открыла глаза и решила, что смотрит через слой льда — нет, смотрит изо льда!

Что на самом деле пытаются сказать эти видения? С неясным направлением и без чувства расстояния, ответ меча казался скудным, слишком скудным.

Хазид'хи в последний раз попытался заставить её вернуть меч Закнафейну. Она зарычала на оружие, открыла глаза и швырнула клинок на землю.

— Что ты узнала? — спросил Джарлакс. — Она жива?

— Вопреки всему — может быть, жива. Но я точно не знаю.

— Где? — в один голос спросили Джарлакс и Закнафейн.

— Где-то там, — ответила женщина, взмахнув рукой в сторону ледника, на северо-восток по её прикидкам. Она посмотрела прямо на Джарлакса и призналась:

— Но я не знаю, как далеко. Она может быть за полмира от нас.

— Ты так не думаешь.

Кэтти-бри вспомнила своё последнее чувство, холод в костях, в душе и сердце. Она подошла к дверям дома и посмотрела на ледник.

— Но ты считаешь, что она жива?

Кэтти-бри только пожала плечами.

— Я не знаю. Мы не нуждаемся в ней, чтобы очистить меч — если это действительно одна из причин, по которой ты привёл нас сюда, — ответила она. — Я ясно чувствую его гордость и уверена, что смогу сломать её.

— Так сделай это, — сказал Зак.

— Нет, — немедленно рявкнул Джарлакс намного требовательнее, чем было привычно для хладнокровного бродяги.

Кэтти-бри, Зак и Энтрери уставились на него.

— Нет, — уже спокойнее повторил Джарлакс. — Мензоберранзан на грани войны, и Доум'вилль в одиночку может помочь нам предотвратить её. Может быть, она давно ушла из этого места, но мы должны попытаться найти её, и этот меч, с его памятью, сознанием, гордостью и всем остальным — наш единственный шанс добиться успеха.

— Ты высоко оцениваешь её стоимость в Мензоберранзане, — напрямик заявил

Закнафейн. — Она всего лишь полудроу, и хотя она из дома Баррисон Дель'Армго, ты и правда считаешь, что они будут придавать значение любым её советам?

— Она будет нашим шпионом, — возразил Джарлакс.

— И скорее всего, её это погубит, — вмешался Энтрери.

Джарлакс раздражённо фыркнул.

— Тогда почему вы все вообще согласились на это путешествие? — спросил он. — Мы знали, что отыскать её будет непросто, и были уверены, что края здесь совсем негостеприимные. Нет, мы должны воспользоваться этим и отыскать бедную девушку. Если мы сможем найти её и исцелиться от чудовищных вещей, которые она совершила из-за меча, разве только это само по себе не будет добрым делом? Уж ты-то, — добавил он, глядя на Энтрери, — должен понимать, что значить попасть под воздействие такого оружия, и испытывать сочувствие.

— Я понимаю это не хуже Артемиса. И всё же ты не хочешь, чтобы Кэтти-бри очистила клинок, — заметил Зак.

— Если она это сделает, мы навсегда потеряем Доум'вилль.

— Но какое дело Джарлаксу? — настаивал Зак.

— А почему Закнафейну нет никакого дела?

— Я такого не говорил — как и не настаивал на возвращении в более гостеприимные земли.

— Хорошо, тогда бери свой меч и пойдём дальше. Эта пустая деревня меня нервирует.

— Ты не ответил на его вопрос, — сказала Кэтти-бри.

— Я встречал её мать, — сказал Джарлакс. — Я смотрел в её печальные глаза.

Он показал на Хазид'хи, по прежнему лежащий там, куда бросила его Кэтти-бри.

— Этот меч разрушил её семью, заставил её мужа и дочь совершить предательство и убил её сына.

— Ну так позволь мне освободить его от зловредной магии.

— Однако меч её не волнует. Я хочу вернуть ей дочь, свободную от воздействия и жутких воспоминаний Хазид'хи, — сказал Джарлакс, и Кэтти-бри решила, что верит ему.

Однако он по-прежнему уклонялся от ответа. Каждый раз, когда они приближались к истине по поводу их миссии, Джарлакс ускользал в сторону, словно танцуя. Девушка, жажда приключений, надежды по поводу Мензоберранзана — она была уверена, что всё это — часть настоящего повода, и по её мнению — часть достойная. Но было что-то ещё. В этом она не сомневалась.

И она не собиралась продолжать эти танцы.

Глава 12

Размышления о богах

Дзирт сидел на перилах просторной террасы у главной задней двери монастыря Жёлтой Розы. У него за спиной на порывистом ветру, дующем с узких перевалов Галенских гор, хлопал плащ. Время года быстро менялось, листья желтели и опадали, и в воздухе висело свежее чувство скорого снега, пока над головой мчались серые тучи.

Везде, где бы он ни жил, Дзирт любил эту пору — за исключением Мензоберранзана, где времена года не менялись, и Долины Ледяного Ветра, где осень была той же зимой, только немного светлее. Запах в воздухе, танец падающих листьев — всё это приносило ему чувство мира и покоя.

Может быть, потому, что многие из знакомых ему конфликтов заканчивались осенью, подгоняемые перспективой наступления зимы, вынуждавшей прекратить любые боевые действия.

Он широко улыбнулся, глядя, как бегают по усыпанной листьями траве Бри, как она прыгает в кучу листьев, которую снова и снова сгребает для неё Саван. Простая радость детской игры была такой яркой и заразной.

А может быть, дело не только в игре, подумал Дзирт — по крайней мере, для монахини. Саван была госпожой зимы, третьей по старшинству в монастыре, и выше неё были лишь верховный магистр Кейн и магистр Перривинкль Син, пожилой мужчина, чей расцвет сил давно закончился. Ранее этой десятидневкой Кейн говорил Дзирту, что рассчитывает на то, что Саван станет первым верховным магистром-женщиной за долгие годы в ордене Святых Солларов.

Единственным соперником в её возвышении был брат Афафренфер, но его, увы, не стало.

Улыбка Дзирта угасла, когда он вспомнил об Афафренфере. Тот достиг трансценденции, превзойдя свою физическую форму, и свою духовную силу, всю до последней капли, использовал, чтобы вытащить Дзирта обратно из вечности — ценой того шанса на возвращение, который у него, Афафренфера, был. Благодаря единству их душ в том духовном состоянии Дзирт понял мотивы Афафренфера, но всё равно не мог избежать чувства вины. Афафренфер верил, что у Дзирта больше причин возвратиться, чем у него. С ребёнком на подходе, с крепкой и растущей семьёй, Дзирт ещё не закончил свой путь в этой жизни, говорил ему каждый призыв Афафренфера.

Но брат Афафренфер был готов покинуть оковы физического мира и даже желал этого. Он верил, что его спутник жизни, его возлюбленный и лучший друг — брат-монах по имени Парбид, который давал ему смысл и цель — ждёт его в этом объединённом существовании на высшей ступени бытия.

Дзирт надеялся, что это правда, ради Афафренфера и ради себя, ради всех тех, кого любил. Он хотел, чтобы их ждало нечто большее.

По какой-то понятной только двухлетним детям причине в этот момент Бри издала оглушительный рёв и объявила себя тарраской. Она подняла руки, как когти чудовища, и громко топая, направилась на Саван, которая изобразила ужас и стала убегать от

преследующей её маленькой девочки.

На лицо Дзирта вернулась улыбка.

Однако он снова задумался, была ли это просто игра. Ему казалось, что Саван оценивает его дочь, как будто пытаюсь понять, выйдет ли из девочки подходящий кандидат для обучения в традициях монастыря. Дзирт уже сказал Кейну, что он хотел бы этого для Бри, но также сказал и о том, что она не станет присягнувшим членом ордена — по крайней мере, пока не повзрослеет достаточно, чтобы быть в силах самостоятельно принять столь важное жизненное решение.

Это совсем не обеспокоило Кейна. Дзирт так и не обратился в его веру — он до сих пор не был уверен, что монахи обладали какой-то «верой» в традиционном понимании этого слова, и судя по учению монастыря, «святой», о котором шла речь, служил скорее примером почитания личной дисциплины и целеустремлённости, чем почитания какой-то божественной девы. Возможно, именно это больше всего и нравилось Дзирту в монастыре.

— Она движется так, как и следовало ожидать от дочери Дзирта До'Урдена, — раздался позади него голос Киммуриэля.

— Ей и двух лет не исполнилось, — со смехом отозвался Дзирт. Он повернул голову, чтобы посмотреть через плечо на приближающегося псионика. — С каких это пор Киммуриэль стал разбрасываться пустыми похвалами?

— Это твой способ поинтересоваться, что мне от тебя нужно?

Дзирт снова рассмеялся.

— Может быть.

Однако он немедленно посерьёзnel.

— Я благодарен, что ты отправился в путь, чтобы защитить мою дочь в нашем путешествии.

— Это моя половина сделки, которую я надеялся с тобой заключить.

— И за компанию в то недолгое время, что мы провели вместе, — добавил Дзирт. — Не могу сказать, что ночи, в которые мы беседовали, были... неинтересными. В последнее время ты определённо меня удивляешь.

— Я рад.

— Ты получил свою встречу с магистром Кейном?

— Получил.

— Уверен, он тебя не разочаровал.

— Он превосходит всё, чего я мог ожидать от любого человека, — признал Киммуриэль. — Я очень признателен за его мудрость.

— Касательно чего? Что ты ищешь?

— Ответы.

— На тот, самый сложный вопрос из всех, — кивнув, сказал Дзирт. — Сомневаюсь, что магистр Кейн смог помочь тебе в этом отношении.

— Он впустил меня в свой разум, — сказал Киммуриэль. — И оставшись наедине с его воспоминаниями, я смог лучше понять чувство трансценденции.

Дзирт почти не услышал второе предложение, так сильно его потрясла первая часть.

— Он впустил тебя в свои мысли? Пригласил в свой разум?

— Да, — ответил псионик, просто подтверждая факт.

— Но... — у Дзирта даже слов не нашлось, чтобы что-то ответить.

— Потому что он был уверен, что с лёгкостью сможет меня оттуда изгнать, — пояснил

Киммуриэль.

— Он ошибался?

— Нет, — признал Киммуриэль, по-прежнему просто объявляя факт. Если этот опыт стал для него неожиданностью или даже заставил разочароваться в собственных силах, он этого не показал. — Я же сказал тебе, он превзошёл всё, чего я мог ожидать от человека.

— Значит, он впустил тебя и поделился с тобой воспоминаниями о трансценденции из физической оболочки.

— И теперь я стал лучше понимать это явление. Но конечно же, у этого понимания остаются определённые границы, поскольку подобное действие может быть постоянным состоянием, а может — и непостоянным.

— Есть лишь один способ узнать истину, — признал Дзирт.

— Я не тороплюсь покидать эту жизнь.

Дзирт не стал спорить, поскольку чувствовал то же самое. Его трансценденция во время бегства от захватчика дала ему огромное утешение и надежду по поводу того, что ждало за чертой, но он понимал, что не может судить про постоянность этого опыта. Он не мог отбросить вероятность того, что это был лишь трюк разума, чтобы облегчить переход, пока его душа растворяется в пустоте.

— Утром мы уходим, — сказал ему Киммуриэль.

— Значит, торопишься покинуть это место?

Киммуриэль улыбнулся.

— Не хочешь отправиться с нами? Очень скоро придут зимние ветра, и нам повезёт, если мы успеем вернуться в Лускан до первого снега.

Дзирт задумался об этом, но сразу же покачал головой.

— Сейчас мне там нечего делать. Я останусь с Бри — здесь для неё хорошее место. Когда Кэтти-бри вернётся, она придёт за мной, уверен, и я хочу, чтобы она тоже провела здесь какое-то время. Дискуссии полезны, даже поучительны. Всегда хорошо поговорить о том, чего мы не можем знать до конца, и получить советы от тех, кто думает о том же самом.

— Как и мои дискуссии с тобой, — сказал Киммуриэль.

— Почему?

Киммуриэль с любопытством взглянул на него — редкое выражение у друу, который с лёгкостью мог проникнуть в мысли посторонних. Но в этом путешествии он так не поступал, знал Дзирт. Не с Дзиртом — по крайней мере, после того, как Дзирт попросил его не делать этого. Ни единого раза.

— Почему всё это? — прояснил Дзирт. — Неожиданно ты так обеспокоен богами и жизнью после смерти. Никогда не видел, чтобы ты задавался такими вопросами.

— Я никогда прежде о них не думал. Не по-настоящему, не глубоко. В духовном смысле боги казались мне незначительными, скорее — средством прагматичного выживания, в особенности — в Мензоберранзане. Что же до остального, когда мне предстояло прожить ещё целые века, размышления о смерти казались... далёкими. И вероятно, в конечном счёте лишёнными смысла.

— Но теперь?

— Как я и сказал, *прежде* я никогда не размышлял над этим по-настоящему глубоко.

— Прежде чем что?

— Прежде чем помог Ивоннель и верховной матери Квентл в их поисках живых воспоминаний верховной матери Ивоннель, — признался Киммуриэль — именно то, что

ожидал и надеялся услышать Дзирт.

— Ты что-то понял?

— Что в конце будет негде спрятаться.

— Может быть, в конце нет ничего, от чего нужно было бы прятаться.

Киммуриэль кивнул и улыбнулся, но продолжал развивать тему.

— Никакого божественного правосудия? — спросил он. — В таком случае, влияют ли на жизнь после смерти наши поступки? Решают ли они что-либо? Мой народ, наш народ, столкнулся с этим вопросом — в большом масштабе, Дзирт До'Урден. Они будут воевать друг с другом, не сомневайся.

— В этом я не сомневаюсь. Сомневаюсь я в том, что ответы, которые ты ищешь, могут на это повлиять.

— Думаю, могут. И даже если нет, я ищу эти ответы для себя. Подумай, Дзирт До'Урден: почему ты так легко отвергаешь религию?

— «Отвергаю» — сильное слово.

— Даже когда ты нашёл Миликки, ты принял её безусловно, — напомнил ему Киммуриэль. — Ты сам не раз в этом признавался. Ты поставил себя, свою совесть, выше неё.

Дзирт начал спорить, но замолчал и вспомнил свои споры с Кэтти-бри по поводу истинной природы орков и гоблинов.

— Разве это не отвергание религии? — спросил Киммуриэль, словно прочитав его мысли. Однако Дзирт понял, что Киммуриэлю не требовалось ментальное вторжение, чтобы понять, о чём он сейчас думает.

— Не могу этого отрицать, — сказал он.

— Что такое религия, Дзирт До'Урден?

— Этот вопрос кажется слишком широким.

— На чём она основана? — спросил Киммуриэль.

— На морали. На кодексе...

Киммуриэль фыркнул.

— Не ожидал услышать, что ты припишешь Ллос мораль.

— Ллос — ложная религия.

— А Миликки? Кто говорит тебе желать только убийства гоблиноидов, которые, как ты считаешь, могут не являться безусловно злыми?

— Это... — Дзирт замолчал, не успев ничего сказать, поскольку угодил в ловушку псионика.

— На чём основана религия? — снова резко спросил Киммуриэль.

— На страхе, — сказал Дзирт.

— Видишь? Мы согласны. Она основана на страхе смерти и того, что может произойти или не произойти потом. Убери это — и церкви станут всего лишь посредниками всеобщего блага, если так. Боги Торила обещают власть, богатство или совершенный покой, даже неприкрытое сексуальное удовлетворение, в обмен на поклонение. Они управляют нами с помощью кнута и пряника, но лишь потому, что мы боимся, что иначе утратим слишком многое.

— Поэтому ты сюда пришёл, — сказал Дзирт. — Чтобы по-настоящему освободиться.

— Да, — ответил Киммуриэль. — Я жил веками, скрываясь в разуме улья или в библиотеке, пытаюсь разобраться в том, что в конце концов оказалось за границами моего

понимания — поскольку место назначения можно узнать лишь тогда, когда дорога наконец пройдена. Но теперь я верю, что достиг границ моего возможного понимания этого непознаваемого предмета — до тех пор, пока не совершу последнее путешествие.

— И ты ушёл от страха.

— Да. Принуждающая власть богов, страх их предупреждений, привлекательность их обещаний исчезли. Теперь я вижу перед собой истинный мир и принимаю решения, руководствуясь собственными соображениями.

— Например, по поводу грядущих событий в Мензоберранзане. Выходит, Киммуриэль знает, на какой стороне он будет сражаться?

— Если буду, если вообще решу сражаться. Я просто пытаюсь решить, стоит ли оно того.

Это замечание поначалу показалось Дзирту странным. Если Киммуриэль знал, какая сторона права, а какая ошибается, разве имеет значение, лежит ли на чаше весов какая-то вечная награда?

Однако теперь Дзирт понял, что считает точно так же. Да, он пытался творить добро в этом мире ради самого мира, ради товарищества и тех, кого любил. Но стал бы он с такой готовностью приносить в жертву оставшиеся ему мгновения бытия, сознания, лишь ради этих вечных наград, если бы не верил во что-то за границами этой жизни?

Да, стал бы, понял он, и прожил бы так свою жизнь, даже окружённый сомнениями и страхами.

— Это стоит усилий, — заверил он стоящего перед ним псионика, интеллектуала, слишком часто обитавшего в царстве разума и недостаточно — в царстве сердца.

— Я знаю, что ты в это веришь.

Дзирт поднял руки, не собираясь спорить.

— И я надеюсь, что ты прав. И поэтому я задаю те вопросы, которые задаю. Кто знает, друг мой, может быть скоро мы встанет бок о бок на улицах Мензоберранзана в смертельной битве с теми, кто решит остаться невольником Паучьей Королевы.

— Могу ли я в этом случае рассчитывать на Киммуриэля, каковы бы ни были наши шансы?

— Ты о многом просишь, — ответил Киммуриэль, но затем сверкнул редкой улыбкой и вернулся обратно в монастырь.

Да, подумал Дзирт, он рад, что Киммуриэль и другие присоединились к нему в этом путешествии.

Той ночью, когда Бри уснула, Дзирт вышел на заднее крыльцо монастыря, в тёмный двор, чтобы искупаться под звёздным светом. Разговор с Киммуриэлем дал ему надежду — надежду на псионика и на его народ, на грядущую великую борьбу. Было множество дроу с такими же чувствами в сердце, как и у него, Дзирт был в этом уверен. Скорее всего, большинство из них. Их обманула демоническая богиня, но теперь плену мрака сняли.

Отправится ли он в Мензоберранзан для участия в грядущей войне? Немалая его часть не хотела иметь с этим ничего общего. Не сейчас. Он хотел сосредоточиться на семье. На их будущем — вместе. Он так долго сражался ради целого мира, и может быть, наконец заслужил свой отдых.

Но текущая ситуация была кристаллизацией того, что он желал во всех битвах своей жизни. Это могло стать его самым важным делом в пользу его народа и родины. Это могло

обеспечить будущее, на которое он надеялся.

Или это могло стать его гибелью. И всё — ради дела, у которого почти не было шансов. Ллос не отпустит Мензоберранзан без жестокой и ужасной борьбы.

Он лежал на усыпанной листьями земле, позволяя миллионам огоньков в небе поднять его к себе, как часто делал прежде.

Через какое-то время он вернулся в монастырь. Он остановился у комнаты Бри, чтобы проверить её, затем направился в небольшую часовню для медитации, предназначенную для магистров, где надеялся встретить магистра Кейна. Это было простое место с четырьмя скамьями, расставленными по краю неглубокой ямы, целиком открытое небу. На дне располагался сад, по большей части — трава, и только несколько цветов по краям добавляли ему цвета. Посередине располагался символ X, сложенный из белых камней разных форм и размеров.

Кейн глядел на этот X, сидя на скамье, переплетая под собой ноги.

— Они уходят утром, — сказал ему Дзирт, и магистр кивнул. — Киммуриэль вам весьма признателен.

— Он ищет ответы.

— Он чувствует, что многое узнал.

— Он ищет ответы на вопросы, на которые нельзя получить ответ в этой жизни.

— Он это понимает, — заверил великого магистра Дзирт.

— Знаю. Больше всего он жаждет места, где его понимание физических фактов о себе совпадёт с надеждами на следующую часть путешествия внутри него. Если я дал ему какие-то ценные озарения по поводу его собственной души, или успокоил некоторые его страхи, значит я совершил доброе дело.

— И ещё раз — благодарю, что поговорили с ним.

— Это я должен тебя благодарить, Дзирт, — ответил Кейн. — Ты дал мне возможность совершить хороший поступок, а это немало.

Кейн снова стал смотреть на камни внизу.

— Ты уйдёшь с ними? — спросил через какое-то время монах.

— Я надеялся остаться подольше.

— Ты можешь остаться навсегда, конечно же. Здесь твой дом, если ты того пожелаешь.

Дзирт быстро поклонился в знак уважения, хотя Кейн на него не смотрел.

— Подручные Джарлакса не получали от него вестей? От Кэтти-бри?

— Нет, — ответил Дзирт. — Признаю, меня это удивляет.

— И беспокоит.

— Да.

— Ты знаешь, как далеко они отправились? На самый крайний север?

Дзирт поднял руки.

— Если так, — продолжал Кейн, — они могли обнаружить, что магия там ведёт себя иначе.

— Вы там бывали?

— Я бывал на северных границах Великого Ледника. Даже за ними. В этом путешествии я сопровождал Ольвена Друга Леса, следопыта с серьёзной репутацией и силой, последователя Миликки. Его волшебные заклинания действовали там с меньшей силой, насколько я помню, и даже Древоруб, топор Ольвена, казался ему слишком тяжёлым. Может быть, от ледяного ветра у него просто стучали зубы и немели пальцы.

— Но вы так не думаете, — предположил Дзирт.

— Там всё было по-другому, как в Подземье. Если они ещё дальше к северу, то могут обнаружить, что вещи работают иначе, чем они ожидают, и могут даже открыть на месте старых вещей множество новых.

Затем он вернулся к созерцанию креста из камней, и Дзирт последовал его примеру, погружившись внутрь себя. Слова Кейна совершенно его не утешили. В конце концов, магия составляла основу сил Кэтти-бри.

Кейн, казалось, не заметил, когда Дзирт хмыкнул, напомнив себе, что за последние годы он не раз сам подвергал свою возлюбленную Кэтти-бри тому, через что проходил сейчас. Дзирт понятия не имел, как она не сошла с ума, когда он отправился в глубинное Подземье!

Верь ей, напомнил себе он. *Верь в неё*. Кэтти-бри была одной из самых находчивых и сильных личностей, которых он только знал. И она была с Джарлаксом, который заводил друзей среди драконов и игрался с королями, как с игрушками.

А ещё с ними были Закнафейн и Энтрери, и Дзирт не сомневался в их верности к нему к Кэтти-бри, к Компаньонам Халла. Или в их воинском умении.

С ней всё хорошо, сказал он себе, повторяя это как мантру, пока погружался глубже в себя через мирный узор из белых камней, озарённый звёздами и полумесяцем в небесах, сверкающих немного ярче, чем тёмный сад, где они сидели.

Глава 13

Элейнт Увядающий

— Из него получится прекрасный спутник, — заявила Кэтти-бри, когда её предложение встретили, качая головой и недовольно ворча. Она проснулась и обнаружила, что замёрзла немного сильнее, чем прошлой ночью. Она наколдовала им завтрак, создав достаточно еды, чтобы не позволить животам десяти крупных дварфов урчать на протяжении целого дня.

Однако еды должно было быть вдвое больше.

— Спутник, который обрушится на нас, как только ты утратишь бдительность, — возразил Джарлакс.

— В любом случае, он будет не таким уж и могущественным. Лишь малый элементаль, который проложит перед нами путь, растворив лёд, на котором иначе можно было бы подскользнуться.

И поможет согреть воздух, подумала она, но не стала произносить вслух.

Джарлакс обратил взгляд к Заку и Энтрери. Оружейник ответил пожатием плеч. Энтрери казался безразличным, только сказал:

— Даже с твоим проклятым кольцом этот холодный ветер как будто поселился у меня в костях.

Джарлакс поднял руки в знак того, что сдаётся.

— Ну ладно, — согласился он и дал знак Заку выйти на открытую местность между ними и небольшим озерцом у основания нависающего над головами ледника.

Пожав плечами, оружейник подчинился, сняв с пояса пустую рукоять меча. Он покрутил её в руке, закрыл глаза и призвал её силу, хлестнув запястьем и вызвав не клинок света, а огненный кнут.

Он развернул кнут во всю длину в воздухе перед собой, изучая его несколько мгновений, затем поглядел на товарищай.

— Большой разрыв? — не в первый раз спросил он.

— Чем больше, тем лучше, — ответила Кэтти-бри.

Кнут сверкнул над головой, и Зак с силой хлестнул им перед собой, прочертив в воздухе яркую полосу, сочившуюся огнём. Однако он оглянулся на Кэтти-бри и нахмурился.

Кэтти-бри поняла его беспокойство — она тоже увидела, что кнут был уже не таким грозным, каким казался прежде. Как и исцеляющее заклинание прошлой ночью или наколдованный завтрак, пламя кнута казалось не таким сильным, поблекшим.

— Пускай эта пропадёт, — решил Зак. — Скажи, когда будешь готова, и я сделаю брешь поглубже.

— Давай, — ответила Кэтти-бри, подходя к нему.

Он хлестнул кнутом перед собой, щёлкнул им в воздухе один раз, дважды, трижды в быстрой последовательности, с каждым щелчком призывая глубинные силы чар, разрезающие щели на план огня.

Кэтти-бри подняла перед лицом открытую ладонь, глядя между пальцами на мелкие разрывы, три тонких, коротких полосы, похожих на текущую лаву. Она потянулась внутрь своего кольца, взывая к огненному плану, пытаясь вызвать элементалья.

Она достигла одного, ощутила его странное сознание, соединилась с ним и заставила его подойти к разрыву.

Стена отрицания, гнева — поток непонятных ей оскорблений — ударили Кэтти-бри вместе с неожиданным порывом холодного, холодного ветра.

— Что? — спросила она, ни к кому не обращаясь, совершенно рефлексивно, опустила руку и посмотрела на дрожащие полосы магмы, на маленькие капли пламени, падающие на землю перед ними, которые, приземляясь, пытались сложиться в единое живое существо из пламени.

С видимыми усилиями, и, кажется, тщетно — большая часть магмы почти мгновенно застывала, превращаясь в мёртвый чёрный камень.

Под спутниками с внезапным раскатистым рокотом начала содрогаться земля, а затем раздался резкий звук с поверхности ледника — слева от них и намного выше.

Кэтти-бри почувствовала через своё кольцо необузданный гнев, но исходил он не от неудавшегося огненного элементаля — на самом деле, она чувствовала страх и отвращение этого существа, хотя оба чувства не были нацелены на неё.

Нет, это было нечто крупнее, сильнее — лишь однажды в своей жизни она встречала такой уровень непостижимой силы и ярости.

— Бегите, — сказала она друзьям и отступила на несколько шагов. Она покачала головой. Этого не может быть...

— Бегите! — снова сказала она, разворачиваясь и бросаясь прочь от высокой ледяной стены.

— Ты не можешь его контролировать? — услышала она возглас Джарлакса, когда тот бросился следом, и поняла, что он имеет в виду огненного элементаля.

Ещё одна дрожь заставила её потерять равновесие, и девушка едва не упала.

Затем раздался оглушительный и долгий треск, и она не посмела оглядываться или замедлять бег.

— Боги! — услышала она возглас Энтрери, и на сей раз — оглянулась.

Земля тряслась; ледник раскололся, по бокам широкого выступа в его поверхности бежали трещины, затем вся эта часть скользнула вниз, ударившись о землю с чудовищной силой, продолжая падать вперёд, рушась на город, разбивая здания у ледяной стены, погребая под собой полосы магмы и потушив то огненное создание, которое пришло на материальный план через разрывы Зака.

Кэтти-бри оказалась на земле, и она была не одна. Только Джарлакс остался стоять — хитрый пройдоха, у которого на всё был ответ, прочитал заклинание левитации и поднялся прямо над содрогающимися, дрожащими, бьющимися камнями. Мощный поток льда, воды и ветра ударил во всех четверых.

Затем всё стихло, успокоилось, и воздух очистился, обнажая исполинский кусок льда, наполовину погружившийся в небольшое озеро, наполовину — выступающий наружу, который мог бы похоронить их всех на месте, если бы Кэтти-бри не почувствовала угрозу и не среагировала.

— Что ты узнала? — спросил у неё Джарлакс, помогая подняться.

Её взгляд не отрывался от высокой стены льда.

— Ледник, — пробормотала Кэтти-бри. — Он живой.

— Живой?

— Мегера, — сказала она. — Как Мегера.

— Я так понимаю, мой кнут ему не понравился, — сухо заметил Зак.

— Или мой призыв к царству пламени, — ответила Кэтти-бри.

Они привели себя в порядок и как можно скорее направились прочь, покидая долину в направлении, противоположном тому, откуда пришли. Как только они ушли достаточно далеко, они остановились на привал, оглядываясь на далёкое теперь поселение и ледник.

— Нам стоит держаться от этого льда подальше, — заметил Энтрери.

— Но Доум'вилль там, если она жива, — призналась Кэтти-бри и почувствовала на себе удивлённые взгляды остальных.

Воцарилась долгая пауза.

— Ледник? Ну, и как по-твоему мы туда попадём? — недовольно спросил Энтрери одновременно с Джарлаксом, который спросил: — Ты уверена?

Кэтти-бри на несколько мгновений задумалась, потом покачала головой.

— Это догадка, — призналась она. — Но это то, что я почувствовала. И если она в леднике, а может — за ледником, я думаю, что она всё равно очень далеко.

— Тогда что нам делать? — спросил Энтрери, голос которого с каждым вопросом без ответа становился всё резче от недовольства.

Джарлакс подошёл к горному склону на краю тропы, воспользовался своей левитацией и поднялся по стене.

— Ледник тянется на долгие мили, — крикнул он со своего насеста. — За ту последнюю линию гор и дальше по ледяной равнине. Давайте спустимся и пройдем вдоль него. Будем часто использовать Хазид'хи, и таким образом сможем понять, когда мы пройдем мимо Доум'вилль.

— Если пройдем, — поправил Энтрери достаточно тихо, чтобы Джарлакс его не услышал.

Кэтти-бри посмотрела на мужчину и хотела упрекнуть его в пессимизме, но в этом случае сочла замечание вполне уместным.

Они прокладывали путь среди горных склонов, идущих почти параллельно леднику, а солнце продолжало кружить над ними, шпионить за ними, час за часом и весь следующий день, хотя теперь оно как будто находилось ниже, чем тогда, когда они впервые прибыли на крайний север, несколько десятков дней тому назад. В те часы, когда оно заходило за горы, темнело достаточно, чтобы они могли видеть звёзды. Те были тусклыми, но заметными.

Это заставило Кэтти-бри вспомнить годы, проведённые в Долине Ледяного Ветра. Там дни были долгими летом, но очень короткими — зимой.

Она не знала точную дату, но девятый месяц, элейнт, давно уже наступил, и приближалось осеннее равноденствие.

Элейнт Увядающий, как его звали.

Непрестанная слезка солнца сводила с ума, но женщина задумалась, не начнут ли они вскоре за этим скучать.

Она вздрогнула от таких мыслей — а может быть, причиной дрожи был холодный северный ветер, на этих открытых горных высотах пронизывающий её до костей. Он был достаточно холодным, чтобы пробиться через волшебную защиту, которая действовала лучше любой одежды, любого количества меха, которое она только могла надеть.

Она снова вздрогнула, на сей раз зная, что причина дрожи — страх того, что может произойти, когда солнце опустится за горизонт и настанет северная ночь.

Спускаясь по последней каменной тропе на ледистую равнину, они получили

небольшое укрытие от ветра. Слева от них тянулись горы, сколько хватало глаз; справа — утёс, и когда тропа немного изогнулась, они разглядели за горной стеной высокую поверхность огромного ледника, сейчас показавшегося Кэтти-бри спящей исполинской белой змеёй, вытянувшейся во всю длину на льду, положив голову на горы.

Они вышли с камня на лёд и продолжали двигаться дальше. В какой-то момент Джарлак воспользовался указывающим направлением шаром, но после нескольких попыток бросил его обратно в бездонную сумку. Он, оно, по какой-то причине не мог определить, где находится север. Однако они продолжали двигаться дальше, по слою льда, с высоченной стеной ледника всего в нескольких сотнях ярдов справа. На каждом шагу в них били крошечные льдинки, подхваченные ветром.

В какой-то момент Джарлак вызвал своего коня-кошмара, предложил Энтрери сделать то же самое, и четверо помчались галопом.

Но недолго, до тех пор, пока один из адских скакунов, на сей раз — принадлежащий Джарлаксу, не начал спотыкаться, храпеть и протестующее мотать головой, когда его магия стала быстро иссякать.

Джарлак развеял коня, и Энтрери последовал его примеру.

— Надо убраться подальше от этой штуки, — сказал дрожащий Энтрери, возвращая статуэтку в свой поясной кошель. Он указал подбородком на исполинскую стену льда.

— Думаешь, это ледник всему причиной? — Джарлак тоже быстро тёр ладони друг о друга. — Думаешь, он нападает на нас?

— Нет, — ответила Кэтти-бри, опередив Энтрери. Когда все остальные поглядели на неё, она продолжила: — Я не чувствую его присутствия и сомневаюсь, что он вообще знает, где мы.

— Он обрушил на нас стену льда, — напомнил ей Энтрери.

— Не на нас, — поправила Кэтти-бри. — На щель, ведущую на план огня. Ему не слишком понравилось это вторжение. Я остро почувствовала его изумление и гнев. Теперь, сосредоточившись на кольце, я не чувствую этой злобы.

— Выходит, это ледяной предтеча? — спросил Энтрери. — Или бог холода?

— Я не знаю, — призналась Кэтти-бри. — Я думаю, это какое-то могущественное элементарное создание — или что таковое находится внутри ледника. Я никогда не слышала о ледяном предтече, но с другой стороны — я не слышала и про огненного, пока мы не отправились в Гонтлгрим. В поселении я почувствовала примитивную реакцию на огонь.

— Мы разводили огонь и до того, но ледник не жаловался, — указал Джарлак.

— Но не брешь на план огня, — заметил Зак и снял рукоять с пояса. — Приготовь своё кольцо, и посмотрим, что получится, — сказал он Кэтти-бри, затем призвал клинок света.

На лице Зака отразилось его изумление, когда меч зажёгся — клинок казался слишком слабым, словно более тонкий короткий меч или длинный узкий кинжал вместо того оружия, которым он сражался прежде. Он перекатил в его в руках и заставил клинок смениться кнутом — и это оружие тоже показалось лишь бледным отражением былого могущества.

Зак решительно щёлкнул несколько раз кнутом, пытаясь проделать брешь.

Но ему не удалось извлечь что-то кроме нескольких бледных полосок огня. Планарного разрыва в воздухе не возникло.

Оружейник посмотрел на Кэтти-бри. Та покачала головой.

— Я не чувствую связи с огненным планом и реакции от ледника.

— Оно сломало твоё оружие? — спросил Энтрери.

— Нет, здесь что-то другое, — Кэтти-бри была уверена в этом, хотя и не могла толком сформулировать, в чём дело.

— Как бы то ни было, даже для нашей магии здесь становится слишком холодно, — сказал Джарлак. Он снял свою шляпу и достал небольшой круглый клочок чёрной ткани. — Давайте укроемся от ветра, согреем ноги и решим, что делать дальше.

Он бросил ткань на лёд, рассчитывая проделать для них дыру, но ткань просто приземлилась и осталась лежать. Не удлиняясь, не создавая проход.

Казалось, это просто кусок ничем не примечательного бархата.

Ветер набрал силу и стал сдувать ткань, и лишь быстрая реакция Энтрери, который выхватил её из воздуха, предотвратила потерю одной из самых ценных игрушек Джарлакса.

— Что это было? — спросил Энтрери, но Джарлак просто стоял, уперев руки в бока, тупо глядя на стену.

— Сначала шар, указывающий направление, потом кошмары, потом солнечный клинок, теперь твоя переносная дыра, — заметил Энтрери.

— Нет, — поправила Кэтти-бри. — Сначала мои заклинания.

Она посмотрела на Зака и указала на его плечо.

— Последнее исцеляющее заклинание, которое я на тебе использовала.

— Оно сработало, — напомнил он ей.

— Да, но казалось... странным. Магия здесь изменена — может быть, дело в солнце и холоде, в бледном свете. Я не знаю. Но теперь я чувствую, что она не просто изменена — и, может быть, она иссякает.

Она посмотрела Джарлаксу в глаза.

— Нам следует вернуться домой.

Он стиснул зубы. Он покачал головой и, что весьма нехарактерно, как будто готов был заплакать от ярости.

— Становится холоднее, — сказал Зак.

— Нет, — возразила Кэтти-бри. — Вокруг нас холоднее не становится. Слабеет наша магическая защита.

Джарлак сунул руку в бездонный кошель и достал оттуда растопку.

— Мы ещё не проиграли, — сказал он им. — Давайте найдём какое-то укрытие и разведём костёр.

Но Кэтти-бри покачала головой. Она сделала глубокий вдох и сжала кольцо на её левой руке большим и указательным пальцами правой — кольцо защиты от стихий, которое дал ей Джарлак.

— Если я его сниму, мне снова придётся привыкать к нему? — спросила она бродягу.

— Что ты делаешь? — спросил Энтрери.

— Хочу измерить, какую защиту эти предметы дают нам на самом деле, — объяснила она. — Могу я сразу же надеть его обратно и почувствовать его магию?

— Да, — сказал Джарлак. — Ты настроена на его силу.

Кэтти-бри сделала глубокий вдох, затем стянула кольцо. Её глаза расширились, она охнула, затем натянула его обратно.

— Если эта магия перестанет действовать полностью, никакое убежище с костром нам уже не помогут... Нам нужно убираться отсюда немедленно, — сказала она. — Кольцо действует, но не так, как прежде.

— Мы зашли слишком далеко, чтобы всё бросить, — возразил Джарлак.

— Но никуда не добрались, — заметил Энтрери.

— Или возвращаетесь со мной, или я вас брошу, — предупредила Кэтти-бри не оставляющим места для дальнейших дебатов тоном. Она протянула руки и посмотрела на троих спутников. Энтрери и Зак оглянулись на Джарлакса в поисках руководства.

Кэтти-бри не дрогнула, не моргнула, и не опустила рук.

— Нас постигла неудача, — сказала она. — И я не хочу умирать вот так.

Зак первым нарушил ряды, схватив её за руку и протянув другую свою руку Джарлаксу. Наёмник замешкался. Но когда Энтрери тоже взял руку Кэтти-бри, у раздражённого дроу просто не осталось другого выбора. Он принял протянутые руки, замыкая кольцо, и Кэтти-бри прочла своё самое могущественное заклинание, которое очень долго и тщательно готовила ещё до начала их путешествия. Это было настоящим спасением — двумер, который должен был вернуть их в Длинное Седло.

Слово возвращения.

Ничего не произошло.

Кэтти-бри уставилась в пустоту. Она знала, что магия слабеет, но чтобы это заклинание полностью её подвело...

— Боги, — выдохнул Энтрери.

— Нам нужно найти укрытие, — сказал Джарлакс. — Немедленно.

Они двигались как можно быстрее, подавшись к стене ледника, чтобы посмотреть, не найдётся ли там пещер или углублений.

Спустя какое-то время Энтрери заметил одно. Он указал им прямо на массивный ледник и широкий разлом в его поверхности.

— Сдаётся мне, это не лучшая мысль, — заметил Закнафейн.

— Разве у нас есть выбор? — парировал Энтрери.

— Идём, — сказала им Кэтти-бри, пытаясь поднять быстро исчезающий боевой дух. — Всё будет хорошо. Может быть, из-за холода я запнулась или сделала что-то неправильно, когда читала заклинание. Под защитой от ветра будет лучше.

И они пошли — теперь, когда у них была видимая цель, быстрее. Ледник нависал всё выше и выше. Приблизившись к нему, они замедлили шаг — огромная река льда возвышалась над ними на сотню футов, разлом был примерно тридцати футов в ширину и тянулся от основания до самой вершины, открываясь небу.

Они вошли в разлом осторожно, однако немедленно почувствовали облегчение, когда ветер вокруг них ослабел. Но недостаточно, чтобы можно было развести огонь, и недостаточно, чтобы они могли выжить достаточно долго. Не было другого выбора, кроме как идти глубже — на сотню шагов, на две сотни.

— Становится теплее, — удивлённо заметил Закнафейн.

— Стены льда служат нам одеялом, — предположил Энтрери.

— Нет, — раздалось позади возражение Кэтти-бри, и когда все трое повернулись, они увидели, что женщина держит в руке своё защитное кольцо, которое она снова сняла с пальца. — Дело не только в этом.

— Насколько здесь холодно? — спросил удивлённый Закнафейн.

— Прохладно, не холодно, — ответил за ней Энтрери, который тоже снял своё кольцо.

Он посмотрел на Джарлакса. — Что это за место?

— Я не знаю. Может быть, чудовище тёплое внутри?

Они продолжили путь и столкнулись с другим сюрпризом, когда пол разлома

превратился в неглубокую лужу, а затем лёд сменился почвой, поначалу твёрдой, как в тундре, но даже это стало изменяться по мере их продвижения.

Они слышали бегущую воду ещё прежде, чем вышли к ней — к небольшому потоку, текущему перед ними в Т-образном перекрёстке разлома. Тоннель значительно расширился в обе стороны, и на каждом берегу небольшого ручья было достаточно твёрдой и сухой земли, чтобы они могли пройти. Шириной ручей был примерно в рост дроу. С проточной воды поднимался пар.

Энтрери первым наклонился, осторожно коснувшись, а затем и полностью опустив ладонь в воду.

— Тёплая, — сказал он остальным, вынимая ладонь. — Даже горячая.

Кэтти-бри, Джарлак и Энтрери ненадолго остановились, чтобы осмотреть неожиданный канал, а Закнафейн сбегал налево, вглубь ледника, на разведку.

— Нам стоит перекусить, — сказал Джарлак и полез в свою бездонную сумку. Его рука погрузилась совсем неглубоко и достигла дна. Джарлак широко распахнул глаза от потрясения.

— Что? — спросил Энтрери.

— Кошель. Еда. Я не могу до неё добраться.

Кэтти-бри начала читать быстрое заклинание, и когда она закончила, но ничего не произошло, она мрачно покачала головой.

— Не могу наколдовать еды. Я не слышу магии, не слышу ни слов Миликки, ни песен Пряжи Мистры.

— Сюда! — услышали они голос Зака, и повернувшись, увидели, что оружейник махает им у того места, где коридор делал поворот.

За этим поворотом открытый небу проход превращался в тоннель с высоким потолком, но лишь на короткое расстояние, прежде чем снова открыться сверху — в более широком помещении. Ручей тёк по его правой стороне, а остальное, около четверти акра земли, было покрыто травой и цветами, и кустами, полными ягод.

И счастливо гудящими пчёлами, совершенно не замечающими гостей.

— Боги, — прошептала Кэтти-бри.

— Что это за место? — снова спросил Артемис Энтрери, но другим не хватало воздуха и тем более слов, чтобы ему ответить.

Когда Кэтти-бри очнулась от долгого и приятного сна, ей пришлось потратить немного времени, чтобы напомнить себе, что всё это по-настоящему. Цветы были настоящими, насекомые были настоящими, и ежевика, малина и земляника тоже были настоящими.

И здесь, в этом месте, окружённом исполинскими стенами льда, тепло тоже было настоящим! Тогда как снаружи бушевал воющий ветер, в мгновение ока способный превратить её в ледышку.

Когда её мысли и чувства полностью вернулись в настоящее, первым, что она заметила, взглянув прямоком в открытое небо над головой, было то, насколько потускнел свет. Она понимающе кивнула. Наступали долгие зимние ночи. Будет ли когда-нибудь снова день?

— Шшш, — сказал Джарлак, присаживаясь поблизости, и она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Он дал ей знак сесть и взглянуть в другой конец этого пространства.

Она приподнялась на локтях, захваченная зрелищем, затем медленно села, не делая резких движений. У широкой части ручья собралось семейство белых лисиц. Одна взрослая

лисица наблюдала, другие пили, а три щенка катались по земле и траве вдоль берега.

— Они нас видели и как будто не боятся, — прошептал Джарлакс.

— Наверное, у них нет никакого опыта встреч с такими, как мы, — прошептала в ответ Кэтти-бри. До псовых было не больше двадцати шагов. Она подумала, не приготовить ли заклинания дружбы или общения с животными, чтобы разузнать о местности при помощи этих мелких хищников, но ей не требовались заклинания, чтобы понимать, что лисы чувствуют себя здесь совершенно спокойно, что они знакомы с этой палатой.

Кроме того, она была практически уверена, что магия не сработает, несмотря на очевидно волшебную природу этого места.

Два щенка продолжали кувыркаться, но третий их заметил и начал с любопытством, хотя и без опаски, приближаться. Он быстро преодолел половину расстояния, и взрослый лис, наблюдавший за остальными, как будто это заметил, однако только зевнул.

Кэтти-бри почувствовала на себе взгляды товарищей, но могла лишь пожалть плечами в ответ. Лисёнок продолжал приближаться и начал тявкать. Взрослые лисы как будто не беспокоились. Другие два щенка тоже направились к неожиданным гостям.

Первый щенок подошёл прямо к ногам Кэтти-бри, принюхался, потом прыгнул на одну ногу и начал бороться и жевать.

— Прирученные? — спросил Джарлакс.

— Но кем? — спросил Энтрери.

— Ими, — ответила Кэтти-бри, которая находилась ближе всего к тоннелю, из которого они вышли в это помещение, и смотрела мимо друзей, вглубь разлома. Она втянула в себя воздух, её глаза не моргали.

Другие медленно обернулись.

Пять фигур стояли у входа в палату, одетые в странные чёрные костюмы, которые казались цельным куском ткани от ног до ворота, и в плащи, подбитые густым белым мехом, похожим на мех пришедших в палату лисиц.

У каждого из новоприбывших был в руках готовый к стрельбе арбалет, и это заставило Кэтти-бри присмотреться к ним получше, чтобы подтвердить то, о чём сразу же сказали ей глаза, но разум отверг из-за чистой нелепости, чуждой природы их облачений.

Это были дроу.

Глава 14

Там, где текут горячие источники

— У нас нет магии и мало оружия, — прошептала друзьям Кэтти-бри, поднимая руки в знак того, что сдаётся. Она не верила своим глазам — ведь это действительно были дроу, никаких сомнений. Цвет их волос и оттенки кожи, хоть и различавшиеся, обладали характерной смугло-серой основой. Патруль из Мензоберранзана выглядел бы точно так же, не считая одежды, мечей и коротких копий, которыми они были вооружены. Материал их клинков был незнаком Кэтти-бри — те были белыми или синевато-белыми, а один даже полностью сиял голубым. С такого расстояния было не разглядеть, но оружие было похоже скорее на лёд, чем на сталь, казалось почти полупрозрачным — а может быть, подумала она, представляло собой что-то вроде стального стекла. Она медленно двинулась к новоприбывшим, подняв пустые руки.

Остальные её три товарища, все сидевшие на земле, не шевелились и просто глядели на дроу, которых было так неожиданно здесь повстречать.

А вот семейство песцов при их виде бросилось бежать, но не прочь. С визгом и тьяканьем они помчались к дроу, взрослые собрались перед ними и взволнованно уселись, один лис поднял лапу и поскрёб воздух.

Самая дальняя от товарищей фигура вернулась обратно в тоннель и начала сигналить при помощи рук.

Закнафейн, который находился ближе всего к новоприбывшим, стал шевелить пальцами, повторяя жесты странного дроу.

— Он зовёт остальных, — прошептал Джарлак Кэтти-бри.

— Нам надо бежать, — прошептал Энтрери.

— Назад на мороз? — не скрываясь, спросила Кэтти-бри. — Мы погибнем.

При звуке её голоса на них немедленно нацелилось пять арбалетов. Один из ближайших дроу спросил:

— Как вы сюда попали?

Кэтти-бри не сразу поняла его слова. Она немедленно узнала язык дроу, но диалект и синтаксис звучали для неё иначе, нежели в том языке, на котором говорили в Мензоберранзане — а одно слово она не узнала совсем. Пугающим образом синтаксис напомнил ей о разговоре со слаадом, который притворялся дроу, в пещере, что стала их первым укрытием в северных землях.

— Они знают бесшумный язык жестов, — прошептал Джарлак, чтобы слышали его товарищи поблизости. — Сумела бы огромная лягушка им воспользоваться?

— Но разговаривают они похоже, — таким же тихим тоном ответила Кэтти-бри.

— В этом нет ничего удивительного, если то чудище думало, будто имеет дело со здешними дроу, не так ли?

— Не говорите им ничего о сражении в пещере, — прошептал Энтрери. — Ничего.

— Как вы сюда попали? — спросил дроу-мужчина ещё раз, более настойчиво.

— Приветствую, — ответил Джарлак на языке дроу, используя свой самый обаятельный и дружелюбный голос, как будто они были старыми друзьями. — Мы пришли

сюда просто чтобы спастись от холода.

— Продолжай, — сказал ему ближайший из новоприбывших.

— Мы бы погибли снаружи. Мы удивились, когда обнаружили здесь тепло, но без него... — Джарлакс не закончил фразу, просто пожав плечами.

— Мы спрашиваем не об этом. Как вы вообще оказались в этом регионе?

— Мы несколько десятков дней шли пешком, разыскивая давно пропавшую подручную.

— И несколько десятков дней было холодно, — с подозрением сказал тот же самый дроу. Кэтти-бри заметила, что его лицо обладает немного более острыми чертами, чем у большинства знакомых ей дроу. Его белые волосы обладали слабым лавандовым оттенком и, собранные на затылке, достигали плеч. Его глаза светились красным. — А вы неподходяще одеты для снега и ветра.

— Их магия отказала, — вмешалась другая из группы, женщина с длинными и густыми белыми волосами, собранными сбоку сверкающей синей заколкой. Другие кивнули.

— Вы были защищены, а теперь нет, — сказал первый Джарлаксу.

— И не можем добраться до припасов, — подтвердил Джарлакс, сунув руку в свой кошель. — Он тоже зачарован.

Он огляделся вокруг.

— Сожалею, но мы действительно съели кое-что из плодов этого места. Мы не знали, что эта земля кому-то принадлежит.

— Не следует об этом беспокоиться.

— Мы бы ушли, но тогда наверняка погибнем.

Расспрашивающий их дроу посмотрел на своих спутников и обменялся с ними кивками. Дроу опустили арбалеты. Затем из-за поворота вышли другие, и ещё несколько спустились по стенам ледника, приземлившись наготове у выхода.

— Кто ты? — спросил он Джарлакса, затем указал на наёмника и уточнил: — Ты лично.

Бродяга медленно выпрямился, показывая руки, затем отвесил вежливый поклон.

— Меня зовут Джарлаксом.

— Я Эмилиан, — ответил дроу.

— Рад знакомству.

Тот всего лишь кивнул. Пятеро дроу, что неудивительно, казались более заинтересованы в Кэтти-бри и Энтрери, чем в двух сородичах. Троица шепталась между собой.

— А она — что такое? — спросил Эмилиан, указывая на Кэтти-бри.

— Женщина.

— Очевидно, но *дартурии*? *Китрай*? А он? *Китрай*, да?

— Мы оба люди, — ответила Кэтти-бри, которая прекрасно поняла, что Эмилиан спрашивает, являются ли они с Артемисом эльфами или полуэльфами.

— Люди? — повторил явно растерянный Эмилиан. — Я никогда не видел таких людей. Его кожа слишком смуглая, а она слишком высокая.

— Южане, значит, — сказала женщина-дроу рядом с Эмилианом.

— Да, с юга — по крайней мере, если мерить отсюда, — ответил Джарлакс, бросив на Кэтти-бри взгляд, умолявший оставить разговоры ему. — Она из-за моря Движущегося Льда, а он — из намного более далёких краёв, из земли горячих песков и высокого солнца.

— Вы далеко от дома, — сказала женщина-дроу.

— Вы сказали — подручную, — напомнил Эмилиан.

— Да. Ну, знакомую, — поправился Джарлакс. — Женщину — наполовину дроу,

наполовину эльфийку.

— Её имя?

— Её звали Доум...

— Доум'вилль, — закончил за него Эмилиан. — Крошка Доу.

Кэтти-бри охнула.

— Боже, меч был прав. Она жива.

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросил Эмилиан.

— Я говорю на общем дроу, — ответила она. — Он лишь немного отличается от вашего...

— То, что ты называешь общим дроу, испорчен звуками нижних планов, — сказала ей женщина-дроу. — Наши далёкие родичи слишком долго жили рядом с другими народами в глубинном Подземье, и их язык изменился.

— Если вы знаете Маленькую Доу, то знаете, что мы не враги, — сказал Джарлакс.

— При нашей первой встрече Доум'вилль была врагом, — резко ответил Эмилиан. — Здесь вам не найти Паучьей Королевы.

— Хорошо, — в один голос произнесли Зак и Энтрери, громко выдохнув с облегчением.

— Я не вернусь в темницу дровских жриц, — тихо добавил Энтрери. — Лучше умру здесь.

— Это Кэтти-бри, — объяснил Джарлакс, махнув рукой, чтобы заставить Энтрери замолчать. — Вы могли слышать о ней — или о её муже, Дзирте До'Урдене.

Эмилиан огляделся вокруг, но остальные лишь покачали головами.

— Она эвендроу? — спросил Эмилиан.

— Эвендроу? — повторила Кэтти-бри.

— Вечер, — сказал ей Джарлакс. — Дроу лунного света, эвендроу.

Кэтти-бри и остальные призадумались. Кэтти-бри глядела на Джарлакса и оценивала его. Немало предыдущих загадок стали обретать для неё смысл, но здесь было не то место, чтобы бросаться обвинениями.

— Я жрица, но не Ллос, — сказала она. — Едва ли. Моя богиня — Миликки.

Она рисковала, признаваясь в этом, но если этот народ жил в такой очевидной гармонии с подобной жестокой средой вокруг, был шанс, что они хотя бы слышали о богине природы.

— Лесная Королева.

Выражения их лиц и кивки сказали ей, что она могла наткнуться на что-то позитивное.

— Я бы обратилась к ней для вас, — продолжала она, — но богиня как будто меня не слышит.

— Я Илина, — сказала женщина. — Ваша магия пострадала из-за Сумеречной осени. День кончается, начинается ночь. Во время этого перехода воздух наполняется собственной магией. Не остаётся места для шёпота ваших богов или чар древней Пряжи Мистры. На протяжении следующих десяти дней не будут летать даже драконы. После этого, ваша магия медленно к вам возвратится.

— Драконы? Чудесно, — пробормотал Энтрери.

— В этом случае, если нам позволят, мы подождём — прямо здесь, если вы не против — до тех пор, пока не сможем покинуть это место, — сказал Джарлакс. — И, если возможно, мы заберём Доум'вилль.

— Нет, — сказал Эмилиан. — Вы здесь не останетесь. Что же до вашего ухода, на этот

вопрос предстоит ответить другим.

— А Доум'вилль? — спросила Кэтти-бри.

— Бросьте оружие, — ответил, не отвечая, Эмилиан. — Всё до единого, и следуйте за нами.

Товарищи с сомнением переглянулись, но выбора у них не было. Без магии, без Тулмарила, Гвенвивар, солнечного клинка и адских коней — без всех игрушек Джарлакса — у них почти не было шанса прорваться с боем, да и куда им было идти после этого?

В молчаливом согласии они встали и положили оружие на землю. Окружённые дюжиной дроу с оружием в руках, после этого они отправились в путь, направляясь глубже в ледниковый разлом.

Кэтти-бри получила небольшую надежду, когда они уходили — Илина и ещё одна из отряда остались позади. Они кормили и игрались с семейством лисиц.

Радость игры отличалась от всего, что она могла вспомнить про Мензоберранзан.

Часть 3

Каллида

Что за могучая сила — эта одержимость, этот страх смерти. Разве может быть иначе для разумного и смертного существа? По крайней мере, смертного в этой форме.

Нас учат с детства — а может быть, это даже врождённое у всех разумных существ — готовиться к будущему, предпринимать действия, которые приведут нас туда, где мы, как считаем, хотим оказаться. Боги Фаэруна основали на этом разделение сфер своей власти! Поскольку настоящее будущее, как мы знаем, ждёт не в этой короткой жизни, но в том, что случится дальше, если случится (а если нет — то это, вероятно, самый жестокий вариант).

И всё же — как мы можем подготовиться к этому иначе, чем посвятив себя делам веры? Мы ищем доказательства — я встречал серьёзные улики в моём путешествии к трансценденции — однако всё, что мы видим, остаётся лишь уликами и ничем более. Это — последняя загадка жизни, величайшая из всех.

Моё путешествие с Киммуриэлем удивило меня самым чудесным образом. Увидеть его, самого безэмоционального среди всех моих знакомых, вовлечённым в подобные дискуссии о смысле и месте, о назначении жизни и надеждах на то, что произойдёт после неё, было не просто неожиданно. Это было как минимум шокирующе.

Одарённость Киммуриэля несомненна. Он часто находится в необъятной библиотеке иллидского разума улья, его сознание легко порхает среди воспоминаний и выводов из этого обширного репертуара истории и опыта. Он в совершенстве овладел магией, кардинально отличающейся от магии жриц вроде Кэйти-бри, волшебной силой, не полагающейся на идею божественности. Он овладел магией, кардинально отличающейся от магии Громфа, ведь волшебство Киммуриэля не зависит ещё и от Пряжи, от силы стихий, от обуздания природной энергии. Его магия чисто интеллектуальная, исключительно вопрос контроля над собственными мыслями и эмоциями и использования этой интеллектуальной силы в качестве оружия или инструментов вора.

И всё-таки он был рядом со мной, без вопросов подчиняясь моим требованиям, обнажив собственную уязвимость в виде надежд и страхов в его попытке распутать эту величайшую из загадок.

И более того — я видел, как это путешествие привело его за пределы его собственного мысленного пространства в мир вокруг, включая приоритет долга перед сообществом над долгом перед собой — я никогда бы не подумал, что он станет рассматривать возможность присоединиться к грядущей битве за Мензоберранзан из соображений альтруизма и морали. Только не Киммуриэль, путешествие которого изумляет меня даже сильнее, чем путь, проделанный Джарлаксом. Действия Джарлакса всегда намекали на то, что было в его сердце, какие бы оправдания для своей неизменной щедрости и заботы он ни изобретал. Откровения Киммуриэля удивляют меня больше, чем путешествие, которое я видел в Артемисе Энтрери, путь которого провёл его через личную тьму, через неспособность смотреть в зеркало и не испытывать ужас при виде своего отражения. Поскольку Энтрери был жертвой в той же степени, что и злодеем.

Он удивляет меня даже больше, чем путешествие Даб'ней, или то, на что я надеюсь в верховной матери Мензоберранзана и других «истинных» последователях омерзительной Демонической Паучьей Королевы. И хотя я подозреваю — и небеспочвенно — что эти сомнения относительно жречества Ллос также произвольно служат Паучьей Королеве, демонической богине, которая превыше всего ценит борьбу и хаос, я убеждён, что те, кто увидел чудовищную правду о Ллос, уже никогда не вернуться к прежним воззрениям и скорее даже умрут.

Наблюдение за духовными путешествиями всех этих личностей, включая мою собственную жену, служит прекрасным напоминанием мне всегда проявлять терпение к тем, кто приходит к отличным от моих выводам, и не ставить себя превыше них.

Большую часть жизни я завидовал тем, кто нашёл свой ответ, своё спасение, свою запланированную и ожидаемую жизнь после смерти. Я говорю это вовсе не с насмешкой, и совсем без мыслей о том, что я каким-то образом лучше них, или что я прав или лучше информирован, раз не разделяю их убеждённости. Ведь я с самого начала понимал, что этой веры, этого понимания мультивселенной и собственного существования за пределами смертной оболочки, нельзя достичь при помощи силы воли или разума. Оно либо происходит, либо нет. Либо откровение случается, либо нет. Я имею в виду истинно верующих, а не тех, кто исповедует религию просто по традиции.

И поэтому я вполне искренне говорю о зависти к тем, кто нашёл своё откровение, ведь я сам долго этого ждал. Теперь я тоже его нашёл. По меньшей мере, я понял, пускай и на время, что меня ждёт нечто большее, нечто величественное, нечто освобождающее — освобождающее от этой одержимости и страха абсолютного конца.

Давным-давно я назвал себя свободным, потому что знал, что однажды умру. Это напоминало мне наслаждаться каждым рассветом и каждым закатом, радоваться вещам, которые многие принимают как должное.

Теперь я ещё свободнее, поскольку получил своё откровение.

И теперь я ещё более убеждён в своём агностицизме, поскольку ко мне присоединился Киммуриэль, друу с огромным интеллектом и неизмеримыми познаниями.

— Дзирт До'Урден

Глава 15

Эвендроу

— Эта пещера называется Каскатта, — пояснила Кэтти-бри и остальным Илина, когда они пересекли возвышенность и вошли в большое помещение, почти целиком покрытое льдом, но открытое небу, благодаря чему внутрь проникало достаточно слабого света, чтобы можно было оценить размер и величие Каскатты.

Пещера была многоярусной, со множеством синевато-белых ледяных образований, самыми примечательными среди которых были застывшие водопады, некоторые — широкие, с ледяными струями, другие узкие и цепляющиеся к каменным стенам. Кэтти-бри казалось, что пещера растаяла весной, и застывшая вода бьёт из камней, замерев во времени, как будто сцена была изображена художником на картине.

Здесь было холоднее, чем в предыдущей области, где горячий источник был сильнее и ближе, но не настолько холодно, как снаружи. Стало теплее, когда хозяева провели их на более широкое место, где был участок вовсе не ледяной и холодный, а с бегущей водой и покрытыми растительностью берегами — цветы, по большей части. От тёплой воды поднимались ключья тумана, создавая размытость, резко контрастировавшую с чёткостью зрелища, открывавшегося сверху. Посмотрев за ледяные наросты, за сверкающие колонны застывшей воды, за сталагмиты тёмного камня и синего льда, за струи водопадов, Кэтти-бри заметила другие огни — огни домов, и даже одно-два здания.

— Просто несколько живущих здесь семей, — объяснила Илина, и как только она закончила фразу, раздался собачий лай. Эхо доносилось до них со всех сторон. А может быть, это были другие псы, которые ответили на лай — Кэтти-бри не могла сказать. Вся пещера казалась живой от криков, от музыки.

Отряд обошёл череду сталагмитов у левой стены пещеры. Та резко открывалась справа, и четверо товарищей из южных земель увидели ещё один странный вид, поразительный и шокирующий. Под крышей из струй водопада располагался небольшой дом из дерева и камня. У дома был двор, ограждённый деревянной оградой, который ближе к зданию был каменным, но затем становился земляным, а ближе всего к ним — длинным и узким садом.

— Надо было взять с собой Пайкела, — пробормотал Джарлак, и Кэтти-бри чуть не хихикнула, подумав, что да, дварфу-друиду понравилось бы это зрелище, особенно то, как расположен был сад, чтобы улавливать свет, отражающийся от различных сверкающих ледяных поверхностей.

Она хотела сказать об этом Джарлаксу, когда подняла взгляд и ещё лучше осознала, почему бродяга вспомнил про необычного дварфа. Потому что на небольшом крыльце дома перед ними стояла ещё более необычная семья дварфов — если это вообще были дварфы! Поначалу она приняла их всех за детей, поскольку они были крошечными, даже ниже, чем Реджис, и только у одного была борода, хотя и небольшая, вместе со вьющимися усами.

— Дварфы? — охнув, сказала она скорее вопросительно, чем утверждающе.

— *Инугаакаликурит*, — ответила Илина.

— Что? — переспросил Закнафейн.

— Можно просто курит, если от полного имени у вас язык заплетается.

— Значит, дварфы.

Белее, чем поле свежего снега, с острыми лицами и вьющимися белыми волосами, этот народец обладал мускулами и толстыми конечностями дельзунских дварфов, но с такими короткими фигурами они казались поперёк себя шире. И несмотря на всю эту странность, на лице каждого из пяти, стоявших перед ними, выделялись большие голубые глаза — ярко-голубые, почти сияющие.

— Да.

— Тогда почему бы не называть их так?

— Так они зовут себя, — сказала Илина.

— А как зовёте их вы? — спросил Зак.

— Этого я зову Канак, — со смехом ответила женщина-дроу. — Потому что таково его имя.

— *А'аха'иле*, Илина, — сказал дварф с бородой и вьющимися усами. — Нашла новых заблудших, кда, что не, а?

Кэтти-бри посмотрела на Джарлакса, но тот лишь пожал плечами, такой же растерянный и изумлённый, как и она.

— Это они нас нашли.

— Новые эвендроу? — Канак казался по-настоящему изумлённым — как и другие дварфы на крыльце.

— Похоже на то, *амико*, — ответил Эмилиан.

— Что не, а, — сказал Канак, качая головой. Длинные и вьющиеся белые волосы мотались по его широким плечам.

— Амико? — прошептал тихонько Зак.

— *Аббил*, — ответил Джарлакс словом «друг» на языке дроу.

Затем пришли новые представители крохотного народца, дварфы инугаакаликурит — около дюжины, а с ними стая крупных собак с широкой грудью и золотистой шерстью. Собаки скакали и лаяли, бросившись на группу нарушителей. Кэтти-бри пригнулась в оборонительной стойке, решив, что на них сейчас нападут, но у псов не было таких намерений. Их лай стал игривыми визгами, и мотая хвостами, они наградили гостей дроу не укусами и царапинами, а прыжками и попытками облизать.

Кэтти-бри смотрела, как Илина сунула руку в сумку, достала пригоршню угощений и бросила его в воздух. Псы бросились в воздух, пытаясь поймать угощение, а затем принялись радостно вынюхивать на земле то, которое пропустили.

— Нам нужна палата, — сказал Канак Эмилиан. Дварф кивнул и отправил одного из малышей — его детей, похоже — бегом в небольшой домик. Мгновением позже тот вернулся с огромным кольцом для ключей, на котором висел единственный крупный ключ.

— Это плохо звучит, — прошептал Энтрери Джарлаксу, но Кэтти-бри услышала его.

— Просто доверяй им, — прошептал в ответ Джарлакс.

— Как будто у нас есть выбор, — мрачно добавил Закнафейн.

В воздух полетела ещё пригоршня угощений, собаки умчались прочь за падающим кормом, а эвендроу и инугаакаликурит обменялись прощаниями, когда дварфийский ребёнок подошёл и передал кольцо с ключом Эмилиану.

Товарищей провели через пещеру туда, где в высокой стене из камня и льда виднелось несколько проходов в тоннели. Ещё в стене было вырублено небольшое здание, состоящее почти целиком из камня и обладавшее тяжёлой деревянной дверью. Эмилиан отпер замок и

отворил дверь, открывая тёмное помещение за ней.

— Сначала ты, — сказала Илина Кэтти-бри, взяла её под локоть и провела за дверь. Эмилиан оставил дверь открытой, впуская достаточно света, чтобы Кэтти-бри увидела небольшую боковую комнату и рядом с ней большой гардероб с мягкой белой одеждой и толстыми белыми плащами с подбитыми мехом рукавами и воротниками. На полке внизу стояли пары простой и мягкой обуви.

— Возьми один набор одежды и подбери себе обувь, — проинструктировала Илина. — Потом сними свою одежду — всю. И все свои украшения.

— Только не это, умоляю, — ответила Кэтти-бри, показывая фигурку единорога из костей форели, которую носила на цепочке на шее. — И это, — добавила она, показывая обруч, почти целиком скрытый её густыми волосами, серо-зелёную полоску кожи с двумя самоцветами, похожими на кошачьи глаза, которые и дали волшебному предмету название. — Первое — символ моей богини, а второе позволяет мне видеть в темноте.

Едва она договорила, дверь закрылась, окутав их практически непроницаемым мраком и напомнив Кэтти-бри, что её обруч кошачьего глаза всё равно не работает.

Она услышала шорох, и Илина подняла зажжённую свечу.

— Всё, — повторила она. — Прости меня, сестра-жрица, но мы знаем достаточно о мире за пределами нашей родины, чтобы понимать, что даже простейшие и самые безобидные из вещей могут привести к катастрофе, если внутри них содержится достаточно сильная магия. Небольшая эмблема может стать оружием, обруч — гранатой алхимика. В период Сумеречной Осени я не могу обследовать их магические свойства. Снимай их и всё остальное.

— Мне их вернут?

Илина не ответила.

Кэтти-бри со вздохом кивнула. Она разделась догола, затем нашла в гардеробе подходящую пару штанов и рубашку, натянула их. По крайней мере, одежда была удобной, поразительно удобной — мягкая шёлк изнанки приятно ласкала её измученную путешествием кожу. Она сложила собственную одежду и положила все свои вещи в одну кучку, украшения — в отдельный кошель, затем отступила в сторонку. Илина протянула ей плащ, затем собрала её вещи и сложила их в мешок, плотно завязав его, прежде чем вывести девушку из комнаты и обратно наружу.

Несколько эвэндроу собрались у большой повозки, которую вытащили из ближайшего тоннеля группа дварфов и орков.

Орки! Кэтти-бри с любопытством смотрела, как один орк помог Эмилиану поднять большую белую плиту.

— Лёд со дна ледника, — объяснила ей Илина.

Кэтти-бри посмотрела на меч жрицы с его искусно украшенным белым лезвием.

— Он был сжат весом стен ледника на протяжении сотен, тысяч лет, — объяснила Илина. — Он очень твёрдый, как металл.

— Но хрупкий и может растаять.

— Нет. Мы знаем, как обрабатывать его, чтобы предотвратить такие проблемы. Заверяю тебя, укус оружия эвэндроу тебе не понравится.

Последняя фраза вернула Кэтти-бри с небес на землю. Она не знала, была ли это угроза, но и в обратном не могла быть уверена, и это стало прекрасным напоминанием о её положении, одетой как пленница, без оружия или магии, чтобы себя защитить.

Она рефлексивно взглянула на орков, в особенности на орка с белой ледяной плитой, который разговаривал с Эмилианом и смеялся.

Одного за другим чужаков заводили в палату и забирали у них все вещи, включая одежду. Скоро отряд снова двинулся в путь, четверо товарищей были одеты в одинаковую белую одежду, плащи и мягкие мокасины.

Да, они чувствовали себя вполне удобно.

Но прежде всего они чувствовали себя уязвимыми.

И в этой одежде, благодаря которой их легко было распознать, чувствовали себя заключёнными.

Оставив Каскатту, они прошли по открытым небу каналам. Небо стало темнее, чем было с момента их прибытия на север, хотя походило скорее на небо перед зарёй, чем на ночное. Только изредка над головами был лёд, и только на коротких расстояниях. Рядом продолжал бежать ручей с растениями на берегах, жужжащими и ползающими поблизости насекомыми, а однажды стены расступились, открывая широкое пространство с лугом, где паслись целые дюжины белых кроликов. Как и лисы, они не высказали никакого страха перед дроу или новоприбывшими, и продолжали заниматься своими делами, поедая клевер, которым плотно заросла эта поляна.

Кэтти-бри наклонилась над одним крупным кроликом. Она вырвала цветок клевера и протянула его животному. Она испытывала кролика, который действительно подскочил к ней и принял предложенное угощение, но также испытывала и хозяев-дроу, рассматривая Илину краем глаза.

Жрица дроу улыбнулась, и ни она, ни другие не стали одёргивать или торопить Кэтти-бри.

К тому времени, как они подошли к месту, где канал раздваивался — ручей тёк прямо, другой тоннель, закрытый сверху, уходил направо — Кэтти-бри стала немного лучше относиться к этому месту и его хозяевам. Так что когда эвендроу указали на меньший тоннель, она без вопросов подчинилась и ступила туда среди своих товарищей самой первой.

Кроме Джарлакса, который обогнал её уже в тоннеле, двигаясь быстро и нетерпеливо.

О да, подумала она, позднее нам надо будет поговорить.

Тоннель петлял и поднимался. Пол состоял из льда, но не скользкого — его явно сделали шершавым. Они поднялись по вырезанным ступеням и прошли в длинный прямой коридор, другой конец которого как будто открывался в большое помещение. Только добравшись до конца туннеля, Кэтти-бри и её друзья начали понимать, насколько большое.

Только добравшись до конца туннеля, Кэтти-бри и её друзья вспомнили о том, как дышать.

— Узрите Каллиду, округ Скеллобель, — объявил Эмилиан, проведших их на широкой уступ.

Кэтти-бри и остальные ещё не скоро смогли захлопнуть свои отвисшие челюсти. Внизу перед ними простиралась целая долина внутри ледника. Каллида, город этого северного народа, зовущего себя эвендроу, был большим и многолюдным, с садами, домами и даже деревьями. Широкий каменный гребень поднимался почти до вершины ледника, а на его склонах стояли ряды домов из камня и дерева, поднимались вырезанные улицы, петляющие туда-сюда, словно огромные змеи.

— Он больше, чем Мензоберранзан, — услышала она, как шепчет Зак Джарлаксу, и так оно, безусловно, и было.

Кэтти-бри изучала своих спутников-дроу. Она увидела трепет на лице Зака, рот которого по-прежнему был открыт от изумления. Он несколько раз покачал головой, как будто не зная, как ему поступить.

Как и ожидалось, она обнаружила, что Джарлак повёл себя иначе — с меньшим удивлением, трепетом, но более эмоционально. Она увидела слёзы, проступившие в его глазах, зрелище, которого и представить себе не могла, и оно наполнило её неожиданной надеждой.

Да и почему нет, поняла она, снова рассматривая величественное зрелище перед собой, дровский город Каллиду.

Несколько крупных зданий выделялись среди остальных, но ни одно не казалось главным. По меньшей мере одно, может быть ещё два или три, было похоже на храм. Другое прямоугольное строение ничем не отличалось от тех, что можно было встретить в доках Глубоководья. Наверное, склад. Но Каллида, по крайней мере эта секция, которую они называли Скеллобелем, не ограничивалась зданиями, как раз напротив. Больше всего места занимали широкие поля, ограждённые стенами из камней, в том числе — поле сразу под выступом, расчерченное аккуратными рядами листовых растений, среди которых двигались фигуры с большими корзинами.

Перемена ветра донесла до уступа запахи с этого поля.

— Виноградник, — с заметным изумлением произнёс Энтрери.

— Сколько? — спросил Эмилиана Джарлак.

— Сколько? — недоумённо повторил тот.

— Жителей, — пояснил Джарлак. — Сколько в Каллиде обитателей?

— Это Скеллобель, один из четырёх округов, образующих Каллиду, — объяснил дроу. — И самый большой — из-за жителей, которые не являются эвендроу. В пределах открывающегося отсюда вида обитает примерно пятнадцать тысяч эвендроу, но вместе с ними — почти половина от этого числа остальных, вроде курит, которых вы видели в Каскатте, улиуиунов, — людей, вроде двух твоих товарищей — и арктос орокс.

— Орокс? — с некоторой тревогой произнёс Закнафейн.

— Орков, — сказала Кэтти-бри. — Как те, что в Каскатте.

Эмилиан кивнул.

— Рабы? — осмелилась спросить Кэтти-бри, и достаточным ответом для неё стал шок на лицах услышавших это эвендроу.

— В Каллиде нет рабов, — резко ответила Илина. — Ни прежде, ни теперь, никогда.

— Мы очень рады это слышать, — вмешался Джарлак.

— Орки, дварфы и... как вы их называли? — спросила Кэтти-бри.

— Улутиуны, — напряжённо ответил Эмилиан, и Кэтти-бри стало ясно, что прошлый вопрос его беспокоил. — Люди, вроде вас, но немного другие.

— Но никаких эльфов? — спросила Кэтти-бри.

— О да, но не в Скеллобеле, — сказал Эмилиан. — Есть несколько эльфов, которые наткнулись на нас много лет назад. Они зовут себя эладрин.

— Высшие эльфы.

— Да. Они обрели здесь счастье и создали собственные семьи.

— Семьи эладрин? — надавила на него Кэтти-бри, неожиданно очень заинтересовавшись.

— Одну, кажется, — ответил Эмилиан.

— Да, одна пара, — добавила Илина. — У них двое детей. Двое из тех троих, что остались с нами, тоже произвели на свет детей, но лишь наполовину эладрин, конечно же.

Кэтти-бри прикусила нижнюю губу.

— Пятнадцать тысяч эвендроу здесь, или во всех четырёх округах вместе? — спросил Джарлак.

— Здесь в Скеллобеле. Почти вдвое больше в других округах. Пойдёмте. Добро пожаловать в мой дом.

— Сорок тысяч дроу, — прошептал Джарлак Заку.

— Вдвое больше Мензоберранзана, — ответил оружейник.

Слева от них была вырезана в камне длинная лестница, но Эмилиан туда не пошёл. Он пошёл направо, к краю широкого уступа, где сел, оглянулся и улыбнулся, а затем исчез за краем. Когда товарищи подошли к этому месту, они нашли ледяную горку с высокими стенами, опускающуюся по краю ледника.

Эмилиан был уже далеко внизу, лёжа на спине и набирая скорость. Он неожиданно подался влево, на высокий склон, затем быстро повернул направо, исчезнув ногами вперёд в леднике.

Кэтти-бри охнула — и не только она.

— Это весело, — услышала она позади голос Илины. — Захватывает. Увидите.

В последний раз, когда она скользила по ледяному спуску, Кэтти-бри преследовала лавина. Она бы не назвала такое времяпровождение весёлым.

Но когда Кэтти-бри оглянулась, Илина кивнула ей на склон с мягкой улыбкой.

У неё не было магии, не было оружия, даже не было её обычной одежды, и она оказалась в странной земле, полагаясь на милосердие хозяев, пленителей, или кем ещё были эти эвендроу.

Целиком полагаясь на их милосердие.

Так что Кэтти-бри пожала плечами, села и оттолкнулась.

— Ложись! — услышала она возглас Илины, когда начала ускоряться. Она послушалась, и её скорость немедленно возросла. Она попыталась держаться ровно, ногами перед собой, но каждый небольшой поворот выбрасывал её на тот или иной склон.

Неожиданно полетев налево, она закричала, но страх стал детским весельем, когда она резко оказалась в тоннеле, мчась практически в полной темноте! Новые неожиданные повороты, захватывающие дух падения, и даже то, что показалось девушке полной петлёй, заставляли её кричать дальше — наполовину от ужаса, наполовину от радости, пока тоннель наконец не выпрямился и не превратился в длинный ровный отрезок под совсем небольшим наклоном.

Она вылетела из стены ледника справа от виноградника, который видела сверху, быстро скользя дальше, глубже в город. Тогда склон резко стал подниматься, постепенно замедляя её скольжение, и когда она достигла конца спуска, она оказалась на поднятой платформе почти в сотне длинных шагов от стены.

Над ней стоял Эмилиан, протягивая руку, чтобы помочь встать.

— Лучше, чем две сотни ступеней? — спросил он.

Кэтти-бри отряхнула свой плащ, который вместе с рубахой задрался до середины живота. Она села и приняла протянутую руку.

— А можно ещё раз? — спросила она, ухмыляясь от уха до уха.

Эмилиан рассмеялся.

— Я делал это тысячу раз, и у меня до сих пор захватывает дух, — сказал он ей. — Только не рассказывай об этом Илине, но я часто забываю разные вещи, когда мы уходим в патруль, чтобы пришлось возвращаться за ними в Скеллобель.

Следующим спустился Знафейн, затем один за другим — остальные спутники. Илина прибыла последней. Другие три каллидца остались на уступе, помахав на прощание.

— Илина отведёт вас туда, где можно будет отдохнуть и перекусить, — объяснил Эмилиан. — Я приду позднее, чтобы отвести вас к инквизиторам.

— Инквизиторам? — повторил Джарлакс.

— Они выслушают вашу историю, — объяснил Эмилиан. — И будут вас судить.

— Было бы проще, если бы не Сумеречная Осень, — добавила Илина. — Тогда они могли бы воспользоваться магией, чтобы получить ответ. Но не бойтесь. Просто скажите им правду о вашем путешествии, прибытии сюда и о ваших намерениях.

— Вы нам не враги, если сами того не пожелаете, — объяснил Эмилиан. Он отвёл в сторонку Джарлакса и Знафейна. — Вы двое в особенности вызываете большой интерес. Вы не из Эвендроу, но очевидно дроу. Это весьма необычно.

— Эвендроу, — повторил Джарлакс просто потому, что ему нравилось звучание этого слова.

— *Эвенсуссин индадроу*, — объяснил Эмилиан. — Дроу звёздного света, *эвендроу*.

— Пойдём, — Илина поманила их, несмотря на многочисленные вопросы, вертевшиеся у друзей на кончике языка, и провела по городу, через море любопытных взглядов, принадлежащих эвендроу, курит и арктос орок, а также группе существ, которые казались людьми, или полуросликами, а может — некой комбинацией первых и вторых. Они были низкими, самый высокий был на несколько дюймов ниже Кэтти-бри, с тёмными глазами и волосами, бронзовой кожей, плоскими круглыми лицами и любопытными улыбками, демонстрирующими широкие белые зубы.

— Улутуны? — прошептала Кэтти-бри Илине.

— Да, семья Гилах. Их народ пришёл из ближайшей деревни в горах.

Это заставило Кэтти-бри наострить уши. Да, семья, поняла она, оглянувшись на прошедшую мимо группу, и поняла, что видит сразу три, может быть даже четыре, поколения.

— Зло постигло их дом, и его похоронил под собой ледник, — объяснила Илина, когда они продолжили свой путь. — Многие были убиты, но Гилахы и некоторые другие спаслись. Двое старших, Джисси и Анжи, были ещё детьми, когда пришли к нам в поисках убежища. Они стали нашими лучшими разводчиками.

— Разводчиками?

— Тефф, ездовых собак, которых вы видели в Каскатте.

— Ездовых собак?

— Муктефф, — сказала ей Илина. — Золотая шерсть. Хетефф — белые, октефф — чёрные, и конечно, есть разные сочетания всех этих цветов, как и следует ожидать от собак.

— Как и следует ожидать от эладрин и эвендроу? — ехидно спросил Джарлакс, и Илина засмеялась.

Кэтти-бри только головой покачала. Это всё было слишком. Слишком много информации, слишком много... различий. Она чувствовала себя словно в бреду, в какой-то чужой земле, которую даже представить себе не могла, в окружении народа одновременно и знакомого, и нет. Словно друзья, которых можно встретить лишь во сне.

Но по крайней мере, до сих пор это был просто сон, а не кошмар.

Её взгляд упал на меч Илины, и она вспомнила предупреждение женщины.

— Надеюсь, вам удобно, — сказал Кэтти-бри инквизитор.

Она сидела на деревянном стуле с прямой спинкой, за простым столом, где перед ней стоял стакан холодной воды. Трое эвендроу, которые назвались просто инквизиторами, сидели в тених на другой стороне комнаты, на поднятом пьедестале и на стульях повыше, возвышаясь над ней в очевидной попытке запугать. Единственным источником света поблизости был канделябр на полу, подсвечивающий инквизиторов снизу, что делало их ещё более угрожающими.

Они не стали угрожать ей словами, но их позы и расположение едва ли можно было назвать нейтральными.

— Вы понимаете, что мы должны обеспечить полную безопасность нашего дома, — объяснила ей женщина слева.

— Мы не представляем для вас угрозы.

— Вы явились сюда, вы нашли нас, — сказал мужчина посередине. — Это само по себе угроза.

— Случайность, для нас счастливая — и никакой угрозы, — сказала Кэтти-бри.

— Это вы так утверждаете, — объявила первая.

— Задавайте свои вопросы, — предложила им Кэтти-бри.

— Нам сказали, что ты жрица, — продолжила женщина, — и значит, знаешь, что существуют способы подтвердить истинность твоих заявлений магическим путём, и возможно даже отыскать у тебя внутри то, что осталось несказанным. И также ты знаешь, что сейчас — пора Сумеречной Осени, угасания, и в это время магия непредсказуема и существенно слабеет, если вообще остаётся доступна.

— Таким образом, наша задача становится вдвое труднее, поскольку без этих двумеров нам остаётся лишь оценить впечатление, которое произведёте на нас вы с товарищами, и ещё несколько дней мы должны полагаться на это и только на это.

— Выходит, на это время мы останемся в заключении, — предположила Кэтти-бри.

— Будем надеяться, что нет, — сказала женщина. — Мы не хотим держать вас в темнице.

— Но в случае необходимости так и поступим, — добавил строгий мужчина посередине.

— Мы хотели бы позволить вам провести время в Скеллобеле, может быть, во всей Каллиде, — не обращая на него внимания, продолжила женщина, и Кэтти-бри узнала технику, при которой один пытается быть мягким и дружелюбным, а другой изображает угрозу. — Иронично, но в это время большого ослабления нашей магии сама Каллида приближается к своему самому волшебному дню, Куиста Канзэй. Магия плывёт в тёмном небе волнами красоты и песни. Надеюсь, что вы сможете поучаствовать в этом празднике, но для этого придётся рассказать нам, как и почему вы пришли сюда, в землю, которую так редко навещают обитатели южных земель.

Кэтти-бри подчинилась. Она рассказала им о мече и их охоте на Доум'вилль — даже о том, почему её попросили присоединиться, как человека, который давным-давно тоже попал под влияние Хазид'хи. Рассказывая свою историю, она предупредила своих тюремщиков об опасности этого злобного клинка, поскольку если его магия вернётся и захватит владельца

врасплох, эта персона скорее всего покорится и может совершить что-то опасное.

Её остановил смешок мужчины посередине.

— Много лет назад? — скептически спросил он. — И мы должны в это поверить? Мы знаем людей. Ты думаешь, мы поверим, что много лет назад ты владела этим оружием, хотя была всего лишь ребёнком? Значит, ты из знатного рода — в той земле, которую ты оставила?

— Нет, — с нервным смешком отозвалась Кэтти-бри. — Нет... хотя, да, некоторые так считают, поскольку мой отец — дварфийский король.

Она беспомощно рассмеялась. Как можно было объяснить всю её жизнь, все повороты, превратности судьбы и пережитые приключения? Как объяснить её смерть, если время в Ируладуне могло так называться, или её возвращение, как избранницы Миликки, для битвы с женщиной, которая оказалась избранной Ллос?

Как она могла объяснить всё это?

— Я намного старше, чем кажусь, но благодарю за комплимент, — ответила она. Прежде чем мужчина что-то сказал, она продолжила свою историю — о волшебном портале, который перенёс их в это незнакомое место, о путешествии по северным землям до того, как они наткнулись на этот разлом в леднике — она специально не сказала о пещере и сражении с великаном и жабовидным чудовищем, как и договорились товарищи в самой первой ледниковой палате. Зато рассказала о заброшенном поселении и реакции самого ледника, когда они проделали небольшую брешь на план огня при помощи кнута Зака, а Кэтти-бри потянулась на огненный план через своё кольцо.

Ответом ей стали кивки, поскольку все эти вещи, хотя сейчас по большей части бездействующие, попали в руки эвендроу. Однако мудрецы среди них должны были распознать общие силы отдельных предметов или, по крайней мере, догадаться о них.

— Доум'вилль Армго мертва, — сказал ей дроу посередине.

— Нет, — ответила Кэтти-бри. — По крайней мере, если она и погибла, то совсем недавно, в последние день-два.

Даже в тених она разглядела, как мужчина качает головой.

— Забудь её, — сказал он. — Она стала жертвой необитаемого, и Доум'вилль, которую вы знали, навеки погибла.

— Необита... — хотела спросить Кэтти-бри, но женщина её оборвала.

— Теперь, когда вам известно о тщетности ваших поисков, вы захотите уйти. Но сейчас это невозможно. Вы, разумеется, погибнете на холодном ветру без своей магии.

Кэтти-бри пожала плечами. А что можно было сказать?

Затем они вывели её из комнаты, провели в дверь на правой стене, противоположную той, через которую она вошла и за которой ждали её друзья, каждый в собственной камере в большом помещении со множеством таких мелких камер — месте, которое напомнило ей о медитационных залах в монастыре Жёлтой Розы.

За этой дверью её ждали Илина и Эмилиан.

— Поразительная история, — сказал главный инквизитор двум своим спутникам, когда дверь снова закрылась. — Подозреваю, одна из многих, которые мы можем услышать от этой человеческой женщины.

Он и женщина, которая допрашивала Кэтти-бри, посмотрели в конец стола на третью в их группе, сильную женщину с безупречной осанкой, отражавшей дисциплину, с которой

женщина проживала каждый свой день. Её белая одежда была свежей и разглаженной, её синие волосы — аккуратно подстрижены. Она держала небольшую шкатулку из стекла, реликвию с черепом белой лисы внутри.

— Миликки, — сказала женщина. — Это другое имя твоей собственной богини, не так ли, Галата?

— Или её сестры, по меньшей мере, — ответила дроу-паладин.

— Что ты чувствуешь? — спросил дроу-мужчина. — И можешь ли ты доверять своим чувствам в это время Сумеречной Осени?

— Я не ощущаю в ней зла, — ответила Галата. — Ни в памяти, ни в её устремлениях. Я думаю, что готова поставить на это чувство безопасность Каллиды, даже в такое время, и во многом потому, что свет и тепло так сильно резонируют в ней. Давайте приведём остальных и посмотрим, из какого они теста.

Джарлакс был последним из группы, представшим перед инквизиторами, и запугать его им не удалось совершенно. Он волновался, что возбуждение от простого зрелища Каллиды и того, что он узнал про это место и этот народ, заставило его утратить бдительность, однако это было лишь мелкое беспокойство.

Если бы эвендроу хотели убить его и его друзей, то уже давно это сделали бы.

Он рассказал инквизиторам ту же самую историю, что и Кэтти-бри, Энтрери и Закнафейн. Он тоже не стал рассказывать им про бой в пещере, хотя не был уверен, что стоит хранить это в секрете, и подозревал, что долго это всё равно не продлится. Зачем зелёный слаад изображал дроу? Потому что увидел Зака, сражавшегося с инеистым великаном, или потому что знал этих дроу?

И то, и другое, скорее всего, но это указывало Джарлаксу, что слаад и инеистые великаны, по крайней мере — тот клан, были не в ладах с народом Каллиды.

— Вы — предводитель этой экспедиции? — спросил мужчина, находившийся между двумя другими на возвышении.

— Я организовал её, да.

— Но вы даже не знаете, где находитесь? — спросила женщина справа. — И хотите, чтобы мы в это поверили?

— Другие рассказали вам про архимага Громфа? — задал Джарлакс собственный вопрос.

— Того, который создал портал, — подтвердила женщина.

— Великий волшебник, один из самых могучих магов на юге, и может быть — самый сильный во всём Подземье, когда он там обитал, занимая должность архимага Мензоберранзана, города ваших родственников.

— Города Пауков, как сказал ваш спутник-дроу.

— Да. Я расскажу вам о нём.

— Вы предполагаете наш интерес, — сказал мужчина посередине. — И нашу неосведомленность.

— Наша забота — Каллида, и только Каллида, — добавила женщина, которая говорила ранее. — Вы не внушаете нам доверия, рассказывая о великих волшебниках и городах Подземья. Мы прекрасно знаем, что во время великого разделения народов некоторые наши сородичи отправились туда.

— Они совсем на вас не похожи, — заметил Джарлакс.

— А вы?

Дроу пожал плечами.

— Мы пришли сюда не только затем, чтобы найти Доум'вилль и попытаться избавиться от демонического влияния внутри меча, — признался он, и это заставило двух из его собеседников поднять бровь, хотя женщина на другом конце сцены осталась совершенно бесстрастной, по крайней мере — снаружи. — Вероятно, так считают мои друзья, но у меня были другие намерения.

— Вам известно о Серебристой Луне? — спросил он.

— Да, — был неожиданный ответ.

— Я был там недавно, расследуя слухи про эльфа, ещё одного эладрин, который однажды обнаружил крайне необычную цивилизацию в холодных северных землях, за границами известных королевств Фаэруна.

Они не отреагировали.

— Цивилизацию дроу, — добавил Джарлакс. — Или, может быть, эвендроу.

По-прежнему никакой реакции.

— А может быть, это был просто сон. Так думал этот очень древний эладрин — или считал, что его старый разум уже неспособен отличить выдумку от истины. Не бойтесь, его никто не принимал всерьёз.

— Однако вы здесь, — отозвалась женщина.

— Потому что больше всего я хотел, чтобы этот сон оказался явью. Потому что мне было нужно, чтобы он оказался явью... а ещё потому, что поиски Доум'вилль — хорошее и доброе дело, и обладает огромной важностью в грядущем конфликте среди моего народа. Поэтому у меня была другая причина прийти сюда и убедить моих товарищей последовать за мной.

— Теперь такой причины больше нет, как и Доум'вилль.

— Вы уже говорили. Вы нас отпустите?

— У вас нет волшебной защиты. Вы погибнете.

— Дайте нам одежду.

— Нет. Вы не можете уйти до наступления ночи и конца Сумеречной Осени, — сказал мужчина.

— Когда вернётся магия. Когда наша магия защитит нас.

— Конечно.

— И когда ваша магия защитит вас, — догадался Джарлакс. Он подумал о старом эльфе в Серебристой Луне, который много лет не рассказывал эту историю про северных дроу, а сейчас шептал про неё, как про ерунду, а не про реальность, словно грезил наяву, пойманный в фантазиях и воспоминаниях вместо настоящего мира вокруг.

Может быть, этот старый эльф был растерян, его разум — болен. Может быть, в его истории не было никакой правды, и существование здесь эвендроу оказалось простым совпадением.

А может быть, магия, которая стёрла его воспоминания о Каллиде на все эти десятилетия, даже века, достаточно ослабела, чтобы старому эльфу пригрезилось место, которое он однажды знал.

— Мы не желаем встречаться с народами юга, — объяснила ему женщина-инквизитор. — И уж точно — с обитателями Подземья.

— Но ваш отряд отправился на поиски, чтобы отыскать нас. Вы могли позволить нам

умереть.

— Это была случайность — и разумеется, мы не могли оставить вас умирать. Как и улутиунов, потерявших свою деревню под ледником, или странников-инугаакаликурит, найденных на льду, или тех, кого вы зовёте орками, рыскавших в регионе. Они стали частью Каллиды, частью, которой мы дорожим. Они сражаются в кальци, возделывают поля вместе с нами, создают произведения искусства, делятся своими песнями и танцами. Таким может быть и ваше будущее, если ваши истории правдивы, а сердце — доброе. Подумайте об этом.

Несмотря на все сложности и интерес его жизни на юге, Джарлак обнаружил, что ему нелегко отвергнуть подобное предложение. Но от него не укрылся и первый упомянутый вклад.

— Кальци? — спросил он. — Это враги?

Он подумал о сладе и инеистых великанах, надеясь найти здесь возможность, чтобы укрепить любой возможный союз.

— Каццкальци, — ответил мужчина. — Битва Сумеречной Осени. Крепись, друг мой, ведь вы пришли к нам в час пиршества и забав.

— И битв?

Два инквизитора, которые допрашивали его, переглянулись и усмехнулись. Потом посмотрели на третью — та кивнула.

— Иди к своим друзьям, Джарлак, — сказал ему мужчина. — Вы можете свободно ходить по округу, даже по всему городу. Если хотите, Эмилиан и Илина станут вашими проводниками — а можете обходиться без них. Еды и питья вы найдёте в достатке.

— И песен и плясок, — добавила женщина. — Присоединяйтесь к ним или рассказывайте великие сказания древности, и получите множество благодарных улыбок.

Когда они замолчали, Джарлак встал и поклонился, направившись к другой двери.

— Ещё одно, — окликнула его женщина. — Советую отведать хурмы.

— Хурмы?

— Небольшой оранжевый...

— Я знаю, что это такое, — прервал её Джарлак, слишком изумлённый, чтобы поддерживать своё вежливое обличье. — Фрукт... тёрпкий.

— О, но вы не пробовали его вместе с выдержанным сыром из молока мускусного быка курит, запивая всё это холлико, скеллобельским ледяным вином!

Она сжала губы, прикоснулась к ним пальцами и причмокнула, широко разводя руку, как будто бросала это вперёд, к необычайно смущённому Джарлаксу.

Конечно, он не знал подробностей, или что за мускусные быки, или холлико, раз уж на то пошло, но настоящая причина его растерянности заключалась не в этом. Нет, это была гордость, гостеприимная гордость, с которой инквизитор, имени которой он не знал, только что обратилась к нему.

— Хороший совет, Джарлак, — согласился мужчина. — Уже одних этих деликатесов хватит, чтобы вы не пожалели о путешествии в этот суровый край.

Покачав головой и пытаясь не рассмеяться, Джарлак вышел за дверь и вскоре присоединился к друзьям.

Глава 16

Виноделие

— Мне поручили показать вам Каллиду, — сказала Илина четырём товарищам, когда те покинули инквизиторов. — Здесь несложно сориентироваться, и я могу дать кое-какие советы о городе, которые могут быть вам интересны.

— И мы можем ходить, куда захотим — совершенно свободно? — скептически поинтересовался Артемис Энтрери.

— Разумеется, вам нельзя вламываться в чужие дома. Полагаю, ваши обычаи в этом отношении похожи. И вам нельзя уходить из города — даже в Каскатту.

Когда в ответ на это поднялись брови, Илина торопливо добавила:

— Стихия убьёт вас. Там холодно, и скоро станет ещё холоднее. Вы просто не выживете.

— Даже если у нас будет та одежда, какая была на тебе и твоих спутниках при нашей первой встрече? — поинтересовался Энтрери, пристально глядя на жрицу-дроу.

— Но у вас её нет, — резко отозвалась Илина.

— И даже будь это иначе, смогли бы мы унести достаточно еды и найти нужный путь? — сказал Джарлак, и Кэтти-бри одобрительно кивнула в ответ на эту попытку погасить напряжение.

— Скоро начнутся бури, — добавила Илина. — Ветер может сбить вас с ног — и так густо наполнит воздух крохотными кристалликами льда, что в пяти шагах ничего не будет видно. Как бы вы ни решили покинуть этот регион, вам придётся пересечь горы, которые скоро станут непроходимы и останутся таковыми до Зарождения Зелени.

— До чего? — отозвался Энтрери.

— Середины часа, весеннего равноденствия, — сказала Кэтти-бри, которая теперь всё поняла и догадалась, что грядущая ночь будет отличаться от ночей в их родных краях. — Шесть месяцев. У нас дома мы проживаем целый год из дней, но здесь у них есть только один настоящий день и одна настоящая ночь.

— Но почему нам нельзя в Каскатту? — спросил Илину Джарлак. — В том прекрасном месте было не так уж холодно.

— У дварфов и орков Каскатты нет сейчас средств, чтобы принимать гостей. У них есть работа, и по общему согласию они в какой-то степени независимы от Каллиды. Придерживаясь духа этого соглашения, мы предпочитаем вторгаться к ним лишь тогда, когда этого нельзя избежать — как, например, с нашими патрулями. Если вы действительно хотите туда вернуться, вам придётся сделать это с полноценной охраной из Каллиды. Это можно устроить, но думаю, что вам и здесь найдётся, чем заняться.

— Ладно, покажи нам Каллиду, — уступил Джарлак.

— Конечно, продолжая за нами приглядывать, — добавил Закнафейн.

Илина рассмеялась.

— Я покажу вам место, где вы сможете сами осмотреть округа Каллиды. Никто не будет за вами назойливо следить. Инквизиторы решили, что вы не пленники здесь, а гости.

— Которые не могут уйти, — ответил Энтрери, отказываясь менять тему.

— Вы сможете уйти, но сначала к нам должна вернуться магия, — ответила Илина.

Чтобы они могли стереть наши яркие воспоминания об этом месте, понял Джарлакс, но вслух не сказал.

— Десять дней, значит, — сказала Кэтти-бри.

— В Каллиде легко ориентироваться, — сказала Илина, уводя их от здания инквизиторов к надиру скалистого гребня, который разрезал округ практически надвое. У основания этого гребня, с простирающейся перед ними землёй, поднимавшейся слева и справа, они обнаружили пересечение пяти широких улиц. В центре получавшейся площади стоял высокий шест, и приблизившись, товарищи заметили на нём четыре указателя и большую табличку на сверкающем железном шару, который венчал шест.

— Каллидский Скеллобель, — сказала Илина, указывая на эту табличку. — Вы в сердце Скеллобеля, самого многолюдного из четырёх оставшихся округов Каллиды. Это — каллидский указатель. Достичь внешнего мира можно лишь отсюда, если вы не способны вскарабкаться или взлететь на ледяные стены. Видите ручей, вдоль которого вы шли в леднике? Это река Каллида, единственный путь наружу без скалолазанья.

Кэтти-бри осмотрела далёкую ледяную стену, тянущуюся ровной линией от самой узкой точки гребня.

— На юг, — пояснила Илина, а затем добавила: — Если вы когда-нибудь потеряетесь на боковых улочках Скеллобеля, всегда смотрите на гребень. Линия от его высочайшей точки до места, где мы сейчас стоим, указывает точно на юг. Посмотрите чуть-чуть направо — и увидите лестницу и спуск, где вы спустились из тоннелей, ведущих к Каскатте.

— Её нет на указателе, — заметил Зак.

— Каскатта — не округ. Там живут лишь несколько дварфийских семей и около дюжины арктос орокс, которых вы зовёте орками. Округа — вот.

Она показала на шест, указывая рукой на каждый знак поочерёдно.

— Скеллобель — здесь, затем — Мона Чесс, место Сиглига, где расположен каньон покрупнее этого и почти такой же многолюдный, но там больше эвендроу и меньше других культур.

— Сиглиг, — прошептал Джарлакс, словно пытаясь расшифровать слово.

— Совет, — ответила Кэтти-бри.

— Да, Сиглиг — здание нашего совета, который мы зовём Светским созывом, — подтвердила Илина. — Эмилиан служил в нём в прошлом году, а Канак, которого вы встречали в Каскатте, провёл там много лет — до последней дюжины закатов.

От внимания четырёх товарищей не укрылось то, что эти дроу позволили дварфу служить в своём совете.

— Но ведь ты говорила, что у дварфов есть свои правила? — заметил Джарлакс.

— Канак забрал свою семью из округов, когда к нам пришли новые куриг, — пояснила Илина. — Они по-прежнему являются полноценными гражданами Каллиды, а он — Скеллобеля, но им часто приходится самостоятельно разбираться с... ну, с любыми монстрами, которые приходят с ледяной равнины. Из-за их более частых патрулей и важной работы мы стараемся беспокоить их как можно реже.

— Мона Чесс — старейший из округов, — продолжала она, — и наиболее естественный в своём размере, но также — самый величественный по архитектуре. Все остальные округа с большим трудом и усилиями расширялись по мере увеличения населения. Следующая улица следует параллельной дороге, которая проходит через северо-западный угол Мона Чесс к Ардину.

— Саду, — перевела Кэтти-бри.

— Очень хорошо, — поздравила её Илина. — Да, это сад, а также место для стад овцебыков. Можете посетить его сейчас, но не советую делать этого до окончания Зарождения Зелени, поскольку овцебыки ужасно пахнут, когда хотят спариваться!

— Что такое овцебык? — спросил Энтрери.

— Крупное животное, — сказала Илина. — Большое и волосатое, с большими рогами и раздвоенными копытами. Они достаточно мирные и целыми днями жуют траву, а из их молока куриты делают вкуснейший из сыров.

— Если есть его с хурмой, — сказал Джарлак.

— Можешь шутить об этом, — со смешком отозвалась Илина, — но когда попробуешь сам, обещаю — ты меня поблагодаришь.

— Жду с нетерпением, госпожа, — с усмешкой отозвался Джарлак.

— Большая часть повозок, которые вы увидите на улицах в Скеллобеле, полны еды из Ардина. Каждый день фермеры загружают свои фургоны продуктами из садов и преодолевают несколько миль, отделяющих их от остальных округов, а затем возвращаются с повозками, полными товаров из каждого округа.

— А стейки из овцебыков? — спросил Энтрери, и Илина бросила на него озадаченный взгляд.

— Мясо, — пояснил он.

— О, нет-нет-нет-нет, — сказала женщина. — Мы не забиваем овцебыков, равно как и гаг или топорков, которые обеспечивают нас яйцами.

Она указала на ближайший дом, где толкалась группа чёрно-белых птиц, похожих на уток с приметными круглыми оранжевыми пластниками над клювами.

— Топорков я знаю, — заметила Кэтти-бри. — Их колонии живут в море Движущегося Льда.

— На вкус они похожи на уток? — поинтересовался Энтрери. — Выглядят как утки.

— Они вкусные, — сказала Илина, — но мы их не забиваем.

— Тогда откуда ты знаешь, что они вкусные?

— Мы это преодолели, — пояснила эвендроу. — Наши жрецы создают еду. Мы не забиваем животных.

— Ну конечно же, — сказала Кэтти-бри.

— Пресный хлеб, — заметил Энтрери.

— Мы веками оттачивали заклинания сотворения, — сказала Илина. — Наши творения чудесны — в особенности еда.

— Умоляю тебя, возьми у них пару уроков, прежде чем мы уйдём, — сказал Кэтти-бри Энтрери.

— Б'шетт, — произнесла Илина, указывая на самый нижний указатель, предназначенный для идущего на северо-запад вдоль западного склона бульвара. — Небольшой и узкий лес высоких лиственниц, который обеспечивает нас деревом, что используется в оградах, дверях, древках наших копий и даже в некоторых домах. Дорога от Скеллобеля до Б'шетта не очень длинна, но я бы не стала утруждать себя путешествием в это время года, если у вас есть что повидать или чем заняться. Птичьи песни прекрасны — иногда слышно, как мелодии эхом повторяются до самого северного Скеллобеля — но Б'шетт самый тёмный из округов, почти без неба наверху, и самый холодный — его узкие каналы захватывают ветер и усиливают его. Если хотите провести там какое-то время, я отведу

вас к инквизиторам, чтобы попросить у них разрешения посетить ткачей и обеспечить вас такой же, как у меня, одеждой.

Она похлопала по тёмно-серому рукаву её плотно сидящей рубахи.

— Полотно повторяет тюленью кожу, а мех на тех плащах, что вы сейчас носите — белых лисиц. Оно настолько прочное, что легко справляется с холодным дождём или тающим снегом. Конечно, было бы лучше, если бы вы нанесли свой визит после Сумеречной Осени, поскольку тогда одежда сидела бы на вас безупречно. Но если у них остались какие-то излишки, этого тоже хватит.

— Повторяет? — в один голос спросили Джарлакс и Кэтти-бри.

— Мы не охотимся за тюленями и лисами, — сказала Илина. — Нет нужды. Зачем ещё нужна магия, если не для еды и удобства?

Джарлакс едва мог скрыть свою улыбку, и Кэтти-бри знала, что он видит великолепную экономическую возможность.

— А что это за пятый знак, который ты пропустила и на котором зачёркнутая надпись? — спросил Закнафейн. — Каттисола?

На лицо Илины нашла туча.

— Её не стало. Уже несколько десятков лет как. Там был лес, не такой густой, как в Б'шетте, и множество туннелей, ведущих в глубь ледника и даже выходящих наружу через трещины в льду. Это было место великого столкновения — мой отец и мать сражались там на протяжении долгих лет. Одного из моих дядюшек там убили. Но это закончилось больше века назад, и теперь всё затихло — мы думаем, навечно.

— Это место в руках врагов? — с беспокойством спросил Джарлакс.

— Его поглотило наступление ледника, — сказала Илина.

— Но хватит об этом, — добавила она, хлопнув в ладоши. — Гуляйте, где пожелаете, но прислушайтесь к моим словам, что вы в лучшем из округов. Мы делаем вино.

Её глаза зажглись заразительным энтузиазмом.

— Здесь в Скеллобеле вы слышите успокаивающие распевные песни курит, барабаны арктос орок, флейты улутиунов. Здесь у нас — самое широкое небо, и обещаю, вы оцените это, когда на смену сумеркам придёт ночь, и воздух наполнится волнами магии. И мы, скеллобельцы — лучшие из бойцов. Мы выиграли каззкальци в прошлом году и выиграем их снова! Вот увидите.

— Но я и так слишком долго вас задерживала, — сказала она. — Я могу отправиться с вами, если настаиваете, но думаю, будет лучше, если вы останетесь сами по себе. Сбросьте усталость вашего путешествия. Наслаждайтесь звуками, ароматами и едой — просто попросите. Это бесплатно, хотя вас могут попросить рассказать что-нибудь взамен. У нас редко бывают гости, как вы, наверное, догадываетесь. Побалуйте себя ледяным вином, но будьте осторожны. Оно такое вкусное, что трудно вовремя остановиться, и потом кажется, что по голове потоптался толстый овцебык.

Она поклонилась и развернулась, чтобы уйти.

— О чём ещё вы нас попросите? — сказал Джарлакс, заставив её обернуться.

— О, я думаю о многом, — ответила Илина. — В смысле, об историях. Мы хотели бы узнать о ваших краях, особенно от ваших человеческих друзей. Вы понимаете наше любопытство? Если бы я пришла к вам на родину, разве ваш Светский созыв не захотел бы того же от меня?

— О, наверняка захотел бы, — сказал Джарлакс и ощутил, как от простой мысли о

правлящем совете Мензоберранзана у него задёрнулся глаз.

Илина улыбнулась и оставила их.

— Под угрозой змеиной плети, — добавил Закнафейн, когда она ушла, говоря на всеобщем языке поверхности, значительно отличавшемся от языка дроу, на котором они говорили здесь до сих пор. — Надеюсь, что здесь змей нету.

— Меня устроит и отсутствие пауков, — сказал Энтрери.

— Нам предложили осмотреть город самостоятельно, так давайте так и поступим, — сказал им Джарлак, и Кэтти-бри увидела, что под любой претензией на серьёзность он просто бурлит от возбуждения.

— Они говорят, что Доум'вилль погибла и потерялась где-то далеко отсюда, — напомнила ему Кэтти-бри.

— У нас нет Хазид'хи, — ответил Джарлак. — А у тебя — твоей магии.

— Мы можем ненавязчиво порасспрашивать, — предложил Закнафейн.

Джарлак кивнул.

— Очень ненавязчиво, но если всё, что мы узнали — правда, то нашу миссию придётся пока что отложить. Если Доум'вилль здесь, зачем им это скрывать?

— Может быть, она в тюрьме, — сказал Энтрери.

Джарлак пожал плечами, и Кэтти-бри показалось, что он слишком легко отбросил такую возможность.

— И что мы можем с этим сделать? Ни оружия. Ни магии.

— Если нам потребуется оружие, мы сможем его достать, — заверил его Энтрери.

— Не будь глупцом, — сказал Джарлак. — Они могут звать себя эвендроу, но они — дроу, а значит — грозный противник. Нас четверо, всего лишь четверо, а их — сколько? Пятнадцать тысяч только в этом округе, не говоря уже о тысячах представителей других народов? В Мензоберранзане ты бы тоже такое предложил?

— В Мензоберранзане я уже сражался бы, чтобы вырваться — или погиб, — упрямо ответил Энтрери.

— Но это не Мензоберранзан, — сказал Джарлак.

— Это ты так считаешь.

— Конечно, — отозвался он.

— Потому что ты *хочешь* в это верить, — ответил Энтрери, и Кэтти-бри была рада, что он сказал об этом вместо неё.

Потому что когда в ответ на это замечание Джарлак опять небрежно пожал плечами и кивнул, её подозрения по поводу чрезмерно хитроумного бродяги, по поводу всей этой экспедиции, укрепились ещё сильнее.

— Пойдём, — сказал им Джарлак. — Лучший способ узнать новое место — просто пройтись по улицам и познакомиться с простым народом. Мы уже видели многое, но я уверен, что это — лишь верхушка поджидающих нас сюрпризов.

Слишком уж ты уверен, подумала Кэтти-бри.

— Ты знаешь, что они за нами следят, — сказал Зак, когда они отправились в путь.

— Иначе я бы утратил к ним всякое уважение — как и ты, — ответил Джарлак.

Вскоре после того, как они покинули указательный столб, надежды Артемиса Энтрери разбились — поскольку в конце первой же улицы, по которой они прошли, товарищи обнаружили ограждённое поле с брошенными старыми повозками, чахлыми деревьями и кустами, и — пауками. Большими белыми пауками, размером с кулак, прыдущими

прекрасную паутину, длинные нити которой тянулись от дерева к дереву, а оттуда — к перевёрнутой повозке.

У конца ограды располагался небольшой домишко, а за ним — каменная стена высотой по грудь и водяное колесо, скрипящее и журчащее.

Энтрери хитро покосился на Джарлакса.

— Ну?

— Это ничего не значит, — ответил тот, но не особо убедительно.

— Это значит, что у них есть пауки, — сказал Энтрери.

— Пауки есть и в Лускане, — парировал Джарлакс. — Пауки есть в Гонтлгриме. Пауки есть в Глубоководье. Пауки есть в Калимпорте. Пауки есть везде!

— Такие? — возразил Энтрери. — Повстречайся нам такое поле в Лускане, пришлось бы нанимать Главную башню, чтобы они побыстрее стёрли всё это в порошок!

— Не делай поспешных выводов, — сказал ему Джарлакс.

— Я-то не делаю. В отличие от тебя, судя по всему.

Товарищи прошли вдоль ограды, чтобы взглянуть поближе на водяное колесо по другую сторону дома, но замахали перед собой руками, чтобы отогнать запах. Однако они остановились, захваченные до крайности любопытным зрелищем.

Большой двор, пожалуй с четверть акра, был ограждён стенами, одна из которых была даже построена вдоль ледникового льда, в котором была вырезана глубокая и широкая ниша. В нише и здесь, у противоположной стены, виднелись озёрца воды, а вращавшееся колесо, судя по всему, переносило жидкость из ближайшего пруда обратно в ледяную нишу.

Уровень воды рядом с ними опускался с каждым поворотом колеса, и вскоре они увидели, что пруд кишит извивающимися созданиями, похожими на угрей или на змей.

Кэтти-бри наморщила нос и закрыла ладонью лицо.

— Похоже, не всё здесь такое прекрасное, — признал Джарлакс, корча рот, чтобы прогнать привкус вони.

— Что это, Девять Адов, такое? — спросил Зак, когда одно из этих существ подалось вперёд — выскользнуло из воды, скорее как улитка, чем как змея. А может, это был угорь — или длинная, узкая рыбина. Он не знал, но чем бы это ни было, оно поползло по каменному двору, выделяя густую слизь.

Затем пришли остальные, целыми дюжинами, ползая, даже немного плавая в густой жидкости, которая растекалась вокруг них, укрывая землю густым блеском и заполняя воздух омерзительным запахом.

— Миксины! — раздался в дверях дома возглас, и друзья обернулись, увидев стоящего там эвендроу. — А, гости! Ну что ж, не стойте там, когда вокруг ползают миксины. Потом десяток дней вся еда будет вонять у вас во рту!

Они зашагали обратно вдоль стены, и дроу взмахом пригласил их к себе в дом — в лавку модной одежды, как они обнаружили.

— Ты назвал их миксинами, — заметила Кэтти-бри, входя внутрь рядом с дроу.

— Флегмовы рыбы, — объяснил он. — Миксины, да, или миксиновые.

— Почему ты терпишь их в такой близости от дома?

— О, я здесь не живу. Я, мы... — он обвёл рукой других, нескольких дроу и дварфов-курит, орудующих иглами и сидевших за ткацкими станками. Пара дварфов, склонившихся над продолговатым корытом в дальнем конце помещения, помешивая его длинными палками, носила маски, полностью закрывающие лицо. — Мы здесь создаём.

— Ткачи, — понял Энтрери. — Это объясняет пауков.

Выражение на лице дроу помогло понять остальным, что Энтрери говорил на всеобщем языке поверхности вместо языка дроу. Энтрери тоже это заметил и быстро повторил свои слова, чтобы хозяин мог их понять.

— Да, мерзкие восьминогие твари, — сказал эвендроу. — Они едят жуков, а их тут множество, но иногда птенцы топорки подходят слишком близко. Мы постоянно укрепляем ограду, чтобы держать гуляющих цыплят снаружи, а пауков — внутри.

— Они запаерты? — спросил Джарлакс, бросив полный надежды взгляд на товарищей.

— В Мензоберранзане могут убить за заточение паука под замок, — сказал Зак Энтрери и Кэтти-бри на поверхностном всеобщем.

— Они — коренные обитатели этой земли и Кадижа, — ответил эвендроу. — Когда скеллобелец находит одного такого паука, он зовёт нас — если он непроизвольно его не раздавил — и мы забираем зверя. Понимаете, белые пауки прядут самые прочные и гладкие нити.

— Паук может перелезть через ограду, — напомнил ему Энтрери.

— Да, но миксиновую флегму им не пересечь, — ответил ткач.

— Для этого вы и держите миксин? — спросила Кэтти-бри. — Но всё равно, эта вонь!

— Вонь пропадает, если обработать и высушить слизь, — сказал ей эвендроу. — Но нет, миксины не только для пауков — мы могли бы удержать их другим способом. Эта слизь помогает нам создавать лучшие доспехи в мире — и сохранять тепло. Надев такую перчатку на руку, вы её даже не почувствуете. Давайте покажу.

— Потрясающе, — сказал Джарлакс, когда они покинули небольшое здание спустя какое-то время. Он размял пальцы на левой руке, расправляя и сгибая их, восхищаясь перчатками из шёлка и слизи, которые подарил ему ткач. Они были по большей части белыми, пронизанными полосами ярко-оранжевого цвета, складывающимися в тонкий узор, похожий на календулу — вышивка столь изящная и затейливая, что перчатка казалась кружевами, а не твёрдым сукном.

— Пожалуйста, — сказал Закнафейн, чья будоражащая история о потере волос Джарлакса стала платой за перчатки.

— Они прекрасны, — признала Кэтти-бри.

— Не просто прекрасны, — объяснил Джарлакс. Он стянул перчатку и протянул ей. — Я совершенно её не чувствую, просто кожа как будто становится глаже и мягче. Но всё равно, в ней есть что-то весомое — немного слизи, я уверен.

Кэтти-бри натянула перчатку, на мгновение прислушалась к своим ощущениям, затем согласно кивнула.

— Доспехи, сказал он, — произнёс Джарлакс. — И, возможно, оружие — вроде тех железных кастетов, которые громилы из Лускана часто надевают на руку перед дракой.

Энтрери фыркнул и потряс головой с преисполненным отвращения видом.

— Что такое? — спросил Джарлакс.

— Ничего.

— Нет никакого «ничего», — упрекнула его Кэтти-бри. — Мы либо гости, либо пленники в этой чужой земле. Не надо утаивать никаких ощущений, страхов или интуитивных чувств.

— Оглядитесь вокруг, — сказал Энтрери и обратил внимание остальных на широкую

лестницу, ведущую к большому зданию в одном квартале от них, где несколько эвендроу участвовали, судя по всему, в танцевальном соревновании, пока толпа у подножия лестницы ритмично хлопала в ладоши. — Они демонстрируют праздность, живость, мягкость. Как эта перчатка. Может быть, они тоже внутри покрыты слизью для веса?

— Сейчас — их время праздника, — напомнила Кэтти-бри. — Они живут здесь в самой суровой местности, что мы только знаем. Может быть, в отдельные дни они просто наслаждаются жизнью? Неужели это так плохо? Они, очевидно, ценят красоту, — добавила она, указывая на идущую по дороге группу дроу помоложе, одетых в откровенные и соблазнительные наряды яркой расцветки.

— Ты думаешь, что всё это обман? — спросил Энтрери Джарлакс.

Тот, казалось, задумался, так что Кэтти-бри сказала:

— Даже те, кто боится и презирает дроу Мензоберранзана, не станут отрицать красоту мантии старшей жрицы или, раз уж на то пошло, даже наряда бездомного бродяги. Похоже, мы наткнулись на анклав дроу, массово предпочитающих вычурный стиль Джарлакса.

— Они — лишь бледная тень по сравнению с Джарлаксом, — с усмешкой заверил её сам Джарлакс.

— Может быть, поэтому Артемис Энтрери чувствует себя не в своей тарелке, — заметил Зак.

— Они не пытаются заставить нас потерять бдительность, — сухо констатировала Кэтти-бри. — Это вовсе не устроенное для нас представление. Зачем устраивать настолько сложный обман для четырёх усталых путешественников, лишённых оружия и силы?

— Или всё это иллюзия, — сказал Энтрери. — Подобные случаи известны.

— Магия не работает, — напомнила Кэтти-бри.

— *Наша* магия не работает, — поправил Энтрери.

Джарлакс посмотрел на Зака.

— А я считал циничным тебя, — сказал он, качая головой.

— Ты забыл историю мучений Вульфгара в Бездне? — спросил Энтрери. — Самой худшей пыткой было показать ему то, чего он больше всего желал, затем вырвать это у него. С моей стороны это не цинизм, просто необходимая осторожность.

— А может быть, мы просто сошли с ума из-за кружащего над головами солнца, — фыркнул Джарлакс. — Мы видим то, что видим. Только наш страх превращает это в нечто большее.

— Ты кажешься слишком в этом уверенным, — обвинила его Кэтти-бри.

Прежде чем Джарлакс мог ответить, Энтрери напомнил:

— У них есть пауки.

— И способ, которым они их держат, совершенно незаконен в Мензоберранзане, — сказал Зак.

— Мы выживем, если подготовимся, — продолжал Энтрери. — Я знаю, как освободить стражника от меча или копья — и вы тоже.

Он с настойчивостью всмотрелся в каждого из трёх его товарищей и повторил:

— У них есть пауки.

Джарлакс, потом и Кэтти-бри, прекратили спорить — поскольку оба не могли отказать замечанию Энтрери в благоразумности. По правде говоря, они оказались заперты в очень необычном месте. Четыре товарища, так далеко от своего дома, должны были помнить об этом, несмотря на красивую обёртку и всю видимую радость жизни в этих народах вокруг.

Однако это оказалось непростой задачей, когда они стали гулять по улицам и площадям Скеллобея, поскольку звуком, чаще всего доносящимся до них, оказался смех. Не издевательский, жестокий смех, но чувство чистой радости. Конечно, каждый встреченный эвендроу, курит или орок провожал их удивлённым взглядом, в особенности Кэтти-бри и Энтрери, которые, как им сказали, были совсем не похожи на каллидских людей-улутиунов, но каждый прохожий кивал им, а многие добавляли мимолётное приветствие, чаще всего — «Прекрасный день для танцев».

— Вы заметили мелкие детали на их зданиях? — спросил в какой-то момент Закнафейн, когда они подошли к площади, где собралась большая группа дроу. — На каждой поверхности?

— Да, — ответил Джарлакс. Он бросил взгляд на Кэтти-бри и Энтрери, затем провёл их к ближайшей арке, ведущей к дому с небольшим садом.

Кэтти-бри отчётливо поняла наблюдение Зака, когда подошла к основанию к этой изгибающейся шпалеры, которая, как и большинство сооружений вокруг, была вырезана из спрессованного льда, в данном случае — бело-синего, и покрыта тонкой резьбой. Поначалу эти узоры казались просто переплетением линий, но присмотревшись повнимательнее, она различила фигуры: битву на одной панели, эвендроу против великана; танец курит на другой; эвендроу верхом на большом, похожем на медведя создании — на третьей.

— Это обнадёживает, — сказала она, указывая на сражение с великаном.

— Никто не рассказывал инквизиторам? — спросил Джарлакс.

— Может быть, и стоило, — заметил Зак. — Это может быть важным.

— Мы доверимся им, когда они доверятся нам, — сказал Энтрери, снова послужив голосом бдительности и осторожности.

— Они позволили нам свободно расхаживать по городу, — возразила Кэтти-бри.

— Тебе стоит быть повнимательнее, если думаешь, что за нами не следят, — парировал Энтрери.

— Опять же — этого следовало ожидать, — сказал Джарлакс, прекращая спор.

Они двинулись к площади, вежливо обогнув это место по краю, когда поняли, что собравшаяся группа — все стояли, одетые в одинаковые бело-синие робы с тёмно-синей каймой — позируют для художника, яростно орудующего кистью за большим мольбертом.

— Подождите! Подождите! — окликнул их один эвендроу, когда их четвёрка прошла за спиной у художника (который рисовал необычайно быстрый и красивый портрет, и, казалось, почти закончил).

— Кто вы? — спросила другая, высокая женщина с фиолетово-белыми волосами и общим мягко-фиолетовым оттенком кожи, особенно ярким на щеках.

— Гости в Скеллобеле? — спросил третий, высокий, худой, мускулистый орк.

— Наверняка шпионы из Ардина! — сказал другой к общему громкому смеху.

— Нет, мы никогда не были в Ардине или в другом округе, — ответил Джарлакс. — Мы впервые в Каллиде и только что покинули инквизицию.

Это вызвало множество оживлённых дискуссий среди собравшихся здесь двух дюжин или около того.

— Пускай идут сюда! — воскликнул тот, который назвал их шпионами Ардина. — Это навечно отметит триумф Бьянкорсо в этом году!

— Особенно она, — сказал первый, который окликнул товарищей. Он был невысоким и гибким, более стройным, чем большинство виденных здесь Кэтти-бри дроу, с очень острыми

чертами лица. Его ярко-белые волосы были коротко обрезаны по бокам и сзади, но спереди были длинными, с одной стороны закрывая правый глаз. — Которая покрасивее!

Он выскочил из группы, двигаясь к четвёрке.

— Что ж, спасибо, — сказал Джарлакс с небольшим поклоном.

— Они сказали «она», — заметил Энтрери.

— Кэтти-бри, — согласился Зак.

— Пойдёмте к нам, это ненадолго, — сказал эвендроу, очень оживлённо махая им, пока приближался. — Все, но в особенности вы, прекрасная госпожа.

Он подскочил и смахнул волосы с лица, затем взял руку Кэтти-бри и прижал к губам.

— Великолепны! Что вы?

— Что? — повторил Зак.

— Она женщина, — сказал Энтрери.

— *Замужняя* женщина, — сказал Зак.

— Ну разумеется она женщина, — сказал эвендроу.

— Человек, с юга, — объяснила Кэтти-бри.

— Замужняя женщина, — напомнил Энтрери.

— Ваша жена?

— Не моя.

— Но разве вы не считаете её прекрасной?

Растерянный Энтрери ничего не ответил.

— Ну разумеется, считаете! — сказал эвендроу. Он присмотрелся к Кэтти-бри. — Цвет ваших глаз! Никогда не видел такой синевы. В вас течёт кровь курит?

Кэтти-бри начала отвечать, но подумала о Бреноре и обнаружила, что просто хихикает от неожиданной сложности вопроса.

Эвендроу повернулся к художнику.

— Живилль, убедись, что передашь её глаза.

Художник подошёл, оглядел Кэтти-бри, потом кивнул.

— Люди с юга? — сказал он, переводя взгляд с Кэтти-бри на Энтрери и обратно. — Добро пожаловать.

— Пойдёмте, — сказала женщина-эвендроу из группы. — Прошу, присоединяйтесь. Это не займёт много времени.

— Мы не хотим вторгаться, — сказал Джарлакс.

Мужчина с ними поднял руки, улыбнулся и фыркнул в ответ на это предположение.

— Мы делаем это каждой Сумеречной Осенью накануне нашей войны, чтобы картину можно было выставить рядом с победным кубком.

— Победа! — крикнул орк из группы, и остальные к нему присоединились.

— Мы — Бьянкорсо, Белые медведи Скеллобеля, — объяснил дроу. — Я — Весси, или Альвинесси, но они зовут меня Весси. Вы можете звать меня Весси. Мы будем очень рады, если вы присоединитесь. У нас в Каллиде редко бывают гости, и ваше присутствие на портрете придаст особую значимость нашей сокрушительной победе в каззкальци.

Четыре товарища с любопытством переглянулись.

— Пойдёмте, пойдёмте, — настаивал Весси и потащил Кэтти-бри вперёд за руку под одобрительные возгласы своих друзей.

Художник Живилль подошёл и расставил их, спереди и по центру, затем бросился обратно к своей работе. Как и обещали, это заняло совсем мало времени, но Кэтти-бри всё

равно пришлось напоминать смотреть перед собой, поскольку она не могла сдержаться и разглядывала окружающих.

Особенно высокую женщину с фиолетово-белыми волосами, очень впечатляющую, с чертами, которые казались одновременно острыми и мягкими. Эвендрю улыбалась широкой, радостной улыбкой, и у неё сверкали глаза, похожие на глаза мужчины-дроу, которого Кэтти-бри так хорошо знала — фиолетовые глаза в тон прядям её волос! Женщина подмигнула и послала Кэтти-бри воздушный поцелуй, захватив её врасплох, пока та не поняла, что эвендрю всё это время обменивалась взглядами с Закнафейном.

— Значит, вы только прибыли? — спросил Весси, когда картина была закончена, и группа стала расходиться. Однако все остальные постарались подойти к четырём товарищам и похлопать их по плечам или по спине перед уходом, и пообещать победу Бьянкорсо в честь прекрасных гостей.

Женщина с фиолетовыми глазами подошла к ним вместе с Весси, фамильярным жестом опустив руку ему на плечо.

— Да, мы только прибыли, — ответил Весси Джарлакс, хотя его взгляд не отрывался от женщины.

— Все? — удивлённо спросила женщина. — Даже вы двое? — добавила она, указывая на Джарлакса и Зака. — Вы не из Каллиды?

— Нет, — вместе ответили Зак и Джарлакс, и это, похоже, глубоко потрясло двух эвендрю.

— Значит, из Чульта? — спросил Весси.

Зак пожал плечами и с очевидным недоумением пожал плечами, но Кэтти-бри заметила искру в глазах Джарлакса. Он знал о южных лесах Чульта, как и она. Значит, этот эвендрю только что сообщил им, что есть ещё один город дроу на поверхности в этой южной земле джунглей?

— Это долгая история, — ответил Джарлакс. — Но мы до сих пор не представились. Я Джарлакс, а мои друзья — Кэтти-бри, Артемис Энтрери и Закнафейн До'Урден величайший оружейник.

— Воитель? — спросил Весси, просяив, когда посмотрел на Зака. — Это мой друг Аззудонна, и она тоже великая воительница, как вы увидите в каззкальци.

— Вы уже дважды его упоминали, — сказала Кэтти-бри. — Каззкальци.

— Битва Квисты Канзей, — ответил Весси. — Мы сражаемся в ней каждый год, окру против округа.

— Представители округа, — прояснила Аззудонна, и Кэтти-бри стало понятнее волнительное выражение на лице у неё — и скорее всего, её друзей. — Бьянкорсо, Белые медведи, чемпионы Скеллобеля.

— Ристалище, — предположил Зак.

— Мы не знаем этого слова, — заметила Аззудонна.

— Это... игра, турнир, — попытался объяснить Зак.

— Да, да, турнир, — сказала Аззудонна.

— Стоит его ждать?

— Как только увидишь каззкальци, твоя жизнь покажется пустой, если не сможешь увидеть его снова, — пообещала женщина.

Кэтти-бри заметила, что тон между ними двумя изменился, и посмотрев на двух других друзей, на понимающую усмешку Джарлакса и покорного Энтрери, поняла, что этот флирт

не укрылся и от них.

— Куда вы собираетесь? — живо поинтересовалась у них Аззудонна, нарушив молчание.

— Мы просто осматриваемся, пытаемся лучше узнать обычаи Скеллобеля, — ответил Джарлакс. — Жрица Илина посоветовала нам посмотреть всё, что мы можем посмотреть.

Женщина усмехнулась — с хитрецей, как показалось Кэтти-бри — и что-то прошептала на ухо Весси. Тот тоже просиял.

— Любите вино?

— А как же! — ответил Джарлакс.

— Делать вино куда интереснее, чем его пить, — сказала Аззудонна.

— Да, но самое интересное — делать его, хорошенько напившись, — сказал Весси, и они вдвоём рассмеялись.

— Пойдём, — поманила их Аззудонна. — Они наполнили бочку. Может быть, ваш воитель получит шанс показать себя.

— Наполнили бочку? — тихо спросил Джарлакс, когда они двинулись в путь, четверо друзей следом за двумя сопровождающими-дроу.

— Старая пиратская шутка, — сказала Кэтти-бри.

Энтрери прыснул.

— Надеюсь, они имели в виду что-то другое.

— Если нет, то уж лучше Знакфейн, чем я, — согласился Энтрери.

— О чём вы? — требовательно спросил Знакфейн.

— Ты не хочешь знать, — заверила его Кэтти-бри, и Энтрери снова рассмеялся.

Кэтти-бри тоже хмыкнула, и эта реакция заставила её задуматься. Ей было легко. Здесь, совершенно беззащитной в городе, который она не понимала, Кэтти-бри обнаружила, что под маской вынужденной осторожности ей было легко, — как и её друзьям, и казалось, что даже Энтрери поддаётся атмосфере праздника, так ощутимо царившей вокруг.

Каким бы это место, Каллида, показалась Дзирту и Бри? Эта мысль заинтриговала её, но также напомнила, что двух самых дорогих ей существ нет рядом.

Весси и Аззудонна провели их в виноградник. Воздух был пропитан густым запахом ягод, красных и белых. Толпа народа, в основном — дроу, но и все остальные тоже, собралась возле двух зданий у стены ледника. Одним зданием был дом, похожий на другие разбросанные по Скеллобелю дома, но другое, намного крупнее, напоминало скорее амбар. Рядом с этим амбаром на приподнятой платформе стояло нечто, походившее на нижнюю четверть огромной бочки, занимая пространство размером с небольшую комнату.

Когда они приблизились, Кэтти-бри заметила, что большие вёдра передаются из рук в руки от амбара до платформы, где их опустошают в бочку.

Виноград, догадалась она. Они заполняют бочку ягодами.

— Значит, это танец, — вслух сказала она.

— Ах, — вздохнул Весси. — Белый. Не так весело и сложнее судить.

— Красный будет попозже, — ответил ближайший дроу, и Весси улыбнулся этой новости.

Джарлакс, Зак и Энтрери разом посмотрели на Кэтти-бри в поисках ответа.

— Полурослики из Кровоточащих Лоз танцуют на ягодах в бочке вроде этой, чтобы делать вино, — пояснила она.

— И как здесь должен проявить себя воин? — спросил Джарлакс.

— Это не танец, — сказал им Весси. Он указал на группу эвендроу, около дюжины, которые стояли в сторонке и о чём-то разговаривали. — Это разведчики Бьянкорсо и Б'шеттских Боскайлле, Ардинских Тиватрис и монашеских Гардреаль.

Кэтти-бри потребовалось какое-то время для перевода, но ей показалось, что Весси называет команды каззкальци: Белых медведей, Дровосеков, Фермеров и Королевскую гвардию.

— Мы из Бьянкорсо нашли Аззудонну в бочке, — со смехом добавил Весси.

— Но ты со мной не сражался, — добавила усмехающаяся женщина. — И тогда, и сейчас.

— Может быть, я не хотел лишать тебя шанса вступить в Бьянкорсо, — парировал он, подмигивая, — потому что хотел, чтобы такая красавица была рядом.

Она замахнулась, но он отскочил в сторонку.

— Они, конечно, скоро уйдут; им можно смотреть только те бои, где участвуют воины из их собственных округов, — объяснила Аззудонна. — В каззкальци каждый должен сражаться за родной округ, с гордостью и мужеством. Ты живёшь ради каззкальци. Ты носишь шрамы от каззкальци. Некоторые погибли ради каззкальци, и мы все готовы к такой судьбе.

Бригада с ведрами завершила свою работу, курит залез на платформу позади бочки и дал знак, что винограда уже достаточно. Под громкие одобрительные крики на платформу поднялись две женщины-дроу, встав по обе стороны большой бочки. Ключки одежды на них почти не оставляли места воображению — это были простые белые повязки лёгкого полотна, а бёдра и руки оплетали белые ленты. Их восхищённые поклонники громко ревели их имена и клички, и женщины подняли руки, принимая одобрение толпы.

Дwarf на платформе поднял небольшой гонг и постучал в него. Одна из бойцов-эвендроу положила руки на край бочки и оттолкнулась ногами, открывая немало тела, прежде чем приземлиться прямоком на виноград.

Другая вскочила на край в сидячей позиции, села лицом к толпе на одно мгновение, затем выпрямила руки и чуть-чуть поднялась, затем согнула ноги, чтобы зацепиться ступнями за край. Она отпустила руки и подняла их к голове.

Толпа замолкла в предвкушении.

— Вряд ли это приятно, — прошептал Энтрери, поскольку она балансировала на узкой кромке на одних лишь лодыжках.

Руки женщины опустились, затем снова поднялись, когда она раскинула их и оттолкнулась лодыжками, взмыв в воздух обратным сальто и приземлившись на ноги в бочке.

Толпа одобрительно заревела, и многие скандировали «Бьянкорсо!», как будто ожидали, что команда наймёт женщину ещё до начала поединка.

— Просто акробатический фокус, — негромко заметила Аззудонна.

— Ты её знаешь? — спросил Джарлакс.

— Я знаю её противницу, — ответила Аззудонна. — Квиси. Чтобы победить Квиси одной гимнастики ей будет мало.

— Кусаться нельзя, — сказал соперницам курит. — Царапаться нельзя. Нельзя бить ногами по голове, если противник упал.

Он посмотрел на толпу и поднял руки.

— Скажите мне!

— Зио! — раздался оглушительный ответ, и бой начался.

Бойцы бросились в оглушительный клинч, словно столкнулись два лося в период гона, и отчаянно, изо всех сил налегли друг на друга. Они рычали и толкались, каждая давила вперёд изо всех сил, пока дварф считал. Он воздел кулаки, и когда каждая из соперниц выигрывала шаг, разгибал по пальцу.

— Арктос орокс всегда побеждают в этой части поединка, когда входят в бочку, — сказал друзьям Весси.

— Если не сражаются с хитрым курит, — добавила Аззудонна. — Тогда это бывает крайне забавно.

Кэтти-бри почти не слушала, зачарованно глядя на голую силу бойцов. Они упирались подбородками в ключицы друг друга, иногда дёргая головами, чтобы ударить соперницу. С каждой стороны работали руки, пытаясь перехватить врага. И всё это время, они бодались и брыкались, что угодно, лишь бы отбросить соперницу назад.

Она посмотрела на дварфа. Четыре к двум, и та, которую Аззудонна назвала Квиси, побеждает.

Акробатка отпрыгнула назад, как только дварф поднял пятый палец за подругу Аззудонны, и Квиси подалась вперёд, едва не упала, и акробатка ударила её свирепым правым хуком в лицо. Она повернула в сторону, упала по меньшей мере на одно колено — под таким углом Кэтти-бри не видела ног — и немедленно поднялась, развернувшись, когда акробатка прыгнула ей на спину, пытаясь повалить.

Но Квиси, такая сильная, вместо этого выпрямилась и даже ударила головой назад, в лицо акробатки.

— Ей стоит отпустить, — заметила Аззудонна.

Квиси начала кружиться вокруг своей оси, и толпа начала хлопать, задавая ей такт. Она несколько раз едва не подскользнулась, но каким-то образом удержала равновесие, наконец повернувшись к центру бочки, опустила голову и бросилась вперёд. Она потянулась вверх и хлопнула руками по голове акробатки, но гибкая женщина сумела отразить по меньшей мере одну.

Квиси бросилась вперёд, сделав сальто, так резко, что её противница не успела соскочить с неё достаточно быстро и послужила подушкой для приземления.

— Прекрасно, — прошептал Весси, но его замечание заглушил рёв зрителей.

Две соперницы почти сразу же вскочили на ноги — рядом, лицом друг к другу, и полетели их кулаки, их лёгкая одежда, намкнув, прижалась к телу — а у акробатки из носа закапала кровь.

— Красно-белое, — сказал Весси. — Хорошая будет партия.

— Вы что, *хотите*, чтобы их кровь попала в вино? — спросил его Энтрери.

— Конечно, — ответил тот. — Придаёт крепости.

Кэтти-бри поняла, что у неё отвисла челюсть. Она хотела отвести взгляд от голой свирепости продолжающегося в бочке поединка, но не могла это сделать. Они сражались кулаками так, как Дзирт и Энтрери сражались мечами; быстрые удары, шлепки и блоки, но точности было куда меньше, поскольку они скользили на лопающихся ягодах. Хотя многие удары совершенно не попадали в цель, но попытки блокирования тоже были менее эффективными.

— Откуда им знать, кто побеждает? — спросил Джарлакс.

— Увидишь, — пообещала Аззудонна. — О, Квиси! — добавила она, когда акробатка

пошатнулась, и у её подруги, похоже, появился шанс, но Квиси тоже подскользнулась, и её удар справа, который мог закончить бой, просто скользнул по щеке и уху соперницы.

Квиси быстро выпрямилась, заскользив назад с разворотом, прежде чем броситься вперёд с размашистым хуком слева, который выглядел так, словно способен сорвать акробатке голову с плеч.

Но та пригнулась, пропав из виду, нырнула под удар, словно ждала его.

К её чести, Квиси удержала размах и не позволила себе потерять равновесие.

Но акробатка взметнулась вверх, как выпрыгнувшая из пруда рыба, опустив руки по бокам, поджав подбородок к груди, головой вперёд.

Она ударила Квиси под подбородок, запрокидывая голову воительницы и отбрасывая её назад. Полетела кровь и, может быть, кусочек языка или зуба. Акробатка упала на противницу сверху.

С той же скоростью, с какой провела эту атаку, она вскочила, подняв руки, прыгая и танцуя вокруг.

— А какое на вкус вино с зубами? — спросил хозяев Энтрери.

— Ха, это мы отфильтруем, — ответил Весси.

Четыре товарища стояли и потрясённо смотрели, но толпа ревела от удовольствия.

Аззудонна тяжело вздохнула.

— Так Квиси не пригласят в качестве следующей замены в Бьянкорсо, — упрекнул Весси свою фиолетовоглазую подругу. — Она быстрая и сильная, с прекрасным чувством равновесия, но боюсь, не особенно умная.

Он повернулся к гостям.

— Что думаете?

— Жестоко, — сказала Кэтти-бри прежде чем остальные смогли сформулировать свои ответы.

— Мы живём в жестокой земле. Мы должны быть подготовлены — иначе мы умрём.

— У меня не сложилось такого впечатления от прогулки по Скеллобелю, — сказала Кэтти-бри. — Мы видели красоту, слышали песни и музыку. И танцы. Все танцуют и улыбаются. Выходит, это всё ложь?

Она услышала, как Джарлакс резко втянул в себя воздух, недвусмысленно напоминая, что сейчас и здесь они практически беспомощны.

— Может быть, мы воспринимаем красоту ещё ярче, потому что знаем, что наша жизнь здесь — всегда на грани гибели, — сказала Аззудонна. — Вы думаете, что узнали холодные укусы ветра, но на самом деле это не так. Поскольку день заканчивается, а ночь — намного холоднее.

— А что, разбить кому-то лицо — помогает научиться борьбе с зимним холодом? — спросил Энтрери.

— А тебя беспокоит это зрелище? — парировала Аззудонна, и Энтрери невольно рассмеялся. Если бы она только знала...

Кэтти-бри тоже хмыкнула. Репутация Артемиса Энтрери не опередила его, что почти наверняка было хорошо!

— Это земля драконов, — сказал Весси. — Огромных медведей и йети. И жаждущих крови воителей-великанов.

Кэтти-бри была не единственной, кто наострил уши при упоминании великанов.

— И ещё более зловещих тварей, — добавила Аззудонна. — Мы дерёмся, чтобы быть

готовыми. Мы танцуем и поём, создаём красоту и занимаемся любовью, чтобы быть живыми.

Она посмотрела на Знафейна.

— А что ты думаешь про бой?

Оружейник пожал плечами, стараясь притвориться, что на него зрелище не произвело впечатления.

— Следующая бочка будет красной, — продолжила женщина. — Готов почувствовать себя живым?

Ещё одно пожатие плечами от Зака, и он посмотрел на друзей.

— На сей раз я не смогу тебя исцелить, — напомнила ему Кэтти-бри.

— Их вера в тебя обнадёживает, — подразнила его Аззудонна.

Зак сверкнул коварной усмешкой, которую Кэтти-бри много раз видела у мужа — обычно прямо перед тем, как он бросался в безумный бой.

— Значит, красное вино, — согласился Зак.

Оружейник почувствовал себя немного глупо, когда Аззудонна обернула белые ленты вокруг его бёдер. В конце концов, на нём была только короткая сорочка.

— Если не будет явного победителя, измерят твои пятна — от винограда, не крови, — объясняла она, хотя Зак едва слушал — что было слишком очевидно, понял он, когда она встала и с силой шлёпнула его по заду.

Он наградил её гневным взглядом.

— Твой противник — Адин Дуайн, — сказала в ответ этому взгляду Аззудонна. — Не стоит её недооценивать. Если Бьянкорсо потеряет центрального защитника в первом бою каззкальци, на замену скорее всего выберут Адин Дуайн.

— Я даже не знаю, что всё это значит.

— Центральные защитники — настоящие борцы каззкальци. Самые сильные. Они расчищают путь для проныр или защищают их, — объяснила Аззудонна. — Весси — проныра.

— А ты?

— Я воительница, как и ты — как сказали твои друзья. Я поддерживаю и защитников, и проныр. Быстрая и сильная, я патрулирую весь отрезок от моей базы до линии Бьянкорсо на вражеской территории, две трети всего поля боя.

— А проныры заходят до конца вражеской территории?

— Пронырам открыто всё поле боя. Воины ограничены двумя третями, защитники — только средней третью всего поля.

Зак кивнул, начиная понимать. В Мензоберранзане спортивных состязаний было мало, поскольку там почти не было правил для поединков, но у друу были разные игры, в первую очередь сава, где фигурам на доске присваивались ранги мензоберранзанских сословий — от раба до жрицы — и каждый обладал особыми движениями и возможностями. На улицах Лускана он видел соревнования, в которых две команды пинали мячи из полотна, пытаясь забить гол противникам. В Гонтлгриме дварфы играли в «поймай бочонок», где, насколько смог понять Зак, целью было выпить достаточно пива у твоего противника, чтобы забыть про боль от синяков, которые ты получил, добираясь до него.

— Если Адин Дуайн подберётся близко, она тебя пересилит, — предупредила его Аззудонна. — Она сильна, как любой орок, и проворнее большинства. Но у неё есть

слабость.

— Скажи, какая.

— Разумеется, не скажу.

Зак рассмеялся.

Прозвучал гонг, и Аззудонна подалась вперёд и поцеловала его в обе щеки — левую и правую.

— Теперь посмотрим.

Она выбежала из небольшого помещения. Зак сделал глубокий вдох и медленно последовал за ней, обдумывая те немногочисленные сведения, которые ему сообщили. Он догадался, что проныры были похожи на акробатку, которую он видел в прошлом матче, ловкие и быстрые, а воины, если он правильно оценил Аззудонну, представляли собой сочетание — Зак решил, что по этому определению из каззкальци он скорее всего окажется воином. Однако он по-прежнему точно не знал, что это значит.

Что он *точно* знал, так это что его противник вероятно, будет сильнее самого Зака, но, наверное, не так быстр.

Он кивнул и вышел на платформу, затем подошёл к краю бочки, наполненной теперь тёмными ягодами. Руки у него были опущены, как и у соперницы — высокой и широкоплечей женщины-дроу с тёмно-серой кожей и волосами в тон. Её лицо застыло в мрачной гримасе, глаза мерцали красным.

Она посмотрела на Зака, презрительно фыркнула, а потом, к его изумлению, отошла от бочки. Она повернулась, рассмеялась, на полной скорости бросилась бежать и прыгнула на стенку бочки, используя столкновение на уровне бёдер, чтобы перевернуться в воздухе, приземлившись на ноги и проскользив по ягодам — до противоположного края, где она схватилась за кромку прямо перед Заком и заревела ему в лицо.

Толпе это понравилось, и та кричала всё время, пока женщина не вернулась на свою сторону.

Зак изо всех сил сдерживался, чтобы не рассмеяться. Он медленно подошёл к бочке, затем осторожно, тщательно перелез внутрь, сначала одна нога, потом другая.

Его преследовал свист и смех.

Ему было всё равно. Он ничего не хотел выдавать. Однако он заметил нечто любопытное и неожиданное, когда коснулся ягод голыми ногами. Ягоды были заморожены.

— Кусаться нельзя, — повторил зазывала-дварф. — Царапаться нельзя. Нельзя бить по голове, если противник упал.

Повернувшись к толпе, он поднял руки и попросил их:

— Скажите!

— Зио!

Зак бросился навстречу яростному натиску Адин Дуайн. Он решил, что хуже всего справится с «зио», поэтому сосредоточился на том, чтобы минимизировать урон, в последнее мгновение повернув плечо так, чтобы оно пришлось на самый широкий участок.

Но столкновение всё равно вышибло из него дух, и он почувствовал, как сильные руки Адин Дуайн крепко обхватили его — женщина уже перла вперёд, как разгневанный роф.

Зак попытался упереться и дать сдачи, но он скользил.

В стороне пальцы крикуна-дварфа стали подниматься в пользу её противницы: один, два, три, четыре...

Зак нашёл опору и напрягся, наконец погасив её инерцию.

Но прежде чем он успел обрадоваться, едва начав разворачивать ход движения, она неожиданно отёрнулась назад, ударила лбом в его лицо, затем скользнула вниз достаточно, чтобы схватить его чуть ниже, приподнимая его.

Пять пальцев поднялись за Адин Дуайн, и тогда Зак сделал вторую ошибку, попытавшись вырваться подобно тому, что он видел в прошлой схватке и что посчитал традиционным после зиио.

Вовсе нет, понял он, оказавшись в воздухе, затем полетев спиной вниз с Адин Дуайн верхом на нём. Ягоды лишь минимально смягчили падение, поскольку действительно были заморожены, и было ясно, что соперница нацелилась на быстрое убийство, когда соскользнула, чтобы его оседлать, и стала осыпать его ударами по голове.

— Оох, — тяжело вздохнула Кэтти-бри, закрывая лицо руками.

Весси рассмеялся.

— По-прежнему считаешь нас простыми танцорами?

Они не видели Зака, поскольку тот находился ниже края бочки, но видели, как поднимаются его руки, пытаясь заблокировать удары.

Джарлак следил за происходящим особенно внимательно, заметив, что защита Зака улучшается с каждым ударом.

— Думаете, этот бой кончился?

— Он проиграл зиио пять к нулю и наверняка уже целиком заляпан красным, — ответил Весси, когда подошла Аззудонна, не отрывая глаз от поединка.

— Может быть, заключим пари? — предложил Джарлак.

— Ей нужно просто не спать, чтобы одержать победу, — вмешалась Аззудонна.

— Побьёмся об заклад, — повторил наёмник, но тут же поморщился, увидев, как один из тяжелых ударов Адин Дуайн избежал блока Зака и попал в цель с тяжёлым влажным звуком. — Золото?

Весси и Аззудонна недоумённо посмотрели на него.

— Деньги? — прояснил он.

— Деньги? — повторила Аззудонна.

— Мы в таких вещах не нуждаемся, если я правильно тебя понял, — сказал Весси.

Уголкем глаза Джарлак увидел хитрый блок, потом ещё один, и Зак обхватил вытянутые руки женщины своими.

— Что тогда? — быстро спросил он, решив, что очень скоро они могут передумать. Он подумал, что ему не следует быть таким уверенным, но в конце концов, это же был Закнафейн До'Урден, и разве он когда-либо подводил Джарлакса?

Он чувствовал вкус собственной крови, а его левый глаз быстро заплывал синяком — и только из-за этого чувства он знал, что его ударила её правая рука. Адин Дуайн уже ничего не соображала и просто молотила его изо всех сил.

И это легко могло сработать!

Но с ним ещё было не кончено. Зак поймал её левую и не мешкая дёрнул вперёд изо всех сил, скорее скользнув под соперницу, вместо того, чтобы заставить двинуться её. Но это было неважно, поскольку он достаточно высвободился. Он согнулся в талии, высоко хлестнул ногами, бросив её чуть вперёд, но почти без какого-то реального эффекта.

«Почти» было лучше, чем ничего. Он согнул ноги и ударил ими вниз, безупречно выбрав время, чтобы толкнуть бёдрами и выгнуть спину, вместе с этим переворачивая свою хватку и

поташив Адин Дуайн прямо вниз.

Она потеряла равновесие. Зак скользнул ещё дальше ей за спину, повернулся на живот, затем встал на четвереньки. Его плечи и голова оказались под противницей. Когда Адин Дуайн попыталась встать, он поднялся под ней и толкнул изо всех сил, бросая её на ягоды вверх тормашками. Он тоже упал, но не важно — он откатился, увеличивая дистанцию, затем поднялся, готовый к драке.

Адин Дуайн улыбалась, даже смеялась над ним, и скользила вперёд. Он знал, что она пытается сократить расстояние, держать его близко. Но он подумал о её поведении, когда она была сверху. Это был болезненный урок, но Зак выучил его и выжил. И теперь он знал её слабость.

— Все вокруг делают ставки, — сказал Джарлак. — Что же они ставят на кон, если не деньги?

— Службу, — сказала Аззудонна. — Повседневный труд, который надо выполнить. Или можно пообещать потереть кому-то спину.

— Или размять ноги, — добавил Весси. — Или даже поцеловать.

Это может быть забавно, подумал Джарлак, но ему в голову пришла другая мысль.

— Если Зак победит, вы двое покажете нам Каллиду — все округа.

Аззудонна и Весси переглянулись.

Толпа взревела, и все трое обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как Адин Дуайн падает, затем двое поднимаются в противоположных концах бочки.

— После казказальци, — согласился Весси. — В Бьянкорсо нам не разрешают посещать другие округа, пока не пройдут войны.

— А если победит Адин Дуайн? — спросила Аззудонна.

— Тогда ты спляшешь, — сказал Весси Джарлаксу. — Будешь безудержно танцевать перед всем Скеллобелем.

— Он всё равно это сделает, — заметил сбоку Энтрери.

— И ты будешь танцевать вместе с ним, — ответил Весси.

— Сомневаюсь, — хотел было ответить Энтрери, но Джарлак оборвал его коротким «Согласен!»

И они продолжили наблюдать за боем, не считая Энтрери, который задержался на мгновение, чтобы пронзить гневным взглядом взбалмошного наёмника.

Сейчас у него были собственные слабости, понял Закнафейн, ведь он почти ничего не видел левым глазом, и даже эта минимальная способность к зрению с каждым мгновением слабела. Он выставил вперёд правое плечо и поднял руки в защитной стойке, чтобы встретить приближавшуюся Адин Дуайн, на лице которой играла ухмылка.

Надо было сражаться с ней издалека. Её преимуществом была превосходящая сила.

Она уверенно подступила, обрушив яростный град ударов, пытаясь заставить его отступить. Вместо этого он низко пригнулся, повернул плечи налево, затем обратно направо, выпрямляясь, его левая рука быстро и сильно взметнулась, чтобы соединиться с левой рукой Адин Дуайн, отбросив руку и её обладательницу немного в сторону.

Затем он поднялся, проделав правой рукой свирепый апперкот с разворота, полностью вложив в удар вес своего тела. Удар начинался с лодыжек, с его бёдер, с его быстро развернувшихся плечей, изо всех его сил, и правый кулак врезался прямо под левый бок

грудной клетки Адин Дуайн.

Он услышал, как резко вылетел из неё воздух, немедленно убрав руку, затем ударил в то же самое место, на сей раз приподняв её с пола.

Она качалась, когда Зак ушёл налево, низко пригнувшись, но затем резко вскочил в воздух. Теперь он выставил среднюю костяшку в кулаке, остриё, и обрушился вниз. Женщина прикрыла рёбра, поэтому он вонзил этот кулак ей в плечо. Он отскочил назад, приземлившись, оценивая нанесённый урон, когда Адин Дуайн выпрямилась и развернулась.

Она по-прежнему улыбалась, но выдавала себя случайной гримасой, а ещё сильнее — тем фактом, что держала левую руку немного ниже. Зак мысленно улыбнулся, поблагодарив своего старого наставника из Мили-Магтир, который научил его, что костяшка под правильным углом может оглушить не хуже, чем оголовье меча.

Для сторонних наблюдателей последовавший обмен казался просто размытым пятном шлепков, ударов и хватающихся рук, но на ринге оба соперника методично двигались от одного приёма к следующему. Адин Дуайн пыталась добить его тяжёлым ударом или просто схватить его и подтащить поближе, а движения и удары Зака просто старались предотвратить любое из этих событий.

Он выигрывал время, надеясь, что сумеет справиться, и прекрасно понимая, что одна ошибка может стоить ему боя.

Хук справа пронёсся над головой, когда он присел. Она схватила его правую руку своей левой, но Зак повернулся и тесно прижал эту руку к себе, сломав захват и завершив круг достаточно быстро, чтобы обрушить удар справа на её пострадавшее плечо.

Адин Дуайн в ярости бросилась на него, и её слабость, её самоуверенность заставила женщину вынести левую ногу слишком далеко вперёд, выдавая её намерения.

Наискосок хлестнул жестокий и быстрый удар правой, но Зак глубоко припал к земле и даже слегка изменив угол удара, Адин Дуайн смогла лишь вскользь задеть его макушку. Но у Зака таких проблем не было — он ударил прямо вверх левой рукой, открытой ладонью вместо кулака, угодив прямо под нос Адин Дуайн.

Она отшатнулась назад, оглушённая на миг, и Заку этого хватило, чтобы шагнуть вправо и снова нанести удар в плечо. Затем, поскольку она не успела поставить блок, он снова шагнул вправо и ударил — а затем ещё раз.

В одно и то же место, в переднюю часть сустава.

Её рука опустилась ещё больше. Понимая свою уязвимость, она резко крутанулась, чтобы убрать левое плечо, но Зак на это не поддался, вместо этого обратив своё скольжение и возвращаясь налево. Он провёл тяжёлый апперкот левой, зеркальное отражение своего первого удара, вышибив из неё дух и откинув назад.

Он собирался последовать за ней прыжком, но неожиданная ошеломляющая боль пронзила его собственное левое плечо, отдавая в грудь и руку. Он увидел, что Адин Дуайн восстановилась и повернулась к нему, и напрасно попытался поднять левую руку для защиты.

Он не мог. Он не мог её остановить, но в этом не было необходимости.

Поскольку Адин Дуайн прекратила свою атаку ещё до её начала и подняла руки в глухую оборону.

— Фаг! — закричала она, отшатываясь. — Фаг!

Единственный действующий глаз Зака замигал. Боль не отступала. Он услышал её крик, но не знал, что он значит. Он посмотрел на своё охваченное болью плечо и увидел красные

полосы, пульсирующие под сорочкой, ослепительные и злые.

Он оказался на одном колене и падал, но не знал как или почему.

Востороженные крики сменились молчанием, а затем ужасом, и всюду вокруг трёх спутников голоса закричали «Фаг!»

Весси резко повернулся к ним.

— Обманщики! — закричал он на Джарлакса и подался назад вместе со всеми остальными.

— Что происходит?

Она получила свой ответ, когда через толпу отступающих зрителей на них устремилось войско вооружённых эвендроу, нацелив полосу копий. Хотя их присутствие вызывало новые вопросы — и Кэтти-бри была уверена, что ответы ей не понравятся.

Глава 17

Ложь умолчания

— Как и ожидалось, они за нами следили — это ясно, — сказал двум своим товарищам Джарлак, расхаживая из стороны в сторону. Кэтти-бри и Энтрери беспомощно сидели в тёмной комнате в здании инквизиторов. Их плащи забрали, их руки были скованы за спиной — не связаны, а склеены вместе какой-то густой слизью, похожей на ту, которую производил излюбленный жезл Джарлакса. Руки были неподвижны, целые запястья зафиксированы на месте, и на каждом из них были варежки, покрытые той же самой липкой субстанцией, не позволяя пальцам двигаться для колдовства или чего-то другого — не говоря уже о том, что сейчас их магия не работала. — Вы видели, как быстро они набросились на нас — и в каких количествах, — когда в поединке раздался этот крик.

— Крик, да, — ответила Кэтти-бри. — Фаг?

— Это слово мне незнакомо, — признался Джарлак.

— Что тогда? — спросила Кэтти-бри. — Что произошло? Зак что-то сказал? Наши хозяева разъярились из-за того, что он становился сильнее в поединке и как будто даже побеждал?

— Не может быть, что дело в этом, — вздрогнул Джарлак. — В этом нет никакого...

Он резко замолчал, когда дверь со стуком распахнулась, и бело-голубое мерцание наполнило комнату.

— Встать, — потребовал часовой-эвендру от двух людей. Он держал «факел», стеклянный шар на небольшой ручке, наполненный водой с тремя люминисцентными рыбками.

— В чём мы провинились? — осмелилась спросить Кэтти-бри, когда опёрлась спиной на стену, чтобы встать.

— Надо было просто убить вас в первой пещере, — сказала вторая эвендру, входя.

Илина.

— Но почему?

— Заткнись, — приказала ей Илина. — С этого момента будете говорить только тогда, когда вам разрешат, иначе вас ждёт наказание.

— Я... — Кэтти-бри замолчала и отвела взгляд.

Их вывели в тот самый аванзал, где они оставались ранее, пока каждого по очереди допрашивали инквизиторы. Они ожидали, что на сей раз всё будет точно так же, но Илина просто повела их всех дальше, к инквизиторам, глядевшим на них из сумрака в дальнем конце комнаты.

С другой стороны комнаты стоял Эмилиан. Он вышел вперёд, чтобы присоединиться к Илине, и на сей раз допрос начали они.

— Вы солгали нам, — сказал Эмилиан. — Мы приняли вас в наш дом, но вы нам солгали. Вы принесли к нам фага. Вы поставили всех нас под угрозу.

Троица переглянулась. Никто не знал, как отвечать — и могут ли они отвечать, учитывая предупреждение Илины в другой комнате.

— Кто будет говорить за вас? — спросила Илина. — Только один.

— Я буду, — ответил Джарлак, даже не взглянув на друзей.

— Тогда говори.

— Мы не лгали.

— Ещё одна ложь. Вы принесли фага, — возразила Илина.

— Я даже не знаю, что такое — этот ваш фаг!

— Шрам, — догадалась и выпалила вслух Кэтти-бри, не успев сдержаться — и напряглась, ожидая наказания, когда услышала, как позади быстро подошёл к ней стражник.

Илина подняла руку, чтобы остановить стражника.

— Пускай говорят все, — сказала женщина в дальнем конце стола, женщина с прямой спиной, которая не проронила ни слова, когда Кэтти-бри предстала перед ними впервые.

— Шрам? — спросила она Кэтти-бри.

— Шрам Закнафейна, у него на плече, — ответила Кэтти-бри. — Вы видели рану.

— Шрам? — сказал Эмилиан и снова нахмурился. — Это фаг, фаг хаоса! Шрам, тупица? Он зачумлен! Он станет слаадам! Красным слаадам, а может быть даже зелёным.

Кэтти-бри почувствовала, как подгибаются ноги. Она едва удержала равновесие — и заметила, что Джарлак тоже.

— Зелёным? — прошептал Артемис Энтрери. — Лягушка, которую мы убили, была зелёной.

— Вы солгали нам, — сказала Илина, нацелив обвинение на Джарлакса.

— Нет, — угрюмо поправил он. — Мы умолчали про одну стычку, одно сражение, один день нашего путешествия.

Губы женщины изогнулись в оскале.

— Мы не хотели вас обмануть, мы просто опасались, — объяснил Джарлак. — Да, мы сражались со слаадам и убили его, как сказал только что мой друг. Но он пришёл к нам в личине дроу и говорил очень похоже на вас, на этом языке дроу, более древнем, чем тот, на котором говорят у меня на родине, до сих пор сплавленным с мягкостью языка эльфов поверхности.

— Эльфы поверхности? — прошептал Эмилиан со скептическим выражением.

— Эльфийские народы, которые не относятся к дроу, — быстро вмешалась Кэтти-бри, легко угадав причину его недоумения. — Как эладрин.

Эмилиан кивнул, и было очевидно, что он никогда не слышал, чтобы про них так говорили.

— Вы сражались со слаадам? — подтолкнула их Илина.

— Мы убили слаада — зелёного, — повторил Джарлак. — Он пришёл к нам в обличье дроу, замаскированный иллюзией.

— Ваши поступки раскрывают вашу ложь, — сказал Эмилиан. — Почему тогда вы пошли с нами? Почему вы четверо не стали сражаться при нашей первой встрече, решив, что мы тоже — не те, кем кажемся?

— Ответ сейчас находится в вашей собственности, — признал Джарлак. — Моя глазная повязка. Точно так же, как я разглядел обман слаада, я увидел, что вы — такие же дроу, какими выглядите. На этом предмете лежат великие чары истинного зрения.

— Это неправда, — немедленно сказала Кэтти-бри, вынудив Джарлакса изумлённо замолчать.

— Уведите их, — сказал мужчина-инквизитор, вставая вместе с остальными двумя. Женщина справа подняла треугольный щит из спрессованного белого льда и большой синий

меч.

— Просто заткнись, умоляю, — сказала Кэтти-бри Джарлакса, и Илина толкнула её, дав знак молчать. — Хоть раз в жизни.

В сопровождении трёх инквизиторов, двух стражников, Эмилиана и Ирины товарищей вывели из дома и провели по улицам в северо-западный угол Скеллобеля, к большой двери из полупрозрачного синего льда, который резко отличался на вид от естественного льда в стене вокруг.

Через эту дверь они вошли в тёмный тоннель, и стражник с факелом в виде шара с рыбами вышел вперёд, чтобы вести их отряд вместе с вооружённой инквизиторшей.

Едва оказавшись внутри, друзья почувствовали здешний холод, глубокий и пронизывающий, который становился сильнее с каждым уводящим от города шагом. Они уже дрожали, добравшись до первой лестницы, и та оказалась лишь одной из нескольких, по которым пришлось подняться, так что достигнув вершины тоннеля, где к дневному свету вёл лишь короткий коридор, они ощущали онемение или покалывание в пальцах на руках и ногах, а дыхание вырывалось из лёгких густыми облаками пара.

Стало намного хуже, когда они вышли из тоннеля на уступ высоко в ледниковой стене. Перед ними простиралась широкая ледяная шапка, и далеко-далеко внизу раздавался настойчивый вой пронизывающего до костей холодного ветра, похожий на гудение огромной пчелы.

— Я могу проявить милосердие и просто сбросить вас с этого утёса, — сказала инквизитор с мечом. — Или вы можете сидеть и ждать, пока ветер не заберёт остатки тепла из ваших тел. Тогда вы просто уснёте и больше никогда не проснётесь.

— Значит, это всё была ложь, — сказал сквозь стучащие зубы Джарлакс.

— *Ваша* ложь, — ответила инквизитор. Она подняла меч и приподняла его остриём подбородок Джарлакса, вынуждая его посмотреть ей в глаза. — Мы проявили гостеприимство, а вы ответили нам ложью.

— Нет.

— Магия глазной повязки, если то, что ты сказал — правда, не сработала бы тогда, когда мы вас нашли, — сказала ему эвендроу.

— Потому я это и отрицала, — решила вмешаться Кэтти-бри.

Инквизитор опустила свой меч и подошла к Кэтти-бри.

— Ты назвалась жрицей Миликки.

Кэтти-бри кивнула, опасаясь, что из-за сильной дрожи это движение останется незамеченным.

— Может быть, нам следует судить тебя отдельно.

— Нет! — ответила она. — Мы вместе, в доверии и в любви. Вы не можете так поступить.

— Твой друг нам солгал.

— Мы не сопротивлялись, не сражались, потому что не могли, — прорычала сквозь ледяную боль Кэтти-бри. — Мы всё равно не хотели, но у нас не осталось никакой надежды, и мы могли только надеяться, что вы — не те, кого мы боимся.

— Вы использовали беззвучный язык жестов дроу, — добавил Джарлакс. — Лягушка бы так не сумела.

Инквизитор резко повернулась к нему.

— Если это правда, тогда почему вы не рассказали нам об этом бое, как было

приказано?

— Откуда мы могли знать, что вы с ними не в союзе? — ответила Кэтти-бри, полная решимости занять ведущую роль. — Встреченный нами слаад, который ранил Закнафейна, в нижних тоннелях той пещеры был не один. Он был с великаном. Инеистым великаном, как показалось Заку.

— Зелёный слаад? — спросила Илина.

— Да, как мы и сказали.

— Зелёный слаад не мог сделать этого с вашим другом. Их рождение — один из результатов хаофага, но они не являются переносчиками болезни.

— Мы решили, что причиной ранения должен быть убитый нами слаад, — объяснил Джарлак, когда Кэтти-бри замешкалась. — Нас не было с Закнафейном, когда он сражался в нижних тоннелях. Он отправился на разведку. А когда слаад пришёл и принёс оставленный им меч, Закнафейн не сражался вместе с нами, поскольку был серьёзно ранен, и жрица Кэтти-бри лечила его в дальней части пещеры. Мы не возвращались в нижние тоннели после этого боя, мы ушли как можно быстрее, в особенности потому, что Закнафейн так серьёзно пострадал. Наш друг рассказал нам о великане и странной комнате, которую он нашёл, намного позже.

Инквизитор посмотрела мимо Кэтти-бри на своих коллег, потом на Джарлакса.

— Яйца, — сказал тот. — Большие яйца, за которыми присматривал инеистый великан. Может быть, белые драконы? Так или иначе, мы ушли, и не стали останавливаться или замедлять шаг, чтобы оглянуться.

Инквизиторша долгое время смотрела на него и на Кэтти-бри — и время это казалось ещё более долгим из-за ветра, который вытягивал жизнь из стоящей в лёгкой одежде троицы. Но Кэтти-бри испытывала надежду, поскольку видела, что слова Джарлакса сильно на них повлияли, и, что более важно — его история нашла отклик.

— Я не чувствую злых намерений, — объявила инквизитор. — Я считаю, что они говорят правду.

— Ты считала так и раньше, — сказал инквизитор-мужчина.

— И они действительно говорили правду, — ответила женщина. — Я не могу оценить несказанное. Отдайте им плащи, — сказала она стражницам, и когда друзей закутали в невероятно тёплую одежду, инквизиторы повели их обратно в тоннель, а потом — обратно в Скеллобель, в зал, где три товарища снова предстали перед ними без плащей.

— Мои глубочайшие извинения, — начал Джарлак прежде, чем ему разрешили говорить.

— Наши извинения, — поправила Кэтти-бри. — Ещё до того, как вы привели нас в Каллиду, мы договорились умолчать о столкновении в той далёкой пещере, пока не узнаем больше о наших захватчиках, о вас. Если бы вы были в союзе с великанами и тем странным созданием, с которым мы сражались, с неизвестным нам чудовищем, тогда...

Илина подняла руки, чтобы её остановить.

— Где Закнафейн? — потребовал Энтрери. — Вы вылечили его рану?

Эмилиан фыркнул.

— Вылечили? Сейчас мы просто пытаемся сохранить ему жизнь и остановить распространение хаофага. Если ему повезёт, он потеряет только руку и плечо. Если зараза зашла слишком далеко, он станет одним из них, и его придётся уничтожить.

— Вы не можете его убить! — воскликнула Кэтти-бри.

— Мы пойдём на это с тяжёлой душой, но без колебаний, если возникнет такая необходимость. В другое время мы легко могли бы его вылечить, — объяснила Илина. — Но не сейчас, не в Сумеречную Осень. Если Закнафейн хочет выжить, то ему потребуется такое везение, которым он не обладал, получив удар когтем синего слаада в это лишённое магии время года.

— Расскажите вашу историю ещё раз, — сказал мужчина, находившийся посередине троицы инквизиторов. — С момента, как вы оказались в этих краях до того, как покинули пещеру после битвы. И все остальные подробности, которые вы от нас утаили. Все.

Он посмотрел на стражников у двери.

— Принесите нам еду и питьё. Подозреваю, мы здесь надолго.

Женщина справа от него добавила:

— Мы хотели позволить вам наслаждаться праздником и судить вас по вашим действиям и поступкам, и только тогда потребовать от вас полного рассказа о том, откуда вы пришли и как появились здесь. Теперь у вас нет подобного преимущества.

— Боюсь, я старше, чем кажусь на вид, — со смешком сказал Джарлакс — довольно жалкая попытка снять напряжение, подумала Кэтти-бри. — Это будет долго.

— Мы все предпочли бы быть снаружи, на празднике, — согласилась женщина. — Ваш обман лишил нас этого. Каждую подробность, Джарлакс, с того момента, как вы пришли в эту землю, до боя в пещере и вашего ухода из пещеры. И любые другие подробности о проведённом здесь времени, которые вы утаили. Любой из вас может его поправлять, если сочтёте нужным. Предупреждаю всех вас, второй раз вам не простят любых умолчаний.

— Отведите меня к Закнафейну, — взмолилась Кэтти-бри. — Может быть, я смогу помочь.

— Мы не впервые сталкиваемся с хаофагом, — ответила та же женщина-инквизитор. — Для нас это вопрос существования, поскольку мы сражаемся со слаадами, — она посмотрела на Джарлакса и резко добавила: — И с великанами, днём и ночью.

— Прошу вас. Он отец моего мужа и дед моей дочери.

— Ты не сможешь сделать ничего такого, что не смогли сделать мы. Если хочешь увидеть его снова, расскажи сейчас и здесь всю правду. Ему нужно сохранить жизнь и остановить болезнь до наступления ночи и возвращения наших целительных сил.

— И вы ничего не можете для него сделать? — спросил Джарлакс.

— У нас есть травы. Мы делаем всё, что можем.

Кэтти-бри опять заговорила, но женщина прервала её.

— Беспокойтесь о себе, — сказала она. — Вы здесь, чтобы рассказать историю — полную историю. И если сейчас вы не справитесь, знайте, что мы не будем тратить свои целебные силы на вашего друга. Лучший способ предотвратить трансформацию хаофага — вести себя совершенно иначе. Следующий раз, когда мы отведём вас на тот уступ, будет последним.

Инквизиторша посмотрела на Илину и кивнула на дверь.

— Иди и проверь Закнафейна, — сказала она, и Илина покинула помещение.

Джарлакс снова рассказал о том, как они пришли на север, о волшебных воротах Громфа, о лавине на горном склоне, которая едва их не прикончила, и про отчаянные попытки найти убежище. Теперь он рассказал им полную историю о событиях в той пещере, о разведке, на которую отправился Закнафейн, пока Кэтти-бри заботилась об Энтрери и они отдыхали, о сражении со слаадам, который вернулся в обличье дроу с потерянным мечом Зака, и про их

бегство из пещеры.

Когда он рассказал о заброшенном поселении, Кэтти-бри добавила полное описание своих ощущений, испытанных ею после того, как Закнафейн проделал брешь на иной план.

— Я почувствовала, что ледник, который служит домом вашей колонии, сам по себе — живое существо, — призналась она, затаив дыхание.

— Наши легенды гласят, что это — один из Ваати, — ответил ей после короткой паузы Эмилиан.

Это лишь вызвало недоумённые взгляды товарищей.

— Герцогов ветра Ааки, — пояснил один из инквизиторов.

— Мне неизвестны эти легенды, — сказала Кэтти-бри.

— Как и мне, — согласился Джарлакс.

— Мы расскажем вам об этом в другой раз, если... — сказал мужчина на подиуме. Он поднял руку, как будто передумав. — Наши легенды именуют этот ледник останками Кадижа, одного из Герцогов ветра Ааки, который лежит здесь в безумии Йгорла, призвав холодный северный ветер, чтобы защититься бронёй изо льда.

— Йгорл? — спросила Кэтти-бри. — Повелитель энтропии?

— Лорд слаадов, — сказал Джарлакс.

— Достаточно, — сказала на подиуме женщина с прямой спиной. — Расскажите нам остальное — полностью. Расскажите о своей родине, о том, что вы оставили позади. Мы надеялись, что это может подождать, но теперь — нет. Если хотите получить шанс снова пройтись по улицам Каллиды, вы расскажете нам всю историю своего появления здесь целиком.

Джарлакс поклонился.

— И снова прошу вас принять мои извинения — *наши* извинения — за умолчание про бой в пещере. Надеюсь, вы сможете понять.

— Извинения несущественны, — ответила женщина с прямой спиной. — Прямо сейчас нас беспокоит лишь то, представляете ли вы опасность или нет.

— Не представляем.

— Это нам и предстоит узнать, — твёрдо сказала она, прежде чем продолжить. — Итак, обнаруженное вами поселение принадлежало улутиунам, и большинство из них убили слаады. Те немногие, кто сумели спастись, теперь живут среди нас — или, по большей части, среди нас живут их потомки.

Кэтти-бри вспомнила найденные ими останки, те, у которых грудную клетку словно выломали изнутри, как будто что-то пыталось выбраться наружу...

У неё едва не подкосились ноги, когда она подумала о Заке и негромко застонала.

— Что такое? — спросил Эмилиан.

— Скелеты, которых мы там нашли, рёбра выломаны наружу. Это хаофаг?

— Нет, — ответил Эмилиан. Он посмотрел на инквизиторов, и те дали ему знак продолжать.

— Насколько давно был ваш бой с зелёным слаадом? — спросил он.

— Пару десятков дней, может быть месяц назад, — ответил Джарлакс.

— Это два очень разных отрезка времени.

— Прошу прощения — среди белизны мы утратили чувство времени.

Новые кивки.

— Вас было четверо, когда вы пришли на север? Вы никого не потеряли по пути?

— Только мы.

— Вас снова осмотрят, на этот раз более пристально, на предмет ранений, — объяснил Эмилиан. — Это будет очень тщательный осмотр.

Прежде чем они смогли запротестовать, женщина-инквизитор с левой стороны скамьи спросила:

— Вы уверены, что был только один зелёный слаад, которого вы убили, и может быть ещё синий слаад, который ударил вашего друга в нижних пещерах?

— Мы решили, что это одно и то же существо, — ответил Джарлак. — Мы видели только зелёного, которого убили, а Знафейн не упоминал других.

— Вас всех осмотрят, — снова сказал Эмилиан. — С головы до пят. Боюсь, если при обследовании найдут ранения или свежие шрамы, осмотр станет более тщательным.

— Зак был единственным раненым в том бою, — сказала Кэтти-бри.

— Да, и то что он до сих пор жив — огромная заслуга вашей богини, — ответил Эмилиан. — Хаофаг обычно убивает носителя, за несколько дней превращая жертву в слаада, красного или иногда зелёного, но это не единственный способ, которым слаади расширяют свои ряды. Одна разновидность откладывает яйца.

— Зак видел яйца в той пещере, — сказал Джарлак, но Эмилиан покачал головой.

— Яйца маленькие, их вкладывают в носителя на конце когтей красных слаадов, и там они вынашиваются, растут внутри жертвы, пока головастик не пожирает внутренности и не вырывается из груди. Это может занять несколько месяцев.

Кэтти-бри вспомнила выломанные наружу рёбра и вздрогнула от этого ужаса.

— Значит, внутри Знафейна яйцо? — спросила она. — Я осталась в недоумении, откровенно говоря.

Эмилиан рассмеялся.

— Не в таком недоумении, как слаади, — сказал он. — И нет, внутри Знафейна нет яйца. Существует три ранга слаадов, не доросших до высших позиций их общества: красные, синие и зелёные. И они отчаянно ненавидят друг друга. Однако при этом в друг друге нуждаются. Красные слаады вкладывают яйца в жертв, и те вырываются наружу, когда созревают.

— Как у тех костей, что мы нашли в поселении Улутиунов, — сказала Кэтти-бри.

— Как я рад, что мы решили тебя сопровождать, — саркастично заметил Энтрери, обращаясь к Джарлаксу.

— Да, — сказал Эмилиан. — Эти головастики становятся слаади, большинство — синими, но некоторые, если носитель был силён в обращении с магией, зелёными. Синие слаади впрыскивают хаофаг, как с вашим другом Заком, который станет, всё ещё может стать, красным или зелёным слаадом.

— Он не жрец и не волшебник, — сказал Джарлак.

— Значит, красным, — сообщил им Эмилиан.

— А зелёные? Мы сражались с зелёным, — объяснила Кэтти-бри. — Что они делают со своими жертвами?

— Обед, — ответил Эмилиан.

— Приготовленный на огненных шарах, — хмыкнул Джарлак.

— Они были заклинателями и остались заклинателями, — объяснил Эмилиан. Он хлопнул в ладоши, как будто собираясь положить конец этому тревожному диалогу. — Как видите, самым предусмотрительным вариантом будет просто убить вас всех и сжечь тела, —

закончил он. — Но мы этого не хотим. Поэтому расскажите нам полную историю о вашем путешествии в Каллиду и заслужите наше милосердие.

Много часов спустя, после самого тщательного и настойчивого осмотра, с которым они когда-либо сталкивались, трое друзей вышли из здания инквизиторов рядом с Эмилианом, уже — без липких оков на руках.

— Вы можете идти, куда пожелаете, — сказал им Эмилиан. — Я буду вас сопровождать.

— Чтобы следить за нами, — заметил Энтрери.

— Конечно, за вами будут следить — за вами следили в первый раз, когда вы гуляли по Скеллобелю. Вы ожидали от нас меньшего? Но нет, я сопровождаю вас не для того, чтобы следить за вами, а для того, чтобы присматривать. Новости про событие на винной битве, о хаофаге, наверняка уже разошлись по всему городу. В Скеллобеле вам придётся столкнуться со множеством вопросов.

— Мы с радостью примем твою помощь, спасибо, — сказала Кэтти-бри.

— Конечно, мы хотим увидеть Закнафейна, — сказал Джарлакс.

— Не сейчас, — сказал Эмилиан, качая головой, но затем немного посветлел, сделав им знак посмотреть на улицу, где торопливо шла к ним Илина вместе с Весси и женщиной, с которой сражался Зак, Адин Дуайн.

— Ему немного лучше, — сказала им Илина, не успели они даже обменяться приветствиями. — Повязки с травами на месте. Закнафейн сильный.

— С ним Аззудонна, — добавил Весси.

— Приносим свои извинения, — с поклоном сказал Джарлакс. — Мы не знали, что он заражён.

— Я думала, что его раны исцелились ещё до того, как мы прибыли, — объяснила Кэтти-бри. — Я молюсь Миликки, чтобы ты была в безопасности, — сказала она Адин Дуайн.

Женщина-воительница покачала головой.

— Опасность была бы,хвати хаофаг его полностью, — ответил Эмилиан. — Поскольку тогда среди нас оказался бы слаад. Хаофаг распространяют только когти синего слаада.

— Будь он более заразным, мы все здесь, скорее всего, уже скакали бы по-лягушачьи, — со смешком добавила Илина. Она посмотрела на Эмилиана и протянула руку к трём чужакам в Каллиде. — Инквизиторы удовлетворены?

— Удовлетворены. Нашим гостям следует радоваться, что сейчас на пьедестале восседает святая Галата. Галата очень восприимчива к словам и жестам допрашиваемых, — объяснил троице Эмилиан. — Она может различить не только правдивость речи, но и стоящие за словами намерения.

— Она паладин, — догадалась Кэтти-бри.

— О боги, — буркнул Артемис Энтрери, но на всеобщем, а не на языке дроу, и тяжело вздохнул.

Кэтти-бри подумала, что Джарлакс смеется чересчур оживлённо.

— В прошлом моему другу пришлось пережить несколько трудных — или лучше сказать «раздражающих» — встреч с паладинами. С королём-паладином, если конкретно. Не обращайтесь на него внимания, он всегда такой циничный.

— Тем больше он мне нравится, — сказал Весси, и Эмилиан с Илиной рассмеялись.

— Весси когда-то был в паре с Галатой, — объяснила Илина, и вздох Весси был таким же тяжёлым, как у Энтрери.

— В паре? — спросил Джарлакс. — В браке, ты хотела сказать?

— Нет, нет, — сказал Весси. — Так далеко мы не заходили!

На этот раз он присоединился к смеху Эмилиана и Илины.

— Я нахожу Галату просто чудесной, — сказала Адин Дуайн к заметному удивлению других каллидцев.

— Вот ты на ней и женись, — сказал Весси.

— Кто знает, — вот и всё, что ответила Адин Дуайн.

— Когда мы сможем увидеть нашего друга? — прервала последовавшее улюлюканье Кэтти-бри.

— Аззудонна приведёт его к нам, к вам, когда целители закончат свою работу и он сможет ходить, — сказал Весси. — До тех пор позвольте им делать своё дело, а Закнафейну — отдыхать. Предупреждаю, сейчас ему лучше, но пока мы не сможем воспользоваться могущественными заклинаниями, фаг будет оставаться у него внутри и продолжать расти.

— Он долгое время носил эту заразу в себе, — сказала Кэтти-бри Илина. — Может потребоваться самое сильное заклинание из всех.

Кэтти-бри ответила пустым взглядом, не зная, о чём она говорит, и в полной уверенности, что выводы ей не нравятся.

— Сейчас не стоит об этом, — объявила Илина. — Целители работают с вашим другом и надеются, что он будет оставаться живым и оставаться дреу, пока к нам не вернётся магия. И тогда, конечно, полностью выздоровеет. Давайте отправимся на праздник Сумеречной Осени. Ароматы, песня и танец зовут моё сердце.

Весси указал на Энтрери.

— Я чувствую в тебе родственную душу, — сказал он. — Пойдём... — он остановился, требовательно помахав рукой.

— Артемис, — ответил тот.

— Пойдём, Артемис, — продолжал Весси. — Я покажу тебе места увеселений для обладателей нашего общего... может быть, темперамента? Места, которые не по нраву паладинам. Сегодня последний день, когда мне дозволено блуждать по тавернам в тоннелях между округами, и я хочу отправиться в заточение с Бьянкорсо с головой в руках!

— Думаю, с ним тебе будет веселее, — ответил Энтрери, указывая на Джарлакса, но Джарлакс ничего не хотел слышать и вытолкнул Энтрери вперёд.

— Иди, — сказал он Энтрери. — Узнай что-нибудь.

— Покажешь мне травы? — спросила Илину Кэтти-бри, когда Энтрери и Весси двинулись в путь.

— До Ардина далеко, — ответила жрица. — Но да. Это позволит нам поговорить. Я хочу больше узнать о твоей богине.

— Что ж, вы оказались счастливыми, — сказал Джарлакс, когда две женщины ушли, оставив его с Эмилианом и Адин Дуайн.

— Надеюсь, твой друг выздоровеет, — сказала Адин Дуайн.

Джарлакс собрался с духом.

— Спасибо. Он действительно мой друг, мой самый старый друг. Я расскажу вам о наших приключениях — по крайней мере о тех, на которые хватит времени.

— Он победил меня, — признала Адин Дуайн.

— Победил, — согласился Эмилиан. — Хотя, по словам Весси, ты сражалась великолепно. Он и Аззудонна высоко отзываются о тебе в Бьянкорсо.

У юной женщины-эвендроу это вызвало улыбку.

— В те долгие годы, что мы жили в Мензоберранзане, Зак был величайшим воином города, — сказал им Джарлакс. — По сей день он величайший воин-дроу, которого я когда-либо знал — а я знал многих. Ну, величайший, не считая одного — его собственного сына, мужа Кэтти-бри.

— Я с радостью послушаю эти рассказы о приключениях, — сказал Эмилиан.

— И я, — присоединилась Адин Дуайн. — Мне сказали, что в честь моей битвы с твоим другом виноделы достали бутылки, наполненные Сумеречной Осенью того года, когда я родилась.

— Нельзя это пропустить, — сказал Эмилиан.

— Ни за что на свете, — согласился Джарлакс и позволил себя увести.

Глава 18

Мягкость

— Холодно, правда? — сказала Аззудонна, когда заползла в тоннель, ведущий к кровати Закнафейна.

Сидевшему на кровати оружейнику не потребовалось кивать для подтверждения очевидного, поскольку его улыбка демонстрировала стучащие друг о друга зубы. Его плечо и рука были окутаны огромной ледяной перевязью, а сама его кровать была всего лишь выступом, вырезанным в стене ледника.

— Скоро тебя заберут отсюда, — сказала ему Аззудонна. — Считается, что холод замедляет прогресс фага, особенно когда тот в руке или в ноге, и позволяет травмам лучше с ним бороться.

Зак кивнул.

— Ж-женщина, с которой я д-дрался, — простучал зубами он. — Я её заразил?

— О нет, не беспокойся. Ты не можешь передать кому-то фаг. На это способны только когти синего слаада.

Зак снова кивнул и вздохнул с облегчением.

— Ты хорошо сражался, — сказала женщина. Она подошла поближе и повернулась боком, повторяя положение Зака. Она улеглась набок и подпёрла голову рукой. Густая грива фиолетово-белых волос каскадом упала на ледяной пол крохотной камеры.

— Её сила удивила меня, — сумел выдавить Закнафейн и закончил дрожью и вздохом инеистого дыхания. — Бой почти закончился ещё до того, как я понял, что он начался.

— Мы это видели. Адин Дуайн — непростая соперница. Она легко может войти в число тех, кого мы примем в Бьянкорсо, если потеряем центральных защитников. И да, мы все видели, что она почти победила. Всё, что ей требовалось — пережить бой, и тогда победа была бы за ней, поскольку пятна от винограда были на тебе...

— И остаются, — заметил он, указывая здоровой рукой на заляпанную красным и фиолетовым сорочку.

— Однако не пострадай ты от фага, она бы не выдержала, — сказала Аззудонна.

Зак пожал плечами и вздрогнул.

— Я говорю это не ради ложной похвалы, — заверила его она. — Как только ты встал на ноги, ты обнаружил её слабость и воспользовался этим.

— Её атаки были слишком прямолинейны, — сказал Зак. — Она опускала вторую, защитную руку, пытаясь ударить посильнее.

Он с сожалением улыбнулся.

— Признаю, бьёт она сильно.

— Если ты останешься в Каллиде, то в следующем году будешь сражаться в каззкальци, я не сомневаюсь. Надеюсь, что в качестве своего округа ты выберешь Скеллобель.

Она замолчала и наградила его игривой улыбкой.

— Потому что я не хочу видеть, как тебя избивают до бесчувствия.

Зак сумел ещё раз широко улыбнуться, но вздрогнул от боли.

— Я смогу сражаться? — спросил он, не только у гостыи, но и у самого себя.

Однако он посмотрел на Аззудонну, когда закончил, взглядом переадресуя вопрос ей.

Она не улыбалась.

Она пыталась улыбнуться. Но не улыбалась.

Товарищей разместили в большом невысоком здании неподалёку от перекрёстка Скеллобея. Это была единственная гостиница во всём округе, обычно используемая для гостей из остальных трёх, которым не хотелось после визита возвращаться обратно пешком. И изредка, совсем нечасто, её использовали для чужаков, что забрели в ледниковый разлом или погибли бы от беспощадной стихии, не подоспей эвендроу к ним на помощь. Вывеска снаружи называла гостиницу «Ибилситато», — Джарлакс не понимал этого слова, пока не разбил его на части и не переставил местами слога.

— Это просто адресованное гостям приветствие, — объяснил он Энтрери и Кэтти-бри.

— Неудивительно, что у тебя были с этим сложности, — подколола его Кэтти-бри. — В Мензоберранзане такого не встретишь.

— Неправда. В темницах дома Бэнр похожее приветствие висит над входной дверью, — сказал Энтрери.

Но они были не в мрачном городе дроу, и это была не темница. Это место было скорее общей комнатой, своего рода таверной, чем гостиницей, всего с несколькими спальнями позади. Скоро товарищи поняли, что один из их новых друзей облегчил им путь сюда, поскольку их тепло поприветствовали курит, прибирающий столы, и два эвендроу, покидающие и возвращающиеся на кухню с подносами с едой, а также круглолицый повар-улутиун, постоянно напоминающий своей команде: «Танцуйте и обслуживайте. Не забывайте, еда — это жажда жизни!»

Им отвели столик рядом с центром комнаты. Они чувствовали на себе взгляды каллидцев, пока заведение вокруг них наполнялось посетителями. Однако в их адрес не звучали грубые слова, и многие даже подходили к ним с пожеланиями выздоровления их больному другу и заверениями, что целители Скеллобея хорошо умеют бороться с хаофагом.

Кэтти-бри заметила, что Джарлакс становится всё менее и менее словоохотлив с теми, кто к ним подходит, и как будто погружается в себя — что было весьма необычно для остроумного и жадного до деталей пройдохи. Однако от неё не укрылось выражение его глаз (и как необычно было видеть оба его глаза!), пока он вбирал в себя зрелища и звуки окружающего веселья.

Она это понимала и чувствовала то же самое.

— Ты видишь здесь будущее, Джарлакс? — спросила она спустя какое-то время.

— Для меня?

— Для твоего народа, — пояснила женщина. — Ты видишь в этом месте то, что надеешься увидеть в Мензоберранзане? Может быть, в Лускане?

— Я пока не знаю, что об этом думать, — признался он. — Я не сомневаюсь в искренности наших хозяев, и даже не боюсь, что здесь есть более жестокая сторона, скрытая от глаз. По крайней мере, не особенно — и это куда больше, чем я могу сказать почти о любом городе, в котором я только бывал.

— Это не Мензоберранзан, — согласился Энтрери.

— Но в Мензоберранзане есть искры Каллиды, — указал Джарлакс. — По большей части, на Улицах Вони, где влияние верховных матерей не такое значительное.

— И где в переулках частенько находят трупы, — напомнил ему Энтрери.

— Но, друг мой, чаще всего это останки после политического и семейного соперничества.

— Мензоберранзан — неприятное место, — сказала Кэтти-бри. — Здесь я этого не чувствую, и не думаю, чтобы нас обманывали. Их улыбки настоящие, и причина тому — радость.

— Они играют старательно, а пьют ещё старательнее, — сказал Энтрери, которого мучила чудовищная головная боль. — Они танцуют, любят и поют — всё самозабвенно.

— И пьют, — с понимающей усмешкой повторил Джарлакс.

Энтрери застонал и обхватил руками голову.

— Понравилось проведённое с Весси время? — со смешком спросила Кэтти-бри.

— Даже слишком. Но да. Он отвёл меня в место под названием Де'лирр. Не знал, что дроу могут так сильно потеть.

Остальные двое уставились на него с любопытством.

— Это был наполовину танец, наполовину бой, целью которого было как можно дольше оставаться на полу. Мало кто ушёл оттуда в одиночестве.

— Включая Энтрери?

Тот просто пожал плечами и даже как будто немного покраснел, что застало Кэтти-бри врасплох.

— Они живые, — продолжал Энтрери. — Может быть, самые живые из всех, кого я знал. Они играют старательнее, чем многие сражаются.

После небольшого молчания Кэтти-бри изумила спутников, когда посмотрела на Джарлакса и спросила:

— Ты уже готов признаться?

— Дорогая госпожа, о чём ты?

— Что мы на самом деле оказались здесь, на крайнем севере, из-за Каллиды, — повторила Кэтти-бри. — Дело было не в Доум'вилль и уж точно не в Хазид'хи. Ты привёл нас сюда, потому что знал об этом месте.

— Не знал, — сказал Джарлакс, серьёзно и спокойно, совершенно не рисуясь. — Я не знал о нём, но...

— Но...

— Но да, я подозревал о его существовании.

Кэтти-бри откинулась на спинку стула и вздохнула. Артемис Энтрери скрестил взгляды с наёмником.

— В том же путешествии, в котором я посетил Лунолесье, я повстречал очень старого эльфа в Серебристой Луне, который рассказывал безумные истории о дроу на севере, на самой вершине мира.

— Что за чудесное совпадение, — саркастично заметила Кэтти-бри.

— Это было не совпадение, — признал Джарлакс. — Я уже слышал о Фривиндле, и уже попросил местного лорда расследовать эти слухи и устроить мой визит к Синнафейн. Видите ли, дело всегда было и в Доум'вилль тоже, и да, хотя это и не так важно — в Хазид'хи. В грядущих испытаниях Мензоберранзана нахождение Доум'вилль, если она та, кто я думаю, будет очень важным. Я знал, что она была на севере, и, казалось, каким-то образом сумела выжить. Я думал, что она может быть здесь, если это *здесь* действительно существует.

Энтрери фыркнул.

— Что? — спросил его Джарлакс.

— Мне не нравится, когда меня используют, — сказал тот. — Хотя странно, что меня это вообще удивляет, раз уж речь о тебе.

— Тебя не использовали и не обманывали.

— Звучит, как твои слова инквизиторам, — сказала Кэтти-бри. — Помнишь, те, из-за которых нас чуть с утёса не сбросили.

— О Каллиде я знал только из рассказов эльфа, приближавшегося к концу жизни и казавшегося скорее затерявшимся в фантазиях, чем живущим в настоящем вокруг, — сказал Джарлакс. — Я даже не знал названия этого города и понятия не имел, что он может располагаться внутри ледника — или что он будет похож на это.

— Не считая дроу, — сказала Кэтти-бри.

— Да, и того, что они не поклоняются Ллос, того, что их общество не является жестоким и несправедливым. Если верить тому, что Фривиндль рассказал мне об этих дроу, мы нашли общество эгалитарное и высокоморальное, место, где ты выживаешь потому, что можешь положиться на других, а они выживают, потому что могут положиться на тебя. Вы понимаете, что значит такая возможность для меня, которому пришлось выживать в Мензоберранзане? Для Закнафейна, который отдал жизнь просто ради того, чтобы его верховная мать не убила его собственного сына — лишь по той причине, что он отказался выполнять омерзительные требования Паучьей Королевы?

— Значит, Зак знал, — сказал Энтрери.

— Нет, — резко ответил Джарлакс. — Я не говорил никому, кроме Даб'ней, которая была со мной на востоке, и заставил её поклясться хранить молчание. Вы понимаете, каким огромным могло быть разочарование Зака, если бы рассказы Фривиндля действительно оказались пустой выдумкой? Я не мог поступить так с ним — или даже с Киммуриэлем и Громфом.

— Громфом? — недоверчиво повторила Кэтти-бри.

— Громфом, — объявил Джарлакс. — Или любым другим. Любым из Бреган Д'эрт и большинством дроу из Мензоберранзана. Я не сказал вам по тем же причинам, по которым не сказала Даб'ней: потому что мы понимаем, каковы ставки для тех из нас, кто сбежал из Мензоберранзана и от Паучьей Королевы. На это — Каллиду, эвендроу, на всё это — мы не смели даже надеяться.

— Поэтому я отрицаю ваш гнев и ваше обвинение в обмане, поскольку дело тут и в Доум'вилль, мы делаем это ради неё, ради её бедной матери и ради надежды, что мы сможем сделать что-нибудь, чтобы предотвратить, или уменьшить грядущую бурю в Мензоберранзане — или по крайней мере убедиться, что в ней победит верная сторона. Может быть, для вас это неважно, но очень важно для меня.

— Для меня — неважно, — сказал Энтрери, однако опустил взгляд, чтобы не смотреть в глаза товарищей, и Кэтти-бри подумала, что он просто хотел сказать что-то — что угодно — чтобы отомстить за то, что его водили вокруг пальца.

— А для меня важно, — сказала она Джарлаксу. — Это важно для моего мужа и моей семьи.

Когда она закончила, она подумала о том, какое настроение было у Дзирта в последнее время, и добавила про себя: «Я так думаю».

— Однако выскажу предостережение: мы на самом деле не знаем, что такое

Каллида, — добавила она.

— Мы видели, как они сражаются, — вмешался Энтрери, снова подняв взгляд. Его выражение было смертельно серьёзным. — Этого не узнать в кружке вязания или рисуя красивые картины. И за ночь, проведённую в компании Весси, я увидел ещё больше примеров того, как они сражаются — поединков на оружии с затупленными лезвиями. Если дюжина эвендроу сразится с дюжиной дроу из Мензоберранзана, единственное, на что я готов поставить — что обе стороны проиграют.

— Это суровая земля, — напомнила ему Кэтти-бри.

— Возможно, — ответил Энтрери. — Но по моему опыту те, кто так хорошо сражаются, делают это часто.

— Они те, кем кажутся, — настаивал Джарлак. — Они играют от всей души, они любят от всего сердца, они живут ради самой жизни. Я видел это на Улицах Вони в Мензоберранзане. Всю мою жизнь я считал, что это лишь ответ на строгие эдикты Ллос и верховных матерей, но теперь я понимаю, что эти традиции сложились на Улицах Вони потому, что несмотря на всё давление и угрозы, тамошние дроу были свободны.

Энтрери фыркнул, но ничего не сказал — к их столику подошла женщина с двумя кружками в каждой руке. Её волосы были скорее синими, чем белыми, а кожа демонстрировала синие оттенки среди сумрачно-серого цвета дроу. Её глаза тоже были синими, только светло-голубыми, не такого глубокого оттенка, как у Кэтти-бри. Однако ни один из них не видел на дроу синего цвета. Она была одета в открытое платье с красивыми кружевами, отороченное золотым мехом, который казался таким мягким, что в него можно было упасть и уже не вернуться. Она поставила на стол три кружки с крепким пивом, казавшихся стеклянными, хотя на самом деле они были сделаны из льда.

— За новых друзей, — произнесла она тост, подняв собственную кружку для большого глотка. — Биллиби, — сказала она, вытерев губы от пены, и указала на одного из эвендроу, толкающего большую тележку. — У него хороший ассортимент. Берите, что пожелаете, но если вы очень голодны — возьмите *таглиог*. Это жареный хвост, очень жирный.

Она причмокнула губами и подмигнула, затем отошла, но остановилась и обернулась.

— Я говорила с Илиной, — серьёзно сказала она. — Вы не сделали то, о чём она просила.

Троица с любопытством поглядела на женщину.

— Хурма, — объяснила синеглазая дроу. — С сыром овцебыка и скеллобельским ледяным вином, конечно. Я пришлю их вам. Вы ещё поблагодарите.

Ещё одно подмигивание, и она ускользнула.

— Я получил ответ от богов, — сказал Джарлак, — потому что, кажется, я умер и попал в рай.

— Это место, где вокруг полно опасностей, — сказала Кэтти-бри. — Они выживают, потому что полагаются друг на друга. Может быть, это ключ к их любви к жизни. Думаю, ты прав, Джарлак.

— *Гьйоу*, — сказал наёмник. — Любовь к жизни и понимание её скоротечности.

Он поднял свою ледяную кружку, и Кэтти-бри ударила о неё своей.

— Я удивлён, что в вашем языке есть такое слово, — сказал Энтрери. — Но по поводу того, что ты считаешь причиной, — добавил он, обращаясь к Кэтти-бри, — разве ты не описала Мензоберранзан? И где же там, в окружении опасности, *гьйоу*?

— На Улицах Вони, — снова сказал Джарлак.

— Убийства, — снова парировал Энтрери.

— Значит, на Улицах Вони без тени Ллос, — сказала Кэтти-бри, и за это они с Джарлаксом снова чокнулись кружками.

На сей раз, хмыкнув и заворчав — ведь в конце концов он был Артемисом Энтрери — Артемис присоединился.

Жареный хвост полностью оправдал все их ожидания, и троица поглощала большие куски этого блюда, когда голубоглазая женщина возвратилась.

— Мне сказали, что ты жрица, — обратилась она к Кэтти-бри.

Та кивнула с набитым ртом.

— Когда магия вернётся, я научу тебя создавать это, — пообещала дроу.

— Как твоё имя? — спросил Джарлакс.

— Ох, я знаю ваши, но забыла назвать своё! Меня зовут Айида, но моё настоящее имя — Айда'Умпту.

— Я с радостью научусь такое делать, — сказала Кэтти-бри. — Я изумлена, что подобного можно достичь без убийства животного.

— Это необходимость, ведь здесь так мало животных. Кроме того, мы любим наших животных. Подумайте сами — я делю дом с двумя муктефф. Я готова их освежевать не больше, чем готова освежевать... ну, например, вас! И должна признать, я нахожу цвет вашей кожи прекрасным.

— Мне следует беспокоиться? — со смехом спросила Кэтти-бри.

— Нет, но ему, может быть, и следует, — ответила Айида и ткнула Энтрери в плечо, затем рассмеялась и ускользнула прочь.

— Значит, то, что нам говорили — правда. Они научились воспроизводить прекрасные вещи при помощи своей магии, — сказала Кэтти-бри, когда женщина ушла. — Ты действительно оказался в раю, Джарлакс.

Взгляд, которым ответил ей в это мгновение Джарлакс, заставил Кэтти-бри замолчать, поскольку она никогда не видела такого выражения на лице вспыльчивого наёмника. Казалось, он готов заплакать.

Айида вскоре вернулась с обещанной хурмой. Она подтащила стул и присоединилась к друзьям, и показала им, как по-настоящему есть скеллобельские деликатесы, с безупречным и необходимым соотношением сыра к фруктам, которое требовалось немедленно запить вином.

— Как я и обещала! — раздался голос, когда они четверо сделали первый укус и пригубили вино, и они обернулись, обнаружив, что к ним присоединились Илина, Эмилиан, Адин Дуайн и несколько других.

— В Каллиде есть лишь одно превосходящее удовольствие, — сказала Айида и бросила взгляд на Энтрери. — И даже это мнение оспаривают.

— Да, казкальци, — немедленно возразила Адин Дуайн. — Казкальци. Ничто не может сравниться с казкальци.

— Тогда за Адин Дуайн, — сказал Эмилиан, поднимая кружку. — Если ей не представится возможности попасть на поле на этом празднике, так пускай найдёт настоящую битву на следующем закате!

— За Адин Дуайн! — присоединились остальные.

— А где Весси? — спросил Энтрери, разыскивая того взглядом.

— Он в уединении, конечно же. Бьянкорсо не появятся до своей первой битвы

мерцающей ночью.

— Мерцающей ночью?

Им всем принесли полные кружки, и по залу пронёсся следующий тост:

— Бьянкорсо! Квиста Канзей!

— Завтра голова будет болеть ещё хуже, — предупредила Кэтти-бри Энтрери, когда тот поставил кружку на стол и подавил то, что должно было стать жуткой отрыжкой.

— Оно того стоит, — ответил он.

Кэтти-бри расслабилась и присоединилась к тосту. Она по-прежнему не могла избавиться от страха, что всё это был обман, но по ходу веселья стала понимать, что страх остаётся лишь потому, что она не хочет, чтобы всё это оказалось ложью. Даже не думая о том, какую опасность может прятать такая ложь для неё и для её друзей, она не хотела, чтобы это оказалось чем-то кроме истины.

Ради Джарлакса.

Ради Закнафейна.

И больше всего — ради Дзирта.

И больше всего — ради Бри.

— Я должна на время попроситься, — сказала Заку Аззудонна.

Зак какое-то время переводил дух — дышать становилось всё тяжелее. Казалось, будто в горле застряло пёрышко, которое постоянно его щекотало.

— Куда? — сумел спросить он.

— Я должна отправиться в уединение с Бьянкорсо перед каззкальци, — пояснила воительница. — До заката осталось только три дня. Мы должны подготовиться. Мы должны не думать ни о чём, кроме каззкальци.

Зак кивнул и вернул голову в нейтральное положение, глядя прямо вверх на лёд. Он думал о сыне, и сейчас ему казалось, что он уже никогда не увидит Дзирта. Он думал о Кэтти-бри — да, хотелось бы, чтобы они привели её к нему. Он должен был извиниться перед ней за те первые дни, когда он только вернулся к жизни, когда ещё не сумел преодолеть предрассудки, укоренявшиеся в нём со дня его рождения. Даже если, в особенности если это был его последний вздох, он хотел сказать ей об этом ещё раз. Он надеялся, что его внучку ждёт лучший мир, и теперь, увидев это место, он осмелился верить, что такое возможно.

Однако он всё равно не мог погибнуть счастливым. Не мог уйти сейчас и принять это.

— Я буду бороться, — объявил он, хотя на самом деле даже не знал, с чем борется. Он ничего не чувствовал в плече или в руке, но решил, что дело во льде. Однако сейчас его пугало чувство покалывающего онемения и сверкающие линии, которые покрывали уже половину груди и тянулись к другому бедру и дальше, вниз по правой ноге.

— Хотелось бы, чтобы ты сражался рядом со мной в каззкальци, — сказала Аззудонна. — В следующем году, да!

Зак расслышал притворный оптимизм в её заявлении, её преувеличенную бодрость. Она понимала, с чем он столкнулся. Он повернул свою голову, чтобы снова посмотреть на неё, и несмотря на то, как плохо себя чувствовал, был поражён увиденным. В комнате позади неё горел огонь, и свет от него плясал в глубокой нише. Она стояла на четвереньках, тоннель был слишком низким, чтобы там выпрямиться, и отодвинулась немного в сторону, наклонив туда голову с широкой усмешкой.

Слишком широкой для того страха, который она испытывала в глубине души, знал Зак, но не мог не оценить её усилий.

Её длинные волосы собрались на плече и спадали оттуда вниз сверкающим водопадом, отблески света сверкали между отдельными волосками с каждым движением.

В этом мгновении, в этом свете была какая-то мягкость, которая глубоко поразила Зака, и ему потребовалось какое-то время, чтобы понять, почему.

Он никогда не видел женщину-дроу такой... нежной. Настолько открытой эмоционально. Настолько щедрой. Ближе всего была Даб'ней, и в его растерянных мыслях начали возникать нежные воспоминания о жрице. Он начал теряться в них.

Аззудонна оторвала руку от пола, что-то протянув, и мысли Зака вернулись в настоящее.

Его рубаха?

— Это твоё, да? — спросила она.

Он сумел слабо кивнуть.

— Можно её порвать?

Вопрос застал его врасплох.

— Оторвать полоску, — объяснила она. — Я хочу носить её на запястье в битве. Я буду чемпионкой Закнафейна, если он позволит.

Зак кивнул.

Она дёрнула, лишь чуть-чуть разделив ткань.

— Мифрил, — прошептал Зак, когда женщина осмотрела рубаху и заметила лёгкий металл в слоях сукна. Она улыбнулась и отделила достаточно, чтобы оторвать от рубахи кусок. Она обернула его вокруг правого запястья, завязала узлом, и снова обернула, затем затянула левой, сжав другой конец зубами.

Она смотрела на него своими лавандовыми глазами, так похожими на глаза его сына, и всё время улыбалась.

— Вот, — объявила она, закончив, и протянула ему руку, тыльной стороной к его лицу.

— Дашь мне своё благословение? — спросила она, когда он не ответил.

Он хотел сказать, что даст, когда Аззудонна чуть пошевелила рукой, показывая ему, что имела в виду. Зак подался вперёд и поцеловал тыльную сторону её ладони. Затем она взяла его руку и поцеловала точно так же.

— Бьянкорсо победят, — сказала женщина. — Я буду бросать с силой Закнафейна.

— Бросать? — хотел спросить он, но вырвавшийся наружу звук был очень слабым.

— Отдыхай, друг мой, — ответила она. — Отдыхай и борись с болезнью. Скоро наступит закат, и магия перестанет убывать. Будь сильным, и мы выиграем твой бой вскоре после того, как Бьянкорсо победит в своей битве. Я обещаю.

Она придвинулась ещё ближе и прижалась губами к щеке Зака.

— Я обещаю, — снова сказала она, и вылезла из алькова.

Зак закрыл глаза и попытался сосредоточить свою силу воли. Но теперь это было труднее. Он был рад её обещанию.

Даже если не верил в него.

Глава 19

Каззкальци

— Он выглядит просто ужасно, — сказала Галате опустошённая Кэтти-бри, когда она и паладин покинули здание, где располагалась палата Зака. Спорить было не с чем. Кэтти-бри навещала его каждые несколько часов после того, как ей позволили эвендроу, и было отчётливо видно, как быстро развивается болезнь. Вся левая сторона его груди была раздутой и красной, почти светилась красным, а рот растянулся практически от уха до уха, сделав оружейника едва узнаваемым. Было ясно, что он терпит поражение и начинает меняться.

Галата положила ей руку на плечо в знак поддержки, но ничего не сказала в ответ.

— Я думала, ваш народ уже сталкивался с этим, — сказала Кэтти-бри.

— И часто. Слишком часто.

— И знает, как этому противостоять, как излечить фаг.

— Мы не просто так увеличили наши дозоры в городе в это время года, — ответила Галата. — И не просто так ни одного из этих дозоров нет снаружи Каллиды. У нас мало опыта с хаофагом в период Сумеречной Осени, потому что в это время мы держимся подальше от слаади — а они, сами по себе зависящие от магии, не нападают на нас. Сумеречная Осень — время мира, потому что в этот период нет магии, нет иллюзий, нет исцеления и нет спасения.

— Закнафейну необходимо пережить несколько дней этого заката, — продолжала она. — Он должен найти внутри себя силу сопротивляться последним укусам трансформации до тех пор, пока не возвратится наша магия. Возможно, травы и лёд помогут замедлить прогресс, но продержаться ему позволит только его сила воли.

— А если нет?

— Он станет красным слаадом.

— А ваша магия? Ты сказала, величайшее из заклинаний...

— Тогда мы не сможем его спасти, — мрачно ответила Галата. — История гласит, что однажды у нас был волшебник, который обратил превращение вспять, который пожелал вернуть жертву к её жизни эвендроу. Но это дорого обошлось волшебнику, и он больше не смог прочесть это самое могущественное из заклинаний — до самого дня своей смерти.

Эта мысль обожгла разум Кэтти-бри. Заклинание желаний? Кто из её знакомых мог бы прочесть настолько легендарный двомер? Точно не Гарпеллы. Она подумала про Главную башню Волшебства. Если кто в ней и мог совершить этот великий магический подвиг, это был... Громф Бэнр.

Мог ли? И более важно — стал бы?

— Если превращение завершится, Закнафейна быстро и милосердно убьют, — сказала Галата, вырвав Кэтти-бри из её мыслей.

— Нет, — возразила она. — Мы заберём его обратно на юг. У нас есть могучие маги...

— Нет, — оборвала её Галата. — Вы не сможете забрать его туда в срок, который позволит волшебнику обратить превращение вспять.

— И вы этого не позволите, — сказала Кэтти-бри.

Галата не стала это подтверждать, но Кэтти-бри видела, как разрывается паладин. Слаади были смертельными врагами эведроу, и женщине нелегко было переварить мысль о том, чтобы отпустить одно из чудовищ на свободу. Если верить Галате, красные слаады размножились очень стремительно.

— Закат завтра, — сказала Галата. — Мужайтесь. Закнафейн силён — большинство уже сдалось бы. Наша магия скоро вернётся — как и ваша.

Кэтти-бри кивнула, сделала глубокий успокаивающий вдох, готовясь к худшему. Потому что она видела ухудшения и сомневалась, что Закнафейн проживёт ещё день.

— Завтра битва, — не задумываясь, сказала она.

— Казкальци, да. Это славное зрелище.

— Ты когда-нибудь сражалась в ней?

— Почти. Но моё путешествие и моё рвение привели меня в другое место — которое я очень ценю, — пояснила Галата.

Кэтти-бри кивнула.

— Славное и свирепое? — спросила она. — Почти без правил и со всей жестокостью безоружной войны, как я слышала.

— Ты слышала правду, хотя не думаю, что ты можешь полностью оценить его, не увидев сначала собственными глазами. Вся Каллида наблюдает за четырьмя битвами, и каждый болеет за свой округ, каждый болеет за традиции этого места, которое мы зовём домом, и за решительность, которая сохраняет нам здесь жизнь.

— Почему вы проводите их в это время? — спросила Кэтти-бри. — Если кого-то ранят, у вас не будет волшебного исцеления и даже зелий.

— Если? — со смешком отозвалась паладин. — Ранены будут многие — и некоторые очень тяжело.

— Тогда почему сейчас?

— Именно поэтому! — сказала Галата. — Они рискуют получить серьёзное ранение, даже умереть, хотя такое случается редко, за свою веру в Каллиду, за свою преданность соседям, свою готовность служить со всеми. Потому что в это время их раны обладают значением, у них остаются шрамы, они рискуют по-настоящему. Разве ты не понимаешь? Не нужно много храбрости, чтобы сражаться рядом с готовым тебя исцелить жрецом.

Кэтти-бри кивнула. В этом был смысл, хоть и весьма жестокий.

— Мы живём в опасном месте, — сказала ей Галата. — У нас есть враги — великаны, слаади, свирепые звери, драконы, белые черви, сама земля вокруг. Когда я была младше, у нас было пять округов, но теперь их только четыре — один забрал ледник. Тепло от реки Каллиды на западе пропало, и Каттисолу одолел Кадиж, сожрал дом за домом, а её жители разошлись по оставшимся округам. Кадиж продолжает своё наступление, и мы уверены, что его направляют слаади.

— Как такое может быть?

Галата пожала плечами и покачала головой.

— Наверное, они подстрекают Кадижа. Они раздражают его, чтобы он рычал, и его дыхание застывает и нарушает равновесие.

Кэтти-бри вспомнила своё знакомство с ледником, когда она потянулась к плану огня, и поняла, что внутри этой огромной реки льда находится разумная сила стихии. Может быть, не зложелательная сама по себе, но и не обладающая моралью, которую мог бы понять простой человек.

И благодаря этим воспоминаниями Кэтти-бри сумела понять всю серьёзность слов Каллиды. Страсть, необходимость, равновесие. Это сообщество, каким бы древним и устойчивым оно ни было, выживало лишь на самом краю разрушения только из-за местности, в которой располагалось. И если это исчезнет, исчезнет также сообщество и дом эвендроу.

Кэтти-бри пришлось отбросить эти размышления, поскольку её мыслями снова завладел Закнафейн, вынудив женщину тяжело вздохнуть.

— Закнафейн силён, — сказала Галата, чтобы утешить её в последний раз. — Закат уже завтра.

Следующим утром трёх друзей разбудили оглушительные крики. Они выбрались из постелей, вытерли глаза, наскоро оделись и вышли в пустующую общую залу. Выйдя наружу, Кэтти-бри решила, что они с двумя мужчинами проснулись сегодня в Скеллобеле самыми последними и последними вышли на улицу.

Дроу, курит, улутиуны и ороки стекались по каждому переулку на главный бульвар, скандируя «Победу Бьянкорсо! Победу Бьянкорсо! Чемпионы, чемпионы, чемпионы!»

К югу от них толпа расступилась, разошлась по краям улицы, и в открывшемся проходе появились бойцы каззкальци, одетые в те же скудные облачения из ленточек, обёрнутых вокруг рук и ног, что использовались в боях в бочке, только эти ленты были сине-белыми. Их кожа блестела, и Кэтти-бри подозревала, что они намазались слизью миксин.

Бойцы шли мимо молча, некоторые — вскинув кулаки, и толпа смыкалась следом за ними, на каждом шагу продолжая кричать.

— Я хочу увидеть Зака, — громко заметил Джарлак, чтобы его расслышали товарищи, которые стояли совсем рядом.

— Но я не хочу пропустить это... что бы это ни было, — ответила Кэтти-бри.

Энтрери указал на юг, и другие заметили, что к ним идут Эмилиан и Илина.

— Каззкальци! — воскликнула эта пара, бросаясь к ним навстречу.

— Самый важный день года. Квиста Канзей!

Великий праздник, мысленно перевела Кэтти-бри.

Однако времени на мысли у неё уже не осталось — двое сопровождающих вытащили их на улицы, и их увлекла толпа. Крики превратились в пение, мрачное и полное гордости:

Пей'ней Бьянкорсо талак надун

А'брейз дживвин куэста'тель

Квиста Канзей о Р'пуск Атунн

Пей'ней Бьянкорсо ультрин ах'надун

Ку'элларианфер зе'рес а'Скеллобель!

Пока лилась песня, Кэтти-бри пожалела, что заклинания ей недоступны, особенно то, которое позволяло лучше понимать языки. Она достаточно разобрала основной куплет, чтобы перевести его на третьем повторе:

Услышь, услышь, Белый медведь, что идёт на войну,

Сгори до победы у всех на глазах,

Этот святейший день Сумеречной Осени

Услышь, услышь, Белый медведь, непобедимая армия,

За наш дом и нашу силу, о Скеллобель!

Она не попевала за остальными, но слова были неважны. Ей достаточно было слышать

энергию их ритма, радость и силу и решительность певцов, десяти, может быть пятнадцати тысяч поющих в унисон голосов, чтобы быть захваченной мгновением. Казалось, даже Джарлакс на время позабыл о Закнафейне.

Парад потёк по улицам Скеллобеля, окончившись у каменной лестницы, которая доходила до вершины ледника и рядом с которой находился деревянный лифт с противовесом.

Участники Бьянкорсо затрусили по лестнице, и крики усилились, когда они появились в поле зрения собравшейся толпы. Только когда они добрались до вершины и пропали из виду, народ округа двинулся следом. Все, кто мог подняться по лестнице, так и поступили, а слишком маленьких, слишком старых или больных подняли на лифте.

Эмилиан и Илина повели товарищей к лестнице.

— Мы надеялись увидеть Зака, прежде чем начнутся битвы, — сказала жрице-дроу Кэтти-бри, на мгновение очнувшись от всеобщего оживления.

— Я была с ним чуть раньше, — сказала Илина. — Он борется с доблестью.

— Но проигрывает битву, — произнесла Кэтти-бри, правильно оценив её тон. — Он не удержит фаг достаточно долго, чтобы вернувшаяся магия могла его исцелить.

Илина не ответила.

Ей и не требовалось.

Кэтти-бри посмотрела на двух своих путников и поняла, что Джарлакс и Энтрери не слышали их реплик. Она решила не говорить им, не сейчас, и когда все вместе они поднялись по лестнице и вышли на вершину огромного ледника, Кэтти-бри несла огромный груз на своих плечах, про который решительно намеревалась забыть в этот самый важный из праздников эвендроу.

Дневной свет был слабым, солнце висело ниже линии гор справа от неё, с другой стороны ледника, дул холодный ветер. Она плотнее запахнула тяжёлую куртку и глубже натянула капюшон.

Эмилиан поспешил к ней.

— Вот, — предложил он, протягивая ей пару перчаток, похожих на те, что получил от ткача Джарлакс, только менее причудливых на вид. — Это поможет. В Большом Колизее, с толпой вокруг, будет теплее, но если вашей южной крови всё равно будет холодно — только скажи. У нас есть другие способы с этим справиться!

Кэтти-бри кивнула в знак благодарности — и действительно, перчатки оказались очень полезными и тёплыми, что было тем более удивительно, учитывая их тонкость. Даже с давящими на неё мрачными новостями про Зака, женщина не могла не поразиться, когда они прошли по полосе на ледяной поверхности к месту, которое Эмилиан назвал Большим Колизеем. Тот был вырезан во льду, углубление, надиром которого было ровное поле льда примерно пятьдесят-шестьдесят ярдов в ширину и почти вдвое больше — в длину. Ещё более удивительными были ряды поднятых скамей, широкие трибуны, поднимающиеся на несколько футов над замороженным полем на много, много рядов вверх.

Масштаб этого места превосходил всё, что видели товарищи, и это стало тем более очевидно, когда начали заполняться сидения для зрителей — тысячи и тысячи существ из четырёх округов занимали свои места.

Скеллобелю была отведена длинная сторона, а напротив них размещалась Мона Чесс. Народ Б'шетта сидел справа от Скеллобеля, а жители Ардина — на противоположном от них конце поля. Кэтти-бри заметила стену, которая отделяла трибуны Б'шетта от других, не

таких больших. Никто не занимал там места, подсказав ей, что это место было предназначено для обитателей поглощённого ледником округа.

Когда несколько человек вышли из тоннелей на само игровое поле, стало проще оценить габариты, включая стену почти вдвое выше среднего дреу, охватывающую игровой ринг. Персонал протащил по полю острые гребни, чтобы сделать ледяную поверхность грубой, а на противоположном конце другие измеряли и разглаживали края длинных, узких окон посередине небольших стен, одной на каждой стороне, примерно двадцать футов шириной и пять высотой. Кэтти-бри почти ничего не видела за этими отверстиями, но у основания каждой стены была расположена дыра.

— Что оттуда выходит? — спросила она сидящую рядом Илину. — Или заходит?

— Га, — ответила та. — Мяч. Ты получаешь очко, когда забрасываешь га в окно, в прямоугольник, на вражеской стороне, и он там остаётся. Если он попадает достаточно глубоко, чтобы достичь ската, который ведёт вниз, чтобы затем выкатиться из дыры на дне, это два очка. Если ты забросишь его в дыру, это два очка, а если сделаешь это достаточно сильно, чтобы мяч вылетел из окна — три.

— Его бросают внутрь?

— Неважно, как ты его туда загонишь. Пинай, бросай, клади, брось внутрь врага, который держит мяч. Это не имеет значения.

— Кажется не особенно сложным, — заметил Энтрери.

Улыбка Илины стала шире.

— Чем ближе ты к вражескому окну, тем меньше союзников тебя защищают.

— Враги пытаются тебя заблокировать?

— Они пытаются тебя покалечить, — поправила Илина. — Заблокировать врага — значит помешать набрать очки для его армии. Покалечить — значит убрать его с ринга, и замену сделать нельзя. Армии начинают с двадцатью пятью солдатами. Битвы каззкальци редко оканчиваются со всеми пятьюдесятью на ногах.

Посмеявшись, Джарлакс спросил:

— А другие правила?

— Нельзя кусаться, нельзя бить упавшего игрока по голове, нельзя выдавливать глаза пальцем. Костяшкой — да, но не вытянутым пальцем. Да, и нельзя хватать и крутить мужские гениталии.

Илина засмеялась.

— Думаю, пока это правило не добавили, война была веселее, но я слышала, что урон не всегда поддавался лечению.

Это заставило трёх спутников переглянуться, покачать головами и нервно рассмеяться. Однако поистине поразил их непрекращающийся поток зрителей, пришедших поболеть за свой округ, и огромные размеры этого сборища.

— Сколько? — потрясённо спросил Джарлакс, когда все наконец-то расселись по местам.

— Сорок семь, может быть пятьдесят тысяч, — ответил Эмилиан. — Почти вся Каллида.

Трёх товарищам это казалось ошеломительным — и ещё более, когда четыре армии вышли из своих тоннелей, чтобы показаться перед глазами своих соседей по округу. Бьянкорсо носили свою бело-синюю униформу, напротив них была Гардреаль Моны Чесс в их королевском пурпуре, с другой стороны — Боскель Б'шетта в лесном зелёном, и яркие

жёлтые, красные и зелёные узоры на униформах Тиватрис из Ардина, округа-сада. По большей части солдатами были дроу, но в бою участвовали также несколько орков и по крайней мере дюжина dwarфов. Однако улутиунов не было, и Кэтти-бри сделала мысленную заметку спросить у Илины, почему люди не участвуют в состязании.

Приветственные крики эхом прокатились по леднику — казалось, до самых гор и обратно, и Кэтти-бри снова не смогла не увлечься этим волнительным моментом.

— Хотел бы я, чтобы Зак это видел, — услышала она слова Джарлакса, обращённые к Энтрери, и тут же её радость исчезла. Сказать им?

Она решила, что не надо. Она скажет позже, после битв, когда они вернутся в Каллиду и смогут увидеть своего умирающего друга. Сказать им сейчас — значит, испортить это величественное представление, как оно было испорчено для неё.

Толпа мгновенно затихла, и четыре армии повернулись к центру ринга и встали по стойке смирно, сложив руки за спинами. Высокая женщина в струящейся фиолетовой мантии вышла в самую середину, поднялась на небольшой деревянный подиум, который вытащили для неё, и подняла руки, обращаясь к толпе.

— Это мона Валрисса Жамбоуль, — быстро объяснил гостям Эмилиан. — Текущая мона Светского созыва.

— Королева, — ответил Джарлакс.

— Нет, не так, — быстро и с жаром поправил Эмилиан. — Подобная мысль... здесь не существует. Она — распорядитель, мэр, Светского созыва представителей, которая служит до следующего референдума. Ходят слухи, что эту должность может занять Галата. Если вы решите остаться в Каллиде, она может попросить вас о поддержке. Несмотря на все её раздражающие качества, она — прекрасный кандидат.

Судя по виду на их лицах, предложенное объяснение было совершенно чуждым для Джарлакса и Энтрери, но у Кэтти-бри был определённый опыт выборов в Долине Ледяного Ветра, где некоторые из Десяти Городов таким образом выбирали своих правителей. Гости, конечно, хотели узнать об этом деле больше, но сейчас было неподходящее время, что стало ясно, когда мона Валрисса Жамбоуль возвысила свой голос в песне.

Акустика в этом Большом Колизее была поистине потрясающей, поскольку они отчётливо слышали все интонации — но потом, когда все пятьдесят тысяч присоединились к пению, это перестало иметь значение. Скоро Кэтти-бри поняла, что это скорее декламация, а не настоящая песня, и дело скорее в музыке, чем в словах, в протяжных слогах и звуках. Это было скорее чувство, чем информация, прекрасные припевы и гармонии, взывающие к духу, а не к разуму, к душе и сердцу.

Но несмотря на всю эту красоту, Кэтти-бри решила, что это реквием, погребальная песня для долгого дня и приветствие для наступающей ночи. Это немного утешило её, но скоро она заплакала, сражаясь со всхлипами, когда подумала о Знакефейне, и этот реквием стал для неё звучать как дань хорошо прожитой жизни. Последняя дань. Она огляделась вокруг, надеясь не привлечь к себе внимания, но обнаружила, что не одинока в своей печали, поскольку почти все лица вокруг неё, включая лицо Джарлакса, были мокрыми от слёз.

Когда всё закончилось, раздался один оглушительный рёв, затем наступила глубокая и ожидающая тишина.

Мона драматично и медленно развернулась на своём подиуме, растягивая напряжение, затем неожиданно воздела руки над головой — правую прямо, левая согнута, чтобы коснуться пальцами пальцев другой руки.

Десятки тысяч зрителей обезумели. Внизу на ринге солдаты четырёх армий стискивали кулаки и стучали друг друга по плечам и по спинам.

Кэтти-бри, Джарлакс и Энтрери повернулись к проводникам в поисках ответов.

— Она объявила, что ночь будет безоблачной, — объяснил Эмилиан.

— Полумесяц убывает, — сказала взволнованная Илина. — Нам не понадобятся факелы для битвы чемпионов!

— Бьянкорсо и Тиватрис! — объявила мона Валрисса Жамбоуль.

Две названных армии вышли и построились в центре, чтобы посоветоваться с моной, а армии Б'шетта и Мона Чесс вернулись в свои тоннели.

— Аззудонна, — заметил Энтрери, указывая на женщину.

— И Весси рядом с ней, — сказал Джарлакс.

Пока команды переговаривались, в поле зрения появился новый персонал — кто-то нёс одноколёсные приспособления, другие — вёдра и швабры. Очень скоро на ринг были нанесены полосы, разделяющие его на части, и край окна справа от Кэтти-бри был окрашен синим, а край окна слева — вихрем красно-жёлтого. Примерно на трети расстояния до центра от каждого окна были нанесены полосы того же цвета, что и окно, и рядом с центром ринга — две параллельных чёрных полосы на расстоянии примерно десяти ярдов.

Армии собрались, оставив мона в центре, по двенадцать бойцов на каждой из чёрных полос, ближайших к вражескому окну, ещё по восемь — на цветных линиях, оставшиеся пятеро — позади. Товарищи заметили, что на красно-жёлтой полосе Аззудонна выкрикивает приказы своим товарищам, среди которых был орк, потом нашли Весси,двигающегося позади неё около окна с четырьмя остальными.

— Центральным защитникам закрыта средняя треть ринга, между полосами командных цветов, — объяснил Эмилиан. — Те, кто во втором ряду, воины, могут двигаться до самой цели, но не могут пересекать черту собственного цвета.

— Как Аззудонна, — сказала Кэтти-бри.

— Да, ей нельзя пересекать линию атаки Бьянкорсо, — он указал на синюю полосу, проведённую справа.

— А те, что позади, проныры вроде Весси, могут ходить, куда вздумается, — добавила Илина.

— Кругом! — приказала мона, и все пятьдесят солдат повернулись к ней спиной. Она кивнула мужчине, сидящему на стене напротив трибун Скеллобеля. Он потянулся за стену и достал сферу размером с голову, шар, который выглядел кожаным. Он спрыгнул вниз и бросился вперёд, затем подкатил мяч к моне, которая ловко подхватила его на руки.

Затем мона Валрисса Жамбоуль опустилась на деревянный подиум и подняла из середины то, что казалось деревянным диском, открывая дыру, на которую поместила мяч.

Она встала и поклонилась трибунам каждого округа, затем снова повернулась к мячу, опустилась на колени, прошептала что-то никому не слышное, и поцеловала мяч.

Она покинула ринг, забравшись на стену рядом с мужчиной, который бросил ей сферу.

— Ааааа! — начала кричать толпа, возвышая голоса и топая ногами, когда мона Валрисса Жамбоуль медленно подняла руку к небу. Она опустила её, толпа оборвала свой крик, и раздался громкий удар, а затем свист воздуха снизу, гейзер давления, подбросивший мяч высоко в воздух.

Армии резко повернулись навстречу друг другу, все взгляды устремились вверх на поиски взлетевшего шара, который начал падать на ринг с высоты не меньше сотни футов.

Ветер поймал его в падении, подтолкнув ко второму ряду солдат Тиватрис.

— Нападай! Нападай! — скандировали Эмилиан, Илина и большая часть фанатов Скеллобея. И армия послушалась. В центре ринга два отряда защитников столкнулись во внезапной и яростной схватке — в ход пошли ноги, кулаки, захваты. Аззудонна возглавила наступление второго ряда Бьянкорсо через эту драку, со всех ног промчавшись по немного скользкой поверхности к синей черте.

Воин Тиватрис поймал падающий мяч в тот самый момент, когда Аззудонна бросилась на него всем телом и отшвырнула на лёд. Она упала и сама, сильно заскользила и пересекла синюю черту, поэтому ей пришлось вскочить и поднять руки в знак временной сдачи, и как можно быстрее отступить обратно.

Тем временем мяч прыгал и скользил к пронырам Тиватрис. Они передали его на правую сторону ринга, затем бросились обратно на левую, когда защита Бьянкорсо приготовилась их остановить.

Им не суждено было добраться до середины, и один из проныр в отчаянии бросил мяч защитнику, прежде чем его похоронили под телами, и этот защитник, которому некуда было бежать — перед ним маячила противоположная чёрная линия — просто отправил сферу ударом ноги как можно дальше к воротам Бьянкорсо.

Мяч переходил туда-сюда, толпа кричала и охала, редела в ответ на дикие стычки, которые вспыхивали в основном возле чёрных полос в центре ринга. Лилась кровь, много крови, раздавались стоны боли. Безумие и ярость рукопашной потрясли Кэтти-бри и остальных, даже выросшего в Мензоберранзане Джарлакса.

Противоречивая реальность откровенной жестокости этих людей, которые пели такие сладкозвучные песни, изысканное и прекрасное искусство которых украшало каждую стену, каждый мост, каждый шест в Скеллобеле (и вероятно в других округах), которые носили такие яркие и затейливые наряды, танцевали с полной самоотдачей, говорили о любви и дружбе, потрясла женщину.

Это был бой в винной бочке, только умноженный в десятки раз.

Первые очки завоевал Весси, проскользнув мимо защищающегося воина Тиватрис коварным скольльзящим манёвром, в ходе которого он упал на колени, уворачиваясь от захвата воина, затем вскочил позади него и бросился далёко вперёд, чтобы схватить мяч, отправленный ему могучим ударом ноги того орка, с которым Аззудонна совещалась в начале битвы.

Рядом никого не было, Весси легко обогнал воина Тиватрис и в одиночку добрался до окна в воротах, где опустил мяч прямо у дыры и с силой его ударил. Мяч выскочил из окна, и Бьянкорсо получили три очка.

Затем счёт уже был не таким близким. Когда Кэтти-бри наконец смогла не обращать внимания на жестокость, она стала понимать ход битвы, незаметную тактику игры от мяча. Жестокость и ярость постепенно выветрились, нескольких бойцов, преимущественно Тиватрис, вынесли с ринга, и от обычной усталости большинство стычек в центре превратились в вялую борьбу с захватами.

Бьянкорсо явно превосходили соперников, были быстрее, сильнее, более умело выполняли свои манёвры, и когда битва завершилась, их объявили победителями со счётом тринадцать-два.

— Как и ожидалось, — сказала троице Илина. — Последние три года садовники не выиграли ни одной битвы, поскольку четыре брата-орка все решили, что им пора оставить

каззкальци. В конце концов — война дело молодых, а орки живут не так долго. Солдат эвендроу может сражаться сорок лет, но для орка двадцать — уже очень долгий, долгий срок для такой службы. А теперь пойдёмте — я провожу вас на банкет. Вам следует перекусить перед следующим матчем.

За трибунами с каждой стороны поставили длинные столы, на которых навалом было еды и питья. Были даже туалеты, далеко от еды, изготовленные изо льда, с глубокими дырами, ведущими вглубь ледника.

— Каззкальци — радость Сумеречной Осени, и закат Квиста Канзей — наш момент глубокой рефлексии, напоминание обо всём хорошем, что есть у нас посреди суровости, — объяснила по дороге Илина. — На протяжении двух тысяч лет эвендроу живут здесь, рядом с даром горячей реки Каллиды. Мы помним испытания прежних времён, скитания, безнадёжность и скорбь. Этот день, эта война каззкальци напоминает нам, что наш мир надо заслужить собственной доблестью и жертвами, что мы всегда должны быть готовы сделать всё, что потребуется, для сохранения того, что мы создали. Нет ни одного каллидского эвендроу, курит, орок или улутиуна, кто не умер бы ради спасения города — или даже ради спасения другого округа. Когда Кадиж обрушил своё дыхание на Каттисолу, погибло больше людей из остальных четырёх округов, чем самих каттисольцев! Мы все гордимся этим, и мы все едины.

— Пока не начинаете колошматить друг друга в каззкальци, — заметил Энтрери.

— Боль проходит, но слава остаётся, — ответила Илина. — Когда братья Нургу, четыре орка, про которых я говорила, посещают Скеллобель или любой другой округ, их приветствуют как героев, и про них будут вспоминать ещё долго после их гибели.

— Закнафейн был бы здесь героем, — сказал Джарлакс. — И я не сомневаюсь, что если Дзирт когда-нибудь окажется на ринге каззкальци, со всеми навыками, полученными от магистра Кейна, он будет доминировать на льду.

Конечно, Илина не знала всех этих подробностей, но замечание заставило её напрячься.

— Не стоит нас недооценивать, — предупредила она. — Армии, которые вы только что видели в битве, тренируются круглый год, ежедневно, и думают про битву каждое мгновение бодрствования — и даже в своих снах.

Джарлакс поклонился ей.

— Я не хотел никого оскорбить, добрая госпожа, — сказал он.

— Никаких оскорблений. Будем молиться, чтобы Закнафейн справился с хаофагом и смог заслужить место в Бьянкорсо к следующим каззкальци.

Илина сказала это отчётливо и громко, но косилась на Кэтти-бри, и жрица Миликки заметила, как она немного нахмурилась.

Кэтти-бри снова пришлось напоминать себе о том, что не стоит пока говорить Энтрери и Джарлаксу. Не сейчас. Пускай наслаждаются.

— В следующей битве изящество столкнётся с силой, Гардреаль с Боскейл, — сказала им Илина, когда они после трапезы возвращались на трибуны. — Многие считают, что победит Гардреаль, и я тоже на это надеюсь. Они могут оказаться слишком проворны для лесного народа.

— Значит, они лучше, но ты желаешь им победы? — спросил Джарлакс.

— Думаю, воины Бьянкорсо достаточно быстры, чтобы победить Гардреаль. Вы сами видели Аззудонну в первые мгновения битвы! Боскейл сильнее на всех трёх линиях. Они дровосеки и целыми днями махают тяжёлыми топорами — а в каззкальци орудуют такими

же тяжёлыми кулаками. Думаю, Бьянкорсо лучше подходит для победы над Гардреаль. В прошлом году мы победили, а состав команд с тех пор почти не менялся.

Когда они вернулись на свои места, поле очистили от крови, а линии и обводку окон нанесли заново, теперь с использованием фиолетового и зелёного.

Второй матч начался в точности, как и первый, потоком давления из какого-то механизма под рингом, подбросившим сферу высоко в воздух. Битва разворачивалась так, как и предсказала Илина, только победу одержали Боскейл, и решающим мгновением стал последний натиск, в котором курит-проныра из Гардреаль бросился в окно, намереваясь влететь туда с мячом. Но в самый последний момент воин Боскейл оттолкнул его вбок, сбив его с траектории в достаточной степени, чтобы он смог закинуть мяч в окно, но сам промахнулся, разбив рёбра и череп об угол и тяжело рухнув на лёд.

Тому же воину хватило самообладания и понимания ситуации, чтобы потянуться в окно и вытащить га, помешав ему проникнуть достаточно глубоко, чтобы достигнуть склона. Это предотвратило ничью.

У Кэтти-бри захватило дыхание, когда пятнадцать тысяч болельщиков Мона Чесс застонали в унисон, а шесть тысяч фанатов Б'шетт триумфально взревели.

Когда измученные и павшие духом Гардреаль проиграли Тиватрис в утешительной битве, Илина сообщила друзьям, что уже наступил вечер. Они с Эмилианом отвели товарищей обратно на банкет для обеда, а когда вернулись, их ожидал совершенно неожиданный сюрприз.

Их хозяева принесли Закнафейна на носилках, чтобы позволить ему посмотреть решающую битву. Они установили носилки рядом с длинной скамьёй, предназначенной для гостей Каллиды. Однако радость трёх друзей продлилась недолго, потому что Закнафейн сумел ответить на их приветствие, лишь моргнув глазом да слабо приподняв правую руку, которая всё ещё принадлежала дроу. Левая сторона его туловища и правая нога были вдвое крупнее обычного размера, и немалая часть кожи сверкала пылающим красным оттенком.

— Мы знали, что ему не хватит сил просидеть все битвы этого долгого дня, — через несколько мгновений прошептала троице Илина. — Но хотели, чтобы он увидел хотя бы эту последнюю битву, разделив её с вами, под магией Сумеречной Осени. И это настоящая магия. Вы увидите.

Однако Кэтти-бри сложно было принять подобные заявления, когда рядом умирал её друг.

Глава 20

Закат для Закнафейна

Кэтти-бри не могла отвести глаз от Закнафейна. Его дыхание было тяжёлым — скорее всего, от тяжести опухоли на его груди. Илина негромко заверила её, что он не умрёт этой ночью. Хаофаг ускорялся, захватив больше половины физического тела жертвы — эвендроу уже видели такое раньше, и теперь, как они считали, могли точно предсказать развитие болезни. Илина не признала это в открытую, но Кэтти-бри подумала, что на следующий день Закнафейн точно погибнет.

К тому времени магия ещё не вернётся. Кэтти-бри не сможет ему помочь. Беспомощность была хуже всего.

Джарлак сидел между нею и носилками Зака, сжимая руку своего самого старого друга и часто нежно поглаживая её. Кэтти-бри видела, как это разрывает его на части. Всем им приходилось видеть, как в битве умирают друзья — неожиданно и жестоко, но не так коварно. Это увядание было хуже.

Она была так сосредоточена на Заке, что ей потребовалось какое-то время, чтобы заметить, что Большой Колизей совершенно затих. Она повернулась к Илине, чтобы спросить, в чём дело, но жрица прижала палец к губам, давая знак молчать, и указала на небо.

Кэтти-бри подняла взгляд.

Она нескоро опустила его обратно.

Последние несколько дней свет был тусклым, кружившее солнце едва выступало над горизонтом, погрузив землю в постоянные сумерки. Теперь, впервые с тех пор, как сюда прибыли Кэтти-бри с друзьями — и впервые за полгода, если она правильно догадалась — на небе стусилась тьма, и наступила настоящая ночь. Звёзды казались мягкими огнями, разгорающимися ярче и зажигавшими миллион крохотных костров в чёрной бездне вокруг. Появился ясно различимый «Далёкий небесный дым», как они называли это в Долине Ледяного Ветра — так отчётливо она не видела его даже с вершины Пирамиды Кельвина, словно две параллельных полосы облаков, бегущих по участку неба.

Убывающий полумесяц висел низко, как перевёрнутая D, его бледный свет заливал Большой Колизей синевато-белым, как униформы Бьянкорсо.

Она сделала глубокий вдох, испытывая облегчение от того, что снова видит ночное небо, и да, посчитав его настоящей магией — как и обещала ей Илина.

— Это прекрасно, — прошептала она женщине рядом.

— Подожди, — ответила та. — Всё только начинается.

Кэтти-бри не знала, о чём она говорит, но прежде чем успела спросить, вся собравшаяся Каллида затянула новую песню — угрюмую, новую мелодию, чьи редкие слова заставили Кэтти-бри думать, что они взывают к самому небу с какой-то просьбой.

Она несколько раз моргнула, решив, что это обман зрения, когда появилась полоса зелёного света. Она даже потёрла глаза.

Но нет, полоса осталась, расширилась, и тут и там её пронизали фиолетовые и синие всполохи.

Она превратилась в парящий занавес, текучее сукно мерцающе-зелёного, колыхающееся волнами, словно ураганным ветром оторвало и занесло на вершину Торила нижнюю половину радуги. Кэтти-бри показалось, что изредка она замечала это зелёное мерцание из Долины Ледяного Ветра, но не могла представить ничего столь большого и магического.

Поскольку это было не просто зрелище колыхающихся цветных листов света. Кэтти-бри *чувствовала* покалывание магии в воздухе. Нутром и рассудком она понимала, что вокруг неё бурлит, напитывает её магия. Она оторвала взгляд от этой красоты и посмотрела на Зака.

Ей показалось, что его дыхание стало ровнее — совсем чуть-чуть.

— Целители ожидают, что Алле'Баллери подействует на него положительно, — подтвердила Илина. — Оно помогает с ранениями, хотя и не особенно сильно. Но по крайней мере ему станет немного легче, и последние часы жизни окажутся для него более радостными.

Последняя фраза потрясла Кэтти-бри, но имя, которое использовала Илина, Алле'Баллери, «Весёлые Танцоры», показалось ей идеально подходящим для вьющихся над головою лент.

Затем пение превратилось в резко восходящее «Аааааа!», и толчок подбросил мяч высоко в воздух, начав финальную битву между Бьянкорсо и Боскейл.

Сложно было оторвать взгляд от неба, но от неё потребовали этого действия на ринге. Игроки были уставшими и потрёпанными — их форма была залита пятнами крови. Но с того мгновения, как мяч упал, предыдущие виденные Кэтти-бри три битвы показались ей почти что нежными по сравнению с яростью этого сражения. Она решила, что видит бой до смерти.

Тела летали и сталкивались друг с другом. Толпы защитников и воинов превратили середину ринга в боевые укрепления, стены щитов без самих щитов, хороня каждого, кто пытался пробиться через ту или другую линию — был у него мяч или нет.

Толпа ревела и охала с каждым сдвигом, каждым ударом, каждым броском неподалёку от целевых окон. Кэтти-бри не могла понять, за какую команду болеют фанаты из Мона Чесс и Ардина — казалось, что это неважно. Сама по себе громкость была всеохватывающей и никогда не стихала.

Над рингом колыхались и разгорались Весёлые Танцоры, как будто вбирая нарастающий шум и извлекая из него энергию.

Эта связь казалась взаимной, поскольку минуты шли, а игра не сбавляла оборотов. Толпа в унисон ревела, приветствуя защитника Боскейл, который остался на поле и продолжил сражаться, хотя было ясно видно, что у него сломано запястье — даже с такого расстояния Кэтти-бри могла разглядеть странный изгиб конечности!

Но он не остановился, и даже заблокировал всем телом двух солдат Бьянкорсо, включая Весси, которые пытались прорваться через край линии и зайти за спину защитникам Боскейла.

Илина и Эмилиан закричали, приветствуя доблестного защитника из другой армии, и сразу после этого продолжили требовать от Бьянкорсо покарать и стереть с лица земли «тупоголовых дровосеков».

Кэтти-бри считала, что знает все ругательства в языке дроу, но этой первой полярной ночью она узнала множество новых.

Шла чисто оборонительная битва, в которой ни одна из сторон не могла захватить преимущество. Был момент, когда все пятьдесят солдат увязли в огромной рукопашной

свалке, мяч потерялся где-то под ними, и никто его даже не искал. Когда потасовка ослабела, а проныра Бьянкорсо подхватил мяч и бросился к цели, казалось, что между двумя чёрными линиями посередине начертили третью — кроваво-красную.

Скандирование толпы достигло неслыханной ранее громкости, игроки стали бегать ещё быстрее и сражаться ещё отчаяннее, чем раньше, и Кэтти-бри начала понимать, когда закричала и сама. Их подстёгивало небо над головой. Весёлые Танцоры наделяли силой солдат и фанатов, наполняли их энергией не хуже любого подпитывающего заклинания.

Она не могла в это поверить. Она посмотрела на Зака, увидела, как он задыхается от волнения, увидела, что да, его боль заметно уменьшилась и он тоже захвачен моментом.

Она знала, что он хотел бы быть там, сражаться, соревноваться. С этой мыслью она закрыла глаза, зная, что будет скучать по нему, опасаясь, что придётся рассказать Дзирту о том, что он снова потерял отца, грустя, что Бри никогда не сможет узнать этого чудесного мужчину.

Она отбросила прочь эти мысли.

— Наслаждайся ночью, — решительно прошептала она себе под нос.

— Что произойдёт, если никто не забудёт мяч? — спросила она Илину, и это казалось всё более и более вероятным, поскольку они приближались к концу отведённого на битву времени.

— Тогда чемпиона не будет.

— Они не будут продолжать игру?

Эмилиан и Илина оба рассмеялись.

— Даже в эту волшебную ночь силы не безграничны, — сказала Илина. — Общая слава — меньшая слава.

Она пожала плечами.

Кэтти-бри снова сосредоточилась на битве. Та определённо шла к этому ничейному концу, поскольку ни один из солдат даже подобраться не мог к вражескому окну. Затем игра погрузилась в застой, обе стороны переставались и меняли формации, как будто пытаются выгадать какой-то последний шанс на победу.

Однако Бьянкорсо завладели мячом, и это дало им преимущество. Неожиданно вся команда подалась налево, приблизившись к дальней стене. Также неожиданно от команды отделилась пара проныр, со всех ног бросившись через ринг, вдоль стены прямо под Кэтти-бри.

Но Боскейл разгадали уловку, и защитники направились к пронырам на перехват.

Но Кэтти-бри неожиданно поняла, что это — уловка внутри уловки; Весси на полной скорости бросился в другую сторону, и Бьянкорсо разделили защитников достаточно, чтобы он смог проскользнуть. Казалось, он бежит совершенно свободно, когда воин Бьянкорсо бросил мяч к нему по воздуху.

Но нет, проныра из Боскейла, согнувшись у дальней стены, только изображала ранение — и пригнувшись, так, чтобы воин Бьянкорсо её даже не увидел, она срезала угол, оказавшись прямо за протянувшим руки Весси, и выхватила мяч из воздуха, а затем со всех ног бросилась к ближайшей стене, прежде чем Весси отреагировал — прежде, чем любой из солдат Бьянкорсо вообще понял, что произошло.

Не считая одного.

Аззудонна вырвалась из драки, когда мяч оказался в воздухе, направляясь через весь ринг, и теперь только у неё был шанс остановить быструю проныру из Боскейла. Толпа

охнула и закричала, когда они оказались рядом. Аззудонна отчаянно пыталась отыскать угол для перехвата, проныра ускорила бег ещё больше — если бы она смогла прорваться через эту одинокую защитницу, путь к окну противника оказался бы свободен.

В небе извивались Весёлые Танцоры, ревела толпа, проныра опустила голову, и Аззудонна в последний момент яростно заработала ногами, устремляясь вперёд, и бросилась на лёд в скольжении.

Она подсекла ноги проныры, швырнув её вверх тормашками, и та, тяжело упав на лёд, затем проехавшись по нему, врезалась в стену под товарищами. Аззудонна тоже не смогла остановить своё скольжение и тоже ударилась в стену. Фанаты из Скеллобеля все, как один, застонали.

Кэтти-бри её не видела, но судя по столкновению и стонам тех наблюдателей, которые видели, поняла, что воительница серьёзно пострадала — или даже погибла!

Но нет. Она встала на ноги и нагнулась над пронырой, хватая мяч, сражаясь за него, потащив проныру за собой, пока побитая женщина из Боскейл наконец не отпустила мяч.

Аззудонна бросилась бежать через центральные линии. Из носа у неё текла кровь.

Но бежать ей было некуда — защитники, которые гнались за Весси и другим пронырой, заблокировали путь, как и остальные, собравшиеся напротив неё на льду.

С криком, перекрывающим рёв толпы, Аззудонна нагнула голову и бросилась к синей линии.

— Ей нельзя пересекать эту черту, — напомнила себе и друзьям Кэтти-бри.

Но Аззудонна не останавливалась. Нет, вместо этого она бросилась на колени и закружилась вокруг своей оси, и прямо перед тем, как достигла синей линии, в последнем обороте, она оттолкнулась ногой, продолжая поворачиваться, правая рука позади повернутых плеч, мяч на сгибе локтя.

Она мощно развернулась и бросила мяч изо всех сил.

Мяч миновал приближающегося защитника Боскейл, миновал ещё двух и Весси с его спутником, и полетел дальше, и Большой Колизей замолк, затаив дыхание.

Мяч описал грациозную дугу и приземлился за дальний внутренний край окна. Он срикошетил назад, затем отскочил снова, пропав из виду, и толпа продолжала задерживать дыхание, поскольку если мяч останется снаружи, очко засчитают, но если он вылетит — тогда наверняка будет ничья.

Мяч вылетел наружу, но не через окно. Каким-то образом — то ли из-за вращения, то ли из-за наледи на кромке окна, то ли просто благодаря удаче, то ли от силы воли Аззудонны под магическим сиянием, га глубоко проник под цель и скатился по склону, выскочив из дыры у основания стены.

— Два! — закричали Эмилиан, Илина и почти двадцать тысяч остальных зрителей из Скеллобеля.

Защитник Боскейл подхватил мяч, но Весси похоронил его на месте, сбив на лёд, задерживая его — и мяч — чтобы потянуть время.

Само это измерение как будто замерло на ринге, секунды казались минутами, минуты — практически годами, и солдаты Боскейл хватались за головы, а солдаты Бьянкорсо прыгали и радостно кричали.

Но не Аззудонна. Женщина подошла к стене прямо там, где расположились товарищи, и подняла руку. На её запястье была оторванная от рубахи Закнафейна лента.

— *Перте мийе Закнафейн!* — закричала она. — За тебя, мой Закнафейн!

И она продолжала во весь голос кричать «*Перте мийе Закнафейн!*», изо всех сил, со всеми её слезами, пролитыми за этого обречённого мужчину, за которого она сегодня сражалась, этого незнакомца, в честь которого она нашла в себе силы на этот бросок.

— *Перте мийе Закнафейн!* — кричала она.

— *Перте мийе Закнафейн!* — присоединились к ней солдаты Бьянкорсо.

— *Перте мийе Закнафейн!* — присоединились к ним фанаты Бьянкорсо.

И затем случилось то, что показалось ещё более волшебным, то, что тронуло Кэтти-бри, Энтрери и Джарлакса больше всего увиденного ими в Скеллобеле. Воин арктос орок и Боскейла вырвал мяч у Весси и бежал по рингу, но он резко остановился, бросил мяч на лёд и наступил на него тяжёлой ногой.

— *Перте мийе Закнафейн!* — воскликнул орк, и все солдаты Боскейл точно также остановились и присоединились к этому крику.

А затем — «*Перте мийе Закнафейн!*» — в унисон и в полном согласии кричали пятьдесят тысяч каллидцев. Скандирование продолжалось и продолжалось, громче и громче с каждым разом, и огни Весёлых Танцоров как будто принялись качаться и мерцать в такт каждому звуку. Пятьдесят тысяч голосов поднялись в речитативе. Пятьдесят тысяч эвендроу, курит, улутиунов и арктос орок указывали пальцами на Закнафейна, этого незнакомца им чужака, беднягу, который случайно оказался в их земле и которому, похоже, оставалось всего несколько часов жизни.

— *Перте мийе Закнафейн!*

Кэтти-бри всхлипнула и зашлась произвольным смехом — сама не зная, почему.

— Что происходит? — спросила она окружающих, и заметила, что Энтрери тоже кидает из смеха в слёзы, а плечи Джарлакса вздрагивают от рыданий или, может, от недоумённой радости.

— Что происходит?

— *Перте мийе Закнафейн!*

— Я не знаю! — закричала ей Илина. — Я не знаю!

Никто не знал.

Но все это почувствовали.

Они кричали и указывали пальцами, и так, как будто они направляли Весёлых Танцоров — а может быть, это была просто игра света — из полярной ночи словно опустилась фиолетово-зелёная лента, коснулась Зака, и он улыбнулся.

Его большой, растянутый, жабий рот улыбнулся.

Скандирование стало затихать, но затем Зак неожиданно оторвался от носилок, заревел, напрягся и встал, надломленный и согнутый.

Но он встал.

И вся Каллида закричала, приветствуя его.

Кэтти-бри посмотрела на ринг, на Аззудонну и проныру Боскейла, которую та подсекла, опиравшихся друг на друга в поисках поддержки, и обе они кричали, приветствуя Закнафейна.

Закнафейн выпрямился. Дыхание уже не вызывало у него затруднений. Опухший, скрюченный, с кожей гневно-красного цвета, он не желал сдаваться, и тогда Кэтти-бри поняла.

Она просто это знала.

Он будет бороться с фагом, пока не возвратится магия.

Закнафейн будет жить.

— Что мы только что видели? — сумела спросить она Джарлакса.

— Всё, о чём я только мечтал, — ответил он, шмыгая носом и смущённо хихикая от радости.

Часть 4

Выборы

Я никогда не мог себе представить, что Киммуриэль Облодра способен относиться к чему-то с такой эмоциональностью. Он видел, как верховная мать Бэнр разрушает его дом, а всю его семью за считанные мгновения убивают. Он видел, как его мать отрывают от мучений в Бездне, чтобы использовать как связующее звено с ульем иллитидов — и впоследствии уничтожить.

Он часто говорил об этом — с Джарлаксом, со мной, — и никогда, ни единого раза, я не видел ничего, кроме рассчётливого и интеллектуального подхода к личным трагедиям.

Даже сейчас, в нашем общем путешествии на восток, когда он вспоминал об этих событиях, они служили лишь уроками о том, какой личной властью может наделить своих избранных Ллос ради сражения с узурпаторами и еретиками. Не было ни намёка на скорбь, ни единого упоминания, что его заботила судьба К'йорл и остальных. Но когда он говорил о грядущем шторме — и более того, об истории Мензоберранзана, раскрывшейся в воспоминаниях, переданных Ивоннель и верховной матери Квентл, — я видел отчаянное желание, отчётливую искру, отчётливое чувство сразу жажды и предвкушения; сочетание эмоций, которое встречается лишь тогда, когда итог представляет огромную важность для говорящего.

Когда я размышляю над этой кажущейся непоследственностью хладокровного псионика, узел его сердца начинает распутываться. Его обучали покорности. Он даже не вздрогнул — или почти не вздрогнул — когда уничтожали его семью, когда у него с такой жестокостью и внезапностью отняли дом, наследие, знатное и богатое происхождение — и всё потому, что в рамках цинизма, который с самого рождения закладывали в Киммуриэля, в столь многих из нас в Мензоберранзане, это было предсказуемое событие.

Сочетание беспомощной покорности и простого отупения от ежедневной жестокости и зверства — губительная смесь для эмоций любого дроу.

Но в эти дни глаза Киммуриэля сверкают.

Теперь он едет верхом рядом со мной, чтобы поговорить — чтобы вместе надеяться.

Это ключ к его пробуждению — он осмелился надеяться.

Я не могу прятаться внутри себя, хотя и жалею об этом. Мои оправдания против этого света надежды мне самому кажутся пустыми, но я не могу отрицать, что в моём собственном сердце эта надежда вызывает сопротивление.

Интересно, какова будет моя роль?

Поступок верховной матери и Ивоннель на том поле был неожиданным и шокирующим, признаю, и наверняка многие очевидцы испытали прилив надежды.

Поначалу.

Когда я мысленно возвращаюсь к моей жизни в Мензоберранзане, лучше всего я помню рвение жриц Ллос и моей собственной матери, верховной матери Мэлис. Думаю, что если бы это великое событие и великая ересь случилась в те времена, я увидел бы искру в глазах Закнафейна, и скорее всего — в глазах моей сестры Вирны, может быть — даже в глазах Майи.

Я уверен, что Мэлис быстро бы погасила эти тлеющие угли надежды, а даже если нет — если бы Мэлис слышала надежды и обещания своих детей и любовника, мысль о том, что можно отвернуться от Ллос, зародилась бы в ней лишь благодаря уверенности, что выбранная сторона принесёт ей личную выгоду. Мэлис любила борьбу. В наше время она приняла бы сторону верховной матери Квентл лишь в том случае, если бы считала, что Квентл одержит победу, и что тогда её, Мэлис, щедро вознаградят.

Может быть, таковы неизбежные последствия этой грядущей битвы. Сколько союзников матери Квентл займут её сторону только ради преследования личных целей? А сколько — просто потому, что будут напуганы и растеряны? Сможет ли могучий дом Бэнр, возглавив восстание против Ллос, хотя бы удержать в узде собственных членов? Окажутся ли драуки, превращённые в дроу, верными солдатами Квентл, или быстро узнают, что они — всего лишь обман Паучьей Королевы, и призваны испытывать её детей, сеять хаос и выкорчёвывать непокорных?

Я не могу избежать этих мыслей, как бы ясно ни осознавал, что это — тот же самый цинизм, который позволил Киммуриэлю Облодре отмахнуться от потери семьи! И это — не тот, кем я старался быть с тех самых пор, как покинул этот проклятый город. Я всегда шёл страху наперекор.

Но я не могу отрицать, что в сердце ещё не принял этот лучик надежды.

Я могу потерять слишком многое.

У меня есть Кэтти-бри и есть Бри, и счастье, которого я даже представить себе не мог. Если меня не станет — они будут жить дальше, и думаю, жить хорошо. Бри не могла рассчитывать на лучшую мать, чем Кэтти-бри, а Кэтти-бри не могла рассчитывать на лучших друзей, чем наши товарищи, в первую очередь — её отец, Вульфгар и Реджис. Она не останется одна, если я погибну в Мензоберранзане, что стало совершенно ясно, когда я вернулся из путешествия в вечность и обнаружил мою жену и новорождённую дочь, окружённых такой невероятной любовью.

Я никогда не сомневался, что Кэтти-бри будет скорбеть, если такое случится, и никогда не относился к этому легкомысленно. От простой мысли, что она могла потеряться на севере, у меня всё сжимается внутри от мучительного страха и воображаемых ужасов и самого глубокого чувства возможной пустоты, которое я когда-либо знал. В таких случаях, когда страх поглощает меня, и я начинаю верить, что действительно мог её потерять, я ломаюсь. Даже озарённый улыбкой Бри, я пуст внутри.

Я очень отчётливо помню это чувство. Я помню то утро в Мифрил-Халле, когда проснулся и обнаружил рядом безжизненное тело Кэтти-бри. Я помню свой ужас, свою беспомощность, когда её душа на моих глазах покинула тело, недостижимая, прошла через твёрдую реальность камня. Это не то чувство, которое я захотел бы испытать снова.

И это не то чувство, которое я хотел бы причинить Кэтти-бри.

Не хочу я и того, чтобы Бри выросла, пытаясь представить себе отца, которого нет рядом. Если она увидит мужчин-дроу, направляющихся к ней, не примет ли их за папу? Не будет ли она чувствовать, что я решил бросить её, что я оставил её потому, что у меня были дела поважнее? Или поймёт, что я ушёл, потому что заботился о ней так сильно, что должен был попытаться сделать мир лучше — ради неё?

В этом-то вся и загвоздка. В какой момент эта великая борьба станет чуждой? В какой момент — и есть ли такой момент? — настанет очередь кого-то другого, а я смогу наслаждаться более спокойными и личными обязательствами?

Или я обречён поддаваться надеждам на будущее и упускать радости настоящего?

Очевиден конфликт между моей личной ответственностью и более широкой миссией, важной дорогой, по которой я шёл с тех пор, как отринул Мензоберранзан, с тех пор, как поклялся сражаться за то, что моё сердце считает правильным и справедливым. Я знаю, что грядущая война в Мензоберранзане, какой бы ужасной она ни была, будет идти за то, чтобы освободиться от демоницы Ллос, что она будет идти ради надежды на окончательную победу моего народа. Ради уничтожения чудовищной догмы, которая навредила и может навредить очень многим.

За свободу.

Но каково моё место во всём этом?

Могу ли я оставить Бри с монахами, если Кэйти-бри не вернётся с севера? С Бренором? В обоих случаях не отказываюсь ли я от своей ответственности перед ней — убедиться, что она вырастет в родительских объятиях?

Впервые в жизни мне приходится задаваться этим вопросом.

Впервые в жизни я могу потерять столь многое.

Впервые в жизни мне приходится по-настоящему задуматься: где моё место?

— Дзирт До'Урден

Глава 21

Вы разве не почувствовали?

В Ибилситато было столько народу, что казалось, стены вот-вот согнутся и рухнут. Рекой текли ледяное вино и пиво, разговоры постоянно прерывались, когда объявляли очередного солдата Бьянкорсо, и гул голосов взрывался единым одобрителем рёвом.

И никого не приветствовали громче, чем Аззудонну, которую подняли на стол, чтобы возвысить победительницу над собранием.

Артемис Энтрери хмыкнул, когда увидел её, но промолчал.

Кэтти-бри и Джарлаксу не пришлось спрашивать, почему, поскольку они тоже издали негромкие звуки, наполовину — в знак сочувствия, наполовину — от изумления.

— Нос у неё, как у Бренора, — сказал в следующее мгновение Энтрери.

— У моего па подлиннее, но такой же широкий, — ответила Кэтти-бри.

И действительно, нос Аззудонны принял на себя главный ущерб от столкновения со стеной. Было очевидно, что он сломан, и в каждой ноздре торчала свёрнутая ткань — которую, видимо, приходилось постоянно менять, поскольку затычки постоянно пропитывались кровью. Остальное лицо женщины тоже распухло, один глаз почернел и почти закрылся, а её шея, её бело-синие ленты и даже её волосы были липкими от подсыхающей крови.

По большей части — её собственной.

Там, на столе, она как будто не обращала на всё это внимания. Она широко развела руки, затем припала к столешнице и завела правое плечо за спину, вытянув руку, изображая свой победный бросок.

Толпа продолжала реветь во всю глотку.

— Гардреаль! — раздался крик снаружи, с главной улицы Скеллобеля, и множество новых голосов эхом повторили его, возвещая о прибытии армии из Мона Чесс.

Собравшиеся стали толкаться в дверях, выбираясь на улицу, и три товарища вместе с ними. Оказавшись снаружи, они решили, что оставаться внутри всё равно не было особых причин, и поняли, что гостиница Ибилситато оказалась просто сборочным пунктом для солдат Бьянкорсо.

Теперь они снова оказались под Весёлыми Танцорами в волшебном небе, и вместе с ними снаружи был весь округ. Верные кличам, по улице со стороны Мона Чесс маршировали солдаты Гардреаль, а следом за ними, казалось, двигался весь округ.

Так что праздник разросся — а потом ещё и ещё раз, когда присоединились оставшиеся два округа.

Это превратилось в длинное празднество Каллиды и каззкальци, с победителями и побеждёнными, зрителями и Весёлыми Танцорами, с едой, вином и пивом, с самой жизнью.

Даже Артемис Энтрери не смог не поучаствовать в танце Квиста Канзей — Кэтти-бри заметила, что он даже запел в какой-то момент, и когда он понял, что она наблюдает, он ответил на её усмешку собственной, выскочил из шеренги певцов, схватил её за руку и затащил обратно, чтобы она присоединилась.

Она не сопротивлялась. Но заметила, что по другую сторону — с другого бока Энтрери.

закинув свою крупную руку ему на плечи — стоит, как ни поразительно, орк, причём в униформе солдата Боскейл.

Артемис Энтрери позволил орку закинуть руку ему на плечи. Кэтти-бри на мгновение почти погрузилась в панику, и это напомнило ей о сюрреалистичности всего вокруг, стало предупреждением оставаться начеку.

Но нет, этого орка она помнила, и всё стало ещё более запутанным. А может быть, сказала она себе, и менее. Может быть, всё было таким, каким казалось.

Когда песня закончилась, их шеренга стала распадаться на отдельные группы, и орк с силой хлопнул Энтрери по плечу и зашагал прочь.

Энтрери схватил его за руку.

— Подожди минутку, — взмолился Энтрери. Орк с любопытством посмотрел на него.

— В самом конце, после гола Аззудонны, разве не ты поймал га и бросился с ним в другую сторону?

— Я, — подтвердил орк. — Я — воин Лурник из Боскейла.

— Но почему? — спросил Энтрери. — Время ещё не закончилось.

— Да, почему ты остановился? — добавила Кэтти-бри.

Орк с заметным недоумением посмотрел на них. «*Перте мийе Закнафейн!*», взревел он, вскинув кулак. Толпа вокруг него ответила точно так же, и слова эхом разнеслись вдоль улицы.

— Но ты незнаком с Закнафейном, — настаивал Энтрери.

— Воительница Аззудонна сражалась в его честь, — сказал орк, похлопав себя по запястью там, где Аззудонна носила оторванную от рубахи Зака полосу. — Она свирепа и благородна. Неужели я должен был её обесчестить?

— Конечно нет, — ответила Кэтти-бри. — Прости нас. Мы здесь недавно и не знаем ваших обычаев.

— Кроме того, — с усмешкой добавил орк, — разве вы не чувствовали? Я сражался в каззкальци пять раз. Три заката тому назад Гардреаль стали чемпионами. Но даже в ту великую ночь я не чувствовал ничего, сравнимого с песней для Закнафейна Аззудонны. Разве вы не чувствовали?

— Это было одно из самых невероятных ощущений, что я когда-либо испытывал, — согласился Энтрери, и Кэтти-бри согласно кивнула.

— Магия, — тихо сказала она.

— Да. Даже после моей смерти это будут помнить ещё очень долго, — сказал Лурник, отсалютовал, повторил «*Перте мийе Закнафейн*», и растворился в толпе.

Кэтти-бри вздохнула, пытаясь это всё переварить и глядя ему вслед, затем повернулась к Энтрери.

— Он не ошибается, — сказал тот. — Я никогда не чувствовал ничего, сравнимого с голой мощью того напева на волшебном закате.

— Я хочу испытать это снова, — согласилась Кэтти-бри.

Энтрери поднял взгляд и указал рукой на небо.

— Оно по-прежнему здесь.

— Понимаешь, пройдёт шесть месяцев до восхода.

Он недоверчиво посмотрел на Кэтти-бри, но та убеждённо кивнула.

— Тогда, наверное, не стоит мне всю ночь пировать, — сказал Энтрери и тоже исчез в толпе.

— По крайней мере, не стоит всю ночь пить! — крикнула ему вслед Кэтти-бри.

Женщина огляделась в поисках Джарлакса, но это было безнадежно. Столько лиц, столько танцев, пения, еды и выпивки, радостных криков. Город оживился — ничего подобного она раньше не видела — и это оказалось заразительным.

Она слонялась вокруг, даже не пытаясь расспрашивать, где можно найти Джарлакса. Это было неважно. Здесь она была в безопасности, как и все остальные. Она жалела, что Зак не может быть здесь и наслаждаться праздником, но Галата недвусмысленно заявила, что это было бы неразумно. Это мгновение во время каззкальци подарило ему огромную силу, успокоение и избавление от боли, и действительно отбросило развитие фага.

Однако оно закончилось. Все это знали, и все в Скеллобеле понимали, что тот единственный момент триумфа Аззудонны, громкий голос всей Каллиды, требующий от Весёлых Танцоров помощи для больного, нельзя повторить.

Спустя короткое время, вернувшись в гостиницу с Весси и многими другими солдатами Бьянкорсо, Кэтти-бри услышала вопросы про Аззудонну, которая, судя по всему, куда-то ускользнула.

— Она отправилась отдыхать, — настаивала одна женщина, на что дварф возразил: — У неё для отдыха будет целая ночь! Она должна спеть и снова рассказать нам про свой бросок!

Кэтти-бри знала, что Аззудонна не отдыхает. Она покинула Ибилситато и прошла улицами Скеллобеля, направляясь к холодному лазарету, куда эвендроу положили Зака. Она не удивилась, когда вошла и обнаружила Аззудонну сидящей за небольшим столиком со свечой напротив своего свёкра. На столе между ними стояли тарелки и бокалы.

— Хурма? — с усмешкой сказала она, подходя. Оба повернулись к ней, вздрогнув, и Кэтти-бри чуть вслух не рассмеялась из-за того, как смешно они выглядели — как будто прошли через войну и вытащили свои потрёпанные тела на обочину, чтобы насладиться мгновениями отдыха.

— Этот сыр! — сказал Зак.

Он выглядел лучше, больше похожим на себя, и опухоль по большей части спала. И голос у него звучал лучше. Сильнее. Его рот почти что вернулся к нормальному размеру.

— Ты зовёшь себя его другом и при этом не поделилась? — сказала ей Аззудонна, качая головой с притворным огорчением. — Садись, — предложила ей женщина-дроу, отодвигая стул. — Я принесла более чем достаточно.

Кэтти-бри села, и Аззудонна толкнула к ней тарелку с хурмой и куритским сыром, а также поставила перед ней бокал ледяного вина.

— За жизнь, — сказала Аззудонна, поднимая свой бокал, и Кэтти-бри с Заком последовали её примеру. Они чокнулись с чудесным звоном.

— Я собираюсь прожить достаточно, чтобы ты вылечила меня от этой заразы, дочка, — сказал Зак. — Ты справишься?

— У наших хозяев достаточно тех, кто справится.

— Я не об этом спрашивал.

— Справлюсь, — заверила его Кэтти-бри. — Когда вернутся мои заклинания, ты испытаешь их настоящее тепло.

— Скоро, — пообещала Аззудонна.

— А что насчёт тебя? — спросила Кэтти-бри. — Это должно болеть.

Она осторожно коснулась разбитого носа женщины.

— Что? Думаешь, я теперь некрасивая? — спросила женщина, отстраняясь и принимая

игривую позу.

— Думаю, что ты очень красивая, — сказала ей Кэтти-бри. — Думаю, здесь вообще всё очень красивое.

Аззудонна улыбнулась и подняла бокал.

— Оставить вас наедине? — спустя какое-то время спросила Кэтти-бри, когда съела два плода хурмы, сыр, и допила вино.

— Пожалуйста, останься, — сказала Аззудонна, опередив Зака. — Позже у нас ещё будет полно времени наедине, — подмигнув ему, добавила она. — Когда поцелуи будут не такими болезненными и не заставят меня бояться, что твоя сладкая пасть проглотит всю мою голову.

Смех оборвался, когда дверь в комнатку отворилась и они увидели, как входит Галата с небольшим узелком.

— Надеюсь, это новая еда, — сказала Аззудонна.

— Так и есть.

— Тогда садись, присоединяйся, — сказал Зак, указывая на стул напротив. Но паладин покачала головой.

— На самом деле я искала тебя, — ответила она, указывая на Кэтти-бри. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Сейчас? — запротестовала Аззудонна. — Это же Квиста Канзей! Бьянкорсс победили!

— Это не займёт много времени, — ответила Галата и дала Кэтти-бри знак следовать за собой. Жрица с любопытством подчинилась.

Паладин провела её во второе помещение, вырезанное в леднике, очень похожее на лазарет Зака.

— Похоже, это что-то серьёзное, — сказала Кэтти-бри, когда Галата закрыла за ними дверь и подтащила для неё стул.

Женщина-эвендроу кивнула.

— Уверена, для тебя — ничего неожиданного.

— Честно говоря, сейчас я ничего серьёзного не ждала.

— Да, но скоро возвратится магия. Для некоторых — может быть, уже тогда, когда мы проснёмся в следующий раз. Моё дело с тобой необходимо завершить до того.

Кэтти-бри протянула руки, приглашая её продолжать.

— Вы сказали нам, что попали в эти края благодаря магии, — сказала Галата. — Ты — волшебница и жрица, верно?

— По большей части жрица, но да.

— И тебя попросили участвовать в путешествии из-за твоей магии? — снова спросила Галата.

— У других есть собственные фокусы и волшебные предметы, — сказала ей Кэтти-бри. — Но ты права. Я здесь потому что могу — или могла — излечить их, если нам придётся сражаться.

— Вы прошли через волшебные врата. Вы толком не знаете, где находитесь и как вернуться обратно.

— Это правда.

— Значит, ты здесь, чтобы вернуть их домой, когда дело будет сделано. Слово возвращения или двумер телепортации, наверное?

— Возвращение, — подтвердила Кэтти-бри. — Я не достаточно сведуща в волшебных искусствах, чтобы телепортироваться подобным образом.

— Но эта задача возложена на тебя, и без тебя другим придётся уходить отсюда пешком?

Кэтти-бри кивнула.

— Ты знакома с заклинанием обета?

Вопрос захватил Кэтти-бри врасплох. Она слышала про заклинание обета, которое налагалось на личность в качестве запрета или гарантии выполнения каких-то условий.

— Немного, — осторожно ответила она.

— Мы не можем вас отпустить, пока наша магия не вернётся полностью. Когда Сумеречная Осень закончится, мы должны закончить то, что ты с твоими друзьями начала в пещере в первый день вашего прибытия. Мы не можем позволить слаади и великанам устроить такой инкубатор.

— Мы, конечно же, укажем вам путь, — с полной уверенностью ответила Кэтти-бри. — Верните нам наше оружие и снаряжение, и мы с радостью будем сражаться вместе с вами.

Галата кивнула.

— Мы примем по меньшей мере первое предложение, однако мы не можем позволить вам уйти, пока... ну, вы увидите. Сложно объяснить.

— Мы всё ещё хотим отыскать Доум'вилль.

— Вам следует забыть про неё. Для этого мира она потеряна навсегда.

— Будь это правдой, мы бы знали. Мы явились сюда, потому что для дроу среди нас она сулит огромную надежду. Это долгая и запутанная история.

— Тогда мы укажем вам направление, в котором исчезла ваша подруга, — сказала ей Галата. — Но прежде всего, мы укажем вам путь прочь из Каллиды.

Её мрачный тон не хуже общего смысла слов подсказал Кэтти-бри, в чём тут дело.

— Я попрошу тебя принять моё заклинание обета, — объяснила Галата. — Такое, которое помешает тебе вернуть вас домой с помощью магии или отправить послание на юг, пока Светский созыв Каллиды не согласится, что вы можете уйти. Обещаю, заклинание обета будет снято, если к тому времени вы всё ещё пожелаете покинуть Каллиду.

Мысли Кэтти-бри потекли в тысяче разных направлений. Она была уверена, что теперь они используют на ней и её друзьях новую и отличающуюся магию, прежде чем отправить их домой. Она подумала о Фривиндле и его «снах». Она слышала о заклинаниях, которые могли заставить что-то забыть, и других, более могущественных, которые могли даже изменять память — Гарпеллы в Особняке Плюща довольно часто пользовались ими, когда один из их более эксцентричных волшебников упрямо вёл исследования и эксперименты в грозящем катастрофой направлении. Однако никогда она не слышала о достаточно сильных заклинаниях, способных достичь того, чего она боялась в отношении воспоминаний о Каллиде, принадлежащих ей с товарищами. С другой стороны, она и никогда не видела заклинаний, создающих такую сложную и вкусную еду, как здесь. Ей казалось вполне вероятным, что эвендроу могли отточить подобные заклинания до совершенства, если не хотели заточать или казнить тех, кто открыл Каллиду случайно.

Тем не менее, мысль совершенно её подавила — она не хотела навсегда бросать это место! Сама мысль о том, что она не сможет привести сюда Дзирта или Бри, разбивала ей сердце.

Она надеялась, что её подозрения не оправдаются, но так или иначе, прекрасно

понимала резоны собеседницы.

— Значит, когда ты говоришь, что вы не можете отпустить нас, пока не вернётся магия, дело не только в сражении с теми, кто занял пещеру.

— Это одна из причин, — сказала Галата. — Слаади куда более грозный противник, когда их когти впрыскивают яйца или хаофаг, а наши целители не могут легко с этим справиться.

— Мы могли бы нарисовать для вас карту с местонахождением пещеры, но этого будет недостаточно, не так ли? — спросила Кэтти-бри, пытаясь сделать свой тон не слишком обвиняющим.

— Нет, этого хватит.

— Но мы всё равно не сможем уйти — до тех пор, пока ваша магия не возвратится окончательно.

— Не можете, — признала Галата.

— Мы будем не первыми, кто пришёл и ушёл из Каллиды, и ваша магия позаботится, чтобы мы не стали первыми из тех, кто сможет вернуться.

Паладин не ответила. Ей и не требовалось.

— А как мы должны, по-твоему, поступить? — наконец спросила Галата. — Что бы ты сделала на нашем месте?

Кэтти-бри потёрла лицо ладонями. Она осознавала дилемму и по-настоящему сочувствовала хозяевам, но от того боль не уменьшалась.

— Когда ты хочешь наложить этот обет? — спросила она.

— Как только вернутся мои силы. Мне потребуется твоё слово, что если твои собственные силы возвратятся раньше, ты не перенесёшься к себе на родину и не станешь посылать магические послания за пределы Каллиды.

Кэтти-бри думала совсем недолго.

— Я согласна. Я не стану готовить подобных заклинаний, пока не получу твоего разрешения.

— Я верю тебе, Кэтти-бри, — сказала Галата. — И поскольку мы знаем относительную силу подобных заклинаний, скорее всего мой обет опередит твою способность к возвращению. Однако пока это не свершилось, мы не позволим всем четверым из вас находиться вместе в одно и то же время. Если вы каким-то образом сумеете нас покинуть, вам придётся бросить здесь одного из своих друзей.

Кэтти-бри втянула в себя воздух и попыталась напомнить себе, как велики ставки для здешних эвендру.

— Если кто-то находит ключ к твоему сейфу, ты меняешь замок, — сказала Галата.

— А ключ к Каллиде — это?

Галата просто молча смотрела на неё.

— Память о Каллиде, — закончила за неё Кэтти-бри.

Паладин встала и подошла к двери.

— И я рада — мы все рады — что к вашему другу вернулись силы. *«Перте мийе Закнафейн»* было искренним и случилось взаправду. Хаофаг не заберёт его.

Она вышла из комнаты, затем неожиданно обернулась — с улыбкой.

— Но может быть, заберёт Аззудонна.

Кэтти-бри ещё долгое время сидела одна в этой комнате, размышляя обо всём этом. Несмотря на простую радость и оживление, с эмоциональной стороны это становилось

крайне запутанным. Она сдержит слово и позволит наложить на себя заклинание обета — они с друзьями были обязаны эвендроу по крайней мере этим.

Однако она отчаянно надеялась, что в остальном ошибается. Она не хотела, чтобы воспоминания о Каллиде превратились в сны, недоступные или полностью стёртые.

Она надеялась, что ошибается, а если нет — что она, а может быть, всегда крайне убедительный Джарлакс, смогут найти другой путь.

Глава 22

Когда это важнее

Кэтти-бри сделала глубокий вдох и потёрла пальцы.

— Сумеречная Осень закончилась, — завершила её Аззудонна.

— И я до сих пор жив, — сказал Зак, который казался немного более усталым, чем был после чуда Квиста Канзей, но всё равно куда здоровее и сильнее, чем до этого неожиданного события. — Я же говорил, что вы так легко от меня не избавитесь.

— Не стоит мне переживать, но... — сказала ему Кэтти-бри.

— За твоими заклинаниями последуют мои, а потом и Галаты, — сказала Илина. — Мы и вдвоём можем исцелить Закнафейна от хаофага и вернуть ему здоровье. Мы привели тебя сюда в качестве любезности, решив, что ты предпочтёшь начать лечение сама.

— Так и есть — и я благодарю вас за эту возможность, — ответила Кэтти-бри. Она развязала кошель, который вручила ей паладин, высыпав оттуда на ладонь щепотку алмазной пыли. Она закрыла глаза и сделала ещё один глубокий вдох, затем тихонько запела, обращаясь к своей богине. Она почувствовала, как внутри неё растёт магия, ощутила её прекрасное освобождение, и услышала глубокий вздох облегчения от Зака, когда волны возрождающего исцеления прокатились по нему, атакуя хаофаг и принося почти мгновенное облегчение.

Как только первая волна покинула её, она начала всё заново, используя заклинание, которое было предназначено в первую очередь для исцеления ран, а не болезней. Она положила обе руки на распухшее до сих пор плечо Закнафейна и пела с закрытыми глазами, ощущая и высвобождая тепло.

Она отстранилась, когда закончила, какое-то время восстанавливая равновесие и медленно открывая глаза.

Перед ней стоял улыбающийся Зак, опухоль сошла, лицо снова стало нормальным. Кэтти-бри слышала, как Илина и Галата шепчутся за спиной, но не стала оборачиваться, вместо этого приняв крепкие объятия оружейника.

— Ты очень сильно нас напугал, — прошептала она ему на ухо.

— Знаю. Мне очень жаль, что я...

Она отстранилась и прижала пальцы к его губам, заставляя замолчать.

— Я не позволю тебе умереть. Ты нужен Бри. Ты нужен Дзирту. Ты нужен мне.

Зак снова обнял её, но затем издал необычный вопросительный звук. Кэтти-бри посмотрела на него, затем проследила за его взглядом до двух женщин-эвендроу. У обеих отвисла челюсть, и одинаковые выражения на их лицах демонстрировали немалое потрясение.

— Он полностью излечился и оправился от ран, — сказала Галата, когда к ней вернулся дар речи. — Такого я не ожидала.

— Твоя сила очень велика, — добавила Илина.

— Это дар Миликки, — ответила Кэтти-бри. — Я всего лишь проводник.

— Могущественный проводник, — сказала Галата.

Кэтти-бри приняла комплимент, скромно пожав плечами.

Галата отвела её в сторонку, сделав Илине знак осмотреть Зака повнимательнее. Когда Илина принялась ей шептать, Кэтти-бри поняла, что она хотела отвлечь Зака.

— Достаточно могущественный, чтобы сопротивляться моему заклинанию обета? — спросила она.

— Мне мало что известно о твоём заклинании — то есть, вообще об этом конкретном заклинании, — ответила Кэтти-бри. — Но я не хочу ему сопротивляться. Я его приму, и верная своему слову, в любом случае не стану предавать Каллиду. Мне не нравится то, что ты, как ты считаешь, должна сделать, с этим заклинанием и с тем, которое ты намереваешься вскоре применить, но я не могу отказать подобным действиям в предусмотрительности.

Паладин кивнула.

— Нам пора идти, — сказала Заку Галата. — Другие твои друзья скоро тебя навещают. Они уже в пути. Кэтти-бри вернётся немного позднее.

Она увела Кэтти-бри и Илину из лазарета и провела через город. В какой-то момент они встретились с Энтрери и Джарлаксом, Кэтти-бри подмигнула и улыбнулась им, заставив двух мужчин с нетерпением броситься вперёд, чтобы поскорее увидеть выздоровевшего Зака.

Кэтти-бри продолжала оглядываться на них. Она хотела к ним присоединиться, хотела, чтобы их четвёрка снова собралась вместе.

— Это не займёт много времени, — заверила её Галата, очевидно, заметив нетерпение женщины.

Кэтти-бри не стала жаловаться, но плотнее стиснула челюсть.

— Ты сама согласилась, не так ли? — спросила Галата.

— А у меня есть выбор?

Паладин пристально посмотрела на неё.

— А он тебе нужен?

Кэтти-бри задумалась, кусая губы.

— Это всего лишь на время, и это просто на какое-то время помешает тебе вернуть себя с друзьями обратно на родину, — ещё раз объяснила Галата. — И с обетом всё дело в намерении, не просто в заклинании или в конкретном действии. Ты несколько раз говорила мне, что не предашь Каллиду. Если это правда, то обет не сделает с тобой ничего такого, на что ты не решилась бы сама.

— В этом мне приходится полагаться на твоё слово.

— Да, — сказала Галата.

Кэтти-бри не ответила.

— Мы спасли его, — сказала ей Галата. — То есть, сейчас ты исцелила и вылечила его, но мы бы сделали это и сами, и если бы не народ Каллиды в каззкальци...

— Знаю, знаю, — ответила она, поднимая руку.

— Ты должна кое-что понять, Кэтти-бри, — заявила ей Галата, скрестив с ней взгляды. — Я могла тебя связать и сунуть в рот кляп — слизь миксин прекрасно подходит и для первого, и для второго — до тех пор, пока не вернётся моя магия, затем наложить на тебя обет без твоего согласия. Но ни я, ни другие не хотят делать этого с тобой или твоими друзьями, которые вызывают у нас такой большой интерес.

Кэтти-бри не могла отрицать правдивость её слов, так что, хоть и настороженно, она согласно кивнула.

Она была обязана им по меньшей мере этим.

Кэтти-бри потёрла виски, покидая дом инквизиторов вместе с Галатой.

— Чувствуешь, как оно гудит? — спросила паладин-эвендрю.

— Да. Это очень странно.

— Вскоре оно отойдёт вглубь сознания, — заверила её Галата. — Я рада, что ты согласилась.

— Я боюсь, что это было глупо, — призналась Кэтти-бри. — Заклинания, которые ты заблокировала, могли спасти меня и моих друзей из грядущего боя, если тот станет слишком отчаянным.

— Мы просим вас только показать нам пещеру, — сказал Эмилиан, который подошёл к ним вместе с Илиной. Они оба явно услышали последнее замечание. У обоих за плечами висели мешки.

— Я могла бы спасти также вас или ваших друзей, — сказала Кэтти-бри.

— Ты можешь подготовить другое слово возвращения, если желаешь, — сказала ей Галата. — Обет тебя не остановит. Но место возвращения должно быть здесь, в Каллиде. Как я и сказала, дело в намерении, а не в конкретном действии. Ты можешь считать подобное заклинание благоразумным, но...

— Но в этом не будет необходимости, — сказал Эмилиан. — Мы приведём могучее войско. Мы не впервые участвуем в таких боях и не намерены проигрывать.

— Конечно, вы совсем не обязаны участвовать в битве, — добавила Илина. — Вы можете проводить нас ко входу в пещеру, вернуться с друзьями в город и ожидать нашего возвращения. Такой поступок не уронит вас в наших глазах. Это наш бой.

— И наш тоже, — без колебаний ответила Кэтти-бри, и качала головой в ответ на каждое слово, позволяющее ей не участвовать в предстоящей битве. — Думаете, мы забыли, что вы приняли нас к себе домой во время отчаянной нужды? Думаете, мы забыли каззкальци и Весёлых Танцоров, и что вы, все вы, сделали для нашего любимого друга Закнафейна? Если ты, Эмилиан, возглавишь этот бой, сложнее всего тебе будет удержать нас, чтобы мы не вырвались слишком далеко вперёд. Мы просим вас просто дать нам оружие.

— Ах да, это, — сказал Эмилиан, кивнув Илине, которая сняла мешок с плеча и протянула его Кэтти-бри.

— Ваши вещи, — объяснила она. — Поясная пряжка просто чудесная и очень хитроумная!

Кэтти-бри прошарила внутри и нашла пояс, подняла его с усмешкой.

— Спасибо. Я сделала её в Великой Кузне Гонтлгрима. Лук — Тулмарил Искатель Сердец, который создали, кажется, эладрин. Уверена, ты ещё увидишь его в действии.

Она наклонилась и снова пошарила в мешке.

— Но это ещё не самые любимые из моих вещей, — пояснила она, выпрямляясь с прекрасной ониксовой статуэткой в руках. — Сомневаюсь, что вы добились успеха, пытаетесь распознать магию внутри этой вещи.

Илина и Эмилиан пожали плечами.

— Не пугайтесь, — предупредила Кэтти-бри. — Обещаю, вы в безопасности.

Все трое с любопытством посмотрели на неё, а вместе с ними — несколько каллидцев поблизости.

Кэтти-бри несколько раз обдумала своё импульсивное решение, но в итоге вернулась к

самому началу. Она закрыла глаза и прошептала: «Гвенвивар».

— Не отравленный? — спросила Илина, когда серый туман начал клубиться перед человеческой женщиной.

Кэтти-бри покачала головой.

— Нет, нет. Не отравленный.

— О, это скульптура из дыма, — сказал Эмилиан, когда туман стал принимать форму, но последние слова этого замечания превратились в изумлённое оханье, когда прямо перед Кэтти-бри возникла крупная чёрная пантера. Кэтти-бри тут же погладила кошку по ушам и голове, убеждая Гвен, что вокруг всё мирно и спокойно.

— Боги Ветра! — охнула Галата.

— Она прекрасна, — сказала Илина.

— Её зовут Гвенвивар, — сказала Кэтти-бри. — Я считаю тебя своим другом, а значит — она тоже твой друг. Она любит, когда ей чешут за плечом.

Илина осторожно подошла к пантере, но отстранилась. Когда Эмилиан рассмеялся, жрица снова шагнула вперёд.

— И да, — сказала им Кэтти-бри. — Гвенвивар будет участвовать в битве. Я знаю, что её тоже ранили во время битвы Закнафейна в нижней пещере, потому что она вернулась в свой астральный дом, чтобы восстановиться. Теперь она излечилась и очень зла на тех, кто причинил ей вред. Она получит свою месть.

При виде Джарлакса, снова надевшего свою невероятную шляпу и глазную повязку, к Кэтти-бри вернулось чувство, что всё вокруг совершенно нормально, и она удивилась, каким приятным оказалось это чувство. Каллида и эвендроу были очаровательны, всё это оказалось невероятным, прекрасным и удивительным, но она уже слишком давно покинула дом.

Она подумала, что Бри будет выглядеть иначе, когда она вернётся. Они отсутствовали куда дольше сорока дней; Кэтти-бри потеряла счёт времени в самом начале, поскольку нельзя было сориентироваться на смену дня и ночи, но знала дату осеннего равноденствия, которое они видели во время каззкальци.

В некотором отношении ей казалось, что она покинула дом совсем недавно, а в некотором — что её не было уже много месяцев. Она хотела увидеть Дзирта и Бри. Ей нужно было поцеловать мужа. Ей нужно было обнять ребёнка.

Она заняла оставшееся место за их столиком. Впервые после каззкальци в общей комнате было немногочисленно, но на улицах снаружи оставалось полно каллидцев, многие из которых спали на тёплой траве у многочисленных притоков, пересекавших Скеллобель.

— Я удивлён, что они всё мне возвратили, — сказал Джарлакс.

— Всё до конца, — согласилась Кэтти-бри. — Даже Гвенвивар. — Пантера восстановилась — я призвала её, чтобы показать моим друзьям эвендроу, но потом сразу отпустила, потому что скоро нам может понадобится её компания.

— Не всё, — возразил Энтрери.

Кэтти-бри бросила на него недоумённый взгляд, но он продлился всего мгновение, прежде чем она заметила, что у него нет рукавицы на правой руке и меча на поясе слева. Подумав об этом, она обнаружила, что не удивлена — Коготь Харона был одним из самых зловредных и губительных образцов волшебного оружия, которое она только знала — даже больше, чем Резчик.

— Скорее всего, они до сих пор пытаются разгадать злобу этого красного клинка, —

сказала ему Кэтти-бри. — Надеюсь, что никто не пытался взять его без защитной рукавицы.

— Сомневаюсь, что в подобном случае здешние хозяева возвратили бы нам все остальные вещи с той же готовностью.

— У тебя остался твой кинжал? — спросила Энтрери Кэтти-бри.

Он вытащил свой кинжал с драгоценностями, закрутил его волчком на столе, затем подобрал и сунул обратно в ножны.

Джарлакс кивнул на Кэтти-бри, потом повернулся к остальным двум товарищам и продолжил:

— Думаю, это ритуал — и он меня не радует.

— Ты должен понять ход их мыслей, — сказал Зак. — Они были намного гостеприимнее, чем мы могли ожидать. Что бы произошло, как ты думаешь, если бы группа эвендроу наткнулась на Мензоберранзан?

— Или даже на Глубоководье, — добавил Энтрери.

— О чём вы? — спросила Кэтти-бри.

— Джарлакс считает, что они собираются притупить наши воспоминания об этом месте, прежде чем позволить нам уйти, — сказал Зак.

— Я согласна. Галата именно так мне и сказала, — она посмотрела на Джарлакса. — Ты считаешь, что с Фривиндлем они именно так и поступили.

— Может быть, он просто был старым, — вмешался Энтрери.

— Я уверен, что с ним так поступили, — ответил Джарлакс. — Они размыли его воспоминания, или превратили их в сны, нечёткие и лишённые якоря, за который кто-либо мог зацепиться.

— Зацепиться и найти Каллиду, ты хочешь сказать, — сказала Кэтти-бри. — Ты их обвиняешь?

— Конечно нет.

— Но это не значит, что нам должно это нравиться, — сказал Закнафейн. — Я не в восторге от подобного вторжения в мои мысли и память.

— Боюсь, он часто хотел убить Киммуриэля, — легкомысленно сказал Джарлакс, вызвав смех у Кэтти-бри, но гневный взгляд от Зака.

— Распространённая мысль, — заметил Энтрери.

— Может быть, этот твой эльф сошёл с ума из-за заклинания, которое наложили на него эвендроу? — спросил Зак.

— Многие читали его безумцем, — не смущаясь, продолжал Джарлакс, покачивая головой, — но только в отношении этого места, если речь действительно шла об этом месте.

— Конечно же, это была Каллида, — сказала Кэтти-бри.

— Мы этого не знаем. В мире полно совпадений. По правде говоря, Фривиндль был очень старым, даже дряхлым, и он ни в чём не был уверен. Может быть, это был просто сон — Фривиндль часто был в этом уверен, потом менял своё мнение, потом снова менял его на обратное. И старый эльф точно не говорил мне ничего, сравнимого с тем, что мы здесь видели — по правде говоря, я даже не знаю, это ли место он видел во снах — или посещал, если вообще бывал на севере.

Кэтти-бри пронзила его взглядом.

— Может быть, об этом следовало поговорить в Главной башне в Лускане.

— Я вам не лгал, — запротестовал Джарлакс. — Я просто не раскрывал вам своих предчувствий.

— Чего-чего?

— Моих предчувствий, поскольку ничего другого и не было.

— Но из-за этих *предчувствий* ты привёл нас сюда, — упрекнула она.

— Но не по ложной причине! Нет, ощущения Хазид'хи реальны. Возможно, мы очистим меч, а может быть это невозможно, но в конце концов суть всегда была не в этом. Меч говорит нам, что Доум'вилль жива. Для меня по-прежнему важно отыскать её. Не стоит недооценивать её важность в случае с Мензоберранзаном. Если она поможет нам сохранить союз Баррисон Дель'Армго с домом Бэнр, у проклятой матери Жиндии будет не так много шансов найти друзей — а значит, и шансов победить. И Доум'вилль не поклоняется Ллос. Ко злу её подтолкнул меч. Нам это известно. Освобождение от него, победа над ним сможет привести её в место желанного искупления, и это место будет в Мензоберранзане, в доме Баррисон Дель'Армго. Доум'вилль может помочь нам избежать войны. Разве такая возможность не стоит наших усилий? Разве это...

— Да, Джарлакс, мы знаем, — оборвал его Закнафейн.

— Однако тебе следовало рассказать нам всё сразу, — сказала разозлённая Кэтти-бри. — С того самого мига, как ты попросил нас сопровождать тебя. Возможность того, что здесь на севере может существовать место вроде Каллиды, довольно важна, ты не находишь?

Джарлакс ответил небольшим кивком — в конце концов, что он мог сказать?

— Теперь это неважно, — вмешался Энтрери. — Мы нашли её и знаем про неё больше, чем может вспомнить любой эльф из Серебристой Луны, так?

— Согласен, всё решено, — саркастично отозвался Зак. — Каллида существует.

Он поднял свой стакан в тосте.

— И я этому рад. *Перте мийе Каллида!*

Другие улыбнулись в ответ, но к тосту не присоединились.

— Я согласна с оценкой наших хозяев Джарлаксом, — сказала Кэтти-бри, возвращая разговор к первоначальной теме. — Они не будут держать нас здесь, поскольку они не тюремщики, и не собираются причинять нам вред любым возможным способом. Как раз наоборот. Но кажется весьма вероятным, что они сотрут многие наши воспоминания об этом месте.

— Пускай, если это все их требования, — сказал Энтрери. — Хотя должен признать, цена довольно болезненная. Я не хочу забывать Каллиду.

— Эвендроу делают то, что должны, — решила Кэтти-бри. — Они могут многое потерять. Потерять всё.

— Ты можешь забрать нас домой, — сказал Джарлакс. — Прямо сейчас. И мы сможем вернуться — даже вместе с Дзиртом! Разве он не должен увидеть это место, прежде чем оно станет для нас сном?

— Я не могу.

— Мы сразу же вернёмся, — заверил её Джарлакс. — Здесь Доум'вилль, и она важна для нашего дела. Даже не будь здесь Каллиды, это стоит наших усилий.

Кэтти-бри покачала головой.

— Мы не можем.

— Почему? — удивился Энтрери. — Я не тороплюсь отсюда сбежать — мне здесь нравится — но почему мы не можем?

— Во-первых, у нас есть определённые обязательства перед ними. Мы должны показать им пещеру, в которой сражались с зелёным слаадам.

Другие кивнули.

— Покажем — и даже приведём помощь. Мы можем сразу же возвратиться на север и выполнить это обязательство, — повторил Джарлакс.

— Не можем.

Кэтти-бри почти вздохнула.

— Я не понимаю, — сказал Джарлакс.

— Я не могу прочитать заклинание, — объяснила Кэтти-бри.

— Но Сумеречная Осень закончилась...

— Нет, дело не в этом. Я не могу забрать нас из этого места. Меня связывает обещание и принятое от Галаты заклинание обета.

— Что-что от Галаты? — спросил Энтрери.

— Обет? Ты приняла обет? — спросил Джарлакс.

— У меня не было выбора. Но да, я его приняла, и поступила бы так, даже оставаясь у меня выбор.

Энтрери недоумённо вскинул руки.

— Это магический запрет, — объяснила Кэтти-бри. — Даже если я попытаюсь, заклинание не перенесёт нас домой, поскольку этому воспрепятствует обет. Обойти его невозможно.

— Не могу поверить, что ты позволила ей это сделать, — заметил Энтрери.

— Я всё равно не стала бы использовать эту магию, — ответила ему Кэтти-бри. — Я дала слово, что я не буду ею пользоваться, и своего слова не нарушу.

— И всё же, — сказал Энтрери, глядя на неё — с выражением, которое показалось женщине странным. Она почти видела, как он проигрывает всё в мыслях, и на её глазах его первоначальное удивление и недовольство словно растворилось.

— Тогда будь, что будет, — мгновение спустя сказал он.

— Тогда пойдём убивать лягушек, — сказал Зак.

Обменявшись взглядами с товарищами, Джарлакс согласно кивнул — но старый бродяга также потёр лицо.

Он как всегда оценивает варианты, догадалась Кэтти-бри. Земля Каллиды значила для него всё, и с Дзиртом будет точно так же, знала она. Она подумала, что Джарлакс может не вернуться с ней и остальными, когда всё это кончится, вместо этого оставшись жить среди эвендроу.

Что в таком случае будет с её воспоминаниями о Джарлаксе, если её теория про ритуал эвендроу подтвердится? Она произвольно хмыкнула при мысли о том, что пройдоха Джарлакс для неё, Энтрери и Знакфейна может стать лишь туманным сновидением. Полное исчезновение Джарлакса из их памяти казалось невозможным.

Во всей мультивселенной не нашлось бы достаточно могущественной магии для такого, решила Кэтти-бри. Только не с Джарлаксом, само присутствие которого казалось насмешкой над подобной возможностью.

Джарлакс хотел что-то сказать, но резко замолчал и посмотрел на дверь гостиницы, мимо Кэтти-бри. Она повернулась и увидела Галату со знакомой рукавицей.

Женщина сняла её, когда подошла, и бросила на стол перед Энтрери.

— Весьма примечательная вещь, — сказала она ему.

— Я предупреждал вас — по крайней мере, ваших друзей — ещё в разломе. Надеюсь, никто не стал игнорировать это предупреждение и не брался за меч, даже не касался его без

рукавицы.

Галата улыбнулась и потянулась обнажившейся рукой за плечо, доставая оттуда знакомый меч.

— Весьма примечательная вещь, — повторила она. — Твоё предупреждение было милосердным и мудрым.

Она обвела взглядом остальных.

— Вы владеете могучими магическими предметами, и некоторые из них обладают собственными замыслами. Злыми замыслами, или по крайней мере коварными.

От внимания каждого из четырёх друзей не укрылось, как небрежно дроу-паладин держит в голых руках Коготь Харона. Только могущественный и опытный воин мог держать Коготь Харона без защиты от его злобы. Казалось, меч не обладает над ней властью, и это служило напоминанием о том, что эвендроу были ещё более грозной силой, чем считали гости с юга.

— Я не использую его во зло, — ответил ей Энтрери. — Когда-то я был пленником этого меча, когда им владел тифлинг-шадовар. Но теперь...

Он покачал головой.

Галата рассматривала его какое-то время, затем демонстративно и медленно положила Коготь Харона на стол перед ним. Когда она потянулась, чтобы снять со своей спины ножны, Энтрери голый рукой взялся за рукоять зловеще-красивого меча и поднял к глазам его украшенный красным клинок.

— Инквизиторы спорили, следует ли возвращать тебе меч в такое время, — признала Галата, протягивая ножны. — Или заменить его белым ледяным мечом и вернуть тебе этот только тогда, когда ты навсегда покинешь Каллиду.

— Понимаю ваше беспокойство.

— Решающий голос среди инквизиторов, которые решали судьбу ваших волшебных вещей, остался за мной, — сказала им всем паладин. — Молюсь, чтобы это не оказалось ошибкой.

— Единственными, кто пожалеет о твоём выборе, будут слаади и великаны, — пообещал Энтрери.

— Значит, вы собираетесь присоединиться к нам в грядущей битве? Мне так сказали Илина и Эмилиан.

— Собираемся, — ответила Кэтти-бри.

— С радостью, — добавил Зак.

— Поэтому я пришла к вам, и я рада это слышать, — Галата указала на ближайшее кресло. — Могу я к вам присоединиться?

— Конечно, — ответили, или по крайней мере кивнули, все четверо.

— Я расскажу вам всё, что мы знаем о битвах со слаади и великанами, о тактике, а также о наиболее и наименее эффективной против них магии, защитной и атакующей. Народ севера учился этому долго и мучительно.

Они все пригнулись поближе, особенно Кэтти-бри и Джарлакс.

— Расскажи нам, друг, — сказал Зак, — как можно убить этих чудовищных врагов.

За четырьмя южанами следовал большой отряд эвендроу, ороков и курит — из Скеллобея через Каскатту и дальше по туннелю, прочь из ледникового разлома и обратно в горы. Ночь вокруг них была глубока, небо покрыто тучами, обещающими снег, и когда они

вошли в мёртвое поселение улутиунов после дневного марша, над головами больше не сверкали Весёлые Танцоры.

Там они обнаружили отделившуюся глыбу льда, которую обрушил на них ледник.

— Рядом с ледником мы будем поосторожнее с кнутом Зака, — сказала Илине и остальным Кэтти-бри. — И я постараюсь не использовать своё кольцо.

Договорив, она подняла руку и повертела кольцо на пальце.

— Пока не окажемся как можно дальше, — ответила стоящая рядом Аззудонна. — Даже если ты считаешь, что ответ Кадижа нас не достанет, за нами идёт крупный отряд, за которым на большом расстоянии могут следовать группы поддержки, и если ты разозлишь Кадижа, он может до них дотянуться.

— Конечно. Я видела dwarфов с тяжёлыми носилками, — согласилась она.

— Пещера будет очищена, — ответила Аззудонна, как будто это объясняло ношу dwarфов. Затем её кто-то позвал, и она отошла в сторону.

— Нас сопровождают dwarфы и орки, но я не видела других людей, кроме себя и Артемиса Энтрери, — заметила Кэтти-бри, обращаясь к Илине, когда они продолжили путь.

— Это не занятие для улутиунов. Мы в горах, поэтому в них нет нужды.

— На каззкальци я тоже их не заметила — в сражении, то есть.

— Улутиуны, которые присоединились к Каллиде, не верят в битву, — объяснила Илина. — Они прекрасные охотники — или были таковыми — но не воины и не хотят воинами становиться. Это не их путь. Сомневаюсь, что они поднимут оружие против великанов или даже слаади, если те вторгнутся в Каллиду.

— Они не станут защищать свои дома?

— Только не в битве с разумными существами, — объяснила Илина. — Не думаю, что это распространяется на весь их народ, но для этого племени подобное под запретом.

— Но вы цените их, как горожан, — произнесла Кэтти-бри скорее вопросительно, чем утверждающе.

— Конечно, — Илина легко улыбнулась. — Их убеждения многим кажутся вдохновляющими. Может быть, если бы не практическая необходимость, мы все последовали бы их мирному пути. Кроме того, ты увидишь, что они довольно важны, даже если не поднимают оружие. Здесь они не пригодятся, но если бы пригодились — то наверняка были бы с нами.

Кэтти-бри на этом оставила тему, благодарная за очередной взгляд на общество эвендроу, слой за слоем доказательств, что весь этот опыт был именно таким, каким казался.

Они пересекли поселение и ступили на горные тропы. Четверо гостей повторяли свой путь в обратном направлении. Они даже останавливались в тех же местах и пещерах, что использовали для отдыха в прошлый раз. Несколько снежных бурь замедлили путешествие, но с их волшебной защитой (и странной одеждой из кожи тюленей, белых лисиц и слизи миксин на остальных, которая, похоже, помогала не хуже сапог или колец) они продолжали продвигаться. Снег редко бывал здесь глубоким — всего несколько сильных бурь за год, если таковые вообще были — но мелкие порывы налетали на них регулярно, а может быть это были просто мелкие снежные кристаллы. Кэтти-бри не могла сказать наверняка.

Через месяц с небольшим, когда пещера, которая была их целью, показалась впереди, в ярком и безоблачном небе высоко светила почти что полная луна. Четыре друга были совсем рядом с тем местом, где они впервые прошли через врата Громфа, и Кэтти-бри заметила, что Джарлак постоянно оглядывается по сторонам. Она догадалась, что он запоминает

ориентир, главные горные вершины.

Джарлакс собирался вернуться сюда, даже если эвендроу проведут свой ритуал и приглушат их воспоминания.

Она не могла его винить.

Они в последний раз разбили лагерь возле входа в пещеру — крупный отряд, почти в две сотни голов, который разделился на назначенные ранее штурмовые группы.

— После того, как курит прокрадутся ко входу и проверят его на прочность, мы первыми войдём в пещеру, — сказал четырём товарищам Эмилиан, пока те обедали. — Вы четверо, я, Илина, Галата, Весси и Аззудонна. Можете возвращаться сюда, как только вы покажете нам всё, что нам нужно знать для командования битвой. Здесь будет развёрнут лазарет.

— Мы попросили сопровождать вас, — сказала Аззудонна, указывая на себя и Весси. — Мы вернёмся в лагерь вместе с вами.

— Но мы не станем возвращаться, — сказал Закнафейн, опередив ответ Джарлакса. — По крайней мере — я не стану. Я был в нижнем тоннеле и хорошо его помню, а значит, буду полезен. И если там остались лягушки и великаны — что ж, так даже лучше.

— Никто из нас не станет избегать битвы, — с уверенностью заявила Кэтти-бри. — Мы все — опытные воины и хорошо знаем друг друга. А кроме того, я прошу вас не оставаться с нами. Держитесь возле знакомых товарищей.

— Мы выработали собственный... стиль, — добавил Джарлакс. Он посмотрел прямо на Галату, которая, как ему сказали, возглавляет экспедицию, и которая только что подошла к ним. — Если есть какие-то задачи, которые надо выполнить, когда начнётся сражение, просто скажите — и можете быть уверены, что мы их исполним.

— Только вы четверо? — скептически поинтересовалась Галата.

— Пятеро, — поправила Кэтти-бри, доставая ониковую фигурку из кошель.

— Шестеро, — сказал Джарлакс, похлопав по перу на своей широкой шляпе.

— Может быть, и восемь, если хватит места для адских коней, — вставил Энтрери.

Галата посмотрела на сородичей-эвендроу, которых заявления друзей оставили в таком же недоумении.

— Это наш бой, — сказала Галата. — Вы не должны...

— Значит, и наш бой тоже, — настаивала Кэтти-бри.

— *Перте мийе Каллида*, — сказал Джарлакс.

— *Перте мийе Каллида*, — повторил он, и на сей раз голоса трёх его друзей вторили каждому слогу.

— Воистину, — кивнула и улыбнулась Галата. — Хорошенько отоспитесь и приготовьтесь к битве.

Артемис Энтрери проскользнул в пещеру, прижимаясь к правой стене и постоянно высматривая какое-то движение — движение среди других теней и от крупной туши жабоподобного зелёного слаада, лежащей на полу в том же месте, где они оставили её после стычки.

Всё было тихо, ступня с перепонками не дёргалась, четырёхпалые лапы лежали неподвижно.

Терпение, безмолвно напомнил себе Энтрери. Он присел рядом с выступом в стене, вжался в тень, и стал ждать.

И наблюдать.

Спустя какое-то время он отделился от стены, пригибаясь на всём пути к туше — и да, убедился, что это та же самая туша спустя все эти месяцы, с теми же ранами, оставленными мечом, который был сейчас у него. Труп почти не разложился — из-за холода, знал он.

Он вернулся к стене, затем пересёк помещение и вошёл в опускающийся тоннель.

Всё было тихо.

Энтрери вернулся наружу.

— Слаад валяется мёртвым там, где мы его и оставили, сразу у входа, — сказал он товарищам. — В глубине тоннеля тихо.

— Может быть, они оставили это место, — предположил Зак.

— То, что тело лежит здесь, ничего не значит, — ответила Галата. — Слаади не заботятся о своих мертвецах или друг о друге.

— Комната с яйцами была далеко внизу, — добавил Зак. — В нескольких сотнях шагов вниз по этому тоннелю, затем вниз по большой лестнице и ещё через один коридор.

— А повороты или развилки? — спросила Галата.

— Немного и нигде не заблудишься. Большие ступени ведут к прямому проходу, а тот заканчивается единственной развилкой прямо перед помещением, но оба пути от развилки ведут в зал, хотя в тоннеле слева может быть ещё один проход.

Галата кивнула Эмилиану, и он бегом бросился прочь.

— Тогда давайте с этим покончим, — сказала остальным паладин. Для четырёх друзей она добавила:

— Уверены, что хотите участвовать в этом сражении?

— В первых рядах, — ответил Джарлак.

Галата указала на вход в пещеру.

Закнафейн и Энтрери пошли первыми, паладин-эвендроу и Аззудонна — сразу за ними. Далее следовали Кэтти-бри, Джарлак и Илина, а Эмилиан готовил вторую ударную группу к роли подкрепления, а также — команду курит с носилками, чтобы забрать давно погибшего зелёного слаада.

Они вошли в тоннель, бесшумные как тени, бесшумные как смерть. Они подошли к опускающейся лестнице и спустились в плоский, прямой тоннель внизу. Энтрери и Закнафейн подкрались к развилке, где отчётливо виднелось красное мерцание из пещеры впереди, и там остался Энтрери с мечом и кинжалом в руке, а Зак отошёл назад. Когда их спутники спустились с лестницы в плоский тоннель, Зак сделал жест Галате, указывая налево и направо.

«Который или оба?» — сверкнули пальцы Закнафейна на языке жестов дроу.

Галата оглянулась через плечо и подала какие-то сигналы жестами в ту сторону, затем повернулась обратно и безмолвно сообщила бегунам: «Налево».

Зак вернулся к Энтрери, и они бок о бок двинулись дальше. Однако почти что немедленно остановились, услышав впереди движение.

В помещении кто-то был.

Зак повернулся назад, и его пальцы стремительно замелькали, сообщая новости.

«Сколько?» — услышал в голове Энтрери и понял, что это Кэтти-бри отправила безмолвное магическое послание.

Он прокрался вперёд, замер, затем двинулся снова.

Несколько крупных фигур слонялись внутри, включая троицу великанов, поднимавших

и переворачивавших яйца. Хотя рядом с высоченными инеистыми великанами тот казался не таким большим, Энтрери заметил слаада, крупного, толстого и синего, почти вдвое выше него самого, затем пару красных слаади справа, не таких высоких и жирных.

Он передал всё это Кэтти-бри через волшебную связь, затем добавил, что дальше в проходе, ведущем из этого инкубатора, есть по крайней мере ещё один слаад — он услышал его каркающий призыв, обращённый к сородичам.

Он вернулся к Закнафейну, который сообщил Кэтти-бри: *«Брось туда огненный шар, чтобы начать схватку»*.

Через несколько мгновений к ним двоим подошли Джарлакс, Аззудонна и Галата, а Кэтти-бри с Илиной остались позади у развилки, поджидая отряд Эмилиана. Илина отправила их по правому тоннелю с помощью языка жестов, пока Кэтти-бри тихонько приступила к чтению заклинания.

Пятеро в тоннеле пригнулись и прижались к укрытиям, когда над ними сверкнул небольшой шар пламени и влетел в комнату впереди. Волна жара пронеслась мимо, а вместе с ней — крики боли и громкие булькающие кличи удивления.

Энтрери и Закнафейн возглавили натиск, бросившись кувырком, как только достигли входа в помещение, пересекли пути друг друга, чтобы запутать ближайших врагов, и вскочили на ноги плечом к плечу, сразу же ринувшись к ближайшему великану, который отчаянно пытался удержать крупное яйцо в одной руке, а второй — прихлопнуть жалящее пламя.

Великан потянулся за своей секирой, стоявшей у стены сбоку, но затем вынужден был закрыться рукой от укола Закнафейна.

Секущий удар от Хазид'хи.

Три великанских пальца и половина его ладони полетели на пол. Исполин отреагировал инстинктивно, швырнув в Зака яйцо.

Зак пригнулся, перекатился вперёд, разворачиваясь, на повороте ударив Хазид'хи вниз и оставив меч торчать из пола, когда сам припал на корточки лицом к Энтрери, сложив перед собой ладони чашкой.

Не мешкая ни секунды, Энтрери бросился вперёд, шагнул на эти сложенные ладони и оттолкнулся, а Зак подбросил его вверх и наружу.

Обеими руками схватившись за рукоять Когтя Харона, Энтрери изо всех сил вонзил его в цель. Тонкий клинок пронзил плотный кожаный жилет и вошёл глубоко в живот великана. Энтрери видел и чувствовал, как кожа исполина вокруг раны дымится и сворачивается, и знал, что кишкам противника пришлось не лучше. Он был рад, что рана расширилась сама по себе, потому что он вместе с мечом соскользнул вниз и сразу же пригнулся, когда великан попытался его прихлопнуть, а затем потянулся за ним.

Щелчок огненного кнута заставил великана выпрямиться и отшатнуться на шаг. Враг рефлекторно схватился за обожённое лицо обеими руками, снова взвыл, и сунул свою ополовиненную ладонь под мышку, пытаясь остановить хлещущую кровь.

— Сзади! — крикнул оружейнику Энтрери, поскольку яйцо ударилось о пол, покатилося к стене и отскочило назад — и скорлупа лопнула. Синее существо, похожее на странный гибрид маленького дракона и огромной многоножки, протиснулось через скорлупу и теперь покачивалось из стороны в сторону совсем рядом с Заком, раскрывая зубастую пасть, готовое к удару.

Джарлакс осторожно приближался, наблюдая первый натиск двух своих лейтенантов. Хотя это всё было совершенно предсказуемо, он по-прежнему качал головой от трепета. Координация, импровизация, точность Зака и Энтрери, хотя и типичная, никогда не переставала его изумлять даже несмотря на то, что он сам мог бы присоединиться к этой паре экспертов и дополнять их движения собственным участием.

Он сумел чуть улыбнуться, когда услышал тихие вздохи восхищения от двух дроу рядом.

Он собирался вести эту битву в основном при помощи пары жезлов, но поскольку этого первого великана уже рубили на части, он начал с того, что призвал метательные кинжалы — первый, второй и третий, когда Аззудонна и Галата промчались мимо него в зал, подавшись налево. Он заметил, как мимо Зака пролетело яйцо, и придержал свой четвёртый кинжал, когда оружейник развернулся со сложенными руками, догадавшись, что сейчас Энтрери оттолкнётся от них и подпрыгнет.

Но затем Джарлакс метнул и этот кинжал, когда из расколотого яйца выползла змея.

Аззудонна и Галата уже обогнули угол, пропали из виду и были за пределами досягаемости змеи, и там, насколько мог слышать Джарлакс, уже начался другой бой.

Оружейник развернулся, услышав предупреждение Энтрери, и обнаружил, что вылупившееся создание слишком близко, чтобы использовать кнут. Высоко занесённая голова чудовища раскачивалась из стороны в сторону, затем хлестнула вперёд — пасть широко распахнута, и со всех сторон торчат клыки.

Зак прорычал проклятие и попытался уйти в сторонку, но лишь брошенный кинжал спас его от свирепого укуса, попав чудовищу в голову и отразив удар.

Быстрым рывком в сторону Зак оказался за Хазид'хи, который вырвал из пола, резко развернувшись обратно к змее.

Он щёлкнул в её сторону своим кнутом, тварь зашипела — но огонь ей не навредил!

Он сделал это снова, рассекая пространство, позволяя магме потечь на землю перед чудовищем, которое ударило снова — его морда пробилась прямо через горячий осадок.

Чудовище не подало виду, если жар ему и не понравился, но Зак увидел, что это неважно — его морда, его глаза покрылись магмой. Тварь задрожала и покачнулась, пытаясь освободиться, но Зак ей не позволил.

Резчик свирепо рубанул наискосок, и тварь вместе с разбитым яйцом откатилась в сторону, рассечённая надвое — оба конца бешено корчились на полу.

Зак этого не видел, но будучи уверен в своём ударе, уже вычеркнул змею из списка угроз. Поблизости оставался большой инеистый великан, раненый и злой.

Когда он развернулся, прямо над головой промчалась стрела молнии, и он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как великан пошатнулся от попадания. Однако враг всё равно взревел и двинулся вперёд, подбирая топор, получив ещё несколько ударов по ногам от меча и кинжала Энтрери, получив вторую, а затем и третью стрелу.

Но он продолжал наступать.

Исполин ответил широким размашистым ударом, нацеленным в Энтрери, но между бойцами сверкнула вспышка, от которой великан растерялся, а Энтрери не только нырнул под удар, но и вынырнул следом и погрузил свой меч в бок нагнувшегося исполина.

Подскочил Зак, снова щёлкнув кнутом в лицо великану и обрушив на него чудовищный рубящий удар Резчика, который прикончил раненую руку противника, заставил его разжать хватку, и огромная секира, вращаясь, отлетела в сторону.

Ещё одна стрела ударила в цель.

Сразу за молнией в великана врезалась пантера, приземлившись на его голову и повалив наземь.

Энтрери и Закнафейн ринулись добить громилу.

Джарлак одобрительно кивнул Илине, когда она вызывала вспышку между Энтрери и великаном.

— Прекрасно, — сказал он ей и понял, что то же самое может сказать и про Аззудонну с Галатой. Если после каззкальци и того, как паладин так легко справилась с мечом Энтрери у Джарлакса и оставались какие-то сомнения в силе эвендроу, они развеялись всего за несколько мгновений наблюдения за тем, как эта пара безупречно сражается с великаном — Галата с мечом и щитом, а Аззудонна орудует связкой из меча и короткого копья с такой лёгкостью, что Джарлак задумался, почему подобное сочетание так редко встречается в Мензоберранзане. Мастерам Мили-Маггир было, чему у неё поучиться!

И эти белые клинки, лёд, сжатый столь плотно, что стал несокрушимым, зачарованный и обработанный с огромным умением, чертил яркие полосы крови по всему телу инеистого великана, с которым они столкнулись.

Несмотря на всё это умение, Джарлак понял, что этой паре не помешает его помощь, и бросился к ним в ту же секунду, когда на них вышел второй великан вместе с синим слаадам.

Ослепительный свет загорелся в глазах этого второго великана, ослепив его, когда в бой вступила Илина. Кэтти-бри тоже обратила своё внимание в ту сторону, и Искатель Сердец стал посылать стрелы в массивных великанов над головами воительниц-дроу.

С жезлами в руках Джарлак призвал магию своего кольца, переместившись через ворота измерений в заднюю часть комнаты в стороне от рукопашной. Три массивных чудовища находились перед ним на одной прямой линии.

Сначала один, а потом и второй жезл отправили по этой линии могучую молнию, опалив всех троих.

Джарлак чуть было не рассмеялся вслух, когда Аззудонна хитро прыгнула вперёд следом за этим ослепительным ударом, ткнула своим копьём в ослепшего и разъярённого великана, который стоял посередине. В то же самое время она грациозно и бесстрашно проскользнула между великаном и слаадам. Великан ответил широким взмахом своей секиры, но Аззудонна была слишком проворной, чтобы пострадать от этого.

Однако удивлённый слаад повернулся вместе с ней.

Со своего нового угла Джарлак видел бой в противоположном конце зала, где доблестно бился отряд Эмилиана. Ему задышалось чуть легче, когда к Аззудонне и Галате присоединились Энтрери, Зак и Гвенвивар, а Кэтти-бри продолжила пускать свои стрелы-молнии, разившие врагов без промаха.

За спиной у Кэтти-бри выжидала подходящий момент Илина, подбирая нужную магию. В воздухе рядом со слаадам возник серебристый призрачный молот и немедленно вступил в сражение, и когда этот слаад сумел задеть Аззудонну когтем, заставив её откатиться в сторону ради защиты, её рана почти что мгновенно начала смыкаться.

Магия Илины, понял Джарлак, и был рад этому. Было ясно, что эвендроу знали, как биться с этими врагами. Он был уверен, что если они победят, никто не покинет бой с заразой хаофага.

Наёмник потянулся было к перу в своей шляпе, но вместо этого просто покачал головой

и начал выбирать новую цель.

Диатрима не понадобится. Пока что, во всяком случае.

Пара красных слаадов сбежала из боя через тоннель в задней части зала, и Джарлакс отправился в погоню. Он повернул за угол и увидел удирающих слаади, но также увидел — при помощи магии своей повязки — вторую пару слаади, почти одинаковых с зелёной тварью, которую они убили в первый визит сюда, скрытых невидимостью и стоящих по обе стороны широкого тоннеля.

Наёмник резко остановился и развернулся, прижавшись спиной к стене и сделав знак друзьям. Зак и Энтрери вышли из своего боя, который к тому времени был под полным контролем эвендроу, и двинулись к Джарлаксу. Подошла и Кэтти-бри, лук которой стрелял на каждом шагу, больше всего ударяя в оставшегося зрячим великана.

Когда два воина быстро подошли к нему, Джарлакс переложил оба жезла в одну руку, махнул на вход в тоннель и показал друзьям два пальца. Двумя пальцами он вытащил что-то из своего кошелька и развернулся, бросая это в тоннель.

Джарлакс выскочил в тоннель с жезлом в каждой руке, воздух перед ним заполнился сверкающей пылью, очертившей и чётко показавшей каждого из четырёх слаади внутри.

Коридор дважды вспыхнул от ударов молнии, и Джарлакс перехватил жезлы, сунул их на место и взял кинжалы, которые удлинились и стали мечами, а трое друзей присоединились к нему.

Красные слаади пытались вырваться вперёд в бою, чтобы сдержать ярость Энтрери и двух дроу, а зелёные слаади начали читать заклинания.

Но друзья знали, чего ожидать, и уже обзавелись защитой от огненных шаров, когда увидели их в первой стычке, а подошедшая Кэтти-бри тоже читала заклинание.

Мечи зазвенели и перестали, громко, а потом тихо шёлкнул кнут.

Битва бушевала в полной и абсолютной тишине. Зелёные заклинатели, двоемеры которых рассеялись в оглушительном безмолвии, предсказуемо попытались сбежать, но Гвенвивар одним огромным прыжком придавила одного из них под собой.

А когда второй наполовину побежал, наполовину заскакал прочь, пытаясь выйти за границы её заклинания тишины, Кэтти-бри выпустила ему стрелу прямо в спину.

Он вышел из тишины, повернулся и начал колдовать...

...только затем, чтобы получить шар зелёной слизи прямо в лицо. Отплёвываясь, слаад попытался сорвать его когтями.

Смех Джарлакса не мог достичь его ушей, поскольку наёмник по-прежнему находился в сфере тишины.

Этот слаад повернулся и бросился наутёк.

С рассечённой Когтем Харона мордой рухнул наземь красный слаад. Другой повернулся и попытался сбежать, но за ним шаг за шагом следовал Зак, а затем и Джарлакс, снова и снова пронзавшие его, пока тот не упал, а Энтрери тем временем помог Гвен добить зеленокожего монстра.

Кэтти-бри, до сих пор стоящая в зале и за границей своего заклинания тишины, повернулась и нацелила Тулмарил, выбирая цели. Однако возможностей для выстрела ей не представилось, поскольку новые дроу, дварфы и орки присоединились к сражению, и немногочисленные уцелевшие слаади и великаны рухнули под яростным и скоординированным натиском. Тогда Кэтти-бри убрала лук и вместо этого занялась ранеными союзниками. Которых было немало, в том числе и Галата, хотя паладин

продолжала сражаться, а её сверкающий голубой меч стал почти красным от крови врагов.

Битва в тоннеле и в зале быстро закончилась, Джарлакс, Энтрери и Зак бросились вдогонку за удирающим зелёным слаадом, а Гвен вернулась к Кэтти-бри.

Женщина обошла помещение, читая заклинания лечения и восстановления там, где это было необходимо, где был шанс подхватить заразу или яйца слаадов. Она продолжала оглядываться на Илину в поисках подтверждения, и жрица-эвендроу продолжала кивать.

— С теми, кого ранил слаад, нельзя рисковать, — сказала ей Илина, как и проинструктировала её Галата, когда они только отправились в путь. — Исцеляй заразу, даже когда не знаешь наверняка, присутствует она или нет.

Кэтти-бри кивнула и с жаром принялась за работу, подталкиваемая воспоминаниями о жестоких испытаниях Закнафейна. Она надеялась — она могла лишь надеяться — что её заклинаний будет достаточно.

Один несчастный дварф корчился на полу — на него наступил великан, а у трудившегося над ним жреца-эвендроу не было заклинаний, способных справиться с такой чудовищной травмой. Кэтти-бри отстранила жреца, закрыла глаза и воззвала к Миликки, прося о её величайшем даре исцеления. Она удерживала дварфа на месте, пока в него текла магия и волны тепла расходились по искалеченному телу.

Когда она его отпустила, дварф больше не корчился, больше не хрипел от нестерпимой боли. Он посмотрел на Кэтти-бри с искренней признательностью. Она поцеловала его в лоб и поблагодарила за сегодняшнюю храбрость, пообещав, что он полностью выздоровеет.

Встав, она почувствовала на плече чужую руку, и обернувшись, увидела улыбающуюся Илину.

— Пойдём, — сказала ей дроу. — Галата отдыхает.

Они двинулись в путь, но Кэтти-бри остановилась и указала на дальнюю стену, на великана, который был тяжело ранен, но упрямо продолжал натягивать тяжёлые шёлковые путы, которые не позволяли ему двигаться.

Когда он начал кричать, один из орков подошёл и шлёпнул пригоршню слизи — миксиновой слизи, решила Кэтти-бри — ему в рот, проследив, чтобы слизь не забила великану ноздри.

Оглядев остальное помещение, Кэтти-бри увидела расхаживающих вокруг дроу, добывающих павших слаады своими белыми мечами и копьями и проверяющими великанов, чтобы убедиться, что те действительно погибли. Другие собирали с полок уцелевшие яйца, расставляя их в безопасных ящиках, установленных на носилках.

— Пленник? — наконец спросила Кэтти-бри, когда они с Илиной подошли к прислонившейся к стене Галате.

— Нам нужно выяснить, что всё это означает, — ответила Галата. Она указала на первую битву в комнате, на новорождённое создание, рассечённое напополам и мёртвым валяющееся на полу.

— Похоже на реморхаза, — сказала Илина.

— Да, на полярного червя, — согласилась Кэтти-бри.

— Это опасный поворот, — сказала Галата, скрестив взгляды с великаном. — Мы добудем у него ответы на наши вопросы.

— А что потом? — спросила Кэтти-бри. — Среди жителей Каллиды я великанов не встречала.

— И не встретишь, — вот и всё, что ответила Галата. — Когда наши жрецы и

волшебники закончат его допрашивать и рыскать у него в голове, от него милосердно и быстро избавятся.

Кэтти-бри не собиралась спорить. Она посмотрела на великана, полностью связанного, но по-прежнему брыкавшегося, когда кто-то проходил мимо, однажды даже рухнувшего на пол в попытке раздавить своей тушей эвендроу.

Кэтти-бри направилась к тихому теперь тоннелю, уходящему вглубь горы. Там было несколько обсуждающих варианты эвендроу. Она прошла мимо, увидев трёх погибших слаади.

Далеко внизу она услышала крик. Эвендроу бросились мимо, приготовив оружие.

— Иди к Знакфейну, — приказала женщина Гвенвивар, и пантера умчалась прочь, обогнув изумлённых эвендроу, и исчезла во мраке.

Глава 23

Извивающиеся загадки

Гвенвивар промчалась вниз сквозь почти непроглядную тьму, пронеслась по коридорам, быстро спустилась по длинной, вырезанной из камня, закрытой круглой лестнице огромных размеров, и вышла на выступ, нависающий над естественным залом, где в самом разгаре шла битва.

В зале она увидела Закнафейна и Энтрери, описывающих круги вокруг великана, наносивших удары, когда представлялась возможность, ныряющих и уворачивающихся от взмахов тяжёлой дубины. Второй великан был на полу, он полз, подтягиваясь на руках, волоча за собой искалеченные ноги, оставляя на грубом камне кровавый след, и с каждым тяжёлым движением из него вытекала жизнь.

В волшебном поединке неподалёку зелёное чудовище швырялось в Джарлакса огнём, а тот отвечал молниями.

Гвенвивар взмыла в воздух, бесшумно пересекая зал.

Она почувствовала удар, когда приземлилась на зелёного слаада. Она почувствовала, как он согнулся под её весом, вонзила в тварь свои когти, чтобы не сорваться, когда он пригнулся и начал кататься по полу.

Она с силой укусила чудовище за голову сбоку, яростно орудуя задними когтями, ещё глубже вонзая клыки и передние когти, чтобы удержаться на бьющемся монстре.

И ещё долго рвала его после того, как тварь перестала шевелиться.

Освободившись от магического поединка — в результате которого он получил множество болезненных ранений в разные места, включая запястье, где кожу лизнул огненный шар — Джарлакс изумлённо взвизгнул, затем горячо поблагодарил Гвен за её неожиданное вмешательство. Он вернулся к оставшемуся врагу, к друзьям, которые опережали катастрофу всего на шаг и медленно, с трудом изматывали исполина.

Джарлакс поднял не пострадавшую руку, ожидая, пока великан развернётся, затем ударил молнией в его мерзкую рожу.

Здоровяк взвыл и выронил булаву, хлопнув ладонями по своим сожжённым глазам.

Энтрери и Зак стали добивать врага, прыгая и ударяя, прыгая и ударяя, Когтем Харона — в живот, Зак обрушил Резчика на толстую, как дерево, ногу, хлестнув несколько раз своим могучим кнутом по рукам и лицу великана. Они заставили его растеряться и утратить равновесие.

Они не собирались позволить великану обрести равновесие снова.

Исполин тяжело упал на одно колено — его левая нога была разорвана тонким лезвием Хазид'хи. Энтрери действовал методично, его похожий на бритву красный клинок с каждым ударом погружался по самую рукоять.

Великан обмяк и умер — совсем рядом с тем местом, где неподвижно лежал другой.

Воцарилась тишина. Оглядевшись кругом, Джарлакс спросил: «Что это за место?» Это был большой зал, в основном естественного происхождения, но с обработанными участками вроде уступа и ступеней. Отсюда вело несколько тоннелей, большинство — из

обработанного камня, что свидетельствовало о существовании большего комплекса.

— Зелёная лягушка мертва, — ответил Зак. — Надо возвращаться к остальным. Здесь слишком много всего, чтобы можно было рискнуть и разделиться.

— Согласен, — сказал Джарлак. — Но мне всё-таки любопытно. Что это за место?

— Ясли, — ответил Энтрери, стоя возле большой двери, которую только что распахнул, рядом с последним убитым врагом. Дверь вела в помещение, располагавшееся под тоннелем, по которому они пришли сюда. Джарлак и Зак поспешили присоединиться к нему.

— Невероятно, — прошептал Джарлак, заглянув внутрь. В комнате перед ними было ярче, чем в этом зале, здесь располагались такие же светящиеся сферы, как в помещении наверху, только этот свет вместо красного был пурпурным, а одна, особенно крупная сфера, висела над открытой каменной ямой с косыми стенами — таким образом, дно было шире, чем верхушка.

Чтобы полярные черви не могли выползти наружу.

Три товарища подошли к краю ямы. Под ними извивались и ползали дюжины и дюжины молодых реморхазов. Некоторые захлопали крохотными крыльшками, расположенными сразу за головой, поднимаясь к гостям. Зубастые челюсти распахнулись, открывая их пасти — словно клювы птенцов, когда птица-мать вернулась в гнездо. Эти были побольше, чем червь из другой комнаты — в два, в три или в четыре раза. У некоторых из тех, что покрупнее, спины светились от жара, и друзья ощущали тепло, исходящее со дна ямы в двадцати футах под ними.

— Зачем... — хотел было спросить Энтрери, но умолк и вместо этого просто покачал головой.

— Может быть, чтобы собрать армию, — ответил Джарлак. — И отправить их всех на Каллиду.

— Как они смогут управлять таким войском? — ответил Энтрери. — И насколько большими вырастают эти твари?

— Взгляните на это, — сказал Зак, подходя к ним с вытянутыми руками, в которых лежало несколько кристаллов. Он указал себе за спину, и они проследили за его взглядом в угол, где лежала гора таких кристаллов.

Черви в яме бешено защёлкали своими жвалами, и скоро почти все они подняли передние части своих похожих на многоножку тел. Яма наполнилась яростным шуршанием крыльев.

Джарлак дал сигнал Заку, и тот швырнул вниз один кристалл. Ближайший червь попытался схватить его жвалами, но промахнулся, и кристалл со стуком упал на пол, где на него набросилась группа полярных червей, превращая в порошок своими могучими челюстями.

— Они едят кристаллы? — скептически произнёс Энтрери.

— Посмотри на пол, — сказал Зак, и действительно, теперь, зная что искать, друзья заметили разбросанные повсюду осколки кристаллов.

Низкий рык Гвенвивар и движение в другом помещении напомнили им, что здесь небезопасно, но все трое испытали огромное облегчение, когда обернулись и увидели в большом зале внушительный отряд из Каллиды.

К товарищам на краю ямы присоединились Аззудонна и Эмилиан.

— Эти чудовища — одни из самых страшных тварей для нас в Каллиде, — объяснила Аззудонна. — Они с огромной скоростью прорываются через стены ледника и способны

обрушиться на нас в любом месте города. Они наши враги, так что их разведение, очевидно — плохая новость.

Она повернулась к другому помещению и подозвала солдат.

— Перебейте их. Всех до единого.

Внутри устремились эвендроу и орки, вооружённые длинными копьями.

— Молюсь, чтобы мы не слишком поздно раскрыли этот предательский замысел, — сказал Эмилиан, присоединяясь к друзьям. — Все реморхазы здесь — молодые, совсем молодые, кажется. Я видел поистине чудовищных представителей этого вида, в несколько раз крупнее самого крупного из этой ямы, свирепых и достаточно больших, чтобы проглотить дроу целиком. Они не чувствуют холода, их не опаляет огонь, а наши доспехи не в силах сдержать укус их челюстей.

— Мы видели, — сказал Зак.

— Пойдём, — поманил их Эмилиан. — Давайте выполним все наши задачи и быстро вернёмся в Каллиду, чтобы предупредить Сиглиг.

— Ничего хорошего это не сулит, — согласилась Аззудонна.

Вы себе даже не представляете, подумал Джарлакс, но не сказал вслух — он боялся, что начал собирать все кусочки этой головоломки. Он бросил взгляд на груды кристаллов, потом обратно на яму. Воздух наполнился пронзительными криками обречённых созданий.

Какофония не привела в помещение новых великанов или слаади, и отряды разведчиков обнаружили, что остальные тоннели ведут в пустые комнаты или выходят к пустым пещерам на поверхности. Завершив здесь свои дела, экспедиция вскоре покинула это место, возвращаясь в Каллиду со связанным инеистым великаном, незрелыми яйцами и несколькими тушами молодых реморхазов.

— Сегодня вечером они собираются убить этого великана, — сказала Кэтти-бри остальным трём, присоединившись однажды к ним за ужином, когда экспедиция была уже на полпути обратно в Каллиду.

— Ты крупно ошибаешься, если думаешь, что я стану возражать, — ответил Джарлакс.

— Если им нужна помощь... — заявил Энтрери.

— Их жрецы и волшебники воспользовались заклинаниями, чтобы опустошить его мысли, и почти ничего не узнали, — объяснила Кэтти-бри. — Он — тупоголовый громила, даже больше, чем можно подумать, и судя по всему уже давно работал в том месте. Он даже не знает, что происходит с реморхазами, когда те покидают инкубатор — а судя по тому, что узнали эвендроу, многие действительно покинули то место.

— Ответ кажется достаточно очевидным, — сказал Зак.

— Разве? — спросил Джарлакс, серьёзный тон которого застал их всех врасплох.

— Ты слышал Аззудонну и Эмилиана, — напомнил ему Зак.

Джарлакс задал вопрос, не адресуя его никому конкретному из троицы.

— Почему, как вы думаете, текут горячие источники? Откуда берутся все эти мелкие притоки, создающие главную артерию города эвендроу, реку Каллида?

— Вероятно, вулкан глубоко внизу, — ответил Энтрери. — Может быть, огненный бог, подобный...

— Подобный Мегере, — закончила Кэтти-бри. — Я думала об этом. Возможно ли, что ледник расположен над пленённым предтечей огня?

— Я думал, что ледник — это ледяной элементаль, или бог ветра, Кадиж, или как они

там его называют, — заметил Зак.

Кэтти-бри пожала плечами. Они не знали.

— А ты не чувствовала такого предтечу, когда мы были в поселении возле ледника? — спросил её Зак. — Когда ты потянулась через кольцо, с другой стороны не было никакого Мегеры?

— Я ничего подобного не чувствовала. Только сам ледник.

— Но эвендроу живут здесь уже тысячи лет — по крайней мере, так заявляют они сами, — заметил Зак. — И та область, которую они вырезали в леднике, всё это время оставалась устойчивой. Неужели враждебные предтечи могут так долго находиться в равновесии?

— А она устойчива? Разве до недавнего времени в Каллиде было не пять округов? — возразила Кэтти-бри.

— Да, как с заброшенным поселением улутиунов, — сказал Джарлак. — Может быть, ледник постепенно берёт верх?

— К чему ты клонишь, Джарлак? — спросила Кэтти-бри.

— Они пожирают кристалл, — ответил он.

Лицо оружейника озарила догадка.

— Бездыханные комнаты, — сказал он чуть громче шёпота.

— Есть такие места в Подземье, — объяснил Джарлак друзьям с поверхности, — обширные палаты с огромным теплом и энергией, хотя рядом с Мензоберранзаном подобных пещер совсем немного. Мы называем их бездыханными комнатами, потому что любому, кто попадёт в одну из них, жар так сильно опалит лёгкие, что он больше не сможет говорить — а может быть, даже дышать. Большие, просторные палаты со множеством кристаллов. Прекрасные, словно цветущие каменные сады, однако смертоносные. Кристаллы там размером с высочайшие деревья Утёсов. Даже свирфнеблины, которые превыше всего ценят красивые камушки, не могут добывать их, поскольку жар для них слишком силён. Их жрецам пришлось бы трудиться сильнее, чем шахтёрам, только ради того, чтобы защитить их от обжигающей энергии массивных кристаллов.

— Я слышал, что жриц дроу, в чьей вере возникли сомнения, запирают в подобных пещерах, где только преданность Ллос может дать им достаточно заклинаний защиты, чтобы пережить подобное испытание, — добавил Зак.

— Значит, вы считаете, что слаади и великаны разводят червей, чтобы... что? Пожирать кристаллы? — спросила Кэтти-бри.

— Они не чувствуют жара и не чувствуют холода, — напомнил Джарлак. Он заметил, что ответом стали недоверчивые лица.

— Бездыханные комнаты не помешают реморхазам, — сказал Зак.

— Это всего лишь один из вариантов, — признал Джарлак.

На следующий день поднялась сильная буря, но затем несколько дней прошли спокойно, и экспедиции не повстречалось других врагов, кроме ветра и льда. Когда тучи наконец разошлись, их разогнал пронизывающий холодный ветер, но четверых друзей защищала их магия, а одежда из Каллиды сохраняла тепло.

Наверху сверкали звёзды; вернулась луна, и Весёлые Танцоры тоже бросили зелёный покров, от которого сверкала вся застывшая земля. На высоком перевале друзья увидели вдалеке ледяную реку, которую теперь называли ледником Кадижа, протянувшуюся над

торосовыми льдами прочь от гор.

— Это действительно должен быть предтеча или бог, — заметила Кэтти-бри. — Иначе как ещё может существовать подобный ледник? Ледники — это реки льда, застывшие на горных перевалах или стекающие с высоких вершин, но этот... этот выглядит, как и утверждают легенды — как застывший исполин, покрытое льдом создание, которое улеглось на лёд и скончалось.

Она покачала головой.

— Бессмыслица какая-то.

— Разве ты не видела Анорох, Великую пустыню? — спросил её Джарлакс.

Кэтти-бри, которая после Ируладуна возродилась в бединской семье, прекрасно знала Анорох — такую же странную местность, о происхождении которой ходили легенды не менее экзотичные, чем то объяснение, которое эвендроу давали существованию этой достопримечательности.

— Пойдёмте, — поманила их Аззудонна. — Мы почти пришли к месту, которое вы должны увидеть.

Она привела их к Галате и Эмилиану, и те присоединились к ним на пешей прогулке, продлившейся ещё час, затем увели четырёх друзей из рядов экспедиции по другой тропе, поднимавшейся выше в гору, которую экспедиция сейчас пересекала.

— Видите? — спросил Эмилиан на одном из высоких плато. Он указал на лёд.

Друзья вглядывались, щурили глаза, изучая далёкий пейзаж. Они заметили стену ледника, но так и не поняли, куда им нужно было смотреть.

Танцоры в небе мерцали и клубились, как будто проливая свой свет на их поиски, и Закнафейн заметил это первым.

— Вон, на леднике, — сказал он. — Рядом с вершиной, чуть ниже и справа.

Кэтти-бри хотела спросить, о чём он говорит, но потом тоже это увидела. Сначала она решила, что это просто скульптуры на ледяной стене, образованные под воздействием ветра, но приглядевшись поближе, осознала, что это нечто большее, нечто не просто природного происхождения.

Это был замок, огромный и затейливый, вырезанный в стене ледника в сотнях футов над поверхностью и сам поднимающийся на сотни футов вверх.

Теперь, заметив его, они уже не могли перестать видеть это зрелище. Конечно, замок был расположен очень далеко, но был таким грандиозным, таким большим, что насмеялся над ними даже издали.

— Это замок инеистых великанов, — объяснил Эмилиан. — По крайней мере, был, пока не пришли слаади. Теперь он общий, и я сомневаюсь, что ярл великанов — кто бы их сейчас не возглавлял — обладает какой-то властью над своими гостями.

— Вы когда-нибудь бывали там?

— Я бывала, — сказала Галата. — Дважды. Мы редко нападаем на это место — цена слишком велика. Там погибла ваша подруга Доум'вилль, когда мы преследовали отряд налётчиков, захвативший нескольких курит.

— Мы не спасли их, — мрачно добавила паладин, — и убежать смогли жалкие пара десятков, включая меня.

— Мы считаем, что Доум'вилль до сих пор жива, — сказала ей Кэтти-бри. — Я почувствовала это через меч. Она до сих пор может быть там.

— Не знаю, так ли это. Мы приходим туда только если нет выбора, — сказала

Галата. — Если она жива, значит находится в ледяных темницах внизу. Но там внизу рыщет морозная смерть, канте и н’диви, необитаемые и одержимые, причём в больших количествах. Что ещё хуже — на такой глубине даже Кадиж будет вести войну с нарушителями. Если Доум’вилль там, она всё равно что мертва.

— Канте и н’диви? — спросила Кэтти-бри.

— Необитаемые и... — начала Галата.

— Я знаю, что значат эти слова, но что они из себя представляют?

— Живую воду или лёд, — объяснил паладин. — Канте охотятся на живых созданий, чтобы заключить в свою хватку и вселиться в них, хотя это не просто одержимость. Вместе канте и их жертвы превращаются в н’види.

— Что ж, звучит мило, — сказала Кэтти-бри, поворачиваясь к Джарлаксу. Она вспомнила то странное чувство, которое испытала, когда искала Доум’вилль через Хазид’хи.

— Вы сказали, что отправляетесь туда только когда нет выбора. Думаю, что у нас тоже нет выбора, — сказал Джарлакс, не обращая внимания на её тревогу. — Она по-настоящему важна для нас, из-за долга перед её несчастной семьёй и потому, что в её власти может быть остановить войну. Вы отправились туда за своими...

— Я не сомневаюсь в вашей решимости или намерениях, — заверила его Галата. — Вы выступите перед Сиглигом, когда мы вернёмся в Каллиду. Изложите там своё дело, но только не ожидайте, что любой из эвендрю, курит или ороков последует за вами дальше входа.

— Мы хотели просто показать вам его, — объяснила Аззудонна. — Ледяной замок в свете Весёлых Танцоров можно разглядеть только здесь. Вы продолжали спрашивать о своей подруге...

Кэтти-бри посмотрела на Джарлакса, затем оба повернулись к Закнафейну.

Тот понял, в чём дело, и достал Хазид’хи, протягивая его Кэтти-бри. Женщина закрыла глаза и подняла меч, крепко обхватив рукоять.

Меч покачнулся, словно огни над головой, и его кончик указал точно на далёкий замок.

— Я чувствую её, — прошептала Кэтти-бри. — Она жива. Я её чувствую.

— Может быть, та, кого ты чувствуешь, не живая по-настоящему, — тихо сказала Галата.

— В любом случае мы должны это выяснить, — убеждённо сказал Джарлакс.

— Мона Чесс, — объявила товарищам Илина, когда они подошли к концу долгого прямого коридора, открытого ночному небу, но всё равно обрамлённого разноцветными волшебными огнями.

Кэтти-бри, которая покинула коридор следом за ней, увидела совсем не похожую на Скеллобель картину, и единственное, с чем женщина могла сравнить её в этот первый раз — с Мензоберранзаном.

Илина рассказывала им, что Мона Чесс не особенно крупнее Скеллобеля, но на первый взгляд казалось, что округ намного больше. Может быть, из-за того, что его не разделял надвое каменный хребет. А может быть, дело было в конструкции здешних жилищ — весь округ усеивали высокие здания, созданные из волшебного синего и белого льда, шпили и минареты на которых иногда достигали почти середины стен ледника. Все фасады шли волнами зелёного и фиолетового, отражением неба над головой, и всё равно были окутаны волшебным огнём самых разных расцветок, подчёркивающим башенки и широкие лестницы, колонны и искусные окна.

— Так похоже на Мензоберранзан, — тихо сказала она.

— Или Серебристую Луну, — добавил Джарлакс. — Если сложить их вместе...

— Изначально Мона Чесс был всей Каллидой, — объяснила Илина. — Другие округа были построены для обороны и в качестве базы для патрулей — приблизительно так, как сегодня мы используем Каскатту. Пойдём, Сиглиг прямо напротив. Нас ожидают.

Каждая боковая улочка, которую они миновали, показывала им новые красоты. Каждая стена, каждый мост были вылеплены с заботой, с мириадами узоров и безупречным расположением волшебного света. Здесь в Мона Чесс эвендроу намного превосходили числом другие народы, и неудивительно — поскольку не обладавшие кровью дроу пришли в город позже, и в основном, судя по тому, что они слышали, небольшими группами.

Вскоре их отряд свернул на широкую улицу, и Кэтти-бри могла не спрашивать, в каком здании проходил совет. Ведь напротив них, в противоположном конце бульвара, возвышалось врезанное в ледяную стену и самое чудесное здание из всех — большое и впечатляющее, с широкими лестницами спереди, ведущими к пролёту с гигантскими колоннами толщиной с инеистого великана и вдвое выше. Колонны окружал волшебный огонь, но такого огня Кэтти-бри ещё не видела. Вместо простых полос света он казался бурлящими сферами разных цветов, бегающими вверх и вокруг колонн, вверх и вокруг. Красный, за ним оранжевый, за ним жёлтый, за ним зелёный, за ним синий, за ним индиго и за ним — фиолетовый. Поистине, казалось, что она наблюдает за игрой разноцветных спрайтов, пытающихся сложить настоящую радугу, но не могущих этого достичь.

Ей потребовалось немало времени, чтобы оторвать взгляд от этого чарующего зрелища, и поначалу она смущённо покачала головой, пока не заметила, что Илина терпеливо ждёт её и трёх её товарищей, точно так же глазевших на открывшийся вид.

— Сиглиг, — сообщила им Илина. — Здание правительства и великая библиотека эвендроу.

Они прошли по улице и поднялись по ступеням, часто останавливаясь, чтобы осмотреть барельефы, вырезанные в треугольном фасаде крыши, поддерживаемом шестью колоннами. Эти панели отличались немалым контрастом. Некоторые изображали битвы, в основном с великанами, а другие говорили о любви и о танце, о столь очевидном в Каллиде контрасте.

Возвышенное и низкое, радость и борьба.

Как каззкальци, подумала Кэтти-бри, вспомнив, как войско Боскейла остановилось в финальной битве, хотя это стоило им шанса на гол или даже на победу — чтобы поднять свои голоса в честь чемпиона их соперников.

Как и сама Аззудонна, как и все остальные солдаты четырёх армий со сломанными носами, выбитыми зубами и другими следами битвы, которые они носили, несмотря на возвратившуюся магию, позволявшую снова стать столь прекрасными дроу. Жрецы лечили только самые серьёзные раны, полученные в четырёх битвах каззкальци.

Они были народом радости и красоты в краю, что требовал от них свирепости и силы.

Великие двери Сиглига были открыты, по бокам стояли стражники, молчаливые и неподвижные, как колонны, в роскошных пурпурных жилетах поверх обычных для Каллиды чёрных одеяний из тюленьей кожи. Их алебарды были из отполированного дерева, увенчанного трёхсторонним наконечником из синего льда: острый шип сверху, топор спереди, и молот с другой стороны.

Стражники даже не взглянули на прошедших мимо пятерых спутников. Илина повела их в лабиринт коридоров и небольших помещений, все — с мягким освещением, с гобеленами на стенах и картинами, выполненными в том же стиле, что и панели на крыше снаружи. Коридоры были усеяны многочисленными альковами, и в каждом стояла статуя или бюст какого-то эвендроу или просто фигура — некоторые обнажённые, другие скудно одетые, третьи — в парадном облачении. Были здесь и дварфы-курит, и орки, и люди-улутиуны, собранные в неподвижном и безмолвном чествовании.

Каждый из друзей, даже Энтрери, то и дело останавливался, чтобы рассмотреть ту или иную работу.

Кэтти-бри пришло в голову, что в это здание могла бы уместиться половина лусканских доков или Кровоточащие Лозы целиком, но всё равно, каждый его уголок, каждый дюйм стены, каждая лестница и дверь были с любовью украшены резьбой, одновременно функциональной и бесспорно красивой, провоцирующей эмоции и глубокие размышления.

Наконец они подошли к большим двустворчатым резным дверям, по бокам которых стояли двое стражников, одетых и оснащённых так же, как стража снаружи, а прямо перед дверями стояла пара эвендроу, полностью одетых в фиолетовое с серебряной каймой, на каждом — единственная белая перчатка, на левой руке у привратника справа и на правой руке у привратника слева.

Они одновременно поклонились и повернулись, каждый взялся за дверную ручку и открыл дверь. Они не моргали, не делали движений, кроме необходимых для этого ритуала, и не проронили ни слова.

Пока товарищи не прошли мимо, и тогда один из них прошептал: *«Перте мийе Закнафейн»*.

Застигнутая врасплох, Кэтти-бри резко обернулась, и эвендроу с улыбкой подмигнул ей, прежде чем вернуться в прежнее непроницаемое состояние.

Помещение перед ними было самым крупным из всех, что они видели до сих пор, и прекрасно соответствовало остальному зданию. Очевидно, это был сам Сиглиг, место

встречи того, что называлось Светским созывом. Зал был прямоугольным, только стена напротив входа изгибалась полукругом вокруг поднятой платформы. Вверх по этому изгибающемуся фасаду поднимались скамьи, и там сидели дюжины эвендроу и немало представителей других трёх народов Каллиды. Кэтти-бри мгновенно догадалась, что надетые на них пояса повторяют цвета, которые она видела в каззкальци у армий четырёх округов, и хотя представители не были разделены на отдельные группы, она вскоре поняла, что количество каждого цвета совпадает по пропорциям с числом зрителей каззкальци, а значит — и с населением каждого округа.

На центральном подиуме стояла мона Валрисса Жамбоуль в своих величественных одеяниях, а по бокам от неё — два инквизитора, которые говорили с товарищами, когда они впервые прибыли в Скеллобель. Третья из троицы, Галата, стояла перед подиумом на первом ярусе.

Когда их пятёрка вошла, Галата повернулась к ним и указала на кресла из белого льда, установленные на полу в нескольких шагах перед подиумом.

Илина повела товарищей туда и уселась с краю, дав остальным знак рассаживаться.

Как только они уселись, мона Валрисса трижды громко хлопнула в ладоши, призывая Светский созыв к порядку, и представители расселись на многочисленных ярусах арены.

— Добро пожаловать в Сиглиг, — сказала им мона Валриссы. — И на наше собрание, Светский созыв. Знакомая вам святая Галата будет говорить за эту скамью и эту галерею, но позвольте сначала заверить вас, что это — не допрос и не судилище. Все те, кто находят Каллиду, должны предстать здесь перед нами. Это необходимая формальность и открытая дискуссия о вашем будущем выборе, ничего больше.

— И будьте уверены, что мы хорошо осведомлены о ваших действиях во время пребывания здесь и о вашей помощи. Это собрание благодарно вам за указание нашим воинам на инкубатор слаади, и впечатлено тем, что вы возглавили эту битву. Ваши подвиги не остались незамеченными.

Она замолчала и тепло улыбнулась им, и Кэтти-бри решила, что улыбка искренняя.

— Святая Галата, — попросила мона Валрисса.

— Надеюсь, вы все успели отдохнуть после нашей великой экспедиции, — начала паладин. — То, что вы не сообщили нам о вашей встрече с великанами и слаадом — поступок, который мы поняли и простили, поскольку вы более чем исправили причинённый вред.

— Так что я должна повторить слова Моны Валриссы: это не допрос. Я сомневаюсь, что вы удивлены нашей осторожностью в Каллиде, или что вы не знаете о цели этого собрания. Я проведу вас через этот совет. Мона Валрисса может брать слово, как и другие по её разрешению, если у них есть важное дело для обсуждения с вами, но пожалуйста знайте, что вы не среди врагов и не среди судей. Кроме меня и вас самих никто из присутствующих не может заговорить с вами без разрешения Моны Валриссы. Любые вопросы, любые дополнения, всё, что вы хотите сказать — прошу вас...

— Я понял, — оборвал её Артемис Энтрери.

Кэтти-бри с остальными резко повернулись, чтобы уставиться на мужчину — никто не ожидал, что изо всей их группы вмешается именно он. Но по мере того, как Энтрери продолжал, Кэтти-бри поняла, что его несколько грубое вмешательство в речь Галаты произошло ради того, чтобы оценить реакцию совета, а не потому что его мысли не могли ждать. Кроме того, она знала, что в подобных обстоятельствах всегда сложнее всего сделать

первое замечание. Намеренно или нет, Энтрери только что нарушил эти эмоциональные чары молчания, охватившие их всех в этом пугающем месте. И за это Кэтти-бри была ему благодарна.

— Я хочу сказать, что понимаю вашу цель, — продолжал он. — Здесь есть сходство с обетом, который моя спутница Кэтти-бри приняла от вас. Это продолжение того, что вы считаете необходимым для безопасности Каллиды. Мы можем уйти, но только на ваших условиях.

Галата кивнула. Кэтти-бри заметила, что в аудитории никто не охнул и не удивился, не казался возмущён резким вмешательством Энтрери. Хороший знак.

— Выбор, перед которым мы вынуждены поставить вас в ближайшее время, довольно прост, — объяснила Галата, — и одновременно — не так прост, как кажется. Вы можете остаться здесь, выбрать себе округ и поселиться все вместе в одном доме — или по отдельности, в любом сочетании по вашему выбору. В скором времени, возможно уже в Зарождение Зелени, вас примут в ряды полноправных каллидцев, с правом голоса здесь в Сиглиге, со всеми возможностями стать тем, кем вы хотите, и добиться чего угодно — в искусстве, в битве или в управлении городом.

Она сделала паузу и улыбнулась им четверым.

— Надеюсь, ваш выбор будет именно таким.

— А если нет? — довольно бесцеремонно поинтересовался Энтрери.

Он давит слишком сильно, подумала Кэтти-бри, учитывая здешнее гостеприимство. Однако она тоже хотела знать ответ.

— Тогда вы все уйдёте, — ответила мона Валрисса, опередив Галату. — Когда решите и когда будете способны. Зима становится всё суровой. Холод и снег не отступят. Предупреждаю, за нашими границами — холодная смерть.

Она посмотрела прямо на Кэтти-бри и добавила:

— Если, конечно, вы не приготовили волшебное путешествие.

— Но обсуждать это мы будем в конце собрания, а не в начале, — решила мона Валрисса. — Необходимо решить другие вопросы, прежде чем вы примете решение. В любом случае, спешить здесь некуда. В грядущие часы и дни вы можете свободно гулять по улицам Каллиды — с единственным условием, которое мы вынуждены поставить.

— Продолжение подавляющего магию обета, — сказала Кэтти-бри. — Я согласна, и заверяю вас, что в нашем отряде только я могу воспользоваться магией эвакуации — или отправить магическое послание.

Мона Валрисса обменялась взглядами с Галатой, затем мона кивнула.

— Магическое послание? — спросил Кэтти-бри Джарлак. — Восточку на юг?

Она кивнула, не понимая его интереса.

Наёмник потянулся к цепочке у себя на шее и достал висевшее там небольшое украшение.

— Свисток, — пояснил он аудитории. — Свисток, при помощи которого я иногда могу вызвать далёкого друга.

Он снял его с шеи и протянул Илине, которая выглядела довольной. Они все казались довольными.

— Я не знала, — извинилась Кэтти-бри. Покосившись на не перестающего удивлять бродягу и на Галату, она ехидно добавила: — Вам стоит лучше расспросить его — уж больно хитёр.

— Не так уж и хитёр, — сказала мона Валрисса и повернулась к мужчине слева, инквизитору из Скеллобея, который потянулся к цепочке на собственной шее и достал поразительно похожий свисток — на самом деле такой же, как тот, что только что отдал Джарлакс.

— Тот, который мы отдали вам, мог бы вызвать только муктефф, — заверила мона Валрисса Джарлакса, который в ответ рассмеялся, как почти и весь совет.

Наёмник встал и низко поклонился, взмахнув шляпой.

— Он бы не сделал этот жест, если бы знал, что это значит в Каллиде, — прошептала Илина Кэтти-бри. — По крайней мере, не стал бы добавлять взмах.

Кэтти-бри с любопытством посмотрела на неё, и жрица-эвендроу прошептала на ухо: «Расскажу позже» весьма фривольным тоном.

В этот момент Кэтти-бри подумала, что они никогда не вытащат отсюда Джарлакса, и что да, он, вероятно, сделал бы ещё более откровенный приглашающий поклон, если бы знал местные обычаи!

— А остальное наше снаряжение? — вежливо спросил Джарлакс.

Мона уступила слово мужчине-инквизитору, который поднялся на подиум.

— Всё остальное вы найдёте таким же, каким отдали. Единственное, что мы придержали — это свисток, — ответил он. — Мы не понимаем его магию, за исключением того, что она используется для связи на большие расстояния. Надеюсь, вы понимаете, что мы должны были перестраховаться, учитывая наше уязвимое положение.

— Я видел каззкальци, а теперь — и бой в пещерах, — ответил Джарлакс. — Я бы не назвал Каллиду «уязвимой».

— Да, мы научились защищаться, но нас совсем мало по сравнению с теми, кто может на нас напасть, — сказала Галата, дав знак инквизитору вернуться на место. Тот послушался. — Мы знаем о южных землях. Мы знаем о Серебристой Луне, о Кормире, с Вратах Балдура и о великом Глубоководье. Мы знаем и о самых южных краях, о Калимпорте. Если всю Каллиду переселить в Калимпорт, тамошние жители едва заметят прибавку.

— Аргумент принят, — согласился Джарлакс, — однако вы могли просто оставить свисток у себя, не так ли? Или поговорить о нём со мной, и, возможно, предложить обет, как поступили с моей подругой. Не нужно было идти на такие труды, чтобы подделать его, если, конечно, это не было испытанием. Скажи мне, Галата — Святая Галата, — у вас наготове был муктефф, способный предупредить, если я использую свисток?

Кэтти-бри затаила дыхание, но тут же расслабилась, поскольку Галата и многие другие собравшиеся не обиделись, а даже рассмеялись в ответ.

— Хорошее замечание, Джарлакс, — поздравила его паладин. — Как оказалось, проверка небольшая, и ты лишь подтвердил нашу уверенность в этом чувствительном деле, когда честно признался в обладании подобным украшением, которым ты не воспользовался. Мы оставили твой свисток в основном потому, что не можем разобраться в его магии, и теперь, когда наши волшебные силы возвратились, хотим распутать эту загадку.

— Это интересный предмет, признаю, — всё, что сказал Джарлакс в ответ на их озадаченность. — С его помощью я могу связаться только с одним адресатом, и только если он в это время прислушивается.

Он хмыкнул.

— И если не решит меня проигнорировать.

Кэтти-бри заметила, что он не упомянул псионику, которая лежала в основе свистка

Киммуриэля. Она сочла любопытным это умолчание о магии разума, но задумалась, нет ли иных причин, по которым Джарлакс не хочет раскрывать эвендрю истинную природу предмета.

Учитывая то, какими будут условия отбытия по их с друзьями подозрению, она догадывалась, в чём могут заключаться такие причины.

— Скорее всего, его тебе вернут, — сказала ему Галата. — Но да, с условиями.

Джарлакс отвесил ещё один поклон, и Кэтти-бри присоединилась к смешкам. Илина положила руку на неё — просто в знак поддержки. Небольшой, но едва ли неважный жест.

— Вы несколько раз говорили нам, что ищете Доум'вилль, нашу маленькую Доу, — сказала Галата. — Вы сказали, что убеждены, что она жива, и что вы должны отыскать её.

— Меч... — начал Джарлакс, и Галата его остановила.

— Нет нужды объяснять всё это снова. Я передала Светскому созыву всё, что вы говорили о мече и о связи, которая, как вы считаете, ведёт к Доум'вилль. Их ответ, единогласный, был тот же, что и у меня: может быть, она жива, но даже если так — она больше не та, кем была прежде. Мы уже видели такое. Поглощённая канте, жертва становится просто физическим продолжением ужасающей магии, новым объединённым существом, необитаемым и жертвой, превращается в то, что мы зовём н'диви, одержимым, немёртвым созданием, которым управляют слаади. Доум'вилль была поглощена, и это произошло уже очень давно, после последнего Зарождения Зелени.

— Но вы не знаете наверняка, — сказал Джарлакс.

Галата признала это, пожав плечами.

— Доум'вилль не была близкой подругой ни для кого из нас, — признал Джарлакс. — Хотя мы, в первую очередь Кэтти-бри, знакомы с ней и с её семьёй, что живёт в великом лесу, который мы зовём Лунолесьем.

— Доум'вилль рассказывала нам о них, — ответила Галата.

— Да, и скорее всего она рассказала, что не может вернуться из-за своих преступлений, — сказал Джарлакс.

— Рассказала — в какой-то степени. Мы знаем, что её к нам привела не самая благополучная череда событий.

— Это было ужасно, — заверил их Джарлакс. — Но эту историю должна рассказать она сама. Скажу только, что все эти поступки совершила не сама Доум'вилль, а Доум'вилль под управлением меча Хазид'хи. Того самого меча, который вы вернули Закнафейну.

— Горделивый и могущественный клинок, — признала Галата.

— А теперь, из-за обстоятельств, Доум'вилль, освободившись от меча, может обрести искупление — и совершить большое добро, — сказал Джарлакс. — Добро для города дроу, в котором почти столько же населения, сколько и здесь, города на краю междуусобной войны. Критическую роль в этой войне играет Второй Дом, Баррисон Дель'Армго, дом Доум'вилли Армго и её отца, который был благородным дроу из этого дома, но сейчас мёртв. Она может заставить их колебаться. Может убедить их.

— Рассказав им о нас, как ты считаешь, — резко оборвала его мона Валрисса Жамбоуль.

Джарлакс, казалось, утратил дар речи.

— Я... я...

— Она не сможет этого сделать, — сухо заявила мона Валрисса. — Никто из вас не сможет. Поймите это.

— Это вы должны понять, — возразил Джарлак. — Я говорю о самой жизни нашего народа. Нашего народа, не только моего, но и вашего! На моей родине...

— Мы много знаем про твою родину, Джарлак, — ответила мона Валрисса.

— Но это не всё, — запротестовал Джарлак. — Вы знаете о Гонтлгриме, что снова стал домом для дельзунских дварфов?

Эвендроу и другие огляделись вокруг, большинство отрицательно качали головами.

— О Лускане, Городе Парусов? — спросил Джарлак.

— О Лускане — да, — сказала мона Валрисса. — Звучит знакомо.

— Это город южнее заснеженных земель побережья Меча, — сказал им Джарлак. — Великий порт, который сейчас находится под моим руководством. И благодаря этому руководству он становится центром торговли. Чудесной торговли чудесными предметами из таких разных источников, какие прежде и подумать не могли о подобных делах. С вашей магией белого и синего льда, с вашими изменениями простых чар, с одеждой, которую носите только вы, я могу создать для вас невероятные торговые возможности.

— Нам ничего не нужно от мира за пределами Каллиды, — ответила мона Валрисса. — Что вы можете нам предложить? Нам не нужны ваши деньги, драгоценности, оружие и всё остальное. Мы не дорожим тем, что любите вы. Мы выживаем, мы процветаем, мы существуем в величайшей радости, потому что сделали это место таким, как пожелали, каждый и все из нас.

— Но есть ещё так много, — настаивал вечный торговец Джарлак. — Только у меня на родине...

— В Мензоберранзане, городе Паучьей Королевы Ллос, — оборвала его мона Валрисса. — Джарлак, мы знаем о Мензоберранзане — по крайней мере, о том как он появился и как был обречён пасть...

Она попыталась подобрать слово.

— *Виртуперд*, — решила она. — Обречён на порчу. В Великом Рассеянии, как говорит история, когда дроу сбежали от своих эльфийских братьев, они попытались покинуть мир, сотрясаемый прихотями королей и королев, владык, объявляющих себя богами, церковей, что требовали дани, чистейшей жадности и примитивных желаний, проклятых отличий вместо радостного разнообразия. В это время несколько великих кланов отправились вниз, в Подземье, считая это очевидным путём к безопасности. Конечно, каменные своды и лабиринты тоннелей позволяли им обороняться от больших армий, но увы, как и с расколом дварфийских народов, скрываться в Подземье — означало поселиться рядом с барьером между нашим миром и нижними планами бытия, и так они заразились порчей. *Виртуперд*.

— Ивоннель и Квентл, — прошептала Кэтти-бри, и друзья услышали и повернулись к ней. Похоже, это было ещё одно подтверждение, что воспоминания Ивоннель Вечной были недалеко от истины.

— Увы для дроу и для дуэргаров... — говорила мона Валрисса, когда Кэтти-бри снова обратила внимание на эвендроу, но голос моны затих.

— И теперь у них есть шанс освободиться от этой порчи, — умолял её — и всех остальных — Джарлак. — И здесь Доум'вилль может сыграть решающую роль. Сбросить проклятие Ллос!

— Это не наш бой, — сказала Галата. — Это не может быть наш бой. Но мы не станем мешать вам в поисках Доум'вилль. Мы отведём вас туда, в нижние пещеры под крепость слаади, где потеряли её и многих других. Но лишь при одном условии. Приготовь своё слово

возврата, Кэтти-бри, только твоим назначением будет Каллида, а не южные земли, и прими обет, который заставит тебя сдерживать обещание. Как только это произойдет, можете отправляться на поиски подруги.

— А потом? — спросила Кэтти-бри.

— Мы поговорим об этом в конце собрания, — напомнила ей мона Валрисса.

Кэтти-бри постаралась спрятать недовольную гримасу. Её захватили мысли о Дзирте и Бри. Она знала, что, вернувшись в Каллиду после спасения Доум'виль, потребует, чтобы эвендроу провели любой устраивающий их ритуал или заклинание, чтобы стереть ее воспоминания об этом месте, а затем, когда они будут довольны, она вернется к себе домой с теми из спутников, кто решит присоединиться.

Мысль была одновременно приятной и не очень, ведь возможность того, что она забудет это место, что никогда не вернется сюда с Дзиртом и Бри, больно уколола сердце.

Галата кивнула.

— Теперь мы должны попросить вас кое о чем в обмен на наше гостеприимство. Мы хотим, чтобы вы рассказали нам о себе, о своей родной земле, о том, как вы оказались вместе. О том, кто вы такие, чтобы наши писцы записали ваши истории для нашей библиотеки и чтобы наши барды смогли придать должный смысл словам «*Перте мийе Закнафейн*».

Разумеется, после этого ненавязчивого напоминания просьба показалась им всем вполне разумной.

— Думаю, мы не ошибемся, ожидая, что твоя собственная история окажется самой длинной и самой... интересной? — спросила она Джарлакса.

— Он наверняка постарается, чтобы так и было, — буркнул Энтрери, вызвав смех.

— Не сомневаюсь, — отозвалась Галата.

— Не хочу утомлять собрание, — сказал Джарлакс с явно притворной скромностью.

— Мы мало о тебе знаем, Джарлакс, но сильно сомневаюсь, что тебя можно назвать "утомительным".

— Ах, если бы, — сказал Закнафейн.

— Мы все помрем здесь с голоду, — застонал Энтрери.

Кэтти-бри просто смотрела, как Джарлакс впитывает все это, наслаждаясь славой.

— Ну ладно, — сказал он. — Я расскажу вам невероятные истории — о далёких, о героических приключениях и об ужасных битвах, о любимых драконах и уничтоженных владыках демонов. Но — у меня есть цена.

— В самом деле? — озадаченно поинтересовалась Галата.

— Я бы сказала, что она уже уплачена, — сухо заявила мона Валрисса. — Но говори уже.

Джарлакс ждал, пока в зале сгушалось любопытство, если не напряжение. По обе стороны от него в зал входили эвендроу и выстраивались вдоль стен с книгами в руках, готовые записывать. Когда все они заняли свои места, держа наготове перья, Джарлакс позволил напряжению продлиться еще несколько мгновений, прежде чем объявить свою цену.

— Хурма! — воскликнул он. — Хурма с сыром куритского овцебыка и ледяным вином Скеллобея. Вот моя цена.

— Он так в этом хорош, — пробормотала Кэтти-бри, когда весь Сиглиг огласился одобрительными возгласами и смехом. В момент напряжения Джарлакс сыграл на нужных

струнах, и пока они перешёптывались и замолкали, прежде чем кто-либо смог его остановить, он начал длинную историю, историю Джарлакса — историю, которую ему нравилось рассказывать больше всего.

Он начал с тех пор, когда был бездомным бродягой в Мензоберранзане, подробно рассказывая о структуре благородных домов и младших семей, стремящихся к могуществу, но вынужденных соблюдать осторожность, ведь если они добьются слишком многого, их быстро уничтожат те, кому не нужны соперники.

Кэтти-бри наблюдала за лицами советников, в основном эвендроу, и ей казалось, что, хотя они знали о Мензоберранзане и по крупицам собирали сведения то тут, то там, прежде им не доводилось слышать таких подробностей о безумных обычаях Города Пауков — во всяком случае, этой группе.

Особенно подробно Джарлакс говорил о том, как он выживал, собирая Бреган Д'эрт — Кэтти-бри очень изумилась, когда он так открыто стал рассказывать про свою организацию!

С другой стороны — что ему было терять?

Бродяга повернулся к Закнафейну, когда стал описывать битву между домами, в которой спас Зака по поручению очередной верховной матери, и хотя затем он снова повернулся к совету, Кэтти-бри продолжала смотреть на Зака, пока Джарлакс описывал проведённое с ним вместе время — до того самого мига, как Закнафейн принёс себя в жертву ради сына.

Зак кивал на протяжении всего рассказа. Кэтти-бри было ясно, что он считает рассказ Джарлакса честным, хотя наёмник наверняка опускал некоторые подробности — вроде кровопролитных действий Зака в ту ночь, когда был рождён Дзирт.

Закончив с этим, Джарлакс обратился к событиям, которые заставили его сосредоточиться на мире поверхности.

В этот момент Галата его остановила.

— Мона объявляет перерыв на обед, — объявила она залу и добавила, обращаясь к четырём гостям: — Для вас приготовили отдельную комнату, куда принесут еду. Кажется, сейчас самое подходящее время для перерыва в этой истории. Пойдёмте.

Когда мона официально распустила совет, Галата провела их в одну из самых маленьких комнат, что им встречались в Сиглиге, хотя помещение всё равно было достаточно большим и комфортным. У длинного стола стояла дюжина стульев, между которыми оставалось немало места. Отделка из белого и синего льда была украшена различными способами: прекрасными узорами собачьих упряжек и танцоров, застывших водопадов и даже пары борцов, замерших в сокрушительном захвате.

— Вы слышали их, да? Они назвали это «Великим Рассеянием», — сказал Джарлакс когда слуги-эвендроу заставили стол чудесными угощениями и ушли. — Не знаю, когда случилось это событие, но судя по всему взгляд на историю этих дроу похож на то, что мы слышали от Ивоннель и Квентл.

— В этом есть смысл, — заметила Кэтти-бри. Она приняла большое блюдо от Зака и на мгновение замерла, рассматривая толстые ломти запечённого мяса, покрытые красным и зелёным соусом, который был ей незнаком, но пахнул весьма аппетитно. — Почему дроу Мензоберранзана встали на этот путь насилия и коварства, если многие из них были совсем не такими? Скольких дроу, по-настоящему любящих Паучью Королеву и ежедневные ужасы города, пойманного в её хватку, ты знал за все эти годы?

— Не сомневайся, фанатиков было полно, — предупредил её Зак. — Они обожали власть, подаренную ими inferнальной Ллос, а её жестокость для них была всего лишь

счастливым выражением этой власти.

— Но я подозреваю, что большинство просто смирились, втайне презирая всё это, — вмешался Джарлак. — Что им ещё было делать? Мне, Заку, жрице Даб'ней, которая даже не понимает, почему Ллос даёт ей заклинания?

— Но у вас был выбор, — напомнила ему Кэтти-бри. — Я замужем за тем, кто ступил на иной путь.

— Дзирт был не единственным, кто ушёл, и уж точно — не единственным из тех, кто хотел уйти, — ответил Джарлак. — Он был единственным, кто выжил и добился успеха — насколько я знаю.

— Единственным до твоих недавних усилий, — сказала Кэтти-бри. Она надеялась, что Джарлак не станет кланяться в ответ на похвалу — после намёка Илины она больше не хотела видеть его поклоны.

— Мой сын выжил только благодаря силе воли, а потом — потому что нашёл таких чудесных друзей, — ответил Закнафейн с тёплой улыбкой, адресованной своей невестке.

— Этот стейк восхитителен, — сказал им Энтрери с набитым ртом. — Я даже не хочу знать, что это такое, и точно не хочу знать, что у него за подлива.

— Наверное, миксиновая слизь, — уколола его Кэтти-бри, и все трое одновременно посоветовали ей заткнуться.

Затем в комнату вошла Галата и объявила: «Цена уплачена», — и Аззудонна, Эмилиан, Илина и Весси вошли следом за ней, каждый с бутылкой ледяного вина в одной руке и двумя или тремя небольшими ледяными блюдами в другой, а после них — Айида, толкавшая перед собой тележку, заваленную хурмой и головками белого сыра.

— Просто потрясающе, — услышала Кэтти-бри тихий вздох Зака.

Разговор стал легкомысленным, когда эвендроу приняли приглашение и присоединились к трапезе, и Кэтти-бри поразило, насколько легко всё идёт — как будто весёлый ужин со старыми друзьями. Она опасалась, что даже слишком легко. Они с товарищами так неожиданно наткнулись на это место — относительно недавно, но казалось, что узы дружбы уже возникли.

Может быть, это всё лишь затейливый обман?

Но ради чего? С первой же встречи у них с товарищами никогда не было преимущества перед хозяевами. Эвендроу легко могли убить их в тоннелях ещё до Каскатты.

Однако же вот они, и для подобных представлений нет никакой нужды — как и для всего остального, если эвендроу не те, кем кажутся, если Каллида сама по себе — одна огромная иллюзия, или хуже того, какой-то невероятный обман.

Когда она посмотрела на болтающую с Заком Аззудонну, женщину эвендроу так близко с ним, улыбающуюся с неким явно заметным в её лавандовых глазах огоньком, Кэтти-бри поняла, как глупы её сомнения. В конце концов, она уже сталкивалась с подобным ужасом, когда Дзирт попал под пагубу фаэрресс и стал считать всё вокруг обманом.

— Весь секрет в том, чтобы правильно высушить хурму, — услышала она позади и обернулась, увидев Галату, протягивающую ей ломтик фрукта с сыром. Паладин жестом дала понять, что предлагает его Кэтти-бри, и та с радостью приняла угощение. Галата достала второй ломтик и подняла его между ними.

— Больше всего мне не терпится услышать твою историю, — произнесла она тост.

Кэтти-бри подняла угощение в таком же жесте, затем откусила немножко, смакуя взрыв вкусовых оттенков.

— Почему мою? Джарлак прожил совершенно невероятную и очень долгую жизнь, как и Закнафейн, и никто не добился большего духовного роста, чем Энтрери.

— Потому что с тобой мы больше всего похожи, и не только потому, что мы обе женщины. Джарлак пока что не упоминал свою веру в его рассказе, и не думаю, что это изменится. Он упоминает лишь богиню Ллос, чтобы справедливо её ругать. И я не думаю, что Закнафейн или Артемис Энтрери расскажут что-нибудь о богах.

— С этим я соглашусь, — сказала ей Кэтти-бри.

— Но от тебя я услышу голос Миликки, богини-сестры той, которой я посвятила всю свою жизнь, и думаю, что с этой точки зрения я намного лучше пойму твоих друзей и твою землю.

— Хотя никогда не сможешь эту землю посетить.

— Кто знает? — ответила Галата, разжигая любопытство Кэтти-бри. — Может быть, через десять лет я буду путешествовать по вашим краям и снова увижу лицо Кэтти-бри.

— Было бы здорово, — ответила та. — Но скажи мне, вспомню ли я тебя, если это случится?

Галата неожиданно замолчала с огорчённым видом.

— Может быть, это будет лишь чувство, искра знания, которая заставит тебя задуматься, не были ли мы старыми друзьями, хотя ты будешь считать, что это наша первая встреча.

Невозможно было сказать это яснее.

— Может быть, мы встречались прежде, — ответила Кэтти-бри. — Может быть, ты уже была у меня на родине, давным-давно, и мы сделали с тобой то, что вы собираетесь сделать с нами.

— Зачем это вам? — спросила паладин с такой безупречной логикой, что Кэтти-бри замолчала, обдумывая свою аналогию.

— Зачем великим городам юга бояться столь отдалённого анклага эвендроу? — вполне серьёзно продолжала Галата.

— Это была просто мысль, — возразила Кэтти-бри. Она прикончила восхитительное угощение, затем вытерла нижнюю губу указательным пальцем, подобрав кусочек сыра, чтобы ни крошки лакомства не пропало зря.

— Может быть, вы уже были здесь раньше, — сказала Галата. — А может быть, мы не всё знаем про эту реальность.

— Возможно, Миликки снова покажет мне путь сюда, — заметила Кэтти-бри. — Что тогда?

— Хурма, конечно, — усмехнулась паладин.

Затем дверь открылась и часовой — тот самый, что обронил подбадривающую ремарку Закнафейну, когда они впервые вошли в зал совета — объявил: «Светский созыв собирается снова».

Галата наклонилась к Кэтти-бри.

— Я хочу услышать твою историю. Не переживай и не тревожься, Кэтти-бри. Ты не среди врагов.

— Я знаю, — ответила она, и сама хотела в это верить. Но всё же...

Другие эвендроу встали и начали собирать тарелки. Галата подошла к двери, сказав товарищам следовать за ней.

Поднявшись со стула, Кэтти-бри снова посмотрела на улыбающуюся Аззудонну, взгляд фиолетовых глаз которой не отрывался от Зака.

— Ещё болит? — спросил Зак. Он поднял руку, едва не касаясь её носа.

— По-твоему, я уродина? — спросила она слегка мелодраматично.

Зак рассмеялся.

— Нет, просто интересно, болит или нет. Я думал, что жрецы об этом уже позаботились.

— Солдаты очень долго носят шрамы каззкальци, иногда до самой Середины Зимы, — пояснил Весси по другую сторону стола, закатывая рукав, чтобы продемонстрировать рану на запястье, которой, очевидно, гордился. — У ороков такие острые зубы, — с драматическим вздохом добавил он.

— Не болит, — тихо сказала Аззудонна, наклонившись к Заку поближе. — До тех пор, пока ты осторожен с поцелуями.

Захваченный врасплох оружейник замешкался, эвендроу рассмеялась и отвернулась.

Зак следил за её уходом, пока не повернулся достаточно, чтобы увидеть, что Кэтти-бри глядит на него с бесовской усмешкой. Он пожал плечами — ответить было нечего.

— Сражайся со мной в каззкальци в следующем году, Закнафейн До'Урден, — бросила ему Аззудонна, выскользнула из комнаты, и остальные, кроме Илины и Галаты, последовали за ней.

Оставшиеся шестеро вместе вернулись на совещание и заняли свои места. Как только помещение наполнилось и затихло, Галата попросила Джарлакса продолжить его историю, к чему он и приступил с немалым энтузиазмом. Теперь Кэтти-бри стала слушать внимательнее, поскольку наёмник приближался к той части, с которой пересекалась её собственная история.

Джарлакс говорил правдиво, рассказывал о приключениях, которые они с Энтрери делили в далёких землях Кровавого Камня и на дальнем юге — и этих историй Кэтти-бри не слышала прежде. Он лучился от гордости, говоря про восстановление Гонтлгрима, Лускана, про великие перемены на северном побережье Меча. Его голос поднялся в триумфе во время рассказа о героической победе над владыкой демонов, самим Демогоргоном, в пещерах Мензоберранзана, и как Дзирт стал наконецником копья для целого города. Он со скорбью говорил о последней войне в землях вокруг Лускана, и к удивлению Кэтти-бри, рассказал даже о том, как дом Бэнр изменил своё решение, и волшебной паутине ереси, которую сплели две могучих жрицы, чтобы украсть драуков у Ллос.

В этот момент Кэтти-бри испугалась, что вся ситуация с Каллидой может быть махинацией Ллос, цель которой — вырвать у её товарищей именно эту историю и именно это признание.

Но страх опять миновал, а эвендроу продолжали реагировать и вести себя как и прежде, и обдумав отчаянную искренность Джарлакса, она решила, что это был хороший выбор. Джарлакс был не так осторожен, как обычно. Он поставил всё на кон — она решила, что это своего рода отражение её собственного отчаянного желания, чтобы всё вокруг не оказалось иллюзией или каким-то лихорадочным сном.

Она оценила эту искренность даже выше, когда мона Валрисса оборвала Джарлакса по просьбе одного из представителей, чтобы задать вопрос, который, казалось, интересовал их всех: что это за чудовище, о котором он говорит, какую мерзость он называет драуком?

Когда Джарлакс стал описывать ужас этих созданий, Кэтти-бри пристально следила за выражением членов совета, и обрадовалась их отвращению.

Иногда, подумала она, вещи действительно такие, какими кажутся.

К тому времени, как Джарлак закончил, мона Валрисса вынуждена была объявить перерыв для сна, но все они собрались снова ранним утром следующего дня.

За Джарлаксом последовал Знафейн, поскольку значительная часть их историй пересекалась, и история Джарлакса оставалась ещё свежа в памяти.

Кэтти-бри уже слышала многое из того, о чём говорил Зак, только с точки зрения своего мужа, который играл важную роль во многих излагаемых событиях.

Он рассказал о таком важном событии, как своя смерть, превращение в зин-карлу и вторая гибель, а про тот период, который провёл мёртвым, просто сообщил, что не помнит ничего. И теперь он каким-то образом вернулся — и рад этому, ведь он повстречал новую дочь, Кэтти-бри, и свою прелестную полудровскую, получеловеческую внучку, радость его жизни.

После очередного восхитительного ужина с теми же участниками, что и вчера, свою историю начал Энтрери. Кэтти-бри слушала не так внимательно, сосредоточившись на собственной жизни и на том, что она собирается рассказать. Но она почти сразу же вернулась к рассказу Энтрери, когда поняла, как открыто говорит этот вечно замкнутый мужчина. Он говорил о вещах в своём детстве, о мрачных событиях, которые Кэтти-бри даже вообразить не могла. Он даже искренне рассказал о первой встрече с ней, когда он взял её в плен и потащил за собой в погоню за полуросликом, которого ему приказали похитить и вернуть на далекий юг для жестоких пыток и казни.

Он был настолько открыт, что это заставило Кэтти-бри — ей показалось, что и Джарлакса тоже, судя по реакции дроу — задуматься, не было ли на хурме чего-то кроме сыра. А может быть, вино сегодня оказалось крепче, чем обычно.

Но нет, поняла она, когда Энтрери добрался до своего заточения в волшебном коконе той, кого он назвал Шерон, той, кого они считали физическим воплощением идеи совести.

Артемис Энтрери говорит правду, потому что считает это частью своего покаяния.

И правда в устах этого человека загипнотизировала Кэтти-бри. Ей показалось это таким же чудесным, как сама Каллида и эвендроу. Она никогда не питала тёплых чувств к Энтрери, даже не особенно его терпела — до недавних пор. Бывало, что она упрекала Дзирта, что тот его не убил!

Но его нынешний рассказ каким-то образом заразил её надеждой.

Неожиданной, но желанной.

Когда пришла её очередь, Кэтти-бри начала с Долины Ледяного Ветра и историй о своём приёмном отце, который теперь стал королём Гонтлгрима, и о Реджисе, и о первой встрече с Дзиртом До'Урденем. Она говорила о стольких приключениях, что вспоминая их, стараясь говорить как можно лаконичнее и интересней, обнаружила себя такой же поражённой размахом собственной жизни, как и все остальные присутствующие.

Когда рассказ подошёл к её смерти, она посмотрела прямо на Галату, и эту интерлюдия в своей жизни Кэтти-бри излагала не торопясь. Поскольку это был Ируладун, подарок, как она искренне считала, от богини Миликки.

Глаза Галаты сверкали во время этой истории, и Кэтти-бри не раз замечала в них слёзы.

И это больше всего остального, не считая разве что чуда во время каззкальци, убедило её, что вокруг — не какая-то наведённая иллюзия, не обман.

Воистину, воистину вещи иногда именно таковы, какими кажутся.

Она продолжила говорить о своём браке с Дзиртом, затем широко улыбнулась, когда рассказывала о Бриеннелле Захарине До'Урден, своей малютке, своей главной радости, и

улыбка стала напряжённой — она разрывалась от простого упоминания дочери, лишь сейчас до конца осознав, как сильно скучает по семье.

Закончив говорить, она снова посмотрела на Галату, и паладин искренне и одобрительно кивнула.

Зал какое-то время гудел от голосов, прежде чем Галата призвала всех к порядку и уступила слово Моне Валриссе.

— Мы снова чрезвычайно благодарны, — обратилась та к гостям. — Истории о внешнем мире напоминают нам о наших дарах здесь, в Каллиде. Подобные рассказы необходимы, чтобы мы не принимали собственное благополучие как данность. Наши предки были мудры.

— Вы выразили желание отправиться на поиски Доум'вилль, и если ваше решение не изменилось, мы не станем вам препятствовать. Мы даже отведём вас туда — Доум'вилль тоже была другом Каллиды, и пала бок о бок со многими нашими горожанами. Но в пещерах необитаемых вы останетесь сами по себе. Наши потери в этом году слишком велики, и мы, в отличие от вас, понимаем, что таится внутри. Мы до самого расставания будем пытаться переубедить вас, хотя находим вашу преданность и ваше дело справедливыми и верными.

— Вы понимаете условия, на которых мы согласимся проводить вас в то место. Если каким-то образом вам удастся уцелеть и сбежать из этого проклятого места, всем или кому-то одному, вы даёте слово, что следующим вашим путешествием будет возвращение обратно в Каллиду. Вы согласны?

— Да, — ответили они все, и Джарлакс добавил: — Возвращение сюда, где вы украдёте у меня все мысли об этом месте, самые чудесные воспоминания из всей моей длинной истории.

— Где вы объявите свой выбор, — поправила его мона Валрисса. — Нам кажется достаточно ясным, что решение Кэтти-бри уже известно — ведь его принять было легко.

— Но с огромным сожалением, — ответила Кэтти-бри.

Мона Валрисса ответила на это полным признательности и сочувствия взглядом. Она продолжила:

— Тогда отправляйтесь отдыхать и готовиться.

Она объявила о роспуске совета.

— Просто скажите, когда будете готовы выступить, и всё будет сделано.

Она подняла руки, хлопнула в ладоши, и собравшиеся члены совета Каллиды стали подниматься с мест и расходиться.

— Подождите! — громко воскликнул Джарлакс, изумив их все, в особенности Галату, которая подошла, чтобы проводить друзей.

— Подождите, умоляю, — продолжил Джарлакс. — Я должен сказать вам ещё кое-что, и я понял, что должен сказать это здесь и сейчас, а не тогда, когда мы попрощаемся.

Его тон был не особенно радостным, на самом деле он звучал мрачно, и мона Валрисса снова хлопнула в ладоши — резко, три раза, собирая совет обратно. Участники поспешили снова занять свои места, и помещение быстро затихло.

— Что ты делаешь? — спросила Джарлакса Кэтти-бри, но Зак её успокоил.

— Думаю, он им помогает, — сказал оружейник.

Мона Валрисса кивнула Галате, которая попросила Джарлакса продолжать.

— Когда мы отправились в пещеру, мы повстречали там загадки, — начал наёмник. — Яйца, полярных червей. Зачем слаади и инеистым великанам подобный инкубатор? Вы

предположили, что это — тайное войско монстров, которое они могут отправить против вас, и возможно вы правы. Но я думаю, что здесь может быть что-то другое.

Он замолчал и принялся расхаживать из стороны в сторону, явно пытаясь упорядочить свои мысли.

— Вокруг нас всё находится в равновесии, — продолжил он. — Это справедливо в Подземье, но ещё заметнее здесь, на поверхности Торила, с озёрами и океанами, лесами и полями. И этот ледник, Кадиж, если желаете, стоит бесчисленные века — дольше, чем ваша история. А теперь вы говорите о его продвижении, о захвате Каттисолы, о расширении в сторону тоннеля, ведущего к Скеллобелю, так?

— Мы отправили в тоннель отряды, чтобы снова его прорезать, однако да — ледник медленно движется, — ответила Галата.

— С такой скоростью он дойдёт до Скеллобеля через сотню лет или даже больше, — объяснила мона Валрисса. — Он по-прежнему не захватил до конца Каттисолу, но она всё равно потеряла свою ценность.

— Ваша главная артерия — горячие источники, которые вы зовёте рекой Каллида, — сказал Джарлак. — Без них вы не сможете здесь жить. Вам придётся бросить это место и искать себе новый дом.

— Если ледник продолжит наступление, — сказала мона Валрисса со встревоженным видом.

— Продолжит, если я прав. Я думаю, это делают слаади, — заявил Джарлак, и это вызвало сотни шепотков и разговоров среди совета.

— Реморхазы, — продолжил он и снова замолчал. Кэtti-бри видела, как он мысленно возвращается к причинам своего объяснения. — Почему горячие источники текут здесь, посреди Кадижа? Может, это подземный вулкан, или предтеча, или великий элементарный бог огня? Не наткнулся ли ваш народ на застывшую в равновесии божественную борьбу, которую ведут Кадиж и подобный огненный предтеча, и это порождает потоки горячей воды, которые обеспечивают жизнь в Каллиде?

— Может, и так. Но я — *мы* — так не думаем. В заброшенном поселении улутиунов Кэtti-бри потянулась через своё кольцо и не почувствовала никаких признаков второго подобного существа. Так что это может быть вулкан, глубоко внизу, питающий огонь, плавящий лёд в этих участках, чтобы текли горячие источники.

— А может быть, дело в чём-то другом. В Подземье есть огромные пещеры с большими кристаллами. Мы называем их бездыханными комнатами, потому что — ну, вы бы поняли, если бы оказались в такой. Я видел только одну, причём издали, и даже с большого расстояния я чувствовал исходящий оттуда жар. Я бы погиб, оказавшись в такой пещере — как и вы, как и любой из нас.

— Но не реморхаз, — вмешалась Галата, кивая.

— Вы помните, что именно грызли черви-детёныши в инкубаторе?

— Кристаллы, — ответила Галата.

— Джарлак, что ты предлагаешь? — спросила мона Валрисса.

— Возьмите шахтёров и пробейтесь через тоннели в Каттисолу, — объяснил он. — Копайте, и умоляю, пускай шахтёров охраняют побольше готовых к битве воинов. Думаю, вы найдёте большие пещеры с кристаллами, и там, на краю наступления Кадижа, вы обнаружите работу слаади в виде полярных червей. Они нарушают равновесие этой земли, чтобы позволить Кадижу расти — и эта перемена выдавит эвендроу и всех остальных из

места, которое вы зовёте своим домом. Убейте реморхазов — и нанесёте слаади сокрушительный удар.

Совет погрузился в абсолютную тишину — собравшиеся представители смотрели друг на друга, но в конце концов все взгляды устремились на Джарлакса.

— Конечно, я — мы — не можем знать наверняка, — закончил тот. — Но учитывая то, что мы видели в странном инкубаторе, я легко могу в это поверить.

Галата подошла к Моне Валрисе, и остальные инквизиторы приблизились к ним для частного разговора.

— Джарлакс и все вы, мы крайне признательны за ваши мысли, — наконец сказала мона Валрисса. — Если это всё, вы можете готовиться к путешествию. Светский созыв продолжит собрание, пока мы не достигнем согласия по поводу того, как отреагировать на эти подозрения. Мы совершенно точно проведём расследование.

— Если ваши страхи оправдаются, значит Каллида будет перед вами в огромном долгу, друзья мои, — добавила Галата. Вместе с другими инквизиторами и Илиной она подошла к ним и увела друзей из Сиглига, чтобы подготовиться к их предстоящему приключению.

Глава 25

Сквозь бурю

Путешествие из Каллиды отличалось от возвращения в инкубатор. Друзей сопровождал отряд почти в шестьдесят голов, в основном эвендроу, но ещё дюжина улутиунов и горстка курит и орок. Они вышли из Скеллобеля, пересекли Мона Чесс и вошли в Ардин, округ-сад Каллиды. На протяжении всего пути высоко над ними звучал глухой рёв, громкий гул зимнего ветра, и из-за свирепой бури, наполнившей небеса снегом, не было видно ни звёзд, ни Весёлых Танцоров.

— Нужно будет сюда вернуться и задержаться на какое-то время, — сказал Джарлакс Кэтти-бри, когда увидел Ардин. Этот округ очень отличался от Скеллобеля или Мона Чесс. Здесь почти не было высоких зданий. Самые большие достигали не больше двадцати футов в высоту. Насколько хватало глаз, тянулись поля, многие были усеяны большими жвачными животными с густой шерстью, в которых друзья немедленно узнали овцебыков, из молока которых получался тот самый чудесный куритский сыр.

Кэтти-бри кивнула, разделяя его чувства, несмотря на то, что порыв ветра с открытых небес наверху вместе со снегом принёс ей ужасные запахи.

Очевидно, стада овцебыков производили не только молоко.

Но из вежливости Кэтти-бри кивнула ещё прежде, чем получила эту порцию отрезвляющей реальности — а ещё потому, что сейчас она не хотела вести этот разговор. После того, как она рассказала свою историю Светскому созыву, все её мысли занимала последняя часть её речи, переживания по поводу её семьи. Она ужасно скучала по мужу и дочери и не могла дождаться воссоединения с ними, возвращения к своей жизни. А ещё — возвращения ко многочисленным друзьям, оставшимся позади — Вульфгару, Бренору, Реджису, Пенелопе и всем остальным. Ей так хотелось отправиться в это путешествие из чувства долга, поскольку эта миссия могла оказать существенное влияние на грядущую войну в Мензоберранзане, и просто из-за собственной жажды приключений.

Своего рода отпуск от неизбежной рутины мирной и упорядоченной жизни.

Это чудесное место и множество волнительных событий стали для неё прекрасной возможностью отвлечься. Однако уколы тоски по дому с каждым часом становились всё сильнее, лишь подчёркивая для Кэтти-бри радости её прежней жизни. Будь рядом Дзирт и Бри, она могла бы чувствовать себя как Джарлакс, и была бы готова остаться здесь на месяцы, чтобы изучать уникальный опыт Каллиды. Но их здесь не было. И если бы не Доум'вилль, если бы не ответственность перед друзьями, она приняла бы любые условия Светского созыва, любой стирающий воспоминания ритуал, и вернулась бы в Особняк Плюща сразу же после собрания.

Отряд двинулся по дорогам Ардина, заметив, что здесь как будто живёт больше орков и дварфов, чем в других округах.

— Они прекрасно умеют обращаться с быками, — сказал ей Эмилиан, когда она об этом спросила. — Здесь и в Б'шетте курит и орок ждёт жизнь, похожая на ту, что они знали и любили прежде. Они сохраняют лучшие из своих старых традиций и обычаев, но встречают куда меньше трудностей и бед. В Скеллобеле живёт больше представителей обоих

этих народов, чем в Ардине, но это в основном потому, что их предки — или они сами — сначала пришли именно в Скеллобель, а там легко поселиться.

— Сколько приходит в год? — спросила Кэтти-бри.

Эмилиан пожал плечами.

— Иногда никого. Иногда одного-двух находят на льду и приносят сюда, чтобы оказать помощь. Иногда, как с деревней улутиунов, приходит большая группа сразу. Сколько бы их ни было, места нам хватает — и мы принимаем их с тем же самым гостеприимством, с каким принимали вас. В этом сила Каллиды.

Он сверкнул улыбкой и подмигнул ей.

— Давным-давно орок показали нам, как улучшить вино — надо замораживать ягоды на лозе и топтать их ещё не оттаявшими, тогда оно становится намного слаще. А курит научили нас делать сыр.

Он ущипнул свою щёку, которая, как и у многих других здесь, была немного пухлее и не такой угловатой, как у тех дроу, кого Кэтти-бри встречала ранее.

— За это я благодарю курит, а за моё умение танцевать — орок.

Кэтти-бри рассмеялась.

— А ещё орок принесли нам миксин, — продолжал он, — и слизь, из которой мы делаем одежду, доспехи и множество других вещей. Курит внесли свою лепту в работу орок, смешав слизь с шёлком белых пауков. Ты спала на кровати, покрытой этим шёлком. Бывал ли твой сон когда-либо слаще?

Едва ли. Однако она задумалась, почему они так упрямо отказываются от любой возможности вести торговлю с Югом, которую предлагал им Джарлак, несмотря на все эти заимствования у других культур.

Однако она почти сразу же отбросила эту мысль, напомнив себе о многочисленных войнах, которые видела в тех южных землях. Здесь на севере был только один враг, и судя по всему, стычки с ним происходили достаточно редко. Правда, она вспомнила про обнаруженный ими инкубатор и понадеялась, что для её друзей из Каллиды этот относительный мир будет продолжаться.

Через несколько часов пешей ходьбы группа достигла северо-восточного угла Ардина, где находились большие деревянные ворота, расположенные между казармами городской стражи. Когда ворота открыли, сразу за ними оказались вторые, а затем третьи и четвёртые, которые наконец вышли в тоннель с указателем, который гласил «Терамар».

— Земля и море? — произнёс вслух Джарлак, не сообразив сразу.

— Здесь отмечена черта, за которой под ногами больше нет земли, — сказал Эмилиан. — Теперь мы идём по льду, а под ним — море.

— Конечно же, это совсем не страшно, — заметил Энтрери.

Эмилиан рассмеялся в ответ на его сарказм.

— Здесь у ледника лёд очень толстый. Бояться нечего. Чтобы достичь воды, надо пробурить сотни футов.

Магическое освещение в тоннеле было не цветным — лишь простые линии света, бегущие у основания стен. Коридор был долгим, тесным и достаточно прямым. Периодически его пересекали боковые каналы. На одном из таких перекрёстков они встретили группу курит и эвендроу, загружающих повозку синим льдом.

— Шахты, — объяснил Эмилиан. — Они очень глубоки, и лучший синий лёд получается из самых спрессованных слоёв у воды. Конечно, нужно знать точное место.

Слишком близко к морю — и это просто лёд, а кроме того, шахтёр может пробить лёд, упасть в воду и погибнуть. Курит хорошо знают эти тайны. Их шахты в Б'шетте добывают в основном белый лёд и более светлый синий, но здесь есть более насыщенные синие слои — видите? — которые мы ценим за их красоту и прочность.

Кэтти-бри и остальные могли лишь изумлённо качать головами.

— А ещё синий лёд может хранить более могущественные чары, — продолжал он. — Вы видели меч Галаты — возможно, это лучшее оружие во всей Каллиде.

За шахтами тоннель продолжался ещё очень долго, и по мере того, как он начал подниматься, освещение стало слабеть. Отряд остановился на привал на относительно ровном участке тоннеля, затем, позавтракав, двинулся в путь ранним утром.

Илина провела некоторое время с Кэтти-бри, рассказав ей, что очень скоро они выйдут наружу, и посоветовав, какие заклинания стоит приготовить. Она объяснила, что путь до пещер под крепостью займёт пять дней после того, как они покинут тоннели — может быть, больше, если продолжит бушевать буря.

— Мы будем снаружи ледника? — спросила она.

— О да, мы никогда бы не допустили, чтобы наши тоннели подходили близко к слаади, и никогда не строили тоннелей, достаточно крупных для инеистых великанов.

— Но как мы будем укрываться, если не в тоннелях? Снаружи нас не защитят от ветра горные стены, и похоже, что там стало ещё холоднее.

— На пути есть разломы, но именно поэтому с нами отправилось столько улутиунов, — сказала Илина. — Их сооружения тебя поразят.

Они двигались дальше, и меньше чем через два часа достигли небольшого открытого небу помещения, где свистел свою любопытную песню ветер и со всех сторон поднимались стены льда пятидесяти или больше футов в высоту с одной стороны, и несколько сотен футов со всех остальных.

Эвендроу немедленно начали рыться в многочисленных мешках и свёртках, которые принесли с собой, доставая шёлковые верёвки и большие крюки, гвозди и шипастые сапоги.

Кэтти-бри и другие подошли, чтобы взглянуть поближе.

— Вы будете подниматься по стене? — спросил Джарлакс.

— Да, конечно, — сказал Эмилиан. — И опустим верёвки, чтобы другие могли последовать за нами.

— Почему просто не воспользоваться магией?

— Мы предпочитаем беречь всё, что есть, на крайний случай, — ответила Илина.

— Кроме этого, — сказал Джарлакс. Он взмахнул руками, вызвав кинжал в каждую, затем призвал свою врождённую магию дроу и начал парить, легко поднимаясь по стене при помощи кинжалов.

— Ты волшебник? — спросил Эмилиан, которого, казалось, всерьёз это поразило.

— Он дроу, — ответил Зак, опередив Джарлакса, который спускался обратно. — Как и вы — разве вы не умеете левитировать?

Окружающие эвендроу уставились на него так, как будто понятия не имели, о чём речь.

— Что ж, это интересный поворот, — сказал Джарлакс, опустившийся рядом. — Значит, всё дело было в фаэрзресс, барьере с нижними планами, который дал нам эту врождённую магию.

— Действительно, интересно, — заметила Илина.

— Вы можете призвать тьму? Или волшебный огонь? — спросил её Зак.

— Конечно! Я жрица...

— То есть — призвать без божественной магии, — прояснил Зак. — Просто потому, что вы — друу?

Она покачала головой.

— А что ещё? — довольно резко поинтересовался Эмилиан.

— Только это, — ответил Зак. — Это неожиданно.

— И, похоже, довольно удобно, — сказал Эмилиан. — Как вы думаете, вы сможете поднять меня на вершину при помощи этих способностей?

— Вдвоём — наверняка сможем, — сказал ему Джарлакс, и когда Эмилиан собрал необходимое снаряжение, они так и сделали — Джарлакс и Зак призвали левитацию и поднялись по стене при помощи кинжалов. Они повторили это путешествие несколько раз, поднимая остальных с верёвками, пока курит начали доставать длинные доски из того, что очевидно было бездонными сумками, и собирать широкую платформу, которая должна была обеспечить подъём для оставшихся участников отряда.

На вершине стены был выступ, который выходил в комнату на другой стороне внутри ледникового разлома. Ветер здесь был громче, почти оглушительным, но оставался далеко вверху, и лишь редкие порывы достигали низа. Однако стоять на этом выступе под северным ветром не стоило, поскольку он, конечно же, состоял из льда. Поэтому эвендроу достали длинный свёрнутый ковёр из слизи миксин из очередной бездонной сумки и развернули его, обеспечив липкую и надёжную поверхность.

Очевидно, он был вырезан, чтобы специально подходить под размеры этого места.

— Будьте осторожны при спуске, — сказала Илина Кэтти-бри и Энтрери, когда другие эвендроу помогли надеть им упряжь, крепившуюся к верёвкам. — Вы не упадёте, даже если поскользнётесь, но ветер может ударить вас о лёд.

Спуск по противоположной стороне ледяной стены был одним из самых пугающих и головокружительных переживаний в жизни Кэтти-бри. Он напомнил о том, как она в первый раз воспользовалась заклинанием полёта. Энтрери тоже спустился с улыбкой от уха до уха, но судя по тому, как легко дался ему спуск, Кэтти-бри догадалась, что для него подобное занятие не в новинку.

— Когда это ты занимался скалолазаньем? — спросила его Кэтти-бри на дне.

— Я зарабатывал на жизнь в Калимпорте тем, что проникал во дворцы... скажем, нетрадиционными методами, — ответил он с широкой усмешкой.

— Что ты про всё это думаешь? — спросила она его, когда огляделась и поняла, что им выпало несколько редких мгновений наедине. Джарлакс и Закнафейн помогали эвендроу поднимать припасы и рядом не было каллидцев.

— О чём? Они приготовились. Они знают эти края и прекрасно умеют здесь выживать. Это производит впечатление.

— Нет, я не об этом. Что ты думаешь... о них, об эвендроу? О Каллиде? Об их странных традициях?

Он покачал головой.

— Эвендроу такие, какими кажутся.

— Похоже, ты знал об этом, когда рассказывал им свою историю.

— Я перестал сомневаться, когда они спасли Зака на каззкальци, — ответил он. — Поэтому я осмелился рассказать мою историю. Думаю, я знал это всё время, просто слишком боялся поверить.

Кэтти-бри прекрасно его понимала.

Разлом в леднике тянулся налево и направо, исчезая из виду в тёмной ночи. Тучи висели очень низко, закрывая свет луны, звёзд, зелёные и фиолетовые потоки. Слишком низко, подумала Кэтти-бри — грозовые тучи как будто тянулись к вершине ледника, и ей потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что это не только тучи наверху, но и постоянная, непрекращающаяся метель. Сквозь мрак и снег справа донёлся высокий звук, нечто среднее между лаем и визгом. Вскоре после этого появилось множество стремительно приближающихся фигур. Орки, догадались товарищи, дюжина орков, каждый — на задах саней, которых тянули, видимо, муктефф — но нет, поняли они, когда упряжки приблизились, эти животные были крупнее, длиннее, и с четырьмя лапами с каждого боку. И они рычали, визжали и кусали друг друга, свирепые и едва прирученные.

— Девять Адов, что это такое? — спросил Джарлак, торопливо присоединившись вместе с Заком к их паре. Сразу за ним следовала Аззудонна.

Энтрери рядом с Кэтти-бри напрягся, и она схватила его за руку.

— Нас не обманывают, — сказала она.

Он хоть немного расслабился.

— Бурнуки, — сказала Аззудонна.

— Что за бурнуки? — спросила Кэтти-бри.

— Клан арктос орок, — объяснила та. — Они каллидцы, но многие из них большую часть жизни проводят снаружи ледника. Они — наши глаза и уши здесь, по эту сторону Кадижа. Хорошие друзья.

Она шагнула вперёд, но остановилась, как будто над чем-то задумавшись.

— Именно бурнуки нашли Доум'вилль и привезли её к нам, — с улыбкой добавила Аззудонна.

— Хорошие друзья, — согласилась Кэтти-бри.

Галата и ещё несколько эвендроу с парой курит вышли, чтобы поговорить с орками.

Они вернулись вместе с орками, хотя те оставили сани с упряжками, рычащими, визжащими и показывающими клыки, поодаль от группы.

— Не муктефф, — заметила дварфийка, которая подошла к четырём друзьям. — Хо хей, вам не стоит пытаться погладить этих зверей.

— Это видно.

— Может, когда-то, много поколений назад, они были муктефф — по крайней мере, с одной стороны, — сказал невысокий парень, ухмыляющийся малый с синей кожей и внушительными белыми бровями, рот которого с одной стороны казался слишком широким.

— Так что это за звери?

— Арктос воракс, — ответила дварфийка. — Свирепые звери, которых, я вам скажу, лучше не встречать без их хозяев-орок, хой-хой. Они едят всё, что могут найти — включая друг друга.

Кэтти-бри едва обращала внимание на слова, увлечённая акцентом этой курит. Она не заметила этого у Канака в Каскатте, но эта дварфийка растягивала слова, как настоящий Боевой Молот, пускай и говорила на языке эвендроу.

— Хой-хой? — повторил Джарлак.

— Что не так?

— Что это значит?

— Хой-хой, конечно же.

Бродяга хотел что-то ответить, но просто покачал головой и оставил эту тему.

— Буря продолжается, но нам всё равно надо идти, — сказала им всем Галата, когда вернулась. — Через несколько миль есть закрытая ниша. Мы можем добраться хотя бы туда. Если будем ждать, пока буря закончится, можем остаться здесь дней на десять.

— Я принесу бегуны, — сказала дварфийка и поспешила прочь.

— Можете поехать на санях, если хотите, — объяснила Галата. — Или попробовать воспользоваться бегунами.

Прежде чем они смогли спросить, что за бегуны, дварфийка быстро вернулась назад со свёртком длинных, узких планок, загибающихся с одного конца кверху и с ремнями примерно посередине.

— Лыжи, — сказала Кэтти-бри.

Трое других недоумённо уставились на неё.

— Их использует одно их племён Долины Ледяного Ветра. Их надевают, как ботинки, и скользят на них, используя небольшие копыя, чтобы отталкиваться.

— Нам повезло — ветер дует в спину, — сказала Галата. — Палки могут потребоваться для торможения, а не отталкивания. Пойдёмте, если хотите двигаться так. Алвисс вас приготовит и научит ими пользоваться.

— Мы можем просто поехать, — сказал Энтрери.

— На этом? — недоверчиво переспросил Зак, указывая на одну бешеную упряжку, которая готова была вот-вот накинуться на другую.

— У нас есть кони, — напомнил ему Энтрери.

— Прибереги их, — посоветовал Джарлакс. — Давайте... скользить.

— Бежать, — поправил Алвисс, инугаакаликурит. — У вас длинные ноги. У вас отлично выйдет, хой-хой.

— Хой-хой, — ответил Джарлакс.

Когда Кэтти-бри вышла из разлома на открытый лёд, ей показалось, что она нырнула в быструю, ревущую реку.

Вой ветра почти сразу же заглушил все звуки, и хлещущий снег, скорее даже ледяные кристаллы, застучал по спине с таким упрямством и частотой, что она почувствовала, будто в неё вслепую бьётся стая крупных ос.

— Держитесь рядом! — закричала Галата без особой на то нужды, поскольку было очевидно, что если их разделит эта ослепляющая метель, они потеряются навсегда. Кэтти-бри хотела использовать заклинание света, но быстро поняла, что эвендроу этого не делают — в конце концов, Илина тоже была жрицей домена света, — по какой-то причине.

Они двинулись в путь, сначала медленно, но когда Галата убедилась в том, что чужеземцы почувствовали себя уверенно, она приказала ведущим упряжкам орок в несколько раз увеличить скорость. Довольно скоро — через несколько часов, не более, хотя этого хватило, чтобы друзья полностью вымотались — они достигли укрытой области.

Улутиуны — все из которых решили ехать на санях, — принялись за дело, доставая инструменты из волшебных сумок. Другие стали вырезать блоки из стены ледника и толкать их в лагерь.

Друзья изумлённо наблюдали, как улутиуны и ороки, которые прибыли на санях, начали быстро и эффективно сооружать здания в виде куполов, и благодаря блокам, которые вырезали все остальные, скоро у них было больше дюжины таких зданий.

— Пойдёмте, — сказала друзьям Аззудонна, схватила Зака за руку и потащила к одному из иглу. — Это для вас четверых, и к вам присоединюсь я, если позволите. Галата приказала — по меньшей мере пятеро жителей на одно убежище.

Ветер исчез, когда они заползли внутрь, и вскоре к ним присоединились Илина и Эмилиан. Они принесли большие меховые одеяла, а также — дрова и камни. Дрова они поместили в углубление, вырытое в центре помещения, и Илина подожгла их. Затем, когда пламя занялось, эвендроу начали снимать верхнюю одежду.

Эмилиан приготовил вкусную трапезу из наколдованного мяса, и все семеро расселись по периметру круглого помещения, наслаждаясь обществом.

Через какое-то время оклик предупредил их о госте, и в иглу залез Алвисс. Он подошёл к Кэтти-бри.

— Можно попросить тебя об истории? — спросил он.

— Истории?

— Ты могла видеть меня на Светском созыве, — сказал он.

— Алвисс — представитель Б'шетт, — объяснила Илина.

— Да, и Боскейл закончили бы войну вничью, если б не эта магия! — сказал дварф. — Хотя должен признать, что магия была лучшей частью. Никогда такого прежде не видел.

— Какую историю мне рассказать? — спросила Кэтти-бри у общительного дварфа.

— Как насчёт твоего па и этого места... как ты его назвала?

— Гонтлгрим.

— Ага, и другого, самого первого.

— Мифрил-Халл, — ответила она.

— Расскажи мне, прошу, — взмолился дварф. — Не могу наслушаться историями о наших родичах с юга. Никогда их не встречал и вряд ли встречу, но хорошо знать, что они там, сечёте?

— Хой-хой, — ответила Кэтти-бри, и дварф радостно заревел.

Она рассказала ему о том, как они с друзьями — уже больше ста лет тому назад — нашли давно утраченный Мифрил-Халл и теневого дракона по имени Мерцающий Мрак. Она заметила, как сильно изменилось лицо Алвисса, когда она стала рассказывать о битвах с дуэргарами, и постаралась сделать эту часть истории покороче, понимая, что дружелюбному дварфу не по себе.

— Очень жаль, — сказал он тихо, когда она закончила.

— Что именно?

— Что эти дуэргары отправились в глубокое Подземье, — пояснил он. — Как и эльфы дроу. Слишком низко, слишком близко к демонам. Это испортило их на тысячи лет. У меня самого в роду были дуэргары, и дед мне всё рассказал.

Кэтти-бри не сдержалась и покосилась на Зака и Джарлакса — и увидела, что они оба услышали Алвисса.

— Испортило некоторых, но далеко не всех, — заверила она Алвисса.

— Ну, что ж, *а'аха'иле*, — сказал он. — Не возражаете, если я устроюсь спать здесь?

Кэтти-бри посмотрела на него с удивлением. Она хотела спросить, что означает это приветствие — она слышала его уже второй раз, — но неожиданная просьба похоронила эту мысль.

— Конечно, добрый Алвисс, — ответила Аззудонна, прежде чем Кэтти-бри смогла получить какое-то пояснение. — Чем больше — тем теплее.

— Хой-хой, — ответил Алвисс. Он стянул свои тяжёлые ботинки и размял большие пальцы, затем упал на живот прямо возле Кэтти-бри и закрыл лицо сложенными руками. Прежде чем она смогла разобраться в происходящем, иглу наполнил храп Алвисса.

Кэтти-бри вынуждена была признать, что он напоминает ей о доме.

Улыбаясь и размышляя, заметили ли остальные, какое место для сна выбрал Алвисс, Кэтти-бри осмотрелась в тусклом свете костра. Сначала расширились её глаза, а затем и улыбка, когда она заметила, что Аззудонна очень уютно посапывает с Заком. Эти двое казались очень довольными.

На следующий день они преодолели немалое расстояние, ведь хотя буря и продолжалась, ветер изменился, и теперь ледник его отсекал почти полностью. Они прошли мимо другой расщелины для отдыха, но вскоре вернулись, поскольку ветер снова изменился, будто подражая пути солнца вокруг вершины мира, который они наблюдали.

Теперь ветер дул им в спину, когда они скрылись в расщелине, где устроили свой лагерь.

И там они оставались ещё несколько дней, поскольку не могли состязаться со встречным ветром.

— Длинной ночью всегда так, — пожав плечами, заметила Аззудонна, и если её или кого-то из каллидцев и беспокоила эта неожиданная задержка, они не подавали виду. — Столько всего может произойти, особенно здесь, на ледяной шапке, — сказала она им, — что нужно просто принимать это и быть наготове — и позволить буре пройти.

Так они и поступили. Они отдыхали в своих иглу, разговаривали друг с другом и с новыми друзьями — А Аззудонна с Заком уже казались очень близкими друзьями, и лежали друг с другом каждую ночь.

Энтрери с Джарлаксом большую часть времени проводили с Эмилианом, Илиной, Весси и Айидой, а у Кэтти-бри очень скоро оказалось множество собственных новых друзей. На этой развилке она даже не делила иглу со своими товарищами, вместо этого ночуя с Алвиссом, горсткой других курит и даже парой орков, мужем и женой, которые сказали ей, что это они нашли Доум'вилль бредущей по ледяной шапке — или, конкретнее, просто нашли её в собственном иглу, куда заползла полумёртвая девушка.

Как и курит, они больше хотели слушать её истории, чем рассказывать собственные, и поначалу Кэтти-бри чувствовала себя неуютно. Она думала о своих спорах с Дзиртом и чувствовала неудобство, столкнувшись с прямым доказательством того, что эти орки достойны её уважения и дружбы.

Это откровение привело её к тихим и неприятным размышлениям, которые преследовали её даже во сне — она сомневалась в своей богине, в собственных жизненных поступках и в своём восприятии самой реальности.

На следующий день, когда буря так и не стихла, она осталась с этой группой и даже рассказала им о конфликтах в земле Серебряных Кордонов, о войне между дварфами и орками, которая закончилась подписанием монументального договора ущелья Гарумна.

И она честно рассказала о том, что этот договор долго не продержался, и война пришла снова — и привела к падению королевства Многих Стрел.

Пара орков казалась опечалена, но не слишком. И дварфы тоже грустили не меньше — ни одного радостного крика не прозвучало от них в честь побед Мифрил-Халла.

— Здесь наверху всё по-другому, — сказала Ниник Бурнук, женщина-орк. — Сама земля хочет тебя убить. Ты выживаешь, если у тебя есть друзья. Ты нуждаешься в них, а они

нуждаются в тебе. Для врагов нет места.

— Кроме слаади и великанов? — спросила Кэтти-бри.

— Только потому, что они сами так решили, — ответила Ниник. — Для нас, каллидцев, лучше просто их избегать. Но иногда мы не можем.

— Как в том бою, когда потерялась Доум'вилль?

— Да, — ответила Ниник. — Я правила одной из тех упряжек, что доставили спасательные отряды к пещерам под замком. Конечно, мы нечасто приближаемся к этому месту, но надо было попытаться вернуть захваченных курит. Мы надеялись спасти их незаметно; вместо этого вошедшему в пещеры отряду пришлось вступить в серьёзный бой, который стоил многих жизней.

— Будем надеяться, что твой друг Джарлакс помог нам разгадать эту загадку, ага? — заметил Алвисс.

Кэтти-бри оставила эту тему и попросила соседей по иглу поделиться их историями. Они с радостью согласились, особенно пара орков, которые чаще всего находились на ледяной шапке и пережили немало отчаянных приключений. Однако в основном летом, когда вдали от ледника можно было найти пруды и лужицы растаявшей воды.

Ниник рассказала, что они несколько раз встречали белых китов, высунувших головы из воды, чтобы просто понаблюдать за ней с мужем. Рассказала она и о лежбище тюленей с тысячами детёнышей, ползающих по льду и обучающихся плавать.

Кэтти-бри глубоко поразило, что большинство её историй были о битвах, славе и длящихся поколениями конфликтах, в отличие от историй курит и орок.

Рассказы продолжались и продолжались, и переходили в более личные разговоры по мере того, как участники засыпали, и даже эти разговоры постепенно стихали, поглощённые храпом и глубоким дыханием. Кэтти-бри заснула, не испытывая никакой тревоги по поводу её соседей-орков и дварфов.

Утром буря прекратилась, и караван снова тронулся в путь, не встречая никаких препятствий до тех пор, пока однажды утром, после завтрака и сборов, друзьям не сказали, что остался только один переход до пещер, совсем короткий, и большая часть отряда дальше уже не пойдёт.

Добровольцы-эвендроу — Аззудонна, Эмилиан, Илина, Весси, Айида и Галата — надели свои лыжи и возглавили путь. Всего через несколько часов хода на лыжах вдоль стены ледника они свернули в узкую расщелину, а оттуда — в тоннель справа, низкий и более подходящий человеку или дроу, чем великану или слааду. Однако любое облегчение от этого факта, какое могли испытывать южане, быстро прекратилось, поскольку их сопровождающие-эвендроу оставили лыжи снаружи и вошли в тоннель с оружием в руках, готовые к бою.

Преодолев короткий путь, они достигли небольшого помещения, которое казалось естественной полостью, а не вырезанной в леднике комнатой. Галата провела их внутрь.

— Дальше мы не пойдём, — сказала она товарищам. — Я должна в последний раз попросить вас передумать. Ваша подруга потеряна, и вы тоже пропадёте, если отправитесь глубже в эти подземелья, чтобы найти её. Вы приготовили слово возврата, нацеленное на Каллиду?

— Я приготовила, — заверила её Кэтти-бри. — Оно перенесёт нас к указателям в Скеллобеле, рядом с гостиницей.

— Держи его наготове, — посоветовала паладин. — Если вас не будет в Каллиде, когда

мы вернёмся, я буду знать, что вы погибли. Я надеюсь увидеть вас. Не пожелаю ужасов этого места ни вам, ни кому-либо другому. Следуйте по тоннелю и на любых развилках держитесь правой стены, и не сворачивайте в боковые проходы слева или справа. Вы найдёте место гибели Доум'вилль и многих других, когда достигнете большого помещения с колоннами льда. Не думаю, что вы встретите её там, но если встретите — это будет уже не та женщина, что вы знали, а одержимая. Не испытывайте вины, если сумеете уничтожить это чудовище, ведь в таком случае — это не Доум'вилль и никогда уже ею не будет.

— Вы почти ничего не рассказали нам об этих чудовищах, канте и н'диви, как вы их зовёте, — недовольно сказал Артемис Энтрери. — Может, добавьте какие-то подробности? Например, как лучше с ними сражаться? Как они выглядят? Хоть что-нибудь?

— Больше рассказывать особо и нечего, — ответила Аззудонна, опередив Галату. — Канте пустые, как прозрачный лёд, и текут, как вода. Их не видно, пока они не нападут. В этом их секрет.

— И они захлестывают тебя, накатывают на тебя, обхватывают тебя, замораживают тебя и душат тебя, — добавила Галата. — Затем их магия пожирает тебя, или сливается с тобой — мы не знаем, потому что никто не сумел как-то победить в бою с ними. Ни один эвендру не стоял над поверженным канте, и даже в таком случае мы бы ничего не узнали — потому что их тела это просто вода. Их нельзя уничтожить при помощи оружия, огня, молний и скорее всего — множества других волшебных заклинаний, но проблема не в этом. Проблема в том, что они набрасываются молниеносно и поглощают тебя, прежде чем ты успеваешь понять, что происходит. Их жертвы становятся н'диви, одержимыми, не живыми и не мёртвыми. С ними нельзя говорить, их можно только уничтожить. В этом случае у вас остаётся тело друга.

— Используйте огонь, но будьте крайне осторожны, чтобы не потревожить бога ветра, — добавила Аззудонна. — Когда мы пришли сюда и сражались, мы пробудили Кадиж.

Галата посмотрела на воительницу и кивнула. На её лице отразилась огромная боль и скорбь.

— Нас было пятьдесят, полностью вооружённых и готовых к битве, — добавила паладин. — Битва была недолгой. Более половины воинов было потеряно.

— Но вы за ними не вернулись, — заметил Зак.

— Вам стоило бы услышать правду вместе с нашими уговорами не возвращаться за Доум'вилль, — ответила Галата. — Мы не вернулись, потому что у нас не было иного выбора, кроме как смириться с потерями.

В воздухе между ними повисло долгое и неудобное молчание.

— Могу я получить свой свисток обратно? — спросил Джарлакс, наконец нарушив тишину. — Не этот, поскольку я что-то не вижу рядом муктефф.

Галата покачала головой.

— Твой свисток остался в Каллиде, и если вы вернётесь к нам, тебе отдадут его на оговорённых условиях. А если вы не вернётесь, его запрут в Сиглиге, в глубоких библиотеках, где мы храним волшебные вещи и книги, которые не смеем использовать. Я надеюсь, что вы возвратитесь и сможете его забрать.

— И в этом случае, может быть, откажетесь им воспользоваться, — добавил Эмилиан.

— Мы уже уходим, — сказала Галата. — Вы уверены, что вас не переубедить?

— Уверены. И благодарны, что вы привели нас сюда, — сказала ей Кэтти-бри.

— Боюсь, что всё было бы иначе, если бы вы понимали, что вас ждёт, — угрюмо

ответила паладин. — На развилках идите направо — насколько я помню, всего их три — и не сворачивайте в боковые проходы и помещения.

Она указала на тоннель, выходящий из комнаты, и отпустила друзей.

Зак и Энтрери пошли впереди, свернув налево в тоннель и пройдя по нему небольшое расстояние, где Джарлакс попросил об остановке, и все четверо обернулись, чтобы посмотреть, как уходят эвендроу.

— Ты уверен насчёт этого? — спросил Энтрери.

— Конечно, нет, — ответил Джарлакс. — Но Доум'вилль может стать серьёзным трофеем, и если мы спасём её, то можем сохранить десять тысяч жизней. Более того, это будет правильным поступком.

Он кивнул Заку, тот достал Хазид'хи и вручил его Кэтти-бри.

Она осторожно взяла меч, крепко сжала его в ладони и позволила своему разуму вступить в контакт с магией оружия. Уже через мгновение она открыла глаза.

— Я чувствую её. Совсем рядом, — она замолчала. — Так... кажется.

Она покачала головой, потому что эти ощущения Хазид'хи совсем её не убеждали. Даже тогда, когда она владела мечом, у неё не было никакого опыта с подобной магией, пока Джарлакс не рассказал ей об этом свойстве. Не слышала она о таком и от других владельцев меча. Однако она не могла быть уверена, что меч сообщает ей, жива Доум'вилль или мертва, или хуже того — если она стала одним из этих чудовищ, о которых предупреждала Галата. Вся эта миссия — как и прежде — казалась ей в лучшем случае сомнительной.

Она вернула меч Заку.

— У меня наготове слово возвращения, и я сразу же его использую, — пообещала она.

— Не спеши, — сказал Джарлакс. — У меня нет никакого желания идти на лыжах весь путь из самой Каллиды, если нам придётся возвращаться.

Они двинулись в путь, и Кэтти-бри несколько раз оглядывалась через плечо назад, туда, где Аззудонна задержалась позади остальных эвендроу и теперь стояла, глядя на друзей. Кэтти-бри было очевидно, что среди их новых друзей Аззудонна больше всего хочет возвращения южан.

Особенно Закнафейна.

С этой радостной мыслью Кэтти-бри нагнала остальных трёх своих спутников.

Глава 26

Дыхание Кадижа

Джарлакс достал жезл — очень тонкий, из гладкого металла. С его помощью он наложил на себя двеомер, позволяющий заметить любую магию. Кэтти-бри поступила так же, воспользовавшись собственными силами божественного происхождения.

— Следи за левой стороной, я сосредоточусь на правой, — сказал он ей. — Будем надеяться, что эти канте — создания магические по природе, и мы сможем обнаружить их прежде, чем они окажутся слишком близко.

— Не медлите, — сказала Кэтти-бри, обращаясь к Энтрери и Заку. — Чары долго не продлятся.

Они отправились вниз, но не так быстро, как хотели, потому что тоннель стал слишком скользким. Энтрери прошёл мимо бокового помещения и заглянул внутрь, но двинулся дальше, как посоветовала им Галата.

По бокам проход был усеян другими пещерами и помещениями, и друзья шли дальше, бросая на них лишь короткие взгляды. Энтрери подошёл к очередной дыре в стене тоннеля, закруглённой, как арка. Помещение за ней было гладкой, почти овальной формы — так, словно эта область неожиданно растаяла и вытекла наружу.

Энтрери прошёл мимо.

— Стойте! — сказала Кэтти-бри у него за спиной. Она заглянула в помещение, и волосы на её затылке встали дыбом. Она что-то почувствовала, а может быть, заметила краем глаза какое-то движение.

Она стояла там, пригнувшись, смотрела и выжидала.

К ней подошёл Джарлакс.

— Одновременно и магическое, и нет? — спросил он, и Кэтти-бри кивнула — она прекрасно поняла, о чём речь.

Что-то было там внутри.

Пол неожиданно всколыхнулся, как будто по нему прокатилась волна. И следом за этим поднялась фигура — единственная массивная водяная колонна, вставшая на дыбы, как кобра, и раскачивающаяся в медленном танце. Она забурлила и свернулась, и после этого облеклась формой, гуманоидной формой, не считая того, что полностью состояла из воды.

— Канте. Необитаемый, — прошептал Джарлакс.

Появились ещё два гуманоида.

Кэтти-бри взмахнула руками, и вперёд ударили три огненных полосы, попав одному существу точно в грудь, задев второе над коленом и отделив ему ногу, и расплавив голову третьего.

Первый уменьшился, когда часть воды расплескалась, но всё равно двинулся вперёд.

Второй растёкся по полу, растворился в нём, и сразу же поднялся снова — с восстановленной ногой.

А третий продолжал приближаться без головы, пока из его шеи не выросла новая.

Сверкнула пущенная Джарлаксом молния, снова поразив первого. Разряд ударил существо, прошёл его насквозь, оставив за собой паутину трещин и осыпающихся

фрагментов.

Закнафейн прыгнул вперёд, замахаясь своим огненным кнутом.

Энтрери попытался присоединиться к нему, но вскрикнул, когда неожиданно прилип к полу.

Кэтти-бри повернулась на его возглас и в ужасе увидела, что ещё одно чудовище ползёт по его ноге, из-за чего убийца испытал чувство погружения в грязь. Передний край водного создания оставался текучим, продвигаясь вперёд, а оставшаяся позади жидкость застывала льдом.

Энтрери обрушил на пол Коготь Харона, разбивая лёд. Он скорчился и застонал от боли, и все остальные увидели, как лёд сдавливает его ногу.

Щелчок кнута Закнафейна рассёк пол рядом с пойманной ногой, а затем раздался второй, когда Зак разобрался, где заканчивается коридор и начинается канте.

— Те, что в комнате! — потребовал Джарлак, и с его жезла сорвалась новая молния.

Кэтти-бри призвала Тулмарил в руки и обрушила поток стрел, нацеленный не в ледяных монстров в форме гуманоидов, а на пол вокруг входа в боковое помещение. Большая часть стрел просто вонзалась в лёд, испуская небольшой шар электричества и оставляя трещины, но одна попала в существо, пытавшееся бесшумно и незаметно вытечь наружу.

Энтрери вырвался из ледяной хватки и атаковал поверхность своим красным клинком. Отступая, он выхватил свой кинжал с самоцветом и вонзил его в лёд, охвативший ногу, но дело закончил огненный кнут Зака. Затем оружейник набросился на чудовище, которое поразила стрелой Кэтти-бри.

— Не призывай план огня! — напомнила ему Кэтти-бри, когда оружейник погрузился в безумный танец, вертясь и щёлкая кнутом — оружием, которое прекрасно подходило для битвы с существами из льда.

Один монстр в гуманоидной форме подобрался слишком близко, и Зак съел ему ноги одним разрушительным щелчком кнута. Туловище рухнуло на пол и стало растворяться, но его расколола стрела молнии.

Зак влетел в помещение, поражая всё, что видел — пол, чудовищ, стены. Он даже обрушил ледяной сталактит.

— Новые! — крикнул Энтрери дальше по коридору.

— Бежим! — сказал Джарлак, повернувшись туда, и проследив за его взглядом, Кэтти-бри поняла — весь коридор казался живым от текучих фигур — волн элементарей, водяных чудищ или каких-то странных гибридов между этими двумя существами.

Но бежать они не могли — не было никакой надежды спастись от этого жидкого роя.

— В укрытие! — призвала вместо этого Кэтти-бри и швырнула вниз по коридору своё величайшее огненное заклинание, крохотную горошину пламени.

Она понятия не имела, каким будет результат, или насколько далеко в замкнутом пространстве разойдётся огненный шар, но была вполне уверена, что любой исход будет лучше того, что им грозило сейчас.

Как только она выпустила заклинание, она отвернулась и накинула плащ на голову и плечи. Её, их всех захлестнул горячий ветер.

А затем, так же быстро, как началась, эта стычка закончилась. Воздух был пропитан туманом и странно тих, не считая звука падающих капель. Когда туман рассеялся, четверо друзей — потрясённые, с покрасневшей и горячей кожей — ещё какое-то время держались настороже.

Но больше в тоннеле ничего не двигалось.

— Нам нужно уходить, — сказал Энтрери, напряжённо осматриваясь вокруг, меч и кинжал — готовы к бою. Он взмахнул Когтем Харона, обрушив волну пепла на пол, надеясь, что контраст покажет ему любое движение. — Немедленно!

— Но мы почти на месте, — возразил Джарлакс.

— Читай своё заклинание! — сказал Энтрери, обращаясь к Кэтти-бри.

Она бросила на него любопытный взгляд, затем стала понимать. Человеческий убийца провёл слишком много дней в волшебном коконе, и эти воспоминания явно тревожили его сейчас.

— Оно наготове, — заверила она.

— Я почувствовал это. Вы нет. Эту тварь. Это был не просто лёд. Он был не просто *на* мне. Он просачивался в меня, и говорил мне впустить его.

— Он говорил с тобой? — спросила Кэтти-бри.

Энтрери покачал головой.

— Да. Нет. Я не знаю.

Он выпустил ртом воздух, пытаясь взять себя в руки.

— Знаю только, что больше не хочу такое почувствовать. Никогда.

— Доум'вилль рядом, — настаивал Джарлакс. — Ты почувствовала его с Хазид'хи.

— Вы слышали предупреждения Галаты и остальных, — возразил Энтрери. — Это уже не она. Это...

Он снова посмотрел вниз по коридору, на заново застывающие лужи на полу и струйки воды на стенах.

— Это они.

— Дай мне меч, — сказала Кэтти-бри Заку, и он протянул ей Хазид'хи.

Она устремилась напрямик внутрь оружия, подчиняя меч, заставляя его вспомнить эльфийку, которая некогда им владела.

— Она совсем недалеко, — сказала остальным Кэтти-бри. — Я это чувствую.

— Мы должны проверить, — сказал Закнафейн.

— Они идут, — предупредил Энтрери.

— Сделай это, — сказал Джарлакс Заку, кивая на кнут. — А ты, Кэтти-бри, призови наших союзников. У нас нет выбора.

— Мы можем отступить, — напомнила ему Кэтти-бри, но Зак уже хлестнул своим кнутом и на сей раз проделал брешь на план огня, прочертив в воздухе глубокую горящую полосу.

— Держи заклинание возврата наготове, — сказал ей Джарлакс.

В таком совете она не нуждалась. Она потянулась через магию своего кольца в созданный Заком разрыв и вытащила оттуда элементалей — небольших, но многочисленных — а затем приказала им направиться вниз по тоннелю, где они встретились с приближающейся ордой канте в исходящей паром битве.

Они двинулись дальше. По команде Кэтти-бри Зак открыл новый разрыв, и оттуда появились новые элементали, возглавившие путь. Товарищи следовали указаниям Галаты, на развилках сворачивая направо, и если у них и были сложности с тем, чтобы заметить необитаемых, у мелких огненных элементалей таких сложностей не было — они находили чудовищ, как меткие стрелы, встречаясь с ними в шипящих объятиях.

Как только пламя угасало, щелчок кнута Закнафейна зажигал новое, и Кэтти-бри

отправляла его вперёд.

Пока что Кадиж не пробуждался.

Галата знала, что им давно следовало покинуть это место, но её возражения Аззудонне и другим, желавшим задержаться, были в лучшем случае вялыми, поскольку паладин тоже хотела увидеть, на что способны эти новые друзья с юга. Галата стояла во главе того отряда, который пришёл сюда несколько месяцев назад. Она потеряла два десятка эвендроу, Доум'вилль и троицу орков.

Конечно, это поражение тяжёлым грузом легло ей на сердце.

Она помнила о своей ответственности, а приказы недвусмысленно говорили ей больше не рисковать каллидцами. Они должны были снова надеть лыжи и вернуться к предыдущему разлому, где ожидала остальная часть сопровождающей группы.

Однако их остановили звуки молний, и Аззудонна осторожно повела их назад, к месту первой битвы.

По лежащим на полу овального зала осколкам и тому, насколько гладким был проход впереди — блестящая поверхность со следами таяния от огненного шара — они могли понять, что южане сражались здесь в ужасной битве, а тот факт, что ни одного из них здесь не осталось, говорил, что в этой битве они победили.

— Может быть, они правы и Доум'вилль жива, — сказала Аззудонна, когда Галата напомнила, что нужно уходить. — Может быть, наши потерянные друзья тоже.

— Они одержимы, — ответила Галата. — Мы это знаем.

— Правда? — засомневался Эмилиан. — Нам никогда не приходилось сталкиваться с такой неразберихой в битве.

— Зато мы неоднократно сталкивались с результатом, — напомнила ему Галата.

— Мы будем держаться на безопасной дистанции, — пообещала Аззудонна.

Когда Галата стала колебаться, воительница направилась дальше по тоннелю.

Галата хотела окликнуть её, отругать и приказать вернуться.

Но та последняя битва, в которой она здесь сражалась, те потери...

— Ещё чуть-чуть дальше, — согласилась она. — Но держитесь рядом и будьте готовы бежать.

Я больше никого не потеряю, сказала себе паладин.

Тоннель выходил в широкую область, и ещё не достигнув этой точки, товарищи поняли, что впереди лежит место, описанное Галатой. Кэтти-бри приказала нескольким небольшим огненным спрайтам вернуться назад к четвёрке, чтобы перекрыть тоннель, затем дала Энтрери и Заку знак двигаться дальше. Они продвигались медленно, осторожно, и замерли у входа, осматривая поразительное помещение.

Оно было огромным, как Каскатта, большим пространством примерно квадратной формы. Ледяной потолок располагался очень высоко, почти на таком же расстоянии, как и ледяная стена прямо напротив тоннеля. Справа от них скоро начиналась боковая стена, и помещение предсказуемо — поскольку они находились с правого края ледника — уходило влево. Здесь не было темно, из большой круглой дыры в центре левой стены светили мерцающие огни Весёлых Танцоров — нет, не из дыры, подумала Кэтти-бри, а сквозь тонкий слой прозрачного льда. Как бы там ни было, где-то здесь была брешь, поскольку ветер вздыхал и выл — дыхание великана, возможно, дыхание Кадижа, гулкий и пустой звук,

который придавал огромному залу чувство опустошённости. Замёрзший водопад сверкал посередине противоположной стены, словно его поместили туда для быстрого скольжения вниз с длинного уступа примерно в пятидесяти футах над полом. Может быть, в задней части этого уступа располагались тоннели, из которых на них готово было высыпаться целое войско врагов.

Сам пол был изломанным, с различными слоями сломанных ступеней, или, скорее, неровных и разбросанных плит. Если бы лёд застывшего озера растрескался на части из-за мощных волн, а затем снова застыл, когда волны миновали, он бы напоминал этот пол.

Значительная часть пола, особенно рядом со входом, была усеяна дюжинами сталагмитов. Некоторые были вдвое выше высокого человека.

— *Одержимые?* — спросили пальцы Закнафейна то, о чём они все подумали. Здесь была битва, в которой пала Доум'вилль — хотя, может быть, «пала» было неподходящим словом, потому что если в этих сталагмитах были тела, они наверняка стояли вертикально.

Но судя по всему, что им рассказывали Галата и Аззудонна, это было то самое место.

— Меч, Зак, — прошептал Джарлакс и кивнул в сторону Кэтти-бри, когда Зак оглянулся на него.

Зак протянул ей Хазид'хи, и она немедленно подняла меч перед собой, сжимая его не слишком крепко, так, чтобы он мог найти Доум'вилль среди фигур.

— Вот, — в следующий же миг выдохнула Кэтти-бри, схватив меч покрепче и ткнув им в сторону сталагмита примерно в тридцати футах чуть слева, у скопления нескольких торчащих вверх сосулков. — Это она!

Она вернула Заку меч, и все четверо напрягли глаза в скудном свете, пытаясь разглядеть, есть ли внутри этих колонн различимые фигуры.

Кэтти-бри достала свой лук и призвала стрелу из волшебного колчана. Она прошептала стреле командное слово, чтобы убрать электрические свойства, затем подняла ладонь к наконечнику и посмотрела на Джарлакса.

— Подсвети один, — согласился бродяга-дроу.

Кэтти-бри шагнула глубже в тоннель и отвернулась, затем поместила небольшие чары на наконечник — заклинание света. Она наложила стрелу на тетиву и обернулась, нацелила лук, чуть натянула тетиву и выстрелила. Стрела полетела к ближайшему сталагмиту и вонзилась в лёд.

Друзья ахнули в унисон, поскольку в волшебном свете смогли разглядеть внутри чей-то отчётливый силуэт, скорее всего эвендроу, запертую внутри с поднятыми перед собой руками, словно в тщетной попытке защититься.

— Они все оживут и накинутся на нас? — спросил Энтрери. — Если нет, тогда мы попытаемся освободить всех — или только Доум'вилль?

— Дай меч Кэтти-бри, — сказал Заку Джарлакс. — Отведи нас прямо к Доум'вилль. Решим, если сможем её освободить и она действительно окажется жива.

— Держитесь рядом, — сказала Кэтти-бри, принимая меч. — Я могу мгновенно телепортировать нас отсюда, но радиус действия моего заклинания ограничен.

Она возглавила отряд, следуя телепатическим указаниям Хазид'хи. Энтрери и Зак шли на шаг позади, слева и справа, а Джарлакс — между ними. Бродяга сотворил второе заклинание обнаружения магии из своего жезла, поскольку первое давно закончилось.

Кэтти-бри подалась вправо, набирая расстояние между ними и магически освещённым сталагмитом. Она взгляделась, как и остальные, пытаясь различить, не пошевелится ли

фигура внутри.

Они ничего не увидели, лишь размытый силуэт эвендроу в, по-видимому, последние мгновения её жизни.

Они осторожно прошли вглубь огромного зала мимо новых сталагмитов, направляясь прямо к нужному.

— Зак, готовь свой кнут, — предупредил Джарлак. — Мы не одни.

Чётко определив колонну Доум'вилль, Кэтти-бри повернулась обратно к Заку и протянула ему Хазид'хи. Она достала Тулмарил и наложила стрелу.

И как раз вовремя — позади и справа от неё Зак поднял кнут и щёлкнул им у самого пола. Замерцал рассечённый надвое приближавшийся канте.

— Здесь! — позвал с другой стороны Энтрери, и Кэтти-бри потянулась через кольцо к созданному Заком разлому, но сумела оглянуться налево и увидела танцующего Энтрери, размахивающего Когтем Харона у пола. Красный клинок выпускал стены пепла.

— Хитро, — услышала она слова Джарлакса, когда извлекла сочащиеся сферы живого пламени и приказала им разыскивать монстров из воды и льда.

Орда необитаемых взметнулась вверх, принимая человекоподобные формы — настоящее войско холодных монстров, наступавшее со всех сторон.

Вверх взметнулся Тулмарил, и на чудовищ снова обрушились стрелы молний.

Вверх с громким клёкотом взметнулась огромная призванная птица Джарлакса, бросившись в бешеную атаку, махая крыльями, ударяя клювом и топча врагов своими огромными когтями.

Вверх взметнулся Закнафейн, кувырком отделившись от группы, выигрывая себе пространство, чтобы свободно орудовать кнутом. Он с яростью принялся за дело, хлестая запястьем вперёд и назад, снова и снова опуская кнут на землю перед собой, уничтожая любых подобранных близко чудовищ так, что по сторонам летели капли воды и осколки льда.

И, конечно, появлялись новые разрывы, ведущие на план огня.

Через них Кэтти-бри призвала новых элементалей, поскольку прежние встретились с канте в туманном ударе взаимного уничтожения. Она продолжала стрелять из лука, но сейчас их серьёзно прижали, чудовища появлялись из-за каждой колонны, как будто против них поднялся весь пол этого огромного зала.

— Нам надо уходить! — прокричала она.

— Слишком много, — согласился Энтрери. Кэтти-бри взглянула туда, увидев, как мечутся из стороны в сторону человек и диатрима, сокрушая практически прозрачных врагов. Казалось, Энтрери загнали в угол, и он был слишком далеко для её слова возвращения. Если она прочтёт его, Энтрери останется здесь.

Разряд молнии от Джарлакса выиграл Энтрери немного места, пускай всего лишь на время.

— Сейчас, Джарлак! — крикнул Энтрери, перекатившись мимо пары необитаемых. Он оставил что-то на земле, вскочив на ноги, и в следующий миг Кэтти-бри поняла, когда появился большой, истощённый чёрный жеребец с пылающей огнём гривой.

Энтрери вскочил ему на спину и заставил его отчаянно крутиться и брыкаться. Каждый удар огненных копыт уничтожал ожившего ледяного человека, от каждого толчка по земле вокруг разлеталось пламя и дым.

Гневное ржание позади Кэтти-бри сказало ей, что Джарлак последовал примеру

Энтрери.

Но им нужно было выбираться отсюда, а сейчас они разошлись слишком далеко!

— Сражайтесь! Сражайтесь с ними! — кричал Джарлак. Ударила новая молния, промчалась мимо Знафейна и опутала троицу канте. Охваченных искрами, их было легче различить, и Зак быстро заработал кнутом — три быстрых удара, три уничтоженных врага.

Три из целого легиона.

Энтрери и его конь крутились и прыгали, отчаянно брыкаясь, прямо перед Кэтти-бри, хотя по-прежнему левее. У самого сталагмита, который она подсветила, адский конь вздыбился, повернулся, и ударил двумя копытами, взорвав канте — кошмары казались идеальными врагами подобных чудовищ! — и пробил его насквозь, ударив в этот ледяной нарост.

Энтрери просто двинулся дальше, как будто даже не глядя, а сталагмит треснул и раскололся, и один кусок свалился набок.

— К Доум'вилль! — приказал Джарлак, но затем раздался второй голос.

— Помогите, — умоляла несчастная эвендрю, пойманная внутри сталагмита. Измученная, с обмороженной кожей, она отчаянно потянулась к сражающейся четвёрке, пытаясь вырваться к ним. Однако она до сих пор была скована льдом по грудь и просто безвольно упала через край разбитой колонны, жалко взмахнув руками в воздухе, как будто хотела к ним плыть.

Впереди Энтрери придержал коня и оглянулся, от изумления широко распахнув глаза.

Поскольку на них шла вторая волна, и это были не необитаемые. Они были такого же размера и тоже покрыты льдом, но с дреу внутри. Как ледяные зомби, скользящие и шаркающие.

Кэтти-бри охнула, взглянув мимо Энтрери, мимо одержимых, на ледяной водопад. Она моргнула, пытаясь удостовериться в том, что видит, и пустила в ту сторону серебряную стрелу, чтобы подсветить.

Дюжины, сотни н'диви потекли вниз с этого уступа наверху, спускаясь по водопаду.

Слева и позади завизжала диатрима, и прежде чем услышать крик от Зака с другой стороны, Кэтти-бри едва успела взглянуть на неё, едва успела осознать, что птица примёрзла к земле и вокруг её бьющегося тела образуется новый лёд, пока она напрасно пытается бить крыльями и клювом, чтобы вырваться.

Он тоже примёрз к земле среди толпы монстров. Он бешено, яростно хлестал кнутом вверх и вниз.

Но выстоять они не могли.

— К Доум'вилль! — приказал Джарлак, и он тоже пронёсся мимо Кэтти-бри на своём адском коне, топтавшем копытами всё, что оказывалось рядом.

Кэтти-бри посмотрела мимо Зака на уступ на противоположной тоннелю стене, и там нависла новая угроза, которая заставила её замереть на месте от ужаса.

Наверное, это был слаад — нечто похожее на жабовидного гуманоида, но намного крупнее тех, кого они встречали прежде, огромное и темнокожее, глаза пылают оранжевым демоническим пламенем, пасть широкая и полная острых зубов, и тоже с демоническим огнём внутри, из-за чего голова чудовища казалась похожей на огромный фонарь из тыквы. Оно сжимало большой изогнутый клинок, зазубренный с обеих сторон, который выглядел так, будто одним взмахом способен разрубить всех четверых из них.

— Ко мне! — приказала друзьям Кэтти-бри. — Сейчас же!

Исполин прыгнул с уступа, у него за спиной развернулись крылья летучей мыши, и он заскользил к ним. Были эти крылья из кожи или из мяса? Или просто дымом? Может быть, всё тело демона состояло из дыма? Сквозь тёмный туман Кэтти-бри видела его скелет.

— Знакнафейн! — крикнула она, поскольку исполин приближался с той стороны. Она нацелила Тулмарил, но затем опустила его и вместо этого подняла подвеску в виде единорога.

— Бегите! — услышала она крик Джарлакса и поняла, что он тоже видит демона.

Кэтти-бри прижала подвеску, свой священный символ, к губам и воззвала к Миликки, направляя силу богини. Область вокруг неё озарилась ярким сиянием, божественным светом, жалящим врагов, растворяющим их, ослабляющим. Летящий дымчатый исполин коснулся этого сияния и отпрянул, явно от боли, и Кэтти-бри разрешила себе надеяться, какой бы хрупкой эта надежда ни была. Ведь её яркий свет иссяк, а серый слаад-исполин — остался.

Им нужно было бежать. Кэтти-бри знала, что нужно выбирать.

Она взглянула на Джарлакса и Энтрери, но они были слишком далеко. Как и Зак, но она решила, что сумеет добраться к нему, и прыгнула туда, готовая прошептать слово, готовая отправить себя и оружейника обратно в Каллиду.

Она что-то услышала, только у себя в голове и негромко, и решила, что это имя. Пытаясь опознать звук, она поняла, что это такое — хвастливое объявление о прибытии великого существа.

Йгорл!

Затем второе слово, ей незнакомое, слово, которое она не могла распутать и расшифровать, и не могла отбросить.

Слово, которое оглушило её, запутало, отбросило на несколько коротких шагов назад на подкашивающихся ногах.

Огромный слаад сложился внутрь, его клинок сложился внутрь, вспыхнула чернота — и он исчез, оставив за собой лишь струйку дыма.

Закнафейн что-то кричал ей, но она не слышала. Она видела взмахи его кнута, но не могла дотянуться через кольцо, чтобы призвать элементалей.

Она зашаталась, повернулась и снова увидела огромное чудовище, но теперь — в другом конце помещения, перед ярким прозрачным кругом, через который лился свет Весёлых Танцоров.

В другом конце помещения.

Телепорт?

Но всё казалось бессмысленным, пока в каждой её мысли повторялось это странное непонятное слово, снова и снова выбивающее её из равновесия.

Она увидела Джарлакса на своём коне, который вертелся и бил копытами, уничтожив ещё одну колонну, из которой на пол рухнул орк и постарался странно и жалко встать — его конечности не подчинялись приказам его разума.

Она увидела, как Энтрери поступает точно так же, лёд летит в стороны, с каждым вдохом и с каждым ударом копыт ревёт и плюётся пламя.

И самое главное — она увидела этот огромный силуэт перед большим ледяным кругом вдалеке.

Оглушённая жрица, как зачарованная, смотрела, как поднимается большой изогнутый клинок, затем неожиданно бьёт назад и наружу, разбивая лист льда — тот ломается и

кусками сыпется из стены.

Внутри влетел ветер, и даже со своей волшебной защитой Кэтти-бри ощутила неожиданный укус мороза и уколы ледяной крошки, которую ураганом внесло в огромный зал.

Она не могла вспомнить свои заклинания, не могла вспомнить своё имя.

Она в ужасе смотрела, как ледяной град несётся к Знакфейну, а затем сворачивается вокруг него в небольшое торнадо. На короткий миг он яростно забил кнутом, но затем рука перестала двигаться, когда его сковал лёд. Кнут превратился в клинок сверкающего и шипящего под бесконечным ледяным потоком пламени.

Вокруг него толстым слоем вырос ледяной сталагмит.

Она увидела, как адский конь Джарлакса скачет без наездника, увидела, как Джарлакс падает на землю, затем — сквозь землю под циклоном.

Дальше вертелся и вертелся конь Энтрери, вокруг которого образовалось торнадо, ниже и ниже. Вертелся и вертелся, пока не прекратил, поскольку вместе с наездником превратился в сталагмит, а затем адский конь исчез, и полый нарост осыпался, но восстановился снова — кусок льда, похоронивший рухнувшего Артемиса Энтрери.

Конь Джарлакса пропал, самого наёмника тоже нигде не было видно.

Наконец, оглушающее слово отпустило её, и Кэтти-бри попыталась поднять лук, ведь что ещё могла она сделать? Но он был бесполезен, поскольку сквозь ярость ледяных градин, стучащих вокруг, она даже не видела противоположную стену и дымчатого великана-слаада. Она заметила несчастную эвендроу и орка, до сих пор пытавшихся встать, но пойманных заново ледяными гробницами, и услышала нарастающий рёв злобного ветра, когда градины закружились вокруг неё.

Она выронила Тулмарил на землю. Она попыталась вспомнить свои заклинания, слово возвращения, чтобы убраться отсюда. Но её лицо было сковано, и она не могла издать ни звука. Она попыталась прикрыться, попыталась вырваться из ледяной маски, попыталась схватить всё, что могло бы помочь: свой пояс, стрелу, кошель.

Но она не могла говорить, не могла читать заклинания, и не могла двигаться — она тоже превращалась в сталагмит.

Всё случилось так неожиданно.

Их планы рассыпались так неожиданно.

Они проиграли так неожиданно.

Кэтти-бри хотела закричать, но не могла. Она подумала о своей утрате, о том, что никогда больше не увидит Дзирта или Бри, о том, как глупо было приходить сюда, на север и в это место, вопреки всем предупреждениям эвендроу.

Она хотела снова увидеть Каллиду, пройти по её улицам с мужем и дочерью.

Но такого не будет.

Она вспомнила ещё одного друга, но не смогла даже произнести её имя.

Только... этого и не требовалось.

Вспышки заставляли отряд эвендроу двигаться вперёд, медленно, медленно, но необратимо влекомый их верностью этим четырём чужакам, которые за такое короткое время стали столь дорогими друзьями.

Они слышали ярость боя, треск молний и щелчки кнута Знакфейна, и эта какофония быстро затихала.

Затем раздался рёв ветра, оглушительный и болезненный, и такой, какой уже слышали Галата и Аззудонна.

— *Хватит, нужно уходить,* — беззвучно закричали им поднятые руки Галаты, и паладин схватила Весси, который был ближе всего, и заставила его развернуться назад. Он сопротивлялся до тех пор, пока далеко впереди они не увидели фигуру, большую и тёмную, несущуюся по тоннелю.

Все эвендроу развернулись и бросились бежать, даже Аззудонна, которая бросила последний взгляд назад, пытаясь отыскать Зака и зная в своём сердце, что он пал.

Воительница всё равно не смогла бы обогнать преследователей, но из-за этого промедления она оказалась последней в отступающей группе, и поэтому именно она почувствовала тяжёлый удар сзади, который швырнул её вперёд и вниз, на землю.

Подмятая, оглушённая и побеждённая, она даже не почувствовала столкновения.

Она ощутила, как покидает тело, и её дух взлетает вверх сквозь ледник, выше, выше, в небо. Далеко впереди и внизу она увидела огни Каллиды и оплакала последний прекрасный взгляд на столь любимый ею дом. Она подумала об оставленных друзьях. Подумала о боевых товарищах из Бьянкорсо, о радостях и шрамах, которыми гордилась, о той последней битве и о броске, совершённом при помощи чистой решимости и силы воли — и это тоже показалось ей внетелесным переживанием, подобным тому, что она испытывала сейчас.

Затем она оказалась среди Весёлых Танцоров, мерцающих зелёным, фиолетовым и белым, и казалось, что её дух присоединился к этому ликующему танцу. Магия бурлила и гудела, и это было прекрасно, почти что объясняло неожиданные события каззкальци, силу пятидесяти тысяч голосов, подаренную этому раненому южанину.

Её дух поднимался выше и выше, преодолел северное сияние, устремляясь к луне и звёздам.

Вверх и вверх. Она увидела изгиб Торила, затем шар целиком, но продолжала лететь, без всякого якоря, в небеса, на астральный план.

К её огромной печали, Каллида пропала.

Её друзья пропали.

Бьянкорсо пропали.

Она была уверена, что слышала последние радостные крики каззкальци.

— Это не твоя вина, — сказала Илина Галате, когда они начали надевать лыжи. — Не будь глупой. Аззудонна больше всех настаивала, чтобы мы пошли за ними. Аззудонна сама замешкалась во время отступления, когда ход битвы перевернулся.

— И что это было такое? — спросил Весси. — Это не слаад, не канте и не н'диви.

— Думаю, это была большая кошка, — призналась Галата, качая головой, ведь всё произошло так быстро, и она видела случившееся лишь краем глаза. — Кошка Кэтти-бри.

— Которая нам не враг, — сказала Илина. — Возможно ли, что наша Аззудонна...?

Её голос смолк, и она шмыгнула носом, подобрала палки и оттолкнулась.

Остальные четверо торопливо последовали её примеру. Они выехали из разлома и тут же повернулись так, чтобы ледник оставался справа, и заскользили дальше, не останавливаясь до тех пор, пока не добрались до следующего настоящего разлома и лагеря, где ждала остальная экспедиция.

По приказу Галаты, все — эвендрои, курит, орок и улутиуны — немедленно собрали лагерь и поспешили прочь.

Она потеряла южан.

Теперь она потеряла Аззудонну.

Она не собиралась больше рисковать.

Джарлак сидел в темноте у волшебной стены, под своей огромной шляпой, превратившейся по его приказу в большой, прочный зонтик, ручка которого упиралась в пол между его вытянутыми ногами. Он чувствовал давящий на неё вес, лёд, который заполнил это место позади него, тот же лёд, который обхватывал его вытянутые ноги, и мог лишь

надеяться, что зонтик выдержит натиск.

Вой ветра над ним постепенно затих, оставляя тишину, столь же глубокую, как мрак, и столь же холодную, как лёд.

Он не был до конца уверен, что именно произошло. Что это за волшебные циклоны? Он никогда не встречал сам и не слышал ни о чём подобном.

Он знал только, что потерял друзей и остался один в дыре, закрытой слоем твердеющего льда, с ордами свирепых чудовищ снаружи.

Всё обернулось совсем не так, как он планировал.

Джарлакс терпеть не мог, когда события разворачивались не так, как он планировал.

Аззудонне всё казалось вспышками света и вихрями тьмы. Она чувствовала, будто плывёт сквозь небеса, кружась над миром, который был её домом, не контролируя свои движения и не зная, смерть ли это, жизнь, или нечто посередине.

Она начала падать, но не боялась.

Она вернулась в небо Торила, и оно было светлым, не ночным, и внизу была земля, укрытая снегом, с большими деревьями и вздымающимися горами.

Затем городок, небольшой городок в регионе с лесами и полями, и большой особняк на холме, возвышающийся над остальными зданиями.

Она устремилась вниз, падая туда, но не боялась — до тех пор, пока не достигла крыши, продолжая падать!

Прямо сквозь крышу, но без столкновения.

Дух, сначала бесплотный, а потом — нет.

Аззудонна обнаружила себя сидящей на деревянном полу в небольшой комнате с закрытой дверью прямо перед ней и сидящей рядом большой чёрной кошкой.

Только тогда она поняла, что это Гвенвивар, кошка Кэтти-бри, взяла её в это путешествие, и что она точно не мертва и не является бесплотным духом — по крайней мере, уже.

Теперь она снова была Аззудонной, потерявшей и растерянной.

Большая кошка отвела уши назад и издала длинный, громкий рык.

Эвендрю не знала, что делать.

Через несколько мгновений дверь распахнулась, и появилась человеческая женщина. Изумлённое выражение на её лице сменилось шоком.

Похоже, она была старше Кэтти-бри, с тёмными волосами, и носила шерстяное платье и цветастую шаль.

Гвенвивар рядом с Аззудонной исчезла.

Аззудонна не шевелилась. Она услышала речь в коридоре, мужской голос, но не понимала слов.

— Что такое, Пенелопа?

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Спонсоры перевода: **VyachyNOS, Чусов Андрей, Макс Мазалов, sempai, kettle241, Иванов Сергей, divniyson, Антон Атошин, pretorianec**

Переводчик: **Redrick**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно.:-)

